

63.48 (5)

K-99

И.Л. Кызласов

АЛТАИСТИКА И АРХЕОЛОГИЯ

KAK

1
KHO

В дар от

автора

63.48(5)

К-97

Российская академия наук
Институт археологии

Институт тюркологии

И.Л. Кызласов

АЛТАИСТИКА
И
АРХЕОЛОГИЯ

В Хакасскую республиканскую
библиотеку

Москва
2011

И.Л. Кызласов

2011

ГБУК РХ
"НБ им. Н.Г. Доможакова"

УДК 94+902+39+811.51
ББК 63.2:63.3:63.5:63.4:81.2
К 97

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор филологических наук,
профессор
научный сотрудник

*Д.М. Насилов (МГУ),
В.Ю. Малашев (ИА РАН)*

Автор благодарит Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусид» и его президента *Алия Хасановича Тоторкулова*, посчитавшего нужным принять на себя расходы по изданию этой книги.

Кызласов И.Л.

К 97 **Алтаистика и археология.** — М.: Институт тюркологии, 2011. — 256 с.

ISBN 978-5-4245-0001-5

Особенности культурогенеза тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских народов прослежены в монографии на наиболее консервативном археологическом материале — конструкции жилищ и их обустройстве. Археологические данные отрицают единство происхождения тюрков и остальных народов алтайской языковой семьи, т.е. существующая ныне типологическая близость алтайских языков объясняется длительными контактами народов. Факты археологии не позволяют отнести центральноазиатских гуннов не только к тюркским, но и в целом к алтайским народам.

Все права защищены. Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения автора.

В оформлении книги использованы детали Большой Боярской писаницы (Хакасия, II-I вв. до н.э.) по воспроизведению М.А. Дэвлет (1976).

Оформление переплета и титульного листа Е.В. Орловой.

ISBN 978-5-4245-0001-5

© И.Л. Кызласов, 2011

© Институт тюркологии, 2011

Памяти
Александра
Михайловича
Щербака
(1926-2008 гг.)

АЛТАЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Алтайская теория — понятие сравнительно-исторического языкознания. В лингвистической систематике три группы типологически близких друг другу языков (тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую), а также присоединяемые к ним отдельные корейский и японский, принято называть алтайской языковой семьей, а изучающую их область языкознания — алтаистикой.

Условность этих традиционных наименований обсуждать не нужно. Их историко-географическая заданность порождена не предметом изучения (достоверной историей народов и их языков), а историей самой лингвистической науки и некогда бытовавшими в ней представлениями (Щербак, 1959. С. 51-53; Благава, 1970. С. 134-136; Баскаков, 1981). Речь идет о вызревавших с XVIII в. идеях, которые с первой четверти XIX в., после возникновения методов сравнительно-исторического языкознания, превратили, как полагают, алтаистику в самостоятельную научную область (Насилов, 1978. С. 92, 107, 108; 1981)¹.

Первыми, в середине XIX в., начали именовать вышеуказанные языки алтайскими В. Шотт и М.А. Кастрен, возводя к общей горной прародине, Алтаю, длинный ряд языков Северо-Восточной Европы и Сибири, впоследствии названных урало-алтайскими (Щербак, 1959. С. 51). Таким образом, алтайская гипотеза выделилась из первичных представлений о более широкой урало-алтайской языковой общности. Со временем накопление и конкретизация лингвистических данных привели к обособленному восприятию двух самостоятельных семей: уральских и алтайских языков².

Близость алтайских языков ныне показана настолько подробно и на таком обширном, разнообразном, различном по уровню лингвистического

¹ Ср. совершенно иное, внешне значительно более узкое, а внутренне значительно более ясное этноисторическое понимание алтаистики в современном названии Горно-Алтайского научно-исследовательского Института алтаистики.

² Ю. Немет допускал давнее существование урало-тюркского родства, соответственно разделяя урало-тюркские и монголо-тунгусские языки и древнюю историю их носителей (1963. С. 126-128). Отрицание общности происхождения уральской и алтайской языковых семей в целом обосновывается ныне и принципиальными расхождениями в построении их словоформы (Володин, 2001. С. 131-133).

строая материале, что ее следует считать не правомерной гипотезой, но полноценно обоснованным научным фактом — *алтайской теорией*.

Однако, принимая утверждение о существовании *в наши дни и в не столь отдаленном прошлом* алтайской языковой общности, я не решусь называть входящие в нее языки исторически родственными или даже близкородственными, как это обычно делают многие лингвисты³. В русской речи понятие родства, прежде всего, предполагает единство происхождения. Хотя, оставаясь внутри «семейной терминологии», следует учитывать не только кровное, но и брачное родство. Эта аналогия не случайна, поскольку причины языковых сходств не одинаковы, и лингвисты, отмечая внутреннюю близость алтайской языковой семьи, различно понимают природу этого единства. И, соответственно, по-разному видят время и место его возникновения.

Археологу следует обратить внимание на то, что даже у единомышленников, признающих изначальное генетическое родство алтайских языков, представления о времени распада гипотетического алтайского праязыка колеблются весьма значительно: от начала II века до н.э. до начала I тысячелетия до н.э. или II и III тыс. до н.э. (Тенишев, 1997а. С. 8), а то и до X-VIII тыс. до н.э. и даже палеолита (Андреев, Суник, 1982. С. 27)⁴. В результате этого языкознанием применяется неопределенное во времени (следовательно, и в пространстве) понятие «алтайская эпоха». В тюркологической лингвистической хронологии она обычно сразу сменяется «хуннской эпохой» (Баскаков, 1981. С. 109-111) (начинаемой с III в. до н.э., т.е. прямо увязанной с доступной по хроникам политической историей и географией Центральной Азии).

Подобная ситуация позволяет заметить, что в современной лингвистической науке по отношению к алтаистике *отсутствуют собственные методы* не только абсолютного, но и относительного датирования подобных глубоких процессов. И как следствие — *нет возможности ни достоверно, ни даже основательно-предположительно соотносить конструируемые этапы языкового развития и взаимодействия с конкретными историческими событиями древности и раннего средневековья дописменной поры*⁵.

³ Уходя от этих терминов, иногда говорят о «генетической сопринадлежности» языков (Кормушин, 1990. С. 28) и т.п., что, конечно, не меняет сути дела.

⁴ Ср. мнение О.П. Суника о времени существования общего предка тунгусо-маньчжурской языковой группы, «несколько тысячелетий тому назад отделившегося, как предполагается, от других алтайских языков» (1997а. С. 154, 155). Учтем и расхождения возраста алтайского, индоевропейского, уральского и ностратического праязыков, выдвинутые Е.А. Хелимским (2000. С. 253. Ср. о возрасте алтайских языков — с. 254: «в пределах 1-2 тыс. лет»).

⁵ В тюркологической части серьезные поиски временных пределов на много послужившем поле фонетических переходов проводятся ныне А.В. Дыбо (2007а). Правомерно

Хотя большинство ученых объясняет типологическую близость алтайских языков некогда существовавшим общим для них языком-предком и, следовательно, единими древними корнями народов — носителей этих языков (*алтайская гипотеза*), есть работы крупных лингвистов-алтаистов (В.Л. Котвич, Ю.Немет, Дж. Клосон, Г. Дёрфер, Л. Лигети, Д. Синор, А.М. Щербак, Г.Д. Санжеев, В.И. Рассадин), в которых это объяснение оспаривается или отрицается.

Расхождение языковедов в оценках *алтайской гипотезы* коренится не в различиях сопоставляемых языковых явлений, как о том иногда писали (Баскаков, 1981. С. 29), а в применении разной методики анализа. По мнению Н.З. Гаджиевой (тюрколога с глубоким историзмом мышления) «все противоречия алтайской гипотезы... происходят по двум причинам: 1) нечеткое соблюдение жестких законов сравнительно-исторического метода при реконструкции алтайского архетипа, 2) отсутствие четко выработанной методики при дифференциации исконно генетических и заимствованных корней» (1989. С. 175). Ср.: (Макаев, 1973; Тенишев, 1997а. С. 14, 15), а также (Сухачев, 2008; Гирфанова, 2008).

Названными исследователями языковая близость объясняется не единством происхождения, а давностью и плотностью взаимодействия народов разных языковых групп алтайской семьи. Такое общение постепенно привело к обширным заимствованиям из одних языков в другие речевых элементов, прежде им несвойственных: лексических, фонетических, морфологических, синтаксических (Щербак, 1959; 1970. С. 9-12; 1984; 1994. С. 6, 7, 147-185; 1997; 2005; Клоусон, 1969; Дёрфер, 1972)⁶.

и показательно, что для этой работы избраны свидетельства языковых контактов. Относительная хронология здесь крепка, поскольку зависит от собственно тюркологических материалов, абсолютная же выстраивается по звуковому облику китаизмов, следуя датированным языковым процессам в истории китайского языка, тем самым, по сути привязана к речевым особенностям, изменяющимся медленно, в течение *длительного времени*.

Углубление исторической периодизации за счет введения вслед за пратюркской эпохой огурской, выстраивается филологами, исходя из несомненных ранних стадийальных явлений, сохранных тюркской речью (так называемых р-языков), но вне датированных языковых данных. Следовательно, и отнесение огурской эпохи к VIII-IV вв. до н.э. (Туймебаев, 2008. С. 18) лингвистических оснований не имеет.

⁶ В публикациях указаны основные разработки, выполненные на русском и западноевропейских языках. См. также: (Баскаков, 1981; Кормушин, 1990; Тенишев, 1997а; Гирфанова, 2008). Фундаментальные исследования А.М. Щербака, Дж. Клосона и А. Рона-Таша в области тюркско-монгольских языковых контактов продолжены ныне Ж.К. Туймебаевым (2007а; 2007б; 2008), в исторической части (за исключением «огурской эпохи») опирающимся на теорию Клосона-Кызласова, гармонично выстроенную на данных языка (Clauson, 1973) и культурогенеза (Кызласов Л.Р., 1975а; 1992. С. 147-162) и подтвержденную независимыми от нее экспериментально-фонетическими исследованиями (Наделяев,

Если сводить историческую основу алтайской теории до гипотезы общности происхождения соответствующих групп языков, этих ученых можно именовать антиалтаистами. Ограничиваясь же признанием реальной близости указанных языковых групп, т.е. выделяя алтаистику как сферу языковой систематики, точнее будет сказать, что среди алтаистов есть те, кто отстаивает, и те, кто отрицает алтайскую гипотезу. Последних иногда именуют неоалтаистами (Санжеев, 1975).

Таким образом, на последующих страницах нам следует разделять *алтайскую теорию* и *алтайскую гипотезу*. Стремление же определить поэтапно, как складывалась реально существующая ныне языковая общность во времени и в пространстве, чтобы тем самым ее исторически объяснить — порождает *алтайскую проблему*. Разрешение ее сугубо лингвистическими средствами привело, как мы видели, к формированию двух противостоящих направлений, следовательно, для выяснения истины полезно привлечение данных, лежащих вне языкознания, в иных областях гуманитарной науки. В отношении древности таковы, прежде всего, археологические источники⁷.

Обсуждаемые в этой книге материалы ранее публиковались мною разрозненно и с разной полнотой (Кызласов И.Л., 2005а; 2005б; 2007а; 2008а; 2008б; 2008в; 2008г; 2008д; 2008е; 2008ж; 2009а; 2009б). Работа над сводным текстом привела к новым результатам, развивающим прежние выводы в первоначально неожиданном для самого автора направлении. Корни гуннского культурогенеза оказались не связаны с теми археологическими признаками, которые могут быть отнесены к древностям не только тюркских, но и иных народов алтайской языковой семьи.

1981. С. 15). В самое последнее время обобщил свои многочисленные исследования о контактной природе тюрко-монгольских языковых схождений В.И. Рассадин (2007; 2008; 2010). Источниковедческая ценность его разработок особенно значительна, поскольку основой научных поисков во многом явились обширные лично собранные полевые лингвистические материалы.

⁷ Обладание археологическими знаниями иногда считают признаком современной алтаистики как «самостоятельной лингвистической дисциплины» (Туймебаев, 2008. С. 6), что, конечно же, не раскрывает специфику источниковедческих процедур каждой исследовательской области. Осознание этого давно пришло в иные сферы исторического изучения языков (благодарю Д.М. Насилова, предоставившего мне монографию: Сухачев, 1994). Их представители ныне стремятся поддержать своим опытом и алтаистику (Сухачев, 2008), которая сможет использовать разработки археологии и других наук, лишь выходя за пределы собственно языкознания и становясь комплексной дисциплиной, в сфере которой могут сопоставляться разнородные научные данные. Этот подход и осуществляется мною на последующих страницах.

ГУННСКАЯ ТЕМА В ПРАТЮРКСКИХ ПОИСКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ

*Как все лингвисты он, кажется, тоже убежден
в непогрешимости лингвистических теорий,
что ставит в сильное затруднение нелингвистов,
когда им приходится иметь дело с такими теориями.*

В. В. Бартольд.
Из письма А. Н. Самойловичу.
Турция, 15 июня 1926 г.

В московской академической и университетской лингвистике поиски генетического родства алтайских языков вновь усилились в последние годы⁸. Они тесно связаны с развитием важнейшего направления лингвистической компаративистики — изучением истории алтайской семьи. В этой области наиболее важно выяснить место тюркских и пратюркского языков, учитывая как степень их воздействия на иные языковые группы (монгольскую и тунгусо-маньчжурскую), так и бóльшую древность языковых данных, зафиксированных азиатскими руническими памятниками, начиная с VIII в. Этимологические и семантические реконструкции пратюркской лексики, а на основе ее звуковых изменений — фонетических характеристик языка-основы, ныне активно проводятся на базе алтайской семьи в целом.

Обобщающие разработки сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, издающиеся Институтом языкознания АН СССР / РАН с 1984 г., в объемистом томе, посвященном лексике (1997 г.), переросли сугубо лингвистические задачи и, по выявлению пра-значений обширной группы слов, привели к характеристике природной среды и основных черт древней и древнейшей культуры тюркоязычных народов. Этим внесен новый, весьма ценный вклад в тюркологическую науку в целом.

⁸ Возобновились и, пожалуй, даже обострились дискуссии на эту тему (Vovin, 2005; Dybo, Starostin, 2008). См. также: (Алпатов, 2007). Несогласие с некоторыми результатами поистине титанического труда московских лингвистов над этимологическим словарем алтайских языков (Starostin, Dybo, Mudrak, 2003) деликатно выразили А. Е. Аникин и Е. А. Хелимский (2007. С. 13: тунгусо-маньчжурский вокализм и гармония гласных; 35, 56, 57 сл.: довольно часто — этимология).

Однако кратко изложенные в книге разыскания прародины, хода древнейших миграций и контактов тюркоязычного населения, оказались целиком зависимы от построений исторической науки и привязаны к политическим событиям раннего средневековья по X в. включительно⁹ (Дыбо, 1997. С. 732-734).

Эта зависимость современного тюркского языкознания от построений историков проступила особенно явно и в некоторых разделах общей концепции II и III частей итогового 6-го тома названной лингвистической серии (2006 г.).

Невозможно не воздать дань уважения весьма продуктивно выполненной огромной и крайне трудоемкой работе, осуществленной очень небольшой ныне группой широко эрудированных лингвистов во исполнение основной тюркологической задачи, поставленной еще П.М. Мелиоранским (Тенишев, 2008. С. 15). Той задачи, что решалась в отечественной науке на протяжении пяти поколений. Высоко ценя этот подвижнический труд, затраченный ради развития всех гуманитарных дисциплин тюркологического и близкого ему профиля, я, вполне понятно, говорю сейчас лишь о некоторых значимых для моей темы особенностях этого ценного и многогранного издания.

Хотя вполне очевидно, что необходимые лингвистам твердые данные о речи прошлого можно извлечь только из соответствующих записей, моя задача — помочь пытливым исследователям, коими являются ученые Института языкознания РАН и Российского гос. гуманитарного университета, освободиться от оков, налагаемых вневингвистическими построениями. Ради продуктивных поисков в нашем случае особенно важно преодолеть давление существующих концепций, порожденных политической историей эпохи ранних письменных памятников и внедренных ими представлений об изначальном и якобы единственном хозяйственно-культурном типе степняков, и которые поныне ограничивают современную научную мысль рамками одного лишь кочевниковедения¹⁰.

⁹ Устанавливая верхние временные пределы исследовательница, видимо, также исходила из принятого в лингвистике понятия «древнетюркского времени», начало которого определяют по отсутствию более древних памятников тюркских языков. Применяемое и частью историков, это понятие вне языкознания неверно и по сути, и по форме, поскольку противоречит как конкретно-историческим, так и филологическим стадийным и хронологическим рамкам. Однако, вопреки всему этому (под магией этнонима *тюрк*, не совпадающего по смыслу и употреблению в исторической науке и в языкознании — см. главу 2, раздел 2), термин воспринят многими серьезными лингвистами-тюркологами. См., например: (Дмитриева, 1984. С. 130). Несомненно, что здесь проступает как зависимость историков от лингвистической терминологии, так и зависимость языкознания от построений историков.

¹⁰ Крупные лингвисты иногда готовы увязать само сложение строя тюркских языков с кочевым образом жизни. Сужу по изложенному в статье (Насилов, 2007. С. 242-245).

Скажу сразу: основы культурогенеза, прослеживаемые по археологическим данным (главы 2 и 4), отрицают единство происхождения и раннего развития центральноазиатских гуннов и тюркских народов древности. Археологическое отторжение гуннов от тюркологии *неизбежно принуждает* отыскать все ненадежное и уязвимое в противоположном мнении лингвистов. Вполне понятно, что с моей стороны эта критика может иметь только нелингвистический характер. Вместе с тем, чтобы показать исследователям те особенности их позиций, которые смущают археолога и историка, искренне заинтересованного в успехе лингвистического дела, мне в этом вынужденном разборе придется быть особенно придирчивым и дотошным. И надеяться на понимание как моих изначальных устремлений, так и приводимых аргументов.

1. Трудности размещения прародины в Ордосе

В реконструкции мира пратюрков по данным языка в названном коллективном исследовании заметно выделяется своей изначальной заданностью раздел о растениях. Это проявляется в его заглавии, построении и иллюстрациях. Вопреки научной реальности, полагая, что «существуют надежные исторические сведения о локализации тюркской прародины» и «общепринятая теория» пребывания носителей пратюркского языка во время его распада в предгорьях Саяно-Алтая¹¹, Ю.В. Норманская начинает с подробного рассмотрения письменных и археологических данных, всецело подчиняя их гипотезе «о возможных миграциях пратюрков из Ордоса в Саяно-Алтайский регион» (2006. С. 389 сл.).

Читая эту работу без связи с иной литературой, можно было бы укорить лингвистку в том, что, игнорируя особую методическую сложность выделения археологических культур и весьма серьезные, не одним поколением специалистов осмысленные трудности их последующей увязки

¹¹ Эта удивляющая меня убежденность настолько естественна для Ю.В. Норманской, что исследовательница опирается на нее, поясняя особенность источниковедческой ситуации при поисках прародины иных языковых семей. «В отличие от тюркской прародины, локализация которой была исторически засвидетельствована, — пишет она в недавней работе (2008а. С. 712), — локализация уральской прародины на протяжении последних ста лет [служит — И.К.] темой оживленных дискуссий». В этой фразе огорчает и смешение разных классификационных уровней (т.к. с уральской следовало сопоставлять не тюркскую, а всю алтайскую языковую общность).

Вероятно, сходные представления присущи и ряду других лингвистов. Так, в смысле древней локализации «наиболее проблематичной частью алтайской общности» в отличие от прочих ее составляющих Н.Л. Сухачев считает тунгусо-маньчжурскую языковую семью (2008. С. 314).

с упоминаемыми в анналах народами, она абсолютизирует значение поясных блях V-III вв. до н.э., имеющих единственный зооморфный сюжет, выдвигая их в отличительный признак совершенно неведомого в этническом и языковом отношении населения, именуемого в ранних китайских сочинениях лоуфанями. Однако на деле оказывается, что Ю.В. Норманская целиком доверилась здесь взглядам исследователя древностей раннего железного века (Ковалев, 1999. С. 75-82)¹².

Ареал упомянутых поясных блях, вслед за А.А. Ковалевым, который во многом солидарен с предшествующими трудами (Bunker, 1993; 1997. S. 41-74), наводит Ю.В. Норманскую на мысль о перемещении жителей Ордоса на Саяно-Алтай, как и о влиянии саяно-алтайских традиций (отчего-то в основном пазырыкских) на элитные комплексы Ордоса, что якобы приводит к сложению «религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтайского региона». Эти утверждения не кажутся Ю.В. Норманской ни легковесными, ни противоречащими ее основной идее.

Что касается самих лоуфаней (появляющихся на страницах истории только в IV в. до н.э. и отмеченных в источниках, пожалуй, лишь искусством верховой езды да стрельбы из лука), то нужно знать, что относительно мест их обитания у исследователей китайских текстов нет полной ясности. Дело в том, что одни источники называют Ордос¹³ («земли к югу от Хуанхэ») (Таскин, 1968. С. 28, 51) или только его восточную часть: по обоим берегам соответствующей части излучины (Боровкова, 1990. С. 6, 9; 2001. С. 38, 46), другие — страну за пределами Ордоса, в предгорьях Иньшаня и восточнее, на севере современной пров. Шаньси (Фань Вэньлань, 1958. С. 211; Васильев К.В., 2004. Карта 3; Сыма Цянь, 2002. С. 325, 326). Р.В. Вяткин в этом вопросе не ограничился общим указанием на «северо-западные границы тогдашнего Китая» (Сыма Цянь, 1975. С. 405, прим. 196), определяя земли лоуфаней «к северу от верхнего течения реки Чжишуй», т.е. восточнее Ордоса (Сыма Цянь, 1987. С. 247, прим. 247; 1996. Карта 1; 2002. С. 396, прим. 129. Карта I, кв. Б1). Там, согласно

¹² При сличении публикаций выясняется, что степень этой доверчивости настолько велика, что породила поразительное, весьма редкое в научной литературе явление: во всем этом пассаже текст Ю.В. Норманской (2006. С. 390-396) состоит из строк однажды упомянутой ею статьи А.А. Ковалева, воспроизводимых (вместе с отсылками на литературу, древние сочинения и иллюстрации) без цитатных кавычек. То же присуще и рисункам — без указаний на источник переизданы обе сводные таблицы А.А. Ковалева. Процедура повторена дважды (и дважды одобрена научными редакторами), ибо обсуждаемый текст ранее издавался в том же виде и с теми же иллюстрациями (Норманская, 2005. С. 304-311).

¹³ Ордос — название монгольское и установилось, согласно Н.Я. Бичурину, с начала XVII в. (1960. С. 521).

«Хань шу», позднее располагались уезды империи, связанные с именем лоуфаней (Географический трактат, 2005. С. 74, 99)¹⁴.

Лоуфани не были гуннами: в историческом сочинении «Планы Сражающихся царств», повествующем о событиях V-III вв. до н.э., их отличают от варваров-ху, с которыми они сражаются, будучи подвластны восточному царству Янь (Васильев К.В., 1968. С. 211). В конце III в. до н.э. они вошли в гуннское государство, покоренные Маодунем (Сыма Цянь, 2002. С. 329), но это не меняет сути дела.

Таким образом, нет оснований допускать миграции пратюрок из Ордоса на Саяно-Алтай, как привлекая отдельно взятые древности V-III вв. до н.э., так и весьма предположительно соотнося их с лоуфанями. Еще меньше причин говорить о некоем религиозно-политическом единстве разноплеменного населения этих земель — огромного пространства Центральной Азии и Южной Сибири, многогранного географически, культурно, экономически и этнически.

Рассмотрение допущенных в публикации лингвистики источниковедческих поспешностей и натяжек в разборе сугубо археологических материалов весьма сложной и неразработанной для Северного и Западного Китая эпохи раннего железного века далеко увело бы от нашей темы. Полагаю, что предварять рассмотрение языковых данных выдвиганием столь шаткой историко-археологической гипотезы, вовсе не требовалось¹⁵.

Построение раздела, по моему мнению, указывает и на вполне определенную изначальную заданность производимого в нем лингвистического анализа. Иным, пожалуй, не объяснить переходящий от одной словарной

¹⁴ Стремясь разобраться в хитросплетениях письменных источников, А.А. Ковалев приходит к мысли о переселении лоуфаней в Ордос лишь на рубеже IV-III вв. до н.э. с востока. До конца IV в. до н.э. местообитанием этого народа он считает земли к западу от царства Янь (2002. С. 153-157; благодарю В.Ю. Малашева, указавшего и предоставившего мне эту работу). В связи с этим напомним, что, говоря о вышеупомянутых поясных бляхах, автор называет их ордоскими, беря слово в кавычки, а время изготовления относит к середине V — первой половине III вв. до н.э. (1999. С. 76).

¹⁵ Отданные чужеродной теме страницы (ранее уже издававшиеся — Норманская, 2005), к сожалению, не позволили автору вместить разбор методически значимых для поставленной ею задачи (т.е. важных и для читателя) собственно лингвистических расхождений, возникших между П. Фридрихом и Т.В. Гамкрелидзе с Вяч.Вс. Ивановым при определении индоевропейской прародины по названиям растений (Норманская, 2005. С. 311, 312, прим. 1; 2006. С. 397, прим. 93). Для меня показательным, что относительно иных языковых семей Ю.В. Норманская не позволяет себе прямого разбора археологических данных (хотя не отказывается от фраз «попробуем показать...», что археологический материал...» или «проанализируем тезис о... двух формах колчана», на деле этого, естественно, не делая: 2008а. С. 724). Надо бы напомнить, что археологическое источниковедение, как каждая научная процедура, требует и специальных базовых знаний, и владения специфичными методиками. Без учета этого может возникнуть предельно упрощенное восприятие данных (Норманская, 2008б). Призываю исследовательницу изменить свое отношение к историческим дисциплинам и их исследовательским процедурам.

статьи к другой рефрен, растет ли та или иная порода деревьев в Ордосе. Последний критерий оказывается ведущим даже при отнесении тех или иных дендронимов к пратюркскому лексическому фонду. Есть ли иные причины включать в него территориально ограниченное наименование дуба, отмеченное только для западных тюркских языков и оправданно относимого к кыпчакизмам? А также клена, исключительно западный тюркский языковой ареал которого еще уже дубового (ср.: Дмитриева, 1972. С. 185, 186, 191, 192))¹⁶.

Показательно, что карта взаимного наложения ареалов нужных *видов растений* в этом издании превращена в карту наложения ареалов *их названий*, реконструируемых для пратюркского языка. Распространение полученных лексических данных показано лишь для двух районов (на Саяно-Алтае и в Ордосе), заранее избранных по внелингвистическим критериям (Норманская, 2006. С. 435, карта 7). Добавлю, что в разработках филологов, вопреки необходимому историзму, использованы карты современных, а не древних ареалов растительных и животных видов (Норманская, 2006. С. 399, 400, 420. Карты 1-6; Дыбо, 2006а. С. 783)¹⁷.

Учитывая изложенное, представляется, что исследовательница пришла к заранее определенному, а не, как она пишет, «совершенно неожиданному результату», выраженному, однако, весьма категорично: «Анализ ареалов... однозначно указывает на локализацию прародины тюрков на Ордосе», в чем Ю.В. Норманской обнаружено четкое «соответствие лингвистических и археологических данных» (2006. С. 404, 405, 434). Вывод разделяется А.В. Дыбо (2006а. С. 783; ср.: 2006б. С. 819).

На деле материалы языкознания оказались здесь подчинены давним, но сомнительным построениям ряда историков о тюркоязычности ордосских гуннов и их неведомых предков. Ничем иным не удастся объяснить столь прочную привязку исследований к землям Ордоса. Языковедам, избирательно подходящим к специальной литературе смежных дисциплин, остались неведомы поиски гуннской прародины, проводившиеся вне зависимости от традиционности письменных сообщений по сугубо археологическим признакам погребального обряда. Несмотря на вполне понятную для любого археолога предварительность таких изысканий в условиях малых пригодных для сопоставления серий, укажу для уяснения сложности вопроса, что, начатые в Ордосе, они затем привели С.С. Миняева не в земли лоуфаней, а в лесостепную юго-западную Маньчжурию, в

¹⁶ Былое распространение дуба может быть установлено по палеоботаническим (споропыльцевым) данным, что, однако, крайне сложно в отношении клена, так как его пыльца очень плохо сохраняется в различных отложениях (Смирнова, Турубанова, 2004. С. 122).

¹⁷ Иной подход при выяснении пратюркско-прасамодийских связей см.: (Дыбо, 2007а. С. 136, 137, прим. 97).

долины рек Луаньхэ, Ляохэ и Лаохахэ, на север Ляодунского полуострова (1979; 1985а. С. 76, 77. табл. 2; 1986. С. 44 (карта), 52; 1990а. С. 130; 1994; Давыдова, Миняев, 2008. С. 30). В иных районах Центральной Азии пока не обнаружены памятники раннего железного века, типологически близкие к археологической культуре гуннов¹⁸. В дальнейшем С.С. Миняев развил наблюдения, проанализировав не только археологические данные (показательные особенности погребального обряда и датирующие категории инвентаря), но и противоречия письменных источников (1990б; 2001; Давыдова, Миняев, 2008. С. 29).

В интересующей нас части вывод исследователя однозначен: гунны «появляются в Ордосе после 209 г. до н.э., наиболее вероятно, в 206-202 г. до н.э. во время первых этапов завоевания Маодуня. Нет никаких свидетельств обитания их в Ордосе ранее названного времени» (2001. С. 296). Хотя география известной политической истории гуннов¹⁹ отрицается здесь на недостаточных для меня основаниях — из-за неясностей 110 главы «Ши цзи» (воспринятой по переводам) без привлечения других глав и источников²⁰, ясно, что имел в виду С.С. Миняев: излучина Хуанхэ не

¹⁸ Поиск, разумеется, может вестись по разным чертам погребальной обрядности. Ср., например, обзоры широкого распространения в раннем железном веке известного также и гуннам обычая помещения в головную часть могилы серии черепов домашних животных — в Восточной и Южной Сибири, Центральной Азии, Восточном и Центральном Казахстане (Бейсенов, 1996; Таиров, 2006; Пересветов, 2006). Для определения места и времени возникновения этого своеобразного обряда недостаточно наличных материалов. Ориентироваться на инвентарь еще сложнее. Так, А.А. Ковалев указал на три категории сходных с гуннскими, но более ранних (V-III вв. до н.э.), изделий, происходящих из погребений иной культурной принадлежности (2002. С.176-189). Но автор сам справедливо отметил широкие аналогии костяным накладкам луков, оформление же круговой керамики можно отнести к древнекитайскому влиянию, а происхождение наконечников стрел с расщепленным насадом пока нельзя считать установленным. Надо сказать, что собственная керамическая традиция гуннов была рано замещена ремесленной, заимствованной из Китая (Дьякова, 1993. С. 264-276), что осложняет поиски корней их культуры на этом массовом археологическом материале.

¹⁹ Борьба гуннов с Китаем за Ордос шла не менее века: царство Чжао захватило плоскогорье при Улин-ване, достигнув хребта Иньшань, но с гибелью династии в 222 г. до н.э. еще отец Маодуня — гуннский шаньюй Тоумань отбил эти земли, которые уже в 215 г. до н.э. оказались захвачены войсками Цинь. По смерти Цинь Шихуана в 210 г. Тоумань вновь занял Ордос. Он был снова захвачен Китаем лишь в 127 г. до н.э., на этот раз окончательно (Таскин, 1968. С. 18-29; Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров, 1983. С. 107, 108, 111-121). Указывается и более широкий период овладения гуннами Ордосом: IV-III вв. до н.э. (Крюков, 1986. С. 27), что, как вскоре увидим, ставится под сомнение другими синологами.

²⁰ Ср. главы «Ши цзи», указанные В.С. Таскиным (1968. С. 19, 20), а также первоначальное исключение С.С. Миняевым царства Чжао из соседей сюнну (1990б. С. 151, 152) с последующим его возвратом в этот список (Давыдова, Миняев, 2008. С. 29), надо думать, на основании свидетельств 81 главы названного источника. Скажу, что рассмотрение тех же противоречий в текстах Сыма Цяня убедило китаистку Л.А. Боровкову в том, что гун-

была первоначальным местом обитания гуннов. Не стану рассматривать здесь археологические сложности, связанные с малой изученностью предполагаемого «исходного района сюннских кочевий» (по мысли автора, Северо-Восточного Китая) (2001. С. 297), далее отводя им часть в 4 главе этой книги. Но скажу сразу, что, изучая иные категории древностей, я могу лишь в целом подкрепить пространственные определения искомого в своем деле специалиста-археолога.

Историки Китая считают, что во 2-й половине III в. до н.э. гунны обитали в восточной части Внутренней Монголии (Васильев К.В., 1961. С. 122).

Отдельная тема — соотнесение новейших тюркологических поисков гуннских предков с давней и современной китайской историко-филологической традицией, возводящей гуннов к народу гуифан Иньской эпохи, также обитавшему не на плоскогорьях Ордоса, а, вероятно, восточнее — в северной части провинции Шэньси (Таскин, 1968. С. 7, 10; ср.: Воробьев, 1994. Карта 2). Даже не обращаясь к подробному анализу ситуации (в которой одни специалисты выступают за (Таскин, 1968. С. 10), а другие — против (критическую сводку см.: Васильев К.В., 1961. С. 121), нельзя совсем не учитывать цепи древних этнонимов, увязываемых китайской исторической традицией с прямыми предками гуннов-сюнну: шаньжунь или сяньюнь — шуньвэй — гуифан — сяньюнь и, лишь при династии Хань, — сюнну²¹. Необходимо помнить об этом и тогда, когда алтаисты полагают возможным обратиться к реконструкции первоначального звучания лишь последнего отдельно взятого этнонима ради его рассмотрения в качестве языкового факта (Дыбо, 2007а. С. 103). Учитывая традиции китайской историографии, следует допускать и возможность обобщающего значения имени гуннов-сюнну в отношении ряда степных скотоводческих народов, обитавших в то время к северу от Великой стены.

В целом следует знать, что среди преданий о прародине сюнну, засвидетельствованных китайскими источниками, можно встретить разные географические районы, отнюдь не достоверные, но так или иначе связанные с землями на северо-западе Ордоса уже при Тоумане, со второй половины III в. до н.э. (1990. С. 9, 11; 2001. С. 36-47).

²¹ Написание этих этнонимов по-разному читается китаистами. Имя сюнну (звучащее так при современном прочтении древних иероглифов) впервые известно под 318 г. до н.э. (Васильев К.В., 1961. С. 121), однако, наиболее вероятно ретроспективное его применение Сыма Цянем (Боровкова, 1990. С. 3, 4 (ср. с. 7, 11); 2001. С. 36, 38, 39), поскольку основанные на подлинниках материалы «Чжаньго це» указывают, что этноним сюнну здесь применен ошибочно вместо ицуй (Васильев К.В., 1961. С. 121). Хотя сам Сыма Цянь начинает историю гуннов (сюнну) одновременно с историей самого Китая (Таскин, 1968. С. 165, 166, прим. 31; 1989. С. 29, 162, прим. 1), достоверные сообщения о них в «Ши цзи» появляются лишь во 2-й половине III в. до н.э. (Васильев К.В., 1961. С. 122; Боровкова, 1990; 2001. С. 36).

занные с севером, — даже берега Северного моря (т.е. Байкала) («Сань фу гу ши»: Кроль, 2005а. С. 144). Будем помнить, что историческая география древнего Китая и смежных земель — дисциплина весьма сложная. Прежде всего из-за трудности постижения европейским мышлением не только лаконичных в этом отношении, но и порожденных иным мировоззрением источников, далеко непростых для понимания.

Несмотря на любые личные или коллективные научные убеждения, ради продуктивности поисков важно помнить одно: *все возможности пратюркского выбора никак не следует сводить к одному лишь Ордосу и одним лишь центральноазиатским гуннам.*

2. Сложность определения языка гуннов

Обоснованного определения языковой принадлежности гуннов (как и их европейских тезок — культурно и этнически им отнюдь не тождественных) ныне предложить невозможно. *Для этого попросту отсутствуют необходимые источники.* Оттого и существуют, и множатся в научной литературе разноречивые заявления, на деле лишенные точных данных, т.е. достоверными определениями не являющиеся.

Эта источниковедческая ситуация обоснованно и подробно показана Г. Дёрфером более 35 лет назад (Doerfer, 1973). Уже почти 25 лет существует русский перевод этой работы (Дёрфер, 1986), что позволяет мне, не излагая ее позиций, настоятельно рекомендовать статью заинтересованному читателю. Особо выделю вывод германского алтаиста о *невозможности отнесения гуннов (будь то азиатских или европейских) не только к тюркоязычным народам, но и к народам алтайской языковой общности в целом.*

Начнем с уяснения печального для науки обстоятельства: многие языки, существовавшие в доистории, уже не с чем сравнивать. При изучении как любого периода древности, так и раннего средневековья — отнюдь не только в пределах алтайской проблемы — нам не следует забывать, что до современности не дошли не только отдельные языки того времени, но и целые языковые семьи. Показателен в этом отношении внутрироссийский пример типологически обособленной енисейской языковой семьи. Обширно представленная на топонимической карте Сибири, а по антропологическим данным ее носителей содержащая даже древние южноазиатские компоненты²², она к XVIII в. только узкой полосой уцелела

²² Южные истоки енисейской семьи давно отыскивались на языковом и даже археологическом материале (Топоров, 1990; Вернер, 1990. С. 357). В последнее время вновь актуально указание на возможную близость к кетскому другого изолированного языка —

в среднем течении великой реки, а ныне представлена одними лишь кетями, крайне немногочисленными, да югами, язык которых уже мертв — их всего несколько человек (Дульзон, 1962; 1965. С. 111, 112; Иванов, Топоров, Успенский, 1968. С. 5-9; Гохман, 1982. С. 78, 79; ср.: Старостин, 1982. С. 197-237).

Показателен и другой пример из области хронологически глубокого исторического языкознания. В языке индоиранцев (ариев), существовавшем до их распада на индийскую и иранскую ветви (т.е. ранее примерно определяемого 2000 г. до н.э.), ныне выделяют пласт заимствованной культурной лексики, связанной со строительством, водоснабжением, религией и ее ритуалами, ткачеством, одеждой и т.п. Но установить источник таких обширных заимствований не удается — «ни на один известный науке язык эти слова не похожи» (Лубоцкий, 2010. С. 19-22).

К сожалению, наполненное подлинным историзмом критическое исследование Г. Дёрфера не оказало должного воздействия на отечественных тюркологов: как историков, так и филологов. И те, и другие поныне уклоняются от разбора возражений, обобщенных и выдвинутых этим выдающимся лингвистом²³. Историки в большинстве своем остались в плену внешнего сходства пришедшего с востока европейского и центральноазиатского этнонимов (гунны-хунны)²⁴ и утверждения китайских анналов о происхождении народа тюрков от сюнну²⁵. Во внимание не принимается вся условность традиционного китайского обобщенного политико-географического восприятия варваров, в результате которого историография в описании иноземцев издревле «в

бурушаски, существующего на северо-западе Индии (Володин, 2001. С. 136, 137). Благодарю Д.М. Насилова, указавшего мне на эту публикацию.

²³ У алтаистов, весьма почтительно относящихся к иным исследованиям Г. Дёрфера (Дыбо, 2007а. С. 3, прим. 1) и детально разбирающих иные его аргументы, такое состояние особенно загадочно. Другое дело китаисты-историки: Е.И. Кычанов (1997. С. 6), полагая по-прежнему невозможным решение вопроса об этнической (т.е. языковой) принадлежности гуннов, указывает как на мнение К. Иностранцева (от 1924 г.: «при средствах, которыми мы теперь располагаем»), так и на работу Г. Дёрфера 1973 г. Вместе с тем, сам Евгений Иванович именование шаньюя «танли гуту» воспринимает как передачу тюркского «тенгри кутлуг», а первую часть гуннского чина «гудухоу» («князь второй степени гуду») — «кутлуг» (1997. С. 10, 14, 15). Однако, разрозненные слова, а титулы особенно, не характеризуют язык, в котором они могут быть заимствованными.

²⁴ Среди исследователей европейской истории положение стало меняться. Разграничивая западных и восточных гуннов по археологическим и антропологическим данным, в сфере языкознания они всерьез обратились и к работе Г. Дёрфера (см.: Гиндин, Иванчик, 1994. С. 87, 88).

²⁵ Связь народа тюрков с сюнну, возникнув в письменных источниках ретроспективно, могла быть воспринята и продолжена позднее бытование в самих тюркоязычных обществах близких к Китаю — см., например: (Тугушева, 1986; 1991. С. 17-22). Изучение этого явления — особая тема.

основе своей строилась на том принципе, что каждый народ жил на этом “своем” месте... и племена преемствовали друг другу, выходили одно из другого» (Кычанов, 1980. С. 146) (ср. византийскую, т.е. греческую традицию сохранения этнонимов классической античной поры за сменяющимися на тех же землях народами средневековья)²⁶. Кого только, кроме тюрков, не возводили к сюнну китайские авторы: жуаньжуаней, юйвэней, кумоси, киданей — т.е. народы, по тем же источникам составлявших группу дунху (восточных ху) и бывших, по мнению ряда ученых, монголоязычными (Таскин, 1984. С. 47-52). Поэтому часть синологов, руководствуясь этими указаниями, относит и самих гуннов-сюнну к протомонголам (Воробьев, 1994. С. 24-27, 29, 30, 182-184. Табл. 2).

Лингвистическая литература, сохраняя зависимость тюркского языкознания от исторической науки (включая ее заблуждения) и не считаясь с большим хронологическим разрывом тех разрозненных слов, что привлекаются для сравнения (и часть которых признана заимствованными), продолжает относить язык азиатских и европейских гуннов к тюркским. Статья «Гуннов язык» введена в том «Тюркские языки» академической серии «Языки мира» (Тенишев, 1997б). Утверждение, что центральноазиатские и европейские гунны включали в свой состав множество этносов и языков, среди которых был и тюркский элемент, нельзя считать преодолением источниковедческих сложностей, поскольку в этом случае речь идет лишь о политической, а не об этнической характеристике общества.

Основные лингвистические события, восстанавливаемые для пратюркской и общетюркской эпох, также неукоснительно увязываются языковедами с конкретными событиями политической жизни центральноазиатских гуннов: распад пратюркского единства — с миграцией их части на запад в 56 г. до н.э.²⁷; несовпадение этой даты с глоттохронологической — с разделением гуннов на северных и южных в 48 г. н.э. (с домысливанием их последующего слияния в Казахстане и в Семиречье)²⁸;

²⁶ Воспринятый от письменных источников (восточных и западных) такой взгляд на степную неизменность поныне существует в нашей историографии.

²⁷ Тема распада пратюркского единства, конечно, особая. Замечу лишь, что лингвистическая дата (при которой историко-фонетические данные расходятся с глоттохронологией) для археолога выглядит слишком поздней, поскольку известные древности достоверно тюркоязычных народов на одном лишь Саяно-Алтайском нагорье к рубежу н.э. подходят уже не общим стволом, а, по крайней мере, тремя ветвями, различающимися в культурном отношении.

К слову говоря, археология не отмечает движения собственно гуннской материальной культуры на Запад, а письменность Китая, как известно, знает гуннов на месте еще и в IV-V вв.

²⁸ Сближая события, которые по лингвистическим же данным разделяет, «по крайней мере, три века» (Дыбо, 2006а. С. 776; 2006г. С. 54), исследователи в очередной раз показывают неразработанность в тюркском языкознании методов датирования.

контакт с енисейцами и самодийцами — с завоеваниями Маодуня (Модэ-шаньюя), проходившими в III в. до н.э. (с предложением в угоду этому пересмотреть прасамодийскую глоттохронологию) и т.д. (Дыбо, 2006а. С. 773, 776, 777, 789, 790; 2006г. С. 53, 54; 2007а. С. 66, 75). Возникающие при этом погрешности не останавливают исследователей.

Сложности поисков изначального звучания записанных китайцами чужих для них, не столь многочисленных и разрозненных гуннских слов двухтысячелетней давности хорошо уяснимы при сравнении с подобной более поздней ситуацией. Вдвое меньшим сроком отделен от нас все еще не познанный язык киданей. Определению его типологической принадлежности внутри алтайской семьи и дешифровке оригинальных памятников киданьской письменности поныне серьезно препятствует «незначительное количество отдельных слов, сохранившихся преимущественно в китайских источниках», фонетические иероглифические записи в которых «очень затрудняют восстановление их звучания», а в ряде случаев делают реконструкцию вовсе невозможной по причине искажений звукового облика киданьских слов (Стариков, Наделяев, 1964. С. 9, 10).

Увлеченность идеями тюркоязычности центральноазиатских гуннов породила в нашей науке попытку прочесть по-тюркски единственную зафиксированную «гуннскую» фразу — записанное иероглифами двустышье в 10 слогов, относимое к 328 г. и, согласно источнику, произнесенное буддийским монахом-гадателем Фоту Дэном на языке не самих гуннов, а варваров *цзе*. Умолчание о разборе этой ситуации Г. Дёрфером не избавляет от указанных им сложностей исторической критики китайской историографии даже автора, уверенного в том, что в этом случае мы «одним махом получаем и раннетюркское стихотворение, и доказательство тюркоязычности сюнну (или хотя бы некоторых племен в составе союза сюнну)» (Дыбо, 2006г. С. 55; 2007а. С. 75). О каком союзе сюнну можно, в самом деле, говорить для IV в., когда, согласно «Лян шу», «в период династий Вэй и Цзинь сюнну делились на несколько сотен, даже тысяч кочевий, каждое из которых имело свое название» (Таскин, 1984. с. 47), а династии гуннского рода Лю, создали два самостоятельных государства — Хань и Раннее Чжао (306-328 гг.)? Оба носили военно-феодальный характер и были многонациональны (см. подсчеты населения по народам у В.С. Таскина — 1989. С. 20). Полководец Ши Лэ, происходивший из *цзе* и первоначально бывший союзником гуннов в борьбе с китайским государством Цзинь, уже с 319 г. стал их лютым врагом. Каким образом в этих условиях через речь *цзе* можно постичь язык гуннов-сюнну — загадка²⁹.

²⁹ Это расхождение давно показано. Со ссылкой на работу 1941 г. Г. Дёрфер пишет (1986. С. 74): «как установил Л. Лигети, который тщательно исследовал первоисточник, двустышье вообще написано не на языке сюнну, а на языке ху, а утверждать, что ху и сюнну — это одно и то же, ни в коем случае нельзя».

Но и переступая через все это, возможно ли по фразе IV в. определить язык III в. до н.э.?

Следуя источникам, прекрасный китаист В.С. Таскин был убежден в том, что «цзесцы составляли одно из сюннуских кочевий и выделились из кочевья цянцзюй», т.е. из 19 других кочевий, живших на внутренней территории Китая. Судя по логике построения текста, к гуннскому обществу относилась цзе и синолог Л.В. Симоновская (1974. С. 54). В.С. Таскин же нередко не только приравнивал цзе к гуннам (сюнну), но даже и привлекал к характеристике первых черты культуры вторых («О сюнну, а значит, и о цзесцах Сыма Цянь писал...» и т.п.). Единственную известную фразу, записанную на языке цзе с китайскими пояснениями чуждых слов, Всеволод Сергеевич, не включивший содержащую ее главу 95 в свои переводы из «Цзинь шу», также относил к языку сюнну (Таскин, 1990. С. 6-8, 10, 13, 15, 16, 18, 24, 25, 146; ср.: с. 180, прим. 59). В этом почтенный автор доверился прочтениям двустишия по-тюркски, предложенным рядом тюркологов и разобранных в книге И.Н. Шервашидзе, выдвинувшего также и собственное прочтение. Однако И.Н. Шервашидзе не уделил внимания иным возможностям восприятия древнего текста (лишь упомянув гипотезу Э. Пуллиблэнка о его кетской принадлежности). Ивану Николаевичу остались неизвестными и возражения Г. Дёрфера (1986. С. 3-10)³⁰, и значительно более ранний факт прочтения двустишия по-аккадски, осуществленный со всеми основаниями, но сугубо иронически, ради демонстрации шаткости прочих лингвистических попыток. Утверждается, что для примера вполне подошел бы и эскимосский язык (Дёрфер, 1986. С. 73).

Китаист В.С. Таскин был убежден в тюркоязычности центральноазиатских гуннов-сюнну, как и, сводя этнические отождествления разных эпох, был уверен в тюркоязычности неведомых в лингвистическом отношении динлинов (Таскин, 1968. С. 4, 117, прим. 1; 136, прим. 111; 1990. С. 168, прим. 158)³¹. Исследователь, как многие, считал неслучайным совпадение

³⁰ Последнее удивляет, поскольку Иван Николаевич, по его же словам, пользовался советами весьма осведомленных лингвистов и историков (1986. С. 5, прим. 1, 11), которые не могли не знать работы Г. Дёрфера 1973 г. Так, содействовавшие И.Н. Шервашидзе Д.Д. Васильев и С.Г. Кляшторный подготовили русское издание западных тюркологических разработок, вышедшее в том же 1986 г. и содержащее не только статью Э. Пуллиблэнка «Язык сюнну», но и Г. Дёрфера «О языке гуннов» (1986. С. 71-134). Иную литературу, вышедшую после начала 70-х гг., И.Н. Шервашидзе, издавая книгу, посчитал нужным учесть (1986. С. 10, прим. 2; 11, 119, 120, 126). В отношении других трудов германского алтаиста Иван Николаевич бывает очень внимателен (1990).

³¹ Эти взгляды присущи и некоторым другим авторитетным китаистам (Сыма Цянь, 2002. С. 445, прим. 56). К сожалению, в посмертном издании труда Р.В. Вяткина благородно завершающие большое дело А.Р. Вяткин и А.М. Карапетьянц не сочли необходимым отделить свои суждения от вариантов перевода и мыслей самого Рудольфа Всеволодовича.

троичности деления северных варваров в древнем Китае (сюнну, дунху, сушэнь) с современным лингвистическим членением народов этих земель на тюрко-, монголо- и тунгусо-маньчжуроязычных (Таскин, 1984. С. 4, 55-62). Поэтому попытки лингвистов увидеть в обсуждаемой фразе тюркскую речь явились для синологов значимым доказательством принадлежности самих цзе к гуннам (Таскин, 1990. С. 7). Но источники настолько скудны и сложны, что однозначные суждения здесь вряд ли возможны. Показательно, что в предшествующей работе В.С. Таскин не смешивал цзе с гуннами-сюнну (1989. С. 5, 6, 9, 12, 20). Неслучайно и в дальнейшем мы встретим в обсуждаемом вопросе определенные колебания в позициях даже столь искушенного специалиста.

Вопреки указаниям «Цзинь шу» о происхождении цзе от отдельного гуннского кочевья, прочие данные никак не позволяют отождествлять этих людей с сюнну. Прежде всего, нельзя упускать из внимания, что рассматриваемый исторический период получил в самой древнекитайской историографии наименование «16 царств *пяти* северных племен». В состав этих пяти традиционно варварских для Китая племен цзе входили наравне с сюнну, сяньби, ди и цянами. Следовательно, в отличие от наших современников — историков и лингвистов — народ цзе не приравнивался к сюнну и не рассматривался как их составная часть ни китайцами-современниками, ни осведомленными китайцами-потомками (поскольку «Цзинь шу» составлена к 646 г. по сводке V в. и другим источникам). Постоянное выделение в источниках деятелей народа цзе и связанных с ними конкретных событий и послужило основой для составления В.С. Таскиным свидетельств о цзе в отдельную книгу (1990)³².

Источники свидетельствуют и о том, что в устах древних китайцев, в угоду давней этногеографической традиции, цзе в ряде случаев обобщенно именовались ху или жунами вместе с иными некитайскими племенами. Последнее обстоятельство позволило В.С. Таскину однажды заключить: «шесть варварских племен — это хусцы: сюнну, цзе, сяньби, ди, цяны и

Пример сложности языкового определения народов по источникам предоставляет отнесение в «Синь Тан шу» к потомкам динлинов народа шивэй, особой ветви киданей (Кычанов, 1980. С. 137). Как и шивэй, киданей ныне обычно считают монголоязычными (хотя, и в российской, начиная с Н.Я. Бичурина (1950а. С. 307, 370, прим. 2), и в китайской науке их относят также к тунгусо-маньчжурской по языку или смешанной монголо-тунгусской народности) (Е Лун-ли, 1979. С. 24) (см. далее главу 4, раздел 2). В отношении сложности языковых определений ранних народов по китайским данным показательны поиски весьма искушенного исследователя, отраженные в статье (Clauson, 1960).

³² Следует знать, что «этнним цзе связан с названием местности Цзеши (где они поселились в Китае — И.К.) (современный уезд Юйшэ в пров. Шаньси) и, таким образом, цзе — это лишь географическое определение, а не самоназвание кочевья» (Таскин, 1990. С. 7).

ухуани, ведущие кочевой образ жизни» (1989. С. 20), но в иных случаях китаист не раз отождествлял ху только с сюнну (1989. С. 189, прим. 70; 1990. С. 7). Начиная с «Ши цзи», этот термин, действительно, нередко выступал синонимом сюнну, но всякий раз его содержание следует выводить из контекста и перекрестного сопоставления источников.

Термин ху как наименование скотоводческих племен, живших не только в ордоской излучине Хуанхэ, но и к западу и востоку от нее — от Ганьсуского коридора до Ляодуна, известен со второй половины IV в. до н.э. и, вероятно, сразу, начиная с позднечжоуской традиции, носил обобщенное значение (Васильев К.В., 1998. С. 215, карта; Боровкова, 2001. С. 37-42). Как хорошо известно, так было и в раннем средневековье, когда ху служило в устах китайцев и названием народа тюрков, и ираноязычного населения Средней Азии, более всего согдийцев. Возможно, поначалу слово ху означало «дальний народ» (Боровкова, 2001. С. 38).

Жуны — понятие еще более древнее. Известное уже в эпоху Инь, оно не играло тогда этнонимической роли (Крюков, 1970. С. 39). При обзоре древних письменных источников у китаистов «создается впечатление, что ... термины *мань*, *жун*, *ди* возникли в чжоуское время для обозначения “варваров” вообще», а их связь (как и четвертого термина *и*) лишь с одной из определенных сторон света раннекитайской ойкумены — позднейшее и искусственное нововведение (Крюков, 1970. С. 40, 41). С середины I тыс. до н.э. термин *жун* приобрел этноразличительное значение и первоначально относился к прототибетско-бирманскому населению, бывшему на западных границах Чжоу (в современной провинции Ганьсу и Тибет). Однако очень скоро он превратился в один из четырех терминов китаец-центричного образа мира, будучи связанным не с определенным народом, а с варварами определенной стороны света — западом (Таскин, 1968. С. 7; 1989. С. 226, прим. 49; Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978. С. 275). По «Ли цзи» (сер. I тыс. до н.э.), еще с эпохи легендарной древности «живущие на западе называются жун» (Крюков, 1970. С. 39; Переломов, 1974. С. 19, ср. с. 18, карта; Васильев К.В., 2004. Карты 2, 3). Иными словами и это понятие не было изначально связано с «северными кочевниками»³³.

Однако методически значимо осознавать специфические особенности собственной современной науки. Говоря исключительно точными словами М.В.Крюкова, «если бы ... древние китайцы не связывали *мань*, *и*, *ди* и *жун* с определенными сторонами света, их характеристика вполне удовлетворила бы требованиям, предъявляемым нами к этнической общности, так как в ней мы нашли бы указания на различия в языке, тер-

³³ Показательно, например, отнесение в одной из раннечжоуских надписей племени *сяньюнь* (традиционных предков гуннов) к народам группы *мань* (в дальнейшем обозначавшей южные народы), а не *жун*, как было позднее (Крюков, 1970. С. 40).

ритории, материальной культуре и даже, если угодно, в “психическом складе”» (1970. С. 43). Такова профессионально устанавливаемая цена привычным для нас определениям, должным, однако, восприниматься лишь в качестве конкретных историко-культурных проявлений научной мысли человечества.

Простому говоря, к делу никак не относится то содержание, что мы вкладываем в понятие этнической общности сегодня. Это понимают историки, но в этом от них не должны отличаться и языковеды-алтаисты, вступившие на тропу историко-лингвистических изысканий.

Обобщенное восприятие рассматриваемых терминов в эпоху Ранней Хань явно проступает в докладах Цзя И (200-168 гг. до н.э.) императору Вэнь-ди, воспроизведенных в «Синь шу», где гунны-сюнну охарактеризованы как «люди, у которых лица варваров-ху и внешность варваров-жунов» (Ермаков, 2005. С. 368).

Надо признать, что оба обсуждаемых термина не имели в источниках рассматриваемой эпохи точного значения, а обобщенно именовали многие некитайские народы (ср. особенности карты в излучинах Хуанхэ и Ляохэ — Васильев К.В., 1998. С. 215). Смещение даже таких, к ханьской эпохе скорее уже географических, чем этнических терминов — давняя особенность всей китайской историографии, хорошо осознаваемая современной наукой: «Сыма Цянь (ок. 145 — ок. 85 гг. до н.э. — И.К.), первый создавший в Китае связную историю некоторых сопредельных народов, — по оценке В.С. Таскина (1968. С. 7, 10), — применяет к жившим на севере сюнну не только термин ди, но и жун, и и». Тем самым, великий древний историограф «порвал с традиционным делением соседних с Китаем народов по территориальному признаку», превратив их псевдоэтнонимы, изначально определявшие северных, западных и восточных соседей древнего Китая, в прямых исторических предков гуннов-сюнну.

Несложно заметить, что при описании событий 349 г. и в некоторых иных случаях источник как объединяет ху с цзе, так и выделяет цзе, говоря «хусцы и цзесцы». Когда же речь идет о «шести инородческих племенах», В.С. Таскин сам поясняет: «имеются в виду хусцы, цзесцы, дисцы, цяны, дуани и баские мани» (1990. С. 137, 138, 140, 205, прим. 33, 206, прим. 39), т.е. цзе вновь воспринимаются вполне самостоятельно. Та же позиция местами прослеживается и в предисловии исследователя (Таскин, 1990. С. 8, 10, 13).

В соответствии со сказанным, другие историки-китаисты различают цзе и гуннов. Исследователи считают цзе выходцами из Средней Азии, лишь оказавшимися на Срединной равнине «в процессе “переселения народов”... помимо сюнну, сяньбийцев, цянов и ди». Расселившись в Северном Китае, цзе стали юго-восточными соседями гуннов. В ряде случаев

выходцы из цзе были сторонниками гуннских владык, но особое происхождение этих деятелей всегда оговаривается источниками. Тридцать лет, с 319 по 349 г. в Северном Китае существовало государство цзе — Позднее Чжао, враждебное гуннам³⁴. Особенно значимо, что до событий конца III — начала IV вв. цзе, в отличие от гуннов и прочих «северных варваров», не имели ни политических, ни культурных контактов с Поднебесной и резко отличались от ее населения внешностью и обычаями (Крюков, Малявин, Софронов, 1979. С. 21, 22, 25, 26, 28, 71, 72, 256. Карты 2, 7).

Стоит также обратить внимание на то, что среди северных народов лишь основатель династии Позднее Чжао цзе «Ши Лэ ввел у себя в государстве закон, предписывавший сжигать усопших» или «разрешил, по обычаю, сжигать трупы умерших». Мнению В.С. Таскина о буддийском происхождении обычая (1990. С. 26, 65) — при имеющихся свидетельствах присутствия буддизма в Северном Китае (1990. С. 103, 104, 123, 125, 180, прим. 59) — противостоит фраза источника: «в соответствии с традициями этого народа» (Крюков, Малявин, Софронов, 1979. С. 72). Согласно той же «Цзинь шу», в те времена сожжение умершего считалось у китайцев страшной посмертной карой (Таскин, 1990. С. 126, 143, 147, 207, прим. 54). Погребальные обряды центральноазиатских гуннов со времен Ю.Д. Талько-Грынцевича хорошо известны археологической науке, они также ничего общего не имеют с сожжением мертвых (Руденко, 1962. Гл. I; Коновалов, 1976а; Могильников, 1992. С. 259-263. Табл. 110, 111; Давыдова, 1996).

Нет оснований считать обычным ритуалом цзе и связывать с гуннским похоронным обрядом тайные погребения, совершенные с матерью Ши Лэ и им самим «так, что место захоронения осталось неизвестным», а публично погребались лишь пустые гробы (Таскин, 1990. С. 25, 26, 47, 87). Такие захоронения вполне могли относиться только к конкретному случаю и, в ту бурную эпоху, служить уберению знатных могил от осквернения. В пользу этого свидетельствует совершенное открыто и явно захоронение другого императора из цзе — Ши Цзилуна, того самого, что ради наживы приказал раскапывать «могилы прежних императоров, правителей и мудрецов»; пострадала даже гробница Цинь Шихуан-ди (Таскин, 1990. С. 122, 123).

Что касается собственно гуннских захоронений, то источники ничего не говорят о скрытности обряда, а отмечают лишь его бескурганность («не насыпают могильных холмов и не сажают деревьев») (Таскин, 1968.

³⁴ Датировка недолговечных династий-государств начала IV — первой четверти V вв. (Хань, Чжао, Позднее Чжао, Северная Лян и Ся) по годам несколько расходится у разных китаистов (ср.: Воробьев, 1994. С. 191).

С. 5, 40, 135, прим. 107). Археологам давно хорошо знакомы внешние признаки гуннских могил, действительно принадлежавших не к курганным, а к грунтовым погребениям, на поверхности отмеченным невысокими каменными выкладками (см. главу 3, раздел 2).

Антропологический тип гуннов надежно устанавливается по трем категориям данных. Письменные источники не отличают физический тип народа от китайского, тем самым, в наших терминах, определяя его как монголоидный. Скульптурное изображение попанного конем гунна, установленное близ гробницы победоносного ханьского полководца Хо Цуйбина (140-117 гг. до н.э.) в Маолине также воспроизводит плосколицего монголоида (Imperial, 2006. P. 35. Fig. 5; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 25. Рис. 2)³⁵. Раскопки могильников позволили антропологам Г.Ф. Дебецу, И.И. Гохману, С.И. Руденко и Н.Н. Мамоновой установить принадлежность гуннов к монголоидной расе, к ее так называемому палеосибирскому антропологическому типу (сводку данных и библиографию см.: Могильников, 1992. С. 272, 273). Именно монголоидность центральноазиатского типа служит для антропологов поисковым признаком гуннских захоронений первой половины I тыс. н.э. на востоке Средней Азии (Тур, 1996), хотя этот процесс непросто ввиду недостатка пригодных для сравнения краиеологических материалов, происходящих из Северного Китая и Синьцзяна и относящихся как к этой, так и к предшествующей эпохе.

Будучи выходцами из «Западного края», цзе имели совершенно иную внешность: «глубокие глаза», «высокие носы», «густые бороды». В трагическом 349 г. именно явное расовое отличие цзе от древних китайцев (как

³⁵ Загадочно для меня упорство, с которым С.Г. Кляшторный (и, по-видимому, разделяющий его взгляды Д.Г. Савинов), в угоду фантазии об изображении на узде голов убитых врагов, сопоставляет с обликом гуннов личины деревянных антропоморфных блях пазырыкской культуры, носителей которой исследователь отчего-то неизменно именует юэцжами (Кляшторный, Савинов, 1998; 2005. С. 25; Кляшторный, Султанов, 2000. С. 58-60; Кляшторный, 2002. С. 130-132). Последнее утверждение уже ввело в заблуждение лингвистов (Дыбо, 2007б. С. 93). Анализ хромосом пазырыкских мумий, как известно, показал, что в этих людях текла кровь сибирских аборигенов, наиболее близкая к современным селькупам и кетам, в меньшей степени — к некоторым финно-уграм, например, манси (см. главу 2, раздел 4.3). Не является показателем населения с восточно-иранскими языками и так называемый «звериный стиль», распространенный в степной Евразии. Пример тому — не только пазырыкская на Горном Алтае, но и тагарская археологическая культура на Среднем Енисее.

Стоит отметить, что исследования молекулярной биологии человеческих популяций (этногеномика) позволяют ныне уточнить не только историю конкретных народов, но и, вследствие этого, — казалось бы вполне очевидные ситуации в истории взаимодействия некоторых алтайских языков (Новгородов, 2009а. С. 8-10, 36-38; 2009б. С. 22-24, 176, 177; благодарю Д.М. Насилова, указавшего и предоставившего оба редких издания, тиражом по 100 экз.).

и от монголоидов гуннов) послужило основным признаком в ходе массовой их резни, учиненной по воле нового императора — китайца Жань Миня (Ши Миня) (Таскин, 1990. С. 16, 17, 119, 138; Крюков, Малявин, Софронов, 1979. С. 26, 256, 257). Число жертв достигло 200 000 человек (Барфилд, 2009. С. 174).

Добавлю, что, согласно археологическим находкам, гунны, будучи монголоидами, представляли европеоидными лики устрашающих демонов — служивших, как у китайцев дикий зверь *e шюу*, мифическими хранителями входа в здание (Кызласов Л.Р., 1998б. Рис. 1; 2001. С. 101, рис. 53; 2006. С. 202, рис. 15).

Как видим, для приравнивания *цзе* к гуннам нет никаких серьезных оснований.

Следовательно, даже окажись *цзе* тюркоязычным народом, считать на том основании тюркоязычными и центральноазиатских гуннов будет неверно.

Новая попытка прочтения знаменитого двустигшия по-тюркски оставляет вопросы, которые не обойти серией допущений: предположительными фонетическими толкованиями иероглифической записи чуждой китайцам речи, основанными на реконструкциях пратюркского состояния (относящегося к той ли эпохе?) и предположениях о возможностях его передачи в древнекитайском. Пояснения, данные ответственной в своем деле исследовательницей к полученному ею тюркскому звучанию древнего проридания, не скрывают догадки и допущения разного рода, касающиеся уже сферы самого тюркского языкознания (Дыбо, 2006г. С. 57-60; 2007а. С. 75-80). Велика ли при учете всего этого доля надежности?

О качестве полученных через китайский язык лингвистических реконструкций историку, понятно, судить неловко. Однако, хотя путь фонетистов ему неведом, все же есть сферы, в которых достигнутый языковедами результат должен соответствовать иначе установленным и уже известным реалиям прошлого. И здесь показательны примеры реконструкции древних титулов.

Так, первоначальное высшее гуннского титула «шаньюй» ныне вслед за Э. Пуллиблэнком (публикация 1962 г.) восстанавливают как тюркское «тархан» (Дыбо, 2006а. С. 778, 779; 2006г. С. 58; 2007а. С. 105)³⁶.

³⁶ В картотеке Л.Р. Кызласова существует запись: «Б.И. Панкратов: Шаньюй — термин впервые появился в Шицзи у Сыма Цяня и лишь комментатор, спустя неск[олько] столетий, сказал что надо читать Шань, а сейчас читается и Дань, и Шань. В древности тоже читали Дань. Тогда книги переписывали, и в книги попадало много ошибок. И есть иероглиф Гань, так что надо читать Дань гань = тархан. Этот термин был у киданей: тархан — дворянин». Вероятно, эта запись — результат консультации у Бориса Ивановича, которыми Л.Р. Кызласов, бывая в Ленинграде, пользовался с середины 1950-х гг. (Кызласов Л.Р., 2006. С. 347). Как и в другом случае (Кызласов Л.Р., 2002. С. 75. Рис. 6:

И хотя текст разделяющего это мнение И.Н. Шервашидзе (1990. С. 85, 86), пожалуй, свидетельствует о поисковом характере таких разработок в языкознании, следует сказать: согласно историческим источникам, твердо установлено, что «тархан» — титул с совершенно иным содержанием, указывавший на знать, получившую от правителя привилегии (прежде всего свободы от податей), т.е. именовал определенное общественное сословие. В то время как «шаньюй», что широко известно, согласно Бань Гу (32-92 гг.), «означает “обширный” и показывает, что носитель этого титула обширен подобно небу», т.е. именовал владельца всего обитаемого мира. До разделения и последующего упадка гуннов носить такой титул мог единственный человек. Стоит ли говорить еще и об особой сакральности фигуры шаньюя, «возводимого на престол Небом», «порожденного Небом и Землей, поставленного Солнцем и Луной»? Ничего этого не водилось за тарханами³⁷. Показательно, что последовательно продвигаясь за реконструкциями титулатуры, получаемыми историками китайской речи, мы в эпоху гуннов встречаем кагана, подчиненного тархану (Шервашидзе, 1990. С. 84, 85 — по Э. Пуллиблэнку). Возможно ли, чтобы жизнь слов до такой степени противостояла жизни обществ?

Вполне очевидно, что фонетические допущения не подтверждаются значением слов, хорошо установленным историками³⁸. Будем помнить, что титул «шаньюй» просуществовал до начала V в., когда был заменен в степях на «кагана». Но в исторической и поэтической речи самого Китая он бытовал как почетное звание вождя еще и в XI в. (Таскин, 1968. С. 128, прим. 83) и нигде не связывался с титулом «тархан», уже получившим тогда широкое хождение у соседей Поднебесной.

Надо сказать, что подобные реконструкции древних титулов, осуществляемые лингвистами не только без связи, но и вопреки их установленным реальным историческим значениям, уже были по другому случаю показаны Л.Р. Кызласовым (1984а. С. 59, 60) и мною, в отношении построений столь сведущего лингвиста-синолога как С.Е. Яхонтов,

факсимиле рукописного заключения Б.И. Панкратова), ответ, судя по стилю изложения и прописным буквам транскрипций, был получен письменно. С докладами, посвященными толкованию титула «шаньюй», Б.И. Панкратов выступал неоднократно с 1958 по 1971 г. (Кроль, 1998. С. 28).

³⁷ Мысль о снижении статуса тарханов со временем от верховного правителя до привилегированного лица, как и противоположное суждение о возвышении позиции кагана или тегина к раннему средневековью (Шервашидзе, 1990. С. 84-86), не имеет оснований, поскольку в данном случае одно неподтвержденное предположение опирает на другое такое же.

³⁸ Не относятся к делу звуковые, но не содержательные аналогии из сакского и внешние глагольные подобию из тюркских языков (Дыбо, 2007а. С. 105, 106), демонстрирующие уязвимость такого подхода в целом.

безуспешно исправившего прочтение А.Н. Бичуриным древнехакасского верховного титула *ажо* на *ынал* (*inal*) в результате восстанавливаемой по новой методике раннесредневековой китайской звуковой основы. Мало того, что титул *inal/inäl* никогда не обозначал в тюркоязычном мире верховного правителя (см., например: ДТС. С. 209; Шервашидзе, 1990. С. 81 — мнение Г. Дёрфера), китаистом не было учтено употребление, звучание и содержание титула *ажо* в относящихся к Хакасии русских документах конца XVII — начала XVIII вв., естественным образом, ни в чем не зависящих от исторической фонетики китайского языка (Кызласов И.Л., 1992. С. 69, 70).

Показательно, что, восстанавливая былое звучание того же слова *ажо*, Э. Пуллиблэнк (как до него Цэнь Чжунмянь) пришел к совершенно иному результату. Для него оно «без сомнений является тем же самым, что и аз — имя, обнаруженное в орхонских надписях в связи с киргизами». Понятно, что полученные для одного слова двумя историками китайского языка реконструкции *ынал* и *аз* не имеют между собой никаких звуковых соответствий. И так же, как вывод С.Е. Яхонтова, отождествление Э. Пуллиблэнка неприемлемо с исторических позиций, поскольку этноним *аз* принадлежал населению Северо-Западной Тувы и не имел отношения к «имени правящего рода киргизов» (Pulleyblank, 1965. P. 124).

Оказалось оторванным от прошлой и современной сибирской реальности и мнение историков китайского языка о мифичности этнонима *хакас*, в оригинале, якобы, читающемуся как *кыргыз*. Будь так, отчего названное южносибирскими послами имя вызвало удивление императора и специальные разыскания танских ученых (Бичурин, 1950а. С. 350, 351, 355; Кюнер, 1951. С. 4, 14; 1961. С. 281, 282)? Их не требовал давным-давно знакомый в Поднебесной этноним *кыргыз*, но, в отличие от него, потребовало имя хакасов (*хагас* у Н.Я. Бичурина), до той поры неведомое даже придворным книжникам. Зафиксированные источниками знания средневековой китайской науки противостоят выводам современной лингвистической синологии. В новой и новейшей истории этноним *хакас* сохранился в виде *кахас* у башкир (среди которых значатся и другие саяноалтайские пришельцы — *кыргыз* и *табын*), а на Енисее — у степного большинства современного хакасского народа в стяженной по выпадению согласного форме с долгим гласным: *хаас* (*хааш*) (русское произношение *кач*, *качинцы*), а также у коренных восточносаянских жителей: окинских сойтов и, в виде *хааш*, у основной группы таёжников-тофаларов³⁹. В Туве

³⁹ Это стяжение гласных, судя по окрестным данным, произошло не ранее монгольского времени — ср., например, *ayiz* «рот», *söjük* «кость» в конце XI в. у Махмуда Кашгарского и в первой половине XIII в. у Ахмеда Югнекского (ДТС. С. 21, 511) с современным хакасским *аас* и *сббк* в том же значении.

и в Северной Монголии сюда же следует отнести монголизовавшийся этноним *хаасут* (*хаазут*) (Кызласов Л.Р., 1990). Тем самым, историческая фонетика китайского языка не имеет отношения к существованию этнонима, этапы бытования которого, однако, не могут быть отделены от исторической фонетики тюркских языков. А на самых ранних этапах, неотраженных в письменности, жизнь его, вполне вероятно, уйдет в южносибирские глубины дотюркской речи. Для меня существенно, что ареал современного имени *хаас* и его монголизованного производного *хаасут* фактически совпадает с местами бывшего обитания динлинов, обрисованными древними и раннесредневековыми источниками: от Кузнецкого Алатау на западе до Байкала на востоке (ср. имя оз. Хубсугул, Касагол < Хааса-гол) (Кызласов Л.Р., 1984а. С. 61-63, 131). Вероятно, древнее народное имя имеет субстратное дотюркское (в условиях Саяно-Алтая — докыргызское), скорее, южносамодийское происхождение.

Отходя от титулатуры и этнонимов, остановлюсь и на полностью чуждом сибирскому прошлому объяснении Э. Пуллиблэнка местного слова *кяса* (*qasa*) «железо» через тюркское *каш* (*qaş*) «драгоценный камень» (Pulleyblank, 1990. P. 105). Китаисту, исходящему из тюркоязычности народа, о котором он в данном случае рассуждает, и с этих позиций трактуящему древнехакасскую лексику, проникшую в «Тан шу» («Есть золото, железо, олово. В каждый дождь обычно получают железо, называют его: цзя-ша» — Бичурин, 1950а. С. 352), остались неизвестными сведения о наличии на Енисее метеоритного железа — «небесного дождя», специально собираемого и используемого наряду с рудным, что подробно и недвусмысленно описано в «Тайпинхуаньюцзи» (X в.): «От бурного дождя леденеют деревья, и появляется [железо]. Как только время продлится [т.е. если не искать железо сразу], земля поглощает [его]. Поэтому [оно] отборно и остро. При этом каждый раз, как вслед за небесным дождем люди собирают [это железо], непременно случаются пораженные (ушибленные) и убитые» (Кюнер, 1951. С. 12, 13; 1961. С. 59; Кызласов Л.Р., 1969а, С. 119, 198; 1984а. С. 111). Применение нередкого для Хакасии метеоритного железа, которое ковали в холодном виде, фиксируется археологами с III тыс. до н.э. (афанасьевская культура), когда люди плавки еще не знали (Сунчугашев, 1979. С. 17). Самая знаменитая находка, так называемое «палласово железо», принадлежит уже к XVIII в. Глыба химически чистого, белого, звонкого железа весом более 42 пудов (около 680 кг), изучение которой породило новую науку — метеоритику, была обнаружена в 1749 г. на вершине горы меж реками Убей и Сисим, через 20 верст падающих в Енисей справа. Показательно, что хакасы, издавна знавшие о загадочном для европейских ученых «коме железа», «оный за дар с неба спавший принимали» (Паллас, 1788. С. 566-575).

К сожалению, ошибку Э. Пуллиблэнка восприняла А.В. Дыбо (2007а. С. 97: «магический дождевой камень»). А.М. Щербак, хотя ставил в один ряд древнетюркское *qaḡ* (нефрит) и летописно-реконструированное *qaša*, дал ему верное значение (железо), вслед за предшественниками сопоставив с дагурским (даурским) *kasō ~ kažo* «железо» (2005. С. 59). Занимаясь происхождением дауров, Б.И. Панкратов сближал это слово с киданьским *хэ-чжу/хэ-шу/хо-чжу/хо-шу* и писал (1998. С. 132, 133): «В дагурском же языке железо называется “кас” — словом, неизвестным ни в одном из монгольских, тюркских или тунгусских языков», добавляя в примечаниях: «в финно-угорских языках железо: *косэ* — у томских, *куэсэ* — у карасов, *куэс* — у остяков, *куос* — Кеть, Тым, Нарым». Л. Лигети, П. Аалто и А. Рона-Таш (1974. С. 33, 37) возводили монгольское *qasu* к древнекыргызскому и разделяли мнение В. Шотта (высказанное в 1865 г.) о самодийской природе слова (видя в нем воспринятое уральское заимствование из индоевропейского). Тот же взгляд присущ Д. Синору: архаическое монгольское (*qoḡu*), отмечаемое от киданьского до даурского языков, наравне с сибирскими самоедскими, расценивается как палеосибирское заимствование, изначально неведомое алтайским языкам, но неопровержимо указывающее на многоязычность населения ранних тюркских государств (Sinor, 1990. P. 291). Самодийское определение (сохраняя значение «железо») по фонетическим несоответствиям отверг Е.А. Хелимский (2000. С. 307, 308). Но точна ли в этом избранная им реконструкция? У А. Рона-Таша транскрипция не *qasa* или *qaša*, а *quas*⁴⁰.

Вполне понятно, что историк, неоднократно встречая в историко-фонетических поисках лингвистов курьезы, расходящиеся с установленными прошлыми реалиями, лишается возможности доверять самому избранному методу звуковых реконструкций, производимых через китайский язык.

⁴⁰ Учитывая историю раннесредневековой культуры Центральной Азии, не приходится удивляться заимствованию слова «железо» киданями из субстратного пласта древнехакасского («древнекыргызского») языка. Археологу хорошо заметно особо сильное влияние металлургического производства Саяно-Алтайского государства, быстро разросшегося территориально в IX-X вв. (на стадии археологической туюхтатской культуры), на официальный стиль империи Ляо, прежде всего на аристократическую всадническую амуницию киданей (Кызласов И.Л., 2007в. С. 65, 69, прим. 28). О влиянии древнехакасской металлургии говорит и отмеченное заимствование *qasu* в других монгольских языках. Согласно археологическим находкам, продукция саяно-алтайских металлургов в IX-X вв. на востоке достигала Среднего Амура и повлияла на некоторые формы изделий мохэ.

Кроме того, исследователи малого киданьского письма, бытовавшего с 925 г. по 1191 г., отмечают воздействие на его орфографию рунической письменности, имея в виду орхонское (Wu, 2009. С. 27, 28), которое, однако, тогда в степях уже не употреблялось. Если допущение верно (см., однако: Стариков, Надеяев, 1964. С. 10-12), речь должна идти о влиянии енисейских рун, широко распространившихся в то время.

Все вышеизложенное показывает глубоко зашедшую зависимость изысканий части филологов от построений исторической науки, подчас довольно зыбких. Эта зависимость весьма и весьма огорчительна, поскольку для специалистов иных гуманитарных дисциплин особенно ценны заключения, полученные при сравнительно-историческом анализе собственно лингвистического материала, который невозможно полноценно исследовать методами, применяемыми в других областях знания. Совершенно понятно и то, что языковедам-алтаистам до сих пор не на что опереться, кроме представлений историков, сложившихся на основании письменных источников, — ведь еще не так давно уровень развития археологической науки не позволял получить необходимые данные. Более того, в раннюю пору урало-алтаистики археологический поиск сам поначалу зависел от лингвистики⁴¹.

Однако в последние годы положение в археологии стало меняться. И если в отношении монголистики и тунгусо-маньчжуристики этноархеология (как область этнического определения древностей) по сей день не может, пожалуй, проникнуть в глубь времен, то археологические признаки древних тюркоязычных народов начинают очерчиваться.

Понятно, что археологии не дано собственными средствами проследить не только процессы изменения языка и речи, но даже и более крупные, многообразно проявляющиеся в обществах подвижки этногенеза. Но наша наука занимается анализом культуругенеза в широких временных пределах, а родство материальной культуры может быть обусловлено как единством происхождения, так и результатами контактных воздействий, свойственных конкретным народам. Разрабатывая генезис наиболее устойчивых и консервативных проявлений культуры, можно археологическими методами проверить сравнительно-исторические построения иных гуманитарных дисциплин.

Сопоставить археологические наблюдения с положением алтаистики о единстве происхождения ряда языковых групп, значит, и принадлежавших к ним народов, сегодня, как мы видели, особенно важно. Не следует далее уклоняться и от археологического анализа частного, но важного для дела вопроса — показательных в этом отношении особенностей материальной культуры центральноазиатских гуннов.

⁴¹ Побуждаемые историко-лингвистическими изысканиями М. А. Кастрена, лично произведшего на Енисее раскопки древних памятников в 1847 г., финские археологи, и прежде всего Й. Р. Аспелин, долго стремились подтвердить языковую гипотезу о происхождении финно-угорских народов с Алтая, проводя исследования, как в Европейской, так и в Азиатской России. Однако именно археологический анализ (проведенный А. О. Хайкелем и А. М. Тальгренем) доказал непродуктивность этих «миграционных» взглядов (Salminen, 2003. S. 271).

Глава 2

ПРАТЮРКСКИЕ ЖИЛИЩА

Учитывая разную степень изменчивости составных частей народной культуры, для археологического рассмотрения алтайской проблемы наиболее оправданно обратиться к конструктивным и пространственным особенностям жилищ. Редко что иное в сфере материального быта и культура обладает такой же устойчивостью и консерватизмом.

Наиболее ранние древности, *достоверно принадлежавшие тюркоязычному населению*, ныне известны *только* на Саяно-Алтайском нагорье в Южной Сибири. Будучи пришлыми, они появляются там во II-I вв. до н.э. и затем служат основой для последующих отдельных археологических культур. Эти культуры, в свою очередь, становятся корнем всего местного средневекового развития как в Хакаско-Минусинской, так и в Тувинской котловинах. Тюркоязычность носителей указанных культур подтверждена их связью с памятниками енисейского рунического письма (Кызласов Л.Р., 1960б). Именно на этих средневековых культурах сложились традиционные культуры современных коренных тюркоязычных народов Южной Сибири, изучаемые этнографической наукой. Таким образом, начиная со II-I вв. до н.э., преемственное развитие тюркоязычного населения на Саяно-Алтайском нагорье уже никогда не прерывалось.

Следовательно, изучение древностей этой горной страны необходимо для постижения культуры, некогда объединявшей первоначальных носителей тюркских языков. Именно здесь анализ археологических и письменных памятников, принадлежавших тюркским народам, вычленяет особенно архаичные и общие черты общественной жизни и быта, восходящие к длительной и неведомой эпохе, предшествовавшей появлению тюркоязычных народов не только на арене письменной истории, но и в поле зрения археологической науки. Эти черты далеко отстоят в веках от рубежа нашей эры, поэтому ретроспективно восстанавливаемые явления позволительно именовать пратюркским состоянием.

Названные выше обстоятельства культурной и этнической истории региона использованы мною для поисков изначальных признаков древнетюркских жилищ и реконструкции особенностей пратюркских обиталищ, изложенных в настоящей главе.

На эту работу меня сподвигла Анна Владимировна Дыбо, в 2004 г. пригласившая к совместным исследованиям с лингвистами. Археологические разработки предварительно обсуждались, а затем были изданы (Кызласов И.Л., 2005а; 2008а). Они повлияли на восприятие истории жилища лингвистами-тюркологами⁴². А по завершении работы привели меня самого к пониманию ее антиалтаистской сути. Пришлось продолжить изучение культурогенеза на основе археологических данных, связанных уже с центральноазиатскими гуннами. Полученные результаты изложены здесь в 3-й и 4-й главах. Испытывая глубокое уважение и искреннюю благодарность к инициировавшим эти изыскания лингвистам, я ныне обязан постараться вновь повлиять на их глубинный исторический взгляд, порожденный верой в алтайскую гипотезу изначального единства народов и их языков.

Представляя оговоренные источники, начну с тюркологических аспектов алтайской проблемы, излагаемых в этой главе.

1. Этимологические ориентиры в рунических надписях

Исследования, направленные на историческое осмысление лексики живых тюркских языков, естественно, не всегда в полной мере охватывают данные ранних письменных памятников. Особенно это касается все еще недостаточно изученных азиатских рунических надписей. Однако именно их данные нередко противоречат представлениям, распространенным в гуманитарных науках. Так, этимология основной части лексики военного дела оказалась связана не с изначальной, казалось бы, тюркской конницей и ее знаменитым лучшим боем, а с пехотой, вооруженной копьями (Кызласов И.Л., 1996). К какому времени принадлежит это сохраненное языком состояние, указать пока невозможно, однако, именно оно, по видимому, и отражает пратюркскую эпоху.

Подобным образом, парадоксально в глазах кочевниковедов будет, думаю, выглядеть немногочисленная поселенческая и строительная тюркская лексика азиатских рунических текстов. Этимологически она попадает в общий ряд со специальными терминами исконно оседлых, как

⁴² Ср. (Добродомов, 2006. С. 451, 452; 2008. С. 213-215; Дыбо, 2006в. С. 458, 472, 473; 2008а. С. 236, 238, 239, 243) с предыдущей публикацией (Левицкая, 1997а. С. 485-500), а также глухие отсылки (к сожалению, не всегда сделанные к месту — Дыбо, 2006в. С. 472, 473) на разноплановую монографию Л.Р. Кызласова 1969 г. (Дыбо, 2006в. С. 471, 473, прим. 181, 184; 2008а. С. 262, 263. прим. 25, 27), не включенную в библиографию статьи (Дыбо, 2008а), но упоминавшуюся мною в беседах в связи с комплексом в Сарыг-Булуне (см. главу 2, раздел 6.3). Эти консультации упомянуты по отдельному случаю (Дыбо, 2006в. С. 471; 2008а. С. 261).

принято думать, обществ: такими как шумерское *si* «закладывать (сооружение)» (изначально «насыпать», что восходит к строительству на платформах в низинах Двуречья) (Дьяконов, 1959. С. 121, прим. 4) или славянское *зодчество* (от *зѣд, зѣд* «глина»). Так и *balīq*, в орхонских рунических надписях VIII в. означающее «город» (КТ, б 44; Тон 18, 19; производное *balīqdaqī* «горожанин» — КТ 12)⁴³, признается образованием от *bal* «вязкая глина» (*balīq* в смысле «глина» встречается еще у Махмуда Кашгарского в XI в.). В енисейской эпитафии конца X в. Хемчик-Чиргаки (Е 41, стк. 2) слово «город, резиденция, лагерь», надо думать, намеренно употреблено в двух разных диалектных формах⁴⁴ (может быть, как литературный и разговорный синонимы): *toñ* (Малов, 1952. С. 73, 74) и *toj*. Важно, что обе они производны от слова «глина» (*toj / toñ*) (ДТС. С. 80, 572; Левицкая, 1997а. С. 485; 1997б. С. 374, 375). О том, что в неведомой древности тюркоязычным строителям приходилось иметь дело с глиной (или, по меньшей мере, со стационарными сооружениями), свидетельствует, пожалуй, и глагол *toqī-*. В сутре *Sekiz jükmaḳ* (наделенной колофоном рунического письма) он применен со значением «устанавливать, воздвигать (стену)» при первоначальном смысле «бить, ударять» (ДТС. С. 576; ср. 577: *toqu-* «стучать, ударять, бить»; *toqīš, toquš* «битва, сражение», *toqīš-* «сражаться»; 578: *toquš-* «сражаться»), т.е. исконно, по-видимому, увязывается с глинобитным строительством. Являются ли омонимами глаголы *jar-* «строить, делать, творить» (встречаемый в рунической книге *Irq bitig*) и *jar-* «прикладывать, приклеивать» (ДТС. С. 235) или у них общая этимологическая основа «лепить (глину)»? Так или иначе, в целом представляется наиболее вероятным, что приведенная древняя строительная лексика могла сложиться в условиях открытых ландшафтов и была связана с наземным домостроительством⁴⁵.

Возникающей картине соответствует характерная часть упомянутой древней военной лексики. Не случайно, как замечено Дж. Клосоном, в ранних тюркских текстах «армейская масса постоянно уподобляется

⁴³ Для обозначения надписей азиатского рунического письма используются принятые в тюркологии сокращения (ДТС. С. XXII-XXX).

⁴⁴ Вторая строка памятника Е 41 читается мною по подлиннику так: *t(o)ñl(a)r(i)m : (e)r tojuḳ (ü)č(ü)n : j(e)ti : ašnuqī (i)š(i)m : tašru : t(ü/i)k(ā)ti* : «ради (принадлежащих) мне селений и (личного) городка-ставки, семь прежних моих дел вовне (моих владений) завершились». Не следует ли здесь читать *(i)r tojuḳ*, т.е. «каменный городок»? Разъяснение редких знаков надписи см.: (Кызласов И.Л., 1994. С. 93-98, 117-119. Табл. XXVI, XXXI, XXXII). Парой подчеркнутых букв выражен один рунический знак оригинала. Совершенно иначе воспринимает эту строку И.В. Кормушин (2008. С. 43-46, 55-57).

⁴⁵ Ср., ради показательного примера, праиранское или древнеиранское **kata-*, **xata-* «дом, хижина», этимологически связанное с глаголом **kaṇ-/ *xan-* «копать, рыть» или праиранское **grda-* «дом, жилище», относящееся к индоевропейским **gherdh-* «охватывать, огораживать» (Эдельман, 2009. С. 62).

воде» (Clauson, 1972. P. 77, 324, *bög*-). Так, по отношению к войску в труде Махмуда Кашгарского встречаются образы оазисной ирригационной культуры: *sü bük*- «собрать войско» и *sü aq*- «двигаться войском». Точное содержание глагола *bük*- «запруживать, перекрывать», а буквальный смысл основы *aq*- «течь, истекать» (ДТС. С. 48, 117, 132) (Кызласов И.Л., 1996. С. 80).

Изложенное позволяет археологу усомниться в том, что слово *quryan* (которым вслед живой речи наука именуется остатки монументальных земляных и каменных надгробных сооружений) восходит к глагольной основе *qorya* - «защищать» (Левицкая, 1997а. С. 487). История культуры побуждает соотнести его с глаголом *qur*- «строить, сооружать». Возможно, слово *qoryan* «крепость, укрытие» не составляет фонетической пары ко вполне самостоятельному существительному *quryan*, имевшему общее значение «сооруженное; постройка». Обозначая регулярное архитектурное сооружение, слово *quryan* в этом случае, думается, хорошо семантически соотносимо и с производным значением глагола *qur*- «приводить в порядок» (ДТС. С. 467). Исходя из сказанного, в топониме *Mayi quryan*, упомянутом в надписях Кюль-тегина (строка 48) и Бильге-кагана (строка 31), не обязательно видеть наименование крепости (Мелиоранский, 1899. С. 131, 132; Малов, 1951. С. 42).

В понимании пратюркской культуры современной наукой, по видимому, большое значение будет иметь этимологический анализ не только именной, но и глагольной лексики. При этом не следует заранее ограничивать исследование, исходя лишь из якобы изначальной кочевой культуры тюркоязычного мира. В отличие от индоевропейских культур, сохранивших память о передвижных жилищах не только в арийских преданиях или скифских древностях, но даже и в формулах германского права (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 730), в выявляемых пратюркских пережитках изначальное проступает *стационарное домостроительство*.

Переходя к непосредственной теме работы — возможностям использования археологического материала для воссоздания облика древнетюркских жилищ — приходится сказать, что наука пока не располагает столь древними данными, которые можно было бы надежно соотнести с предками тюркских народов, использовавших глину в качестве обиденного строительного материала. Более того, чтобы не оказаться в плену фантазии, в дальнейшем поиске придется идти лишь по тем путям, которые предоставляет в отношении жилищ этнография тюркских народов.

Необходимо также оговорить два других обстоятельства, определяющих выбор источников исследования.

2. Древнетюркское в истории и археологии

Сегодня слово *тюрки* нередко воспринимается как обобщающий термин. Однако эту роль он, строго говоря, играет только в языкознании, условно обозначая народы, говорящие на родственных, тюркских, языках. Историк должен помнить, что в раннем средневековье, по крайней мере до VIII в., дело обстояло иначе. Тюрками (*türk*) назывался только один из уже многочисленных тогда тюркоязычных народов — а именно создатель Первого и Второго Тюркских каганатов. Другие близкие по языку народы носили иные имена (уйгуры, басмылы, азы, чики, карлуки и т.д.). Народ *тюрк*, объединивший многие (но далеко не все) тюркоязычные и иные по речи народы в огромную евразийскую империю, этим расширил политическое значение своего имени.

Необходимо осознавать также, что, в отличие от языкознания, история и археология, несмотря на частое, обыденное словоупотребление, в точном смысле не могут считать древнетюркской ту эпоху, в которой существовал II Восточнотюркский каганат (681-745 гг.) и которая ныне предоставляет филологии самые ранние, так называемые рунические, памятники письменной тюркской речи. Не подходит для наименования древнетюркским и время существования I Тюркского каганата (552-603 гг.). Историки не относят средневековье, даже раннее (к коему принадлежат оба названных государства), к древней поре: древностью в этой науке именуют период, предшествующий средневековью. Нижняя граница древности теряется в каменном веке, началом же средневековья считают эпоху Великого переселения народов, охватившую Европу с конца IV в. н.э. В это время народ с именем *тюрки* еще не известен истории.

Уясним главное: *появление тюркских народов в истории не связано ни с именем, ни с самим народом тюрк*, оказавшимся на юге, у Китайской стены, на 7 веков позднее — в V в. Неверно, как это бывает, возводить к нему этническую и культурную историю всех древних, средневековых и современных народов, говорящих на языках тюркской группы. Название языковой группы, принятое ныне, — лишь условный термин систематики. Что было бы, введи лингвисты не имена, а номера языковых семей? Важно, что *только внутри лингвистики* понятие *тюрки* имеет обобщающий научный смысл. В истории и археологии, которые занимаются постижением конкретных общественных явлений, событий и культур, *тюрки* — лишь один средневековый народ, носивший это имя.

Ни история, ни археология сегодня не знают пратюркской поры. Но письменные упоминания и археологические памятники, которые полноправно принадлежат к древнетюркской эпохе, существуют. Они не связа-

ны с народом, называвшим себя тюрками, но зато соотносятся с другими тюркоязычными народами. Это китайские свидетельства о народе гяньгуней (кыргызов), начинающиеся с событий гуннской истории самого конца III в. до н.э. (Бичурин, 1950а. С. 50) (сводку и анализ данных см.: Кызласов Л.Р., 1984а. С. 7-30). И это археологические памятники II в. до н.э. — V в. н.э., расположенные в долинах Среднего и Верхнего Енисея, т.е. на землях Хакасско-Минусинской и Тувинской котловин.

В первом случае речь идет о так называемых *тагарско-таштыкском* (по-другому, *тесинском*) переходном этапе (II — середина I вв. до н.э.) (Кызласов Л.Р., 1953. С. 4, 7, 11; 1960а. С. 83-86, 110, 115, 147, 148, 162-164. Рис. 29; Пшеницына, 1992) и последующей *таштыкской* археологической культуре (середина I в. до н.э. — V в. н.э.) (Кызласов Л.Р., 1953; 1960а). А во втором — о *шурмакской* культуре (II в. до н.э. — V в. н.э.) (Кызласов Л.Р., 1958; 1979. Гл. 3). *Более ранних археологических материалов, достоверно увязываемых с тюркоязычными народами, наука сегодня не знает ни в одном из районов мира.* Ранняя тюркизация Горного Алтая пока может быть только намечена и, пожалуй, прежде всего, по мало изученным поминальным памятникам гунно-сарматского времени.

На примере Хакасии и Тувы наука видит и древнее переселение тюркских народов, и распространение их языков. Размножились не новоселы, росло число людей, владевших их речью. Позднее такая тюркизация прошла по всей Евразии, потому тюркоязычные народы ныне столь многочисленны, а в происхождении *каждого из них* велика роль населения, первоначально по-тюркски не говорившего. Отсюда и многообразие антропологического типа тюркских народов. Для наиболее раннего времени эти процессы прослежены к северу от Саян. Кыргызы-гяньгуни, с неведомого юга пришедшие на Средний Енисей, уже при гуннах заняли там господствующие позиции и позднее считали себя преемниками гуннской власти. Обобщая данные летописей (Бичурин, 1950а. С. 350, 351; Кюнер, 1951. С. 4, 5; 1954; 1961. С. 55-60, 281-283) и следуя тонким источниковедческим наблюдениям Л.Р. Кызласова (1984а. С. 20, 21, 24, 52-64), можно заключить, что кыргызы смешались с местными динлинами в новый народ, именовавшийся *хакас*⁴⁶. Археологи видят это смешение двух народов, первоначально различавшихся по языку и культуре. Оно шло во II-I вв. до н.э. на основе двух компонентов (аборигенного — *тагарского*, и пришлого, не получившего специального археологического наименова-

⁴⁶ Подобным образом при смешении пришельцев-ашина с местным населением Алтая, сложился новый народ, называвшийся тюрками, в котором прежний этноним сохранился, как и имя кыргызов на Енисее, лишь за правящим родом. Как и имя хакасов, имя тюрков было ново и непонятно для китайцев (потому возводили его к монгольскому *дулга* «шлем»). Очевидно, оба этнонима перешли к новым народам от прежних жителей При-Саянья и Алтая, языковую принадлежность которых науке еще предстоит установить.

ния), и привело к сложению новой и единой таштыкской археологической культуры, следовательно, и связанного с нею нового народа (древних хакасов). Кыргызы, составили его аристократию, управлявшую на Енисее до первой трети XX в. Имя хакасов, в отличие от этнонима *кыргыз*, до того неведомое китайцам, вызвало специальные разыскания танских ученых (см. главу 1, раздел 2).

Последующие археологические памятники действительно указывают на непрерывное развитие сложившегося к рубежу н.э. населения вплоть до этнографической культуры современных хакасов, принадлежащих к тюркской языковой общности. Промежуточным звеном между названными культурными состояниями и временными пределами являются памятники енисейской рунической письменности, присущие местным древностям середины VIII — второй половины XIII (или XV) вв. (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994).

Самостоятельная *шурмакская* культура Тувы также отличается новыми пришлыми особенностями. Ей присущи черты, в дальнейшем свойственные тюркоязычному населению котловины. Имя носителей *шурмакской* культуры нам неизвестно — ранние китайские источники его, по-видимому, не содержат. Как и на Среднем Енисее, в верхнем течении реки с VIII в. известны аборигенные тюркоязычные надписи. До XI в. они составлены местной разновидностью рунического письма (тувинским вариантом енисейского алфавита), отличавшейся пережитками более древнего верхнеенисейского письма. Надписи отражают фонетическую специфику местной речи (Кызласов И.Л., 2003а. С. 284, 285; 2003б).

Таким образом, только Саянская горная страна содержит самые древние из ныне известных материальные памятники достоверно тюркоязычных народов. И поскольку это население в бассейне как Верхнего, так и Среднего Енисея является *пришлым*, именно здесь существует возможность различить исконные особенности дотюркских (VII-III вв. до н.э.) и древнетюркских (II в. до н.э. — V в. н.э.) культур Саяно-Алтая.

Как видим, состояние источников фактически сужает поставленную нами тему до истории домостроительства на Саяно-Алтайском нагорье.

3. Особенности археологического изучения домостроительства

Археология Южной Сибири традиционно и поныне курганная. С февраля 1722 г. на Среднем Енисее учеными раскапываются погребальные памятники. В этом немалую роль играют исходные позиции так называемого кочевниковедения. Кабинетная терминология накладывает тяжелый отпечаток на движение исследовательской мысли. Так, неверное обозна-

чение обществ раннего железного века «ранними кочевниками» до сих пор не позволяет начать полевое изучение на деле весьма многочисленных поселений земледельческо-металлургической *тагарской* культуры VII-III вв. до н.э. (указания на них см. еще в трудах С.В. Киселева — 1949. С. 146, 148; 1951. С. 251, 252). Такая позиция в полной мере распространяется и на последующий хронологический этап, нередко именуемый «периодом поздних кочевников»: к чему, да и как искать следы кошённых юрт, постоянно переносимых с места на место?

Подобному восприятию способствуют и вполне объективные обстоятельства — отсутствие в Южной Сибири внешних признаков древних и средневековых поселков. Население Хакасско-Минусинской и Тувинской котловин, по-видимому, никогда не жило в укрепленных поселениях. Ни для одной эпохи — от камня до средневековья — несмотря на интенсивные археологические обследования, не отмечено местных городищ с валами и рвами. Если укрепленные поселения и существовали, они не повлияли на естественный рельеф долин, не оставили следов на поверхности. Всякий раз жилые крепости на Енисее сооружались прищельцами — глинобитные стены вокруг Ташебинского дворца возвели гунны в I в. до н.э. (Кызласов Л.Р., 2001. С. 115-120), систему прямоугольных глинобитных крепостей создали в Туве в VIII в. уйгуры (Кызласов Л.Р., 1969а. С. 59-63; 1979. С. 145-158; 1981а), деревянные остроги возвели в Хакасии в XVII — начале XVIII вв. русские. В двух последних случаях стены нередко дополнялись рвами.

Незаметность былых неукрепленных поселений — общее археологическое явление, определяющее в нашей науке особый род древних памятников (селищ). Его не следует связывать с априорной подвижностью населения. Нетрудно предугадать, что со временем от бревенчатой избышки останется такое же ровное место, как и от войлочной юрты.

В межгорных долинах Саяно-Алтая бытовое строительство было, вероятно, всегда и повсеместно наземным и деревянным. Существой здесь когда-нибудь землянки (подобно культурам тайги), мы сегодня знали бы десятки и сотни поселений, как знаем, например, *таштыкские* склепы — коллективные усыпальницы, углубленные в землю. До недавних пор в изучаемых горных землях отсутствовала и традиция возведения обыденных сооружений из камня — монументальные, порою мегалитические, каменные постройки испокон веку были на Енисее лишь культовыми: погребальными, поминальными или космогонически-жреческими (менгиры и древнейшие изваяния). Уже одно это наблюдение вводит и местные горные крепости (*сiве, шiбе* и т.п.) с каменными стенами, бывшие временными убежищами, не только в разряд оборонительного, но и культового зодчества.

Обе названные причины субъективного и объективного свойства, сдерживавшие специальные полевые поиски в Сибири, с ростом числа профессиональных археологов неизбежно изживаются (Мартынов, Алексеев, 1986. С. 65-68). Наиболее успешно поселенческая археология развивается ныне в местных университетских и научных центрах Западной Сибири и Урала. В отношении интересующих нас земель этот процесс в последние десятилетия, хотя и медленно, но также набирает силу.

Прорыв в этом был начат с созданием городской археологии С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой и Л.Р. Кызласовым. Эти исследователи отыскиали и обследовали раскопками в Южной и Восточной Сибири и Центральной Азии дворцовый комплекс гуннского города I в. до н.э., раннесредневековые города и крепости Уйгурского каганата, Древнехакасского государства и Монгольской державы, относящиеся к длительному периоду от середины VIII до XV вв. (Киселев, 1956; 1957; 1958; 1961; Киселев и др., 1965; Кызласов Л.Р., 1959а; 1960в; 1964. С. 67-69, 85-88; 1969а, гл. III, V; 1979. С. 145-188; 1981а; 1981б; 1992. С. 83-90; 1993; 1998а; 1999б; 2001; 2006)⁴⁷.

Поселенческая археология на Енисее сегодня только возникает, раскопки носят случайный характер, объекты по-прежнему специально не отыскиваются. Однако стоит двум-трем специалистам заняться направленным поиском поселений одной эпохи или сплошным обследованием одного района — к примеру, небольших по сибирским меркам земель в излучине Чулыма к востоку от Урюпа — как число обнаруженных *тагарских* и *тагарско-таштыкских* (в первом случае) или разновременных поселений (во втором) превысит сотню (Абсалямов, 1978; Мартынов, Абсалямов, 1988; Красниенко, Субботин, 1997; Субботин, 1998; Красниенко, Краснолуцкий, 1998).

Обрисованная ситуация объясняет специфику археологических источников, привлекаемых для разрешения поставленной здесь темы истории культуры. Относительно малую часть в ней составят результаты раскопок самих поселений и жилищ. В основном это будут погребальные и поминальные памятники. Этнографы давно отмечают у некоторых народов сходство конструкции жилищ и погребальных сооружений (для Сибири см.: Соколова, 1998. С. 184). Однако археологический опыт показывает, что захоронения лишь косвенно передают особенности домостроительства. На раннем этапе надгробная часть воспроизводит образ мира (Кызласов И.Л., 1987; 1989. С. 201-207) и для разработки нашей темы по материалам раннего железного века следует обращаться к подземным могильным сооружениям. Ближе к рубежу н.э. уподоблять жилищам начинают уже наземные погребальные постройки, эта традиция длится до современности.

⁴⁷ См. также сб. «Археологические открытия» (М.) за 1968, 1972-1981 гг.

Важное историко-культурное значение имеет и расположение захоронений на могильнике, поскольку в ряде случаев оно отражает форму поселений (см. далее раздел 9). Необходимость реконструкции древних объектов обязывает привлекать одновременные изобразительные материалы (наскальные рисунки) и, как всегда в археологии, сравнительные данные из местной этнографии.

С них и надо начать, чтобы знать, какие формы жилищ мы отыскиваем среди древностей, и с какой современной тюркской лексикой они увязаны.

Этнографическая наука не создала пока общепризнанной систематики жилищ сибирских народов, хотя располагает не одной фундаментальной разработкой в этой области (Попов, 1961; Соколова, 1998). В силу своей детальности, а также и определенной исходной позиции, эти труды не всегда приложимы к археологическим данным. Имеет смысл воспользоваться значительно более общей народной систематикой жилищ, существующей у самого населения Саяно-Алтая. К тому же, присущая ей терминология объединяет наши задачи с историческими поисками языковедов: ведь живые языки — та среда, в которой и работают этнографы.

Народная классификация жилищ на всем Саяно-Алтайском нагорье (с различиями в национальном наименовании и произношении) позволяет выделить три основных класса стационарных построек. Для простоты текста возьму одну форму каждого слова. По полноте типологической картины это будут хакасские слова: *тура*, *алачик*, *иб*.

4. Дотюркское домостроительство Саяно-Алтая (бревенчатые прямоугольные жилища-тура)

Постройки-*тура* наиболее полно описаны этнографами для хакасов, у которых были весьма распространенным жильем. В своем архаичном (и обобщенном) виде, это — *четырёхугольная, чаще квадратная однокамерная плоскостольная рубленая постройка* (рис. 1).

Отмечается два варианта вязки стен: при первом (более редком) горизонтальные бревна врублены в пазы четырех угловых столбов (так называемый заплот или забирка — рис. 2, 2), при втором они соединяются срубом (рис. 1, 2, 1) (обычно в обло, реже в охряпку)⁴⁸. Указание на площадь жилища-*тура* в литературе встретилось лишь однажды: Ф.Р. Мартин (2004. С. 45: ноябрь 1891 г.) определил стороны его квадрата «почти в 7 м», размер по единственному опубликованному плану составляет 3,2 х

⁴⁸ Русская терминология домостроительства употребляется в основном по обобщающему изданию (Липинская, 1997).

Рис. 1. Традиционные хакасские жилища конца XIX в.: *тура* (слева) и *агас иб* (справа). По Е.К. Ядринцеву (1900. С. 37)

Fig. 1. Traditional Khakass dwellings of the end of the 19th century: *tura* (left) and *agas ib* (right)

3,8 м (рис. 2, 2). Высота стен, судя по изданным иллюстрациям, от 7-8 до 10-12 венцов. Внутри стены конопатились и обмазывались глиной, нередко только по стыкам бревен. Пол в доме был земляной или деревянный, плахи укладывались прямо на землю. Потолочные балки опирались на одну матицу, а крыша была земляная, иногда положенная поверх берестяных полотнищ.

Первоначально окон, вероятно, не имелось — П.С. Паллас указывает световой потолочный люк (Паллас, 1786. С. 450)⁴⁹; пара-тройка прорубленных малых окон (одно против входа, два, «неоткрываемых», напротив очага), появившаяся к моменту этнографических описаний, затягивалась брюшиной или бычьим пузырем. Вдоль стен устраивались полати или лавки. Спали у южной стены, напротив очага. Очаг располагался направо (иногда налево) у двери и был каминного типа (*соол*). Он был или целиком глинобитным, или углублением в полу, обставленным короткими (50-60 см) плахами полукругом (оставляя топку). Над очагом из жердей или плах на обручах устраивалась сужающаяся к отверстию в крыше прямая труба (собственно *соол*) (рис. 1). Весь очаг вымазывался толстым слоем глины, внутренние деревянные части его обычно сгорали⁵⁰ (Martin,

⁴⁹ Сведения о так называемых окнах в срубных гробницах V-III вв. до н.э. см. здесь в разделе 4.2.

⁵⁰ Прочная связь жилища-тура с очагом этого типа привела у хакасов к наименованию и самих бревенчатых домов словами *соол*, *соол тура* или *соол иб* (Патачаков, 1958. С. 62; 1982. С. 32; Бутанаев, 1996. С. 59). От них *соол* в значении «избушка» заимствовано западными бурятами (Рассадин, 2007. С. 87, 88).

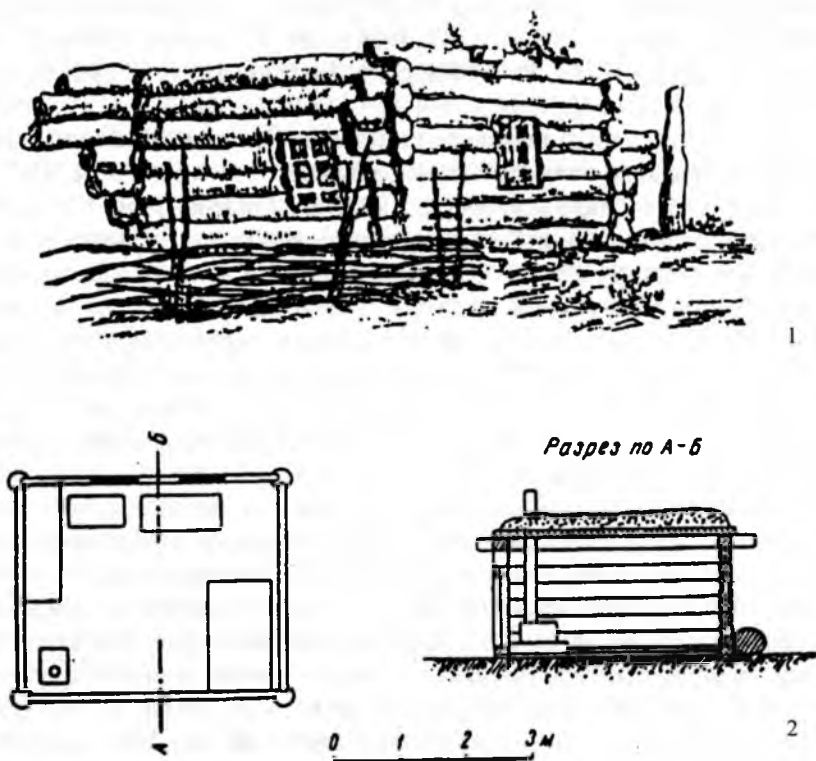

Рис. 2. Внешний вид (1), план и профиль (2) типичных жилищ-тура. Срубная (1) и столбовая (2) конструкция. Конец 40-х гг. XX в. Хакасия. По Ю.А. Шибяевой (1950. Рис. 4 и 5)

Fig. 2. Exterior view (1), plan and side view (2) of the typical *tura* dwellings, with log cabin (1) and pillar frames (2). Late 1940s, Khakassia

Самостоятельное историко-культурное значение может иметь рассмотрение ареала очагов-чувалов. Они присущи хантам, манси, селькупам, кетам, западносибирским татарам, северным алтайцам, шорцам, хакасам, якутам, эвенкам, долганам и айнам, а также башкирам (Попов, 1961. С. 132, 158. Табл. X, 12, XI, 3, 4, 15, XIII, 1, 2; Соколова, 1991. С. 8; 1998. С. 121, 122, 180. Рис. 89). Соответствующую лексику и предположение о субстратном наследии очагов-чувалов в тюркоязычных культурах Сибири с последующим проникновением слова к западным бурятам излагает В.И. Рассадин (2007. С. 87-89). Поселькупски такие очаги называют кор или шогор (Соколова, 1998. С. 22). Последнее слово фонетически, вероятно, может быть сближено с хакасским соол. З.П. Соколова склоняется к южносибирскому происхождению очагов каминного типа (1998. С. 182). Для нашей темы важно, что в жилищах хантов такие печи (тюгал) располагались, как и в доме-тура, у стены справа от входа (Шатилев, 1931. С. 40, 41). К сожалению, типологическая эволюция чувалов, имеющаяся в этнографической литературе, иногда выстраивается без связи с формами жилищ (для Европейской части см., например: Шенников, 2000).

1897; Мартин, 2004. С. 45; Яковлев, 1900. Ч. 1. С. 32, 37 (фото); ч. 2. С. 16-18, № 9, 13, 14; Шибаева, 1950. С. 47, 48. Рис. 4, 5; Потапов, 1956а. С. 394; Патачаков, 1982. С. 32, 33. Рис. 9; Карцов, Быконя, 1993. С. 290. Рис. 28; ИЭХ. С. 58: фото 1894 г.).

Следует сказать, что словом *тура* именовался не только наземный дом, но и бревенчатые землянки, описанные в Хакасии как в середине XIX, так и в середине XX вв. (Яковлев, 1900. С. 29, 30; Шибаева, 1950. С. 47). Это бывали дома, и немного углубленные, и глубокие (в рост человека). В последнем случае над грунтом устраивался сруб в 2-3 венца, удерживавший плоскую крышу. Стены котлована крепились как срубом, так и тесом. Углубленные в землю жилища часто бывали с турлучными стенами (с двойным плетнем, заполненным утрамбованной землей). Несущим каркасом в них служили столбы. По планировке такие жилища, называемые *чир иб* или *чир тура* («земляной дом»), во всем соответствовали наземным *тура* (Патачаков, 1982. С. 31).

Жилища-*тура* в первую очередь подверглись влиянию русского домостроительства, а затем сменились русскими избами, которые также именовались хакасами *тура*. По сей день многие этнографы полагают, что срубное строительство в целом и жилища-*тура* в частности, появились у коренных насельников Саяно-Алтая под влиянием русской культуры. Поэтому жилища-*тура* не привлекали должного внимания и отсутствуют среди самобытных форм наземных и подземных построек, представленных в авторитетных сводных этнографических изданиях (Потапов, 1956а. С. 386; Попов, 1961, с. 151-153, 160. Табл. XX-XXIII; Соколова, 1998. С. 123-127 сл., 141. Табл. XI, XII)⁵¹.

И все же у специалистов, широко и сравнительно изучающих сибирские жилища, перелом в восприятии уже произошел. Тому немало способствовали археологические материалы. Укажу на прямое заключение З.П. Соколовой (1998. С. 205) о том, что народы Амура, Саяно-Алтая и Западной Сибири «овладели срубной техникой еще до прихода в Сибирь русских», ибо это доказывается «как некоторыми типами их срубных жилищ, так и погребениями в срубах в древности». До этого, ограничиваясь этнографическими материалами, исследовательница считала иначе (Соколова, 1991. С. 8, 9).

Однако надо признать, что поныне сохраняют правомерность утверждения томских этнографов: «Навязчивое сравнение с русской избой лишало возможности исследовать местные срубные традиции. В частности не было учтено, что как сам сруб, так и все его основные конструктивные элементы... имели названия из языка местных народов» (Лукина, Бардина, 1994. С. 78). По сей день в самом назывании рубленного дома *тура*,

⁵¹ См., однако, фото хакасского столбового жилища-тура рядом с корьевой пирамидальной постройкой (Попов, 1961. Табл. 15, 2).

нередко усматривают перенос на него хакасского обозначения русских бревенчатых острогов (Том-тура — Томск, Хызылчар-тура — Красноярск, Аба-тура — Кузнецк и т.д.)⁵² и потому даже полагают, «что деревянные дома... по сравнению с юртами... представлялись укрепленными зданиями» (Бутанаев, 1996. С. 49).

Оба предположения — и о позднем заимствовании бревенчатых жилищ-тура, и о возникновении их наименования — умозрительны и чужды истории местной культуры. Отвлекаясь от норм кочевниковедения, легко понять, что ранние русские крепости получили местное наименование тура оттого, что были в глазах автохтонов подобны их собственным бревенчатым квадратным жилищам. По-видимому, термин тура мог быть изначально направлен на русские укрепленные зимовья, оборонительные башни и стены, рубленные городнями и тарасами, да на засыпные клети (Крадин, 1988. С. 14-16, 75. Гл. 5. Рис. 2, 4, 5), а не на тыны острогов.

Отвергаемые утверждения этнографов, по-моему, по природе своей смыкаются со столь же неверными трактовками языковедов. Придание слову тура изначального значения «укрепленное жилище, крепость» и поиск его этимологических соответствий лишь в этом направлении на деле рассматривает производное, а не первичное применение термина. Показательно, что такой подход не охватывает всего круга значений тура в саяно-алтайских языках и, прежде всего, наименования рассмотренного типа обычных мирных жилищ. Можно думать, неслучайно В.В. Радлов, будучи знатоком живых саяно-алтайских реалий XIX в., старался возвести слово тура к нейтральному понятию тур-, не связывая его с оборонительной лексикой (Левицкая, 1997а. С. 486). К тому же склонился и А.М. Щербак (1997. С. 158, 159; ср.: 2005. С. 51). Занимаясь историей фортификации, быть может, полезно изучить вероятность раннего наложения смысла иранизма *tura* на подобозвучащее тюркское слово. А в отношении жилищ рассмотреть и возможность еще более древнего иранского лексического влияния.

Существует, как увидим, и иной путь для поиска исторических корней как самой формы построек-тура, так и, следовательно, их наименования.

Бревенчатые квадратные однокамерные жилища, подобные тура, по-видимому, существовали по всей Южной Сибири⁵³. Так, у тувинцев они

⁵² В современном хакасском языке тура означает и «здание, дом, квартира», и «город».

⁵³ Придавая особое значение сочетанию архаических признаков квадратных наземных срубов Сибири, я указываю здесь лишь на их плоскокровельные разновидности. По систематике З.П. Соколовой эту форму построек можно характеризовать сочетанием Б¹2хп (1998. С. 194, 195), но в классификационной номенклатуре «четырёхугольные в основании» мне не достаёт подразделения на прямоугольные и квадратные.

имели размер 3,5 x 3,5 м, стены без окон, плоскую земляную крышу, земляной пол, отапливались центральным открытым очагом (Соколова, 1998. С. 131). Плоскокровельные избушки, углубленные в землю до половины высоты, были у кумандинцев и челканцев⁵⁴. Сравнимые с *тура* срубные плоскокровельные жилища существовали у чулымцев и западносибирских (прежде всего, томских) татар. Такие срубы знали ханты, манси и селькупы. Показательно, что «черные избы» бурят именовались *тур* или *соол*⁵⁵. Далее к востоку в перечень народов, живших в срубках с плоской крышей, войдут якуты и юкагиры.

Ради правильного понимания слова «тура», к сказанному следует привлечь также свидетельства письменных, топонимических и связанных с ними этнонимических данных. Оседлый быт западносибирских татар вызвал среди тюркоязычных соседей наименование их определением туралыг (букв. «имеющие срубный дом, деревянный город»), ставшим этнонимом (по-русски — туралинцы). Эти люди умели строить города, поэтому уже в XIII в. их реку прозвали Турою (Кызласов Л.Р., 1993, с. 47; 2006. С. 53).

Произведенный обзор позволяет правомерно «выделить область аборигенной срубной техники — юг Сибири...» (Попов, 1961. С. 132; Соколова, 1998. С. 110, 112, 115, 133, 173, 207; Лукина, Бардина, 1994. С. 77).

В жилищах типа *тура* к исконным местным особенностям, выделяемым этнографами, можно отнести следующие черты, значимые для нашего рассмотрения: возможность частичного углубления постройки в землю, небольшой размер и квадратность сруба, его малая высота и однокамерность, отсутствие потолка, плоское покрытие-накат, кровля из бересты и земли (дерна), рубка в охряпку и без паза вдоль бревна, неровные торцы бревен (работа без пилы), внутренняя промазка глиной пазов стен и самих стен, малое окно-два (изначально — их отсутствие), земляной или выстланный плахами пол, нары или лавки вдоль стен (Лукина, Бардина, 1994. С. 80, 81). Добавим сюда чувал сбоку от двери.

⁵⁴ Четырехгранные срубы с двускатной крышей, по-видимому, характеризуют древнюю культуру уральских народов: не случайно они отмечены у манси и хантов, а среди тюркоязычных — только у имеющих соответствующий субстрат шорцев, кумандинцев, челканцев, телеутов, и (без указания на форму крыши) у чулымцев и западносибирских татар (Попов, 1961. С. 132, 133. Табл. 2, 1, 4, 4, 5, 1, 9, 3; Лукина, Бардина, 1994. С. 33-35, 76, 77. Рис. 65, 2). Шорский сруб в 6-7 венцов имел размер 3,5 x 4 м, а его интерьер во всем сопоставим с плоскокровельными *тура*: широкие лавки, врубавшиеся на высоте третьего венца и глиняный очаг-чувал справа от входа. Отверстие для света было в крыше и зимой закрывалось куском льда (Кумеев, 1989. С. 100, 101).

⁵⁵ Распространение и значение слова *тура* в монгольских языках и возможность заимствования слов *тур* и *соол* бурятами из хакасского см.: (Рассадин, 2007. С. 68, 69).

Рассмотрение археологических материалов, к которому мы теперь приступаем, позволяет думать, что не только сама *техника срубного строительства*, но и *жилища-тура принадлежат к очень древнему, дотюркскому, субстратному типу южносибирских построек*. В этом, убеждают как показанный выше ареал этнографических аналогий, так и курганы всех трех основных культур раннего железного века Саяно-Алтайского нагорья, предшествовавших появлению там тюркоязычных народов — *пазырыкской* на Горном Алтае, *уюкской* в Тувинской котловине и Северо-Западной Монголии и *тагарской* в Хакасско-Минусинской котловине. Всем им присущи деревянные гробницы, опущенные в большие ямы.

4.1. Материалы пазырыкской культуры Алтая

Лучше прочих эти специфические постройки изучены в аристократических захоронениях Алтая, в основном относящихся примерно к VI-IV вв. до н.э. Скованные вечными льдами усыпальницы сохранили помещенные в них органические материалы, в том числе дерево.

После раскопок С.И. Руденко и М.П. Грязнова, произведенных в 1927, 1929, 1947-1949 гг. и впервые надежно зафиксировавших погребальные постройки, они, как и прочие деревянные изделия, были тщательно изучены (Руденко, 1953. С. 236-239; Семенов, 1956. С. 217-219). Срубы в могилах были двойные — погребальную камеру окружал несколько больший сруб или бревенчатый навес, установленный на шести мощных столбах (рис. 3). Внешнее сооружение удерживало заполнение погребального котлована, и рассматривать его, говоря о жилищах, мы не будем.

Выяснилось большое разнообразие способов решения одних или сходных строительных задач, требовавших специальных навыков. Вывод специалиста по древним технологиям был вполне определенным: «Техника возведения деревянных камер, судя по всем признакам, основана на большом опыте работы над жилыми постройками», «в могильных постройках заложен в основном большой практический опыт возведения жилищ». С былым домостроительством изначально связывали такие могильные сооружения и археологи (Руденко, 1948. С. 56; 1953. С. 78-80; Грязнов, 1950. С. 59, 60). Они подчеркивали длительность накопления столь развитых плотницких приемов (Руденко, 1960. С. 215). Добавим к древним плотницким умениям специфичную область курганной работы — ограбление гробниц современниками через мастерски проделанные прорубы в бревенчатых стенах, потолках и многослойных

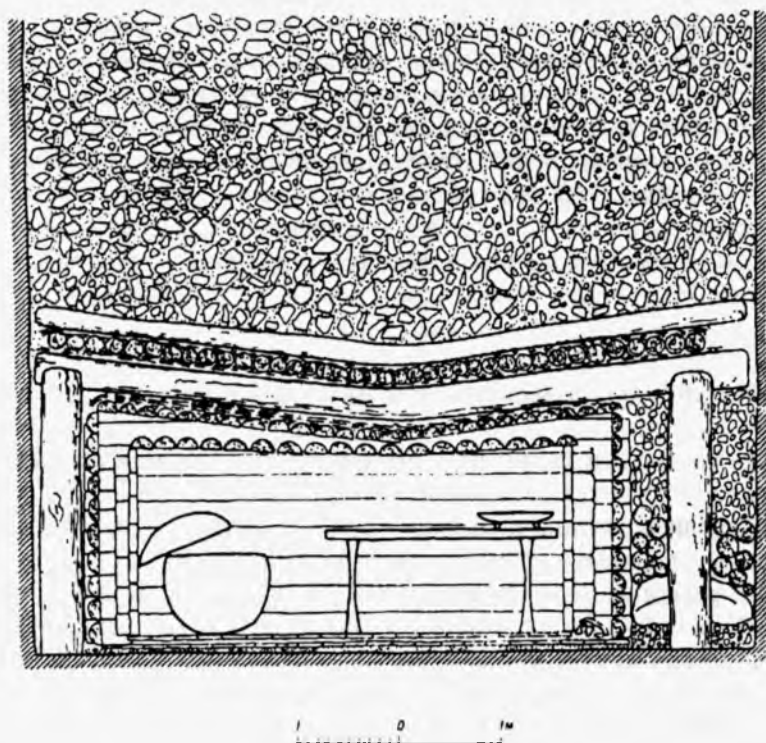

Рис. 3. Разрез могильной ямы первого Туэктинского кургана по линии С-Ю. Слева погребальная колода, справа столик с приношением. По С.И. Руденко (1960. Рис. 54)

Fig. 3. North-South section of the burial pit of the first Tuekta barrow. A pyre (left) and a table with offerings (right)

накатах, заполнявших курганные котлованы (рис. 4) (Руденко, 1953. С. 22-24; Семенов, 1956. С. 224-226).

С.И. Руденко, раскритиковав концепцию «ранних кочевников», обосновано заключил: в то отдаленное время на Алтае, по крайней мере «богатые скотоводы, вне всякого сомнения, жили в бревенчатых, капитально построенных домах» (1960. С. 200). Поскольку реальные жилые постройки, были наземными, их остатки с большим трудом и только при намеренных, упорных изысканиях могут быть в будущем отысканы археологами на местах давних поселений.

Использование для могил подлинных жилых срубов, заподозренное недавно в отношении Первого Пазырыкского кургана (Полосьмак, 2001.

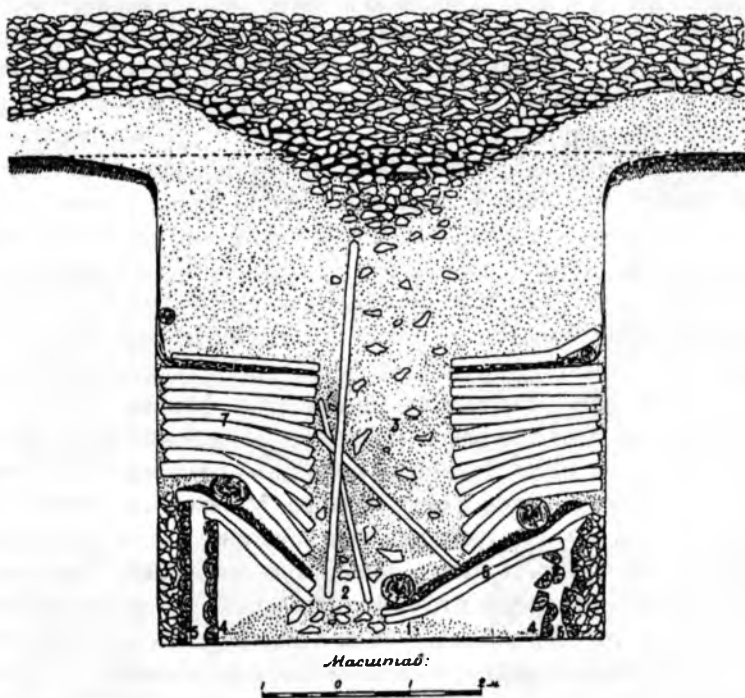

Рис 4. Грабительский ход в кургане урочища Шибе. Разрез через погребальное сооружение. По М.П. Грязнову (1929. Рис. 5). 1 – куча земли и камней посреди камеры, 2 – слой плотного льда, 3 – заполнение грабительского хода, 4 – стены внутреннего сруба, 5 – стены наружного сруба, 6 – потолки внутреннего и наружного сруба и три балки, поддерживавшие бревенчатый накат внутри котлована, 7 – многорядный бревенчатый накат

Fig. 4. Thieves' tunnel in the tumulus of the Shibe hollow. Cross-cut through the burial mound. 1 – a heap of soil and stones in the middle of the burial chamber, 2 – a layer of close pack-ice, 3 – the filling of the thieves' tunnel, 4 – the walls of the inner log cabin, 5 – the walls of the outer log cabin, 6 – the ceilings of the inner and outer log cabins and three beams supporting the log roof sheeting within the pit, 7 – multilayered log roof sheeting

С. 20) на основании дверного проема в северной стене камеры, сомнительно. Хотя указание М.П. Грязнова на его проруб грабителями (1950. С. 16), ныне дезавуировано (но надо бы знать источниковедческую точность М.П. Грязнова), новые наблюдения свидетельствуют лишь о том,

что этот проем был сделан заранее, как и весь сруб, затем смонтированный в могильной яме (Мыльников, 1999. С. 29. Рис. 56). Символика погребений мешала переиспользованию жилищ: согласно многочисленным наблюдениям, подкурганные срубы изготавливались специально. Объяснения «дверям» и «окнам» таких построек (ср. ситуацию со срубами Улангомского могильника — раздел 4.2), очевидно, следует искать в сфере погребального культа.

Получены факты использования бревен, срубленных за 3,5-8 лет до погребения. В кургане 1 могильника Ах-Алаха-3 такие бревна составили одну камеру (Полосьмак, 2001. С. 20). Следовательно, материал запасался впрок и выстаивался (Мыльников, 2003. С. 25, 26, 41). Не исключено, что культ требовал создания «дома мертвых» еще при жизни, как и его наземного использования какое-то время после смерти. Будем помнить, что изготовление мумий вызвано нуждой длительного культового сохранения облика умерших до их захоронения в курганах. Можно думать, что пазырыкские мумии первоначально выставлялись в наземных бревенчатых поминальных святилищах, где (судя по позам) возлежали на ложах. По завершении земных обрядов и сруб, и ложе (Мыльников, 1999. С. 33, 34. Рис. 69-72), и сама мумия опускались в подкурганную яму (см. раздел 4.3).

Отрицая возможность прямого использования жилых домов в погребальной практике, не приходится сомневаться в определенной точности воссоздания постоянных жилищ в виде культовых подкурганных камер. Судя по этим погребальным воспроизведениям, жилища пазырыкской культуры были прямоугольными срубами, собранными из бревен, плоско отесанных брусьев или плах. Срубы делались заранее, в стороне от места сборки (бревна курганных камер имеют специальные метки, по которым они состыковывались без малейшего зазора). Неведомо, как размеры камер соотносились с величиной реальных жилищ. Большие усыпальницы имели площадь 13-17 кв. м при высоте 1,5-2,0 м (сруб достигал 11 венцов) (Руденко, 1953. С. 18, 33, 34). О возможной длине и высоте стен домов косвенно свидетельствует размер настенного войлочного ковра, найденного в кургане 5 Пазырыкской долины — он был 4,5 x 6,5 м (Руденко, 1953. С. 80; 1960. С. 200).

Раскопки пяти курганов урочища Пазырык обнаружили 8 типов углового соединения концов бревен и брусьев (рис. 5). По крайней мере, два из них (рис. 5, II, III) предназначались для закрепления потолочного перекрытия. Кроме стен и потолка (иногда отесанного снизу), жилища, как и гробницы, видимо, имели деревянные полы (на них шли плахи или доски, в ряде курганов покрытые войлоком). Поверх бревен потолка (иногда положенных в два наката) для защиты от сырости настилалось несколько слоев проваренной бересты (налега-

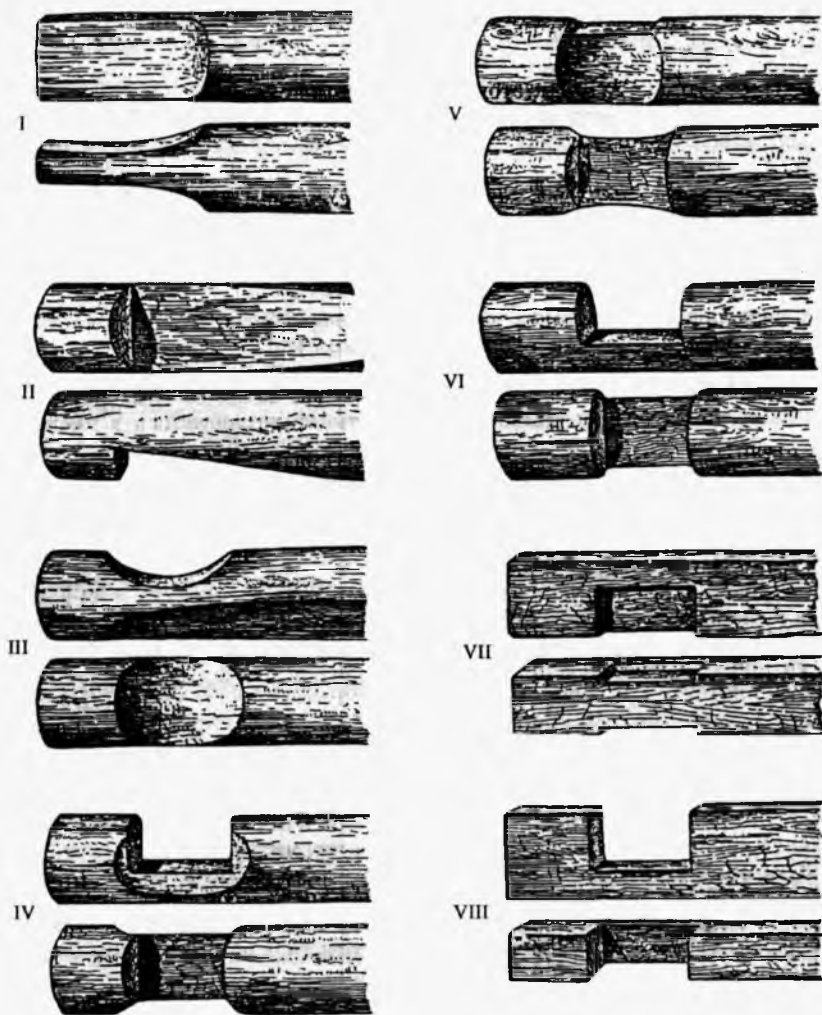

Рис. 5. Курганы урочища Пазырык. Типы обработки концов бревен и брусьев для углового сопряжения. По С.А. Семенову (1956. Рис. 6)

Fig. 5. Tumulus of the Pazyryk hollow. The ways log ends and timber ends were cut for joints

ющие края полотнищ прошивались и прокладывались мхом), затем — пласт ветвей кустарника (курильского чая), толщиной 10-12 см, и, наконец, лиственничная кора (Руденко, 1953. С. 80, ср. с. 36; Семенов, 1956.

С. 217). Во всем этом хорошо ощутимы отработанные правила крыть стационарные жилища — огромные берестяные полотнища накрывали потолки камер даже в высокогорной Пазырыкской долине, где не растет береза (Руденко, 1953. С. 17, 35, 36, 78-80, 236, 237). Сходным образом сложившиеся обрядовые правила требовали создания погребальных срубов даже в местах, лишенных леса (Полосьмак, 1994. С. 13).

Данные, полученные на Пазырыкском, подтвердились при раскопках больших курганов Башадарского и Туэктинского могильников (Руденко, 1960), других курганных групп. После повторных раскопок в Берели, выводы о существовании постоянных деревянных наземных жилищ прямоугольной формы, вероятно, с плоской бревенчатой крышей, покрытой берестой и дерном, были распространены на Юго-Западный (Казахский) Алтай (Сорокин, 1969. С. 227).

Многочисленные последующие раскопки рядовых погребений и курганов среднего сословия заметно увеличили материалы для анализа совершенного плотницкого мастерства пазырыкской культуры Алтая. Ныне отмечено уже 30 способов вязки углов срубов, прослежены приемы плотного сочленения стен и дощатого пола, система предварительной разметки бревен для вырубов сложной конфигурации, порядок устранения щелей между венцами и в замковых сопряжениях срубов, зафиксировано применение иных разновидностей плотницкого инструмента, применявшего в VI-IV вв. до н.э. (Мильников, 1999. С. 24, 26-29. Рис. 12-29, 37-42, 47-56; 2000. С. 125-131, 135, 136. Рис. 150-152, 155-157, 164-166). Рядовые курганы к внутреннему убранству срубов добавили промазку швов между венцами глиной, деревянные полаты и прямоугольные ложа для умерших (Кубарев, 1987. С. 17-21, 126. Рис. 8. Табл. XXIV, XXXVII, XXXIX, LIV, LVII, LXI, LXXXIV, LXXXIX, XCIV, XCVIII; 1991. С. 29. Рис. 5. Табл. XXVI, XXXVI, XLIV, LIV, LVI, LVIII, LXII; 1992. С. 15, 16. Табл. XIV, XVII, XXI, XXIII, XXIV, XXIX).

Новые данные и исследования подтвердили и укрепили прежние выводы: *существование постоянных рубленых домов типа тура у жителей Алтая в раннем железном веке следует считать доказанным.*

4.2. Материалы уюкской культуры Тувы и Северо-Западной Монголии

В отличие от Алтая уюкская культура (в Монголии называемая *чандманьской*), прежде всего, изучена по рядовым захоронениям. Большое разнообразие наземных погребальных сооружений позволяет, при учете обряда, выделять ее локальные группы. Ямные захоронения также совер-

шались по-разному: в каменных ящиках или в срубках. Со временем доля срубов возрастает. Преобладает рубка углов в лапу или в обло, с остатком (Маннай-оол, 1970. С. 12, 13, 17-19; Кызласов Л.Р., 1979. С. 59 сл. Рис. 43, 51, 2; Грач, 1980. С. 32, 41, 42. Рис. 5-9, 12-14, 25-27, 45, 81, 82, 97; Новгородова, 1989. С. 261, 262, 268, 276, 292, 322-339; Мандельштам, 1992. С. 179, 180, 185).

Уюкские срубы, как в рядовых пазырыкских курганах, обычно невысокие (в 3-5 венцов — до 1,4 м) и невелики по площади (от 5-6 до 11 кв. м). Бревна в уюкских захоронениях, прежде всего лиственничные, плотно подогнаны, изнутри хорошо отесаны, пазы иногда промазаны глиной. На стенах обнаружены следы войлока, прибитого бронзовыми гвоздями. Потолочные бревна или плахи снабжены пазами для крепления со стенами. Потолок чаще делался из двух рядов бревен, проложенных листами бересты. Полы настелены из плах в 4-5 см толщиной или тонких досок, жердей. Иногда они клались на лаги и выстилались берестой.

Картину не меняет аристократическая могила 5 в так называемом кургане Аржан-2⁵⁶. Она содержала двойной сруб: внешний (внутренней площадью 12,5 кв. м) — высотой в 11 венцов (около 1,5 м), внутренний (6,2 кв. м) — в 7 венцов (1,5 м). Внешняя камера была сооружена из круглых ошкуренных бревен и крыта таким же плотно уложенным накатом. Внутренние стороны перекрытия и стен второго сруба имели одностороннюю отеску, а его углы, связанные в обло, оставлены круглыми, выступающими внутрь (Сугупов и а., 2003. Abb. 15-17, 28). Подобным образом оформленные срубы встречены и при раскопках на Алтае (Руденко, 1953. С. 79). Пол камеры в могиле 5 был выстлан плотно подогнанными отесанными полубревнами (Мыглан и др., 2006. С. 131. Рис. 1-3). При учете приведенных выше данных о заранее изготовленных пазырыкских гробницах, следует отметить, что бревна для разных могил кургана Аржан-2 (№ 2, 5 и 11) были срублены в один год, т.е. их заготовка была прямо приурочена к свершению одноактных захоронений (Мыглан и др., 2006. С. 135-138).

В Туве отмечены случаи создания двухэтажных деревянных камер, верхний ярус которых был собран заплотом: бревна стен концами запущены в массивные угловые столбы, высотой 2,84 м (Кызласов Л.Р., 1979. С. 69). Возможно, это результат подхоранивания. Стоит заметить, что в ранних захоронениях, совершенных не позднее VII в. до н.э., крытые

⁵⁶ Тувинцы называли Аржаном только один курган Уюкской долины (раскопанный М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом), поскольку его подтаивавшая летом внутренняя ледяная линза порождала ручей, проистекавший с гигантского каменного кургана и почитавшийся священным и целебным (тув. аржан).

бревнами погребальные срубы или клетки (высотой до 9 венцов) ставились и на земную поверхность, а после того закладывались камнем (Кызласов Л.Р., 1979. С. 35).

Вполне понятно, что описанные камеры обычных курганов не могут восприниматься как близкое воспроизведение жилых домов. Однако в целом в Туве и Северо-Западной Монголии, как и на Алтае, наблюдения археологов приводят к единственному несомненному выводу: «Обилие погребальных камер в виде срубов с полами и перекрытиями говорит об устойчивой традиции деревянного строительства и о вероятности существования на зимовках одноэтажных наземных жилых и хозяйственных построек» (Мандельштам, 1992. С. 193; Кызласов Л.Р., 2006. С. 139).

Собрано достаточно данных для того, чтобы утверждать, что погребальные камеры-срубы — «близкие подобия реальных жилищ, но не сами реальные жилища, упрятанные под землю» (Грач, 1980. С. 32). В Улангомском могильнике срубы двух курганов (№ 47 и 48) имели квадратные вырубленные «окна» (50 x 45 и 50 x 50 см) (Новгородова, 1989. С. 338, 339). Однако и в этом видеть свидетельство вторичного использования реального дома (Полосьмак, 2001. С. 20), пожалуй, не стоит. Существование окон в суровом климате и в столь раннее время требует дополнительных доказательств. В коллективных гробницах отверстия могли предназначаться для поэтапного дохоронивания трупов (Новгородова, 1989. С. 295; Грач, 1980. С. 51). Однако дверь (шириною 80 см), вырубленная в северо-восточной стене сруба могилы 15 (Новгородова, 1989. С. 262, 327), вероятно, требует другого объяснения (см. раздел 4.3).

Для полноты картины нужно добавить стационарность поселений рудокопов и металлургов, чья деятельность в уюкское время надежно зафиксирована в разных районах Тувы (Кызласов Л.Р., 1979. С. 53-65). К остаткам постоянного поселка VII-VI вв. до н.э. по найденным обломкам посуды предварительно отнесены обнаруженные в котловине выдувания песков «остатки деревянного пола от жилого сооружения типа избы», встреченные у горы Хайыракан на левом берегу Улуг-Хема. От настила уцелели две слегка обгоревшие доски и отесанная жердь (их общая площадь — 3 x 0,8-0,9 м). Дерево несло следы отёски узким теслом типа кельта (Кызласов Л.Р., 1979. С. 16, 17, 48. Рис. 9, 1).

4.3. Культурное домостроительство и проблема происхождения пазырыкской и уюкской культур

Фундаментальные исследования памятников пазырыкской культуры, проведенные и организованные В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак в по-

следние годы, принесли совершенно новые данные для этнического определения ее носителей. Арийской гипотезе был нанесен серьезный урон. Обследование генетиками хромосом, выделенных из тел трех пазырыкских мумий с плато Укок, показало, как известно, что в их жилах текла кровь сибирских аборигенов, наиболее близкая к современным южным самодийцам селькупам, а также к енисейцам кетам, в меньшей степени — к некоторым финно-уграм, например, манси (Полосьмак, Молодин, 2000. С. 85; Воевода, Ромащенко, Ситникова и др., 2000; Молодин, Полосьмак, 2001; Деревянко, Молодин, Шунков, 2005. С. 12, 13; Куликов и др., 2006). В целом, можно сказать, что новосибирские археологи ныне развили давнее направление исследовательской мысли А.П. Окладникова, еще в 1968 г. написавшего о пазырыкских племенах: «... возможно и наличие в их среде тунгусов» (2003. С. 398).

Определения генетиков, заметно оживили внимание археологов к проблеме самодийских древностей Южной Сибири. Однако в отношении пазырыкской культуры анализ митохондриальной ДНК, указывающий на материнское биологическое наследство, добавил новый компонент к прежним утверждениям. Была сформирована гипотеза о смешанном иранско-самодийском этническом составе носителей этой горноалтайской культуры, в котором ираноязычная часть воспринимается не столь древней и пришлой, а самодийская — исконной и автохтонной. Выдвижению иранской составляющей этой комбинации послужили давно знакомые аргументы из области материальной культуры и значительно расширенные в последние десятилетия краниологические определения, а также впервые полученная «еще одна линия связи» пазырыкского генофонда — с современными уйгурами и казахами (Молодин, 2000б). Пришлой частью горноалтайского общества той поры явились европеоиды, принадлежавшие, пользуясь широкими антропологическими понятиями, к расе среднеазиатского Междуречья, сходной с памиро-ферганским типом. Основной их приток на Алтай пришелся еще на эпоху бронзы, но происходил и в раннем железном веке.

Оценивая новую постановку вопроса, следует обратить внимание на несколько существенных моментов.

Во-первых, мумии Укока в отношении краниологии «подтвердили наличие здесь европеоидного населения, по крайней мере в элитных слоях общества. В целом пазырыкское население имело заметную долю монголоидных элементов» (Аксянова, 2006. С. 14). Анализ массового материала выделяет не две, а три краниологических группы, различия которых, однако, невелики. Основной компонент характеризуется европеоидно-монголоидной промежуточностью, т.е. древностью местного сложения. Европеоидность второй группы характеризует мужчин, а несколько боль-

шая монголоидность третьей — отличает женщин. Важно, что особенности европеоидного типа свидетельствуют не только о его древней прищлости из районов севера Передней и юга Средней Азии в эпоху бронзы, но и о давней изолированности в пределах Горного Алтая в эпоху раннего железа. Круг групп, антропологически близких к пазырыкским, оказывается значительно шире юго-западных аналогий, и являет собою подлинный «этнокультурный конгломерат» (Чикишева, 2000. С. 109-113, 117-120). Весьма серьезные исследования Т.А. Чикишевой показывают, что развитие антропологической науки по сей день сдерживается ограниченностью предоставляемых археологией материалов, и потому она все еще находится на поисковой ступени развития.

В прищлости и «космополитизме» европеоидной знати Саяно-Алтайского нагорья раннего железного века нет ничего удивительного. Эти особенности местной древней истории, связанной с саками Казахстана, были показаны археологическими средствами уже более 30 лет назад (Кызласов Л.Р., 1977). Однако приводило ли появление чужеземных правителей к смене языка у местного населения? Сегодня на этот вопрос ответа не отыскать. Не стоит также доказывать и вполне очевидного: европеоидность населения не может указывать на конкретную языковую принадлежность, даже при обсуждаемых конкретных условиях. Огромные степные пространства Казахстана и Западной Сибири обобщенно относят к сакам лишь в силу терминологической условности, порожденной нашим историческим образованием (здесь можно вспомнить и об усунях или арийцах-андроновцах. См., к слову, краиниологические сближения пазырыкских и так называемых усуньских серий, при резком отчленении андроновских от носителей скифо-сибирских культур — Чикишева, 2000. С. 117-119). У каждой культуры этих земель своя археологическая характеристика, своя история и практически повсеместно неизвестная нам языковая и этнонимическая принадлежность.

Будем помнить, что при хорошей изученности как горноалтайской, так и в целом южносибирской топонимики, в ней практически отсутствуют как иранские, так и индоевропейские географические обозначения. Такая ситуация не позволяет думать, что языки этих групп имели здесь хоть сколько-нибудь существенное и длительное распространение. Следовательно, нет серьезных южносибирских оснований для увязывания европеоидов названных антропологических типов не только с иранскими, но и индоевропейскими языками.

Напротив, фонетистами-экспериментаторами надежно выявлены существенные показатели наложения прищлых тюркских языков алтае-саянской группы на угро-самодийский речевой субстрат, а в отношении шорского языка определено и наследие кетского субстрата (Селютина, 2007). Поскольку согласно историческим и археологическим данным по-

явление тюркоязычного населения в Южной Сибири следует отнести к началу гуннской эпохи (II-I вв. до н.э.), то субстратные языки характеризуют ранний железный век, включая и носителей пазырыкской культуры.

Что касается связей пазырыкского ДНК с современными молекулярными показателями уйгуров и казахов, то у генетиков речь все же идет о довольно широком явлении. О том, что на древе современных генетических связей «два полюса (так называемые европейский и восточный — И.К.) соединены между собой рядом популяций Средней и Центральной Азии. Из их числа наиболее близкими к пазырыкцам оказались казахи и уйгуры». Тем самым, «минимальные генетические дистанции», подобные селькупам и кетам, в этом случае не наблюдаются (Воевода, Ромашенко, Ситникова и др., 2000. С. 91, 92). Сомнительно, что в подобном виде это наблюдение может быть показателем былой ираноязычности раннего европеоидного компонента Алтая. Надеюсь, что оно не будет никем всерьез использовано и для отнесения пазырыкского общества к тюркоязычным народам.

Изложенное не позволяет, пожалуй, принять гипотезу о двоякой ирано-самодийской принадлежности пазырыкского общества. Языковое определение первого компонента предложенной парности остается неубедительным. Понятно, что помимо языковых определений, не приходится отрицать ни антропологической, ни культурной смешанной природы пазырыкского населения. Что, естественно, не умаляет культурной роли лежащего в его основе мощного субстратного пласта — можно думать, прежде всего самодийского, но в какой-то мере, видимо и самодийско-енисейского в языковом отношении. Вполне естественно предположить, что в горно-таежной местности население в ту давнюю пору было разноязыким.

Излишне говорить, что новые открытия, столь значительно меняющие исходные позиции науки, как это сделали генетические определения пазырыкских мумий Укока, порождают и новые направления поисков. Прежде всего в области этно- и культурогенеза. Археологические возможности такого поиска пока оставались вне нашего обсуждения. Но именно они представляют для нас первейший интерес.

Исследования не столь давно обнаруженных южносибирских мумий закономерно привлекли дополнительное внимание и к старым находкам подобного рода. В Государственном Эрмитаже с помощью новых методик были обследованы мумии Оглахтинской гробницы таштыкской культуры, раскопанной в Хакасии в 1969 г., и самих Пазырыкских курганов, вскрытых в 1927-1949 гг. на Горном Алтае. Работы сосредоточились на обнаружении и изучении потерявших яркость и едва заметных глазу татуировок и их сюжетов (Кызласов, Панкова, 2004; Баркова, Панкова, 2005).

Однако сравнение мумий Хакасско-Минусинской котловины и Горного Алтая как самобытных явлений погребального культа позволяет по-

ставить и вопросы более широкого плана. В том числе, отметить ранее не привлекавшие внимания признаки особенностей происхождения пазырыкской культуры.

Создание позднеатагарских и атагарско-таштыкских (тесинских) мумий в Хакаско-Минусинской котловине вызывалось той же культовой необходимостью, что и у носителей пазырыкской культуры — нуждой длительного сохранения облика умерших до их захоронения. Однако при всем том, мумии, изготавливавшиеся населением Среднего Енисея, кардинально отличались от пазырыкских по устройству. Речь идет не о бальзамах и пропитках, или материалах, воссоздававших объем тела, — мумии Хакасии имели внутренние деревянные каркасы, к которым крепились кости очищенного от мышц скелета. Прямые деревянные стержни этих каркасов укреплялись вдоль рук и ног мумии, не позволяя им согнуться (Вадецкая, 1986. С. 85, 86; Кузьмин, Варламов, 1988). Всего этого закономерно лишены погребальные мумии Горного Алтая, как, надо думать, были лишены и мумии уюкской культуры Тувинской котловины и Северо-Западной Монголии.

Тем самым очевидно, что до погребения мумии одновременных культур Южной Сибири и Центральной Азии использовались различно, и граница между двумя обрядовыми зонами в целом проходила по Западно-Саянским хребтам: алтайские и засаянские мумии возлежали, а хакаско-минусинские стояли (поскольку для их укладывания каркас был бы не нужен).

Уяснив эту допогребальную ситуацию, оставим в стороне позднеатагарские обряды и обратимся к пазырыкским курганам и их могильным камерам.

Использование для могил подлинных жилых срубов, как мы видели, вызывает серьезные сомнения, а новые наблюдения свидетельствуют лишь о том, что проем в срубе Первого Пазырыкского кургана был сделан заранее, как и весь сруб, затем смонтированный в могильной яме (Мыльников, 1999. С. 29. Рис. 56). Аналогичная ситуация восстанавливается и для западного проруба в Пятом Пазырыкском кургане: под землю сруб был собран с уже с проделанным в стене отверстием (Гаврилова, 1996. С. 92, 93). К подобным выводам приводят и материалы уюкского Улангомского могильника: в коллективных гробницах здесь отверстия могли предназначаться для поэтапного дохоронивания трупов (Новгородова, 1989. С. 295; Грач, 1980. С. 51). Такого, однако, нельзя сказать о двери (шириною 80 см), вырубленной в северо-восточной стене сруба могилы 15 (Новгородова, 1989. С. 262, 327).

Вполне очевидно, что перед нами следы использования срубов до их помещения в подкурганые ямы пазырыкской и уюкской культур. Отыскивая объяснение этому, будем учитывать, что символика погребений мешала переиспользованию реальных жилищ: согласно многочисленным

наблюдениям, подкурганые срубы изготавливались специально. Отрицая возможность прямого использования жилых домов в погребальной практике, не приходится сомневаться в определенной точности воссоздания постоянных жилищ в виде культовых подкурганых камер (Кызласов И.Л., 2005а, разд. 4). Вполне очевидно и другое: как уже говорилось выше, объяснения «дверям» и «окнам» таких построек следует искать отнюдь не в обыденной сфере, а в области самого погребального культа.

Поскольку для пазырыкской культуры получены факты использования бревен, срубленных за 3,5-8 лет до погребения, не исключено, что культ требовал создания «дома мертвых» еще при жизни, как и его наземного использования какое-то время после смерти. Вполне понятно, что в мировоззренческой и обрядовой сфере Алтай не был подобен Египту, и само мумифицирование не было обусловлено требованиями ритуала погребения. Между тем, свидетельства намеренного сохранения тела в том или ином виде надежно установлены совокупностью новых исследований (Деревянко, Молодин, Шунков, 2005. С. 14).

Все это позволяет думать, что пазырыкские мумии первоначально выставлялись в наземных бревенчатых поминальных святилищах, где (судя по позам) возлежали на ложах. По завершении земных обрядов и сруб, и ложе (Мыльников, 1999. С. 33, 34. Рис. 69-72), и сама мумия опускались в подкурганную яму. В ямном срубе рядом с погребальной колодой размещались, как выясняется, и некоторые предметы, первоначально оставленные внутри наземного святилища по завершению поминальных культовых действий.

Д.Г. Савинов, с большой ясностью обобщивший необходимые данные больших пазырыкских курганов (1996. С. 107-111), обосновал возможность совершения неких обрядов в срубных гробницах, уже опущенных в ямы, но еще не перекрытых каменными насыпями. Об этом говорят и размеры, и большая высота срубов (1,5-1,85 м), и лестницы для спуска и подъема, и прорубленные лазы, и сдвинутая к стене колода с умершим, освобождающая часть помещения, в которой найдены столы для обработки мертвых тел, курильницы, музыкальные инструменты и другие неупотребительные предметы (см. рис. 3). Гипотеза дополнена раскопками последних лет: прослежены ведущие в гробницы наклонные дромосы, а также подкурганые погребальные ямы, которые не засыпались — могильные холмы возводились поверх их деревянных перекрытий (Шульга, 1997).

Быть может, все так и было. Однако, в нарисованную картину подземных «часовен» не вписывается сам обряд мумификации умерших (склепы не могли стоять в бескурганых ямах особенно долго), ни столы для мумифицирования (будь это нормой, они были бы в каждом крупном захоронении), ни боковые входы и «окна» срубов, смотрящие в земляные стенки ям, ни многолетнее выстаивание бревен до их подкурганного

использования. Противоречия снимаются, если связывать выявленные культовые действия не с самими гробницами, а с той срубной наземной камерой, которая изначально хранила мумию умершего. Нельзя отрицать, конечно, что последний из таких обрядов вершился уже в подземелье.

Допуская существование допогребальных наземных построек с мумиями умерших, не придется при объяснении найденного в больших курганах, избегать данных, полученных при раскопках рядовых погребений пазырыкской культуры. Принципиальная общность могил тех и других в основных конструктивных и пространственных решениях, как и само погребение мумий, и их обустройство, восходят к единству допогребального культа. Поскольку рядовые могилы, как правильно отмечено Д.Г. Савиновым, не могли быть подземными «часовнями».

Предлагаемое объяснение обсуждаемых особенностей погребального «домостроительства», позволяет включить в круг устойчивых признаков пазырыкской культуры проведение длительных поминальных обрядов до подземного захоронения, — а именно, наличие специальных наземных бревенчатых культовых построек и хранение в них какое-то время мумифицированных тел умерших.

Многочисленные внешние аналогии такого умозрительно реконструированного обряда хорошо известны всем археологам-востоковедам среди материалов той эпохи, которая предшествовала рассматриваемому времени. Речь идет о погребениях конца бронзового и начала раннего железного веков IX-VI вв. до н.э., совершенных без могильных ям в установленных на горизонте деревянных или каменных камерах. Эти погребальные постройки затем обкладывались камнями с боков и заваливались сверху, со временем приобретая вид каменного кургана. Таковы захоронения дандыбай-бегазинской культуры Центрального Казахстана с деревянными наземными камерами, таковы уюкские захоронения Тувы, датируемые временем не позднее VII в. до н.э., погребальные срубы и клетки которых по высоте достигали 9 венцов, а также керексуры Центральной Азии и смежных районов Южной Сибири, содержащие каменные цисты.

Археологической науке пока не известна величина интервала, разделявшего в этих культурах две очевидные процедуры — помещение мертвого тела в наземное сооружение и его последующее захоронение, то есть полную изоляцию от живых соплеменников под мощной каменной насыпью.

Вполне вероятно, что именно продолжительность этого интервала и потребовала в V-III вв. до н.э. от культур раннего железного века мумифицирования умерших, если поминальные обряды, связанные с выставлением тела в подобном наземном сооружении, занимали много времени. По их завершении в соответствии с изменениями погребального культа поминальная камера опускалась уже в подкурганную яму.

При учете всего сказанного происхождение пазырыкской культуры Горного Алтая, также как и уюкской культуры Тувы и Монголии, правмерно связывать с очерченным кругом культур позднего бронзового века. Основываясь на хромосомных определениях пазырыкских мумий, можно предположить, что обсуждаемый культурный признак — погребения в постройках, возведенных на горизонте — на рубеже позднего бронзового и раннего железного веков не имел узкого этнического значения и объединял разноязыкие народы: носителей восточноиранских, южносамодийских и енисейских языков. Существенно, что при всей обширности круга этих культур, северная граница погребений на горизонте не переступила Западно-Саянских гор.

4.4. Материалы тагарской культуры и переходного этапа на Среднем Енисее

Деревянные могильные срубы, перекрытые бревенчатыми накатами, существовали на всем протяжении тагарской культуры. На строительство шла лиственница (рис. 6).

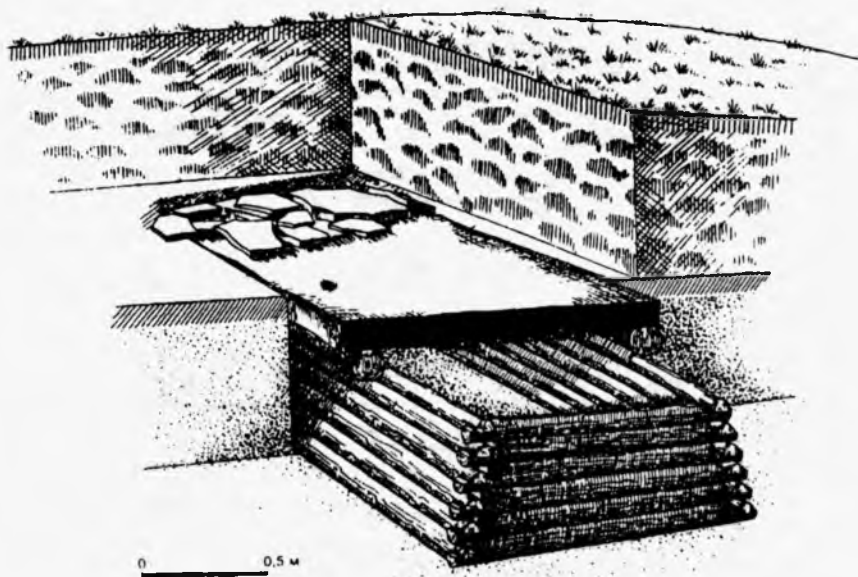

Рис. 6. Сооружения могилы 2 раннетагарского кургана 1 у Шаман Горы. Реконструкция В.Г. Ефимова. По Н.А. Боковенко и Ю.А. Смирнову (1998. Рис. 9)

Fig. 6. Early Tagar culture tumulus 1 at Shaman Gora (Mount Shaman). Burial constructions of the grave 2. Reconstructed

Первоначально срубы низкие (2-3 венца), позднее — высокие (5-6 венцов) и доходят до краев ямы. Поверх дощатого или бревенчатого потолка над бортами ямы на поперечные лаги уложены еще 2-3 наката бревен, крытых берестой. Ранние срубы небольшие (обычно 6 кв. м). Со временем камеры растут до 10-16 кв. м, в случае коллективных погребений достигая 35-45 кв. м. От земляных стенок котлованов срубы отгораживаются плотным бревенчатым тыном, а число перекрывающих их накатов, укладывавшихся крест-накрест, увеличивается до 5-6. В этих случаях деревянная пирамидальная конструкция возвышалась над поверхностью земли на 2-2,5 м, а бревна обшивались вываренной берестой. Часто такая пирамида покрывалась пластами бересты (до 13 слоев) и обкладывалась камнем или пластами нарезанного дерна (рис. 7, 1).

Прослежены и более сложные покрытия могильных ям: поверх трехслойного бревенчатого наката Большого Новоселовского кургана лежали несколько слоев бересты, войлок, придавленный косой жердевой решеткой, снова береста и, наконец, вязанки хвороста, прижатые параллельно положенными жердями. Нередко погребальные срубы ставились на уже уложенный поверх лаг пол из одностружечных (полубревен), покрытых берестяными полотнищами. Иногда такие полотнища

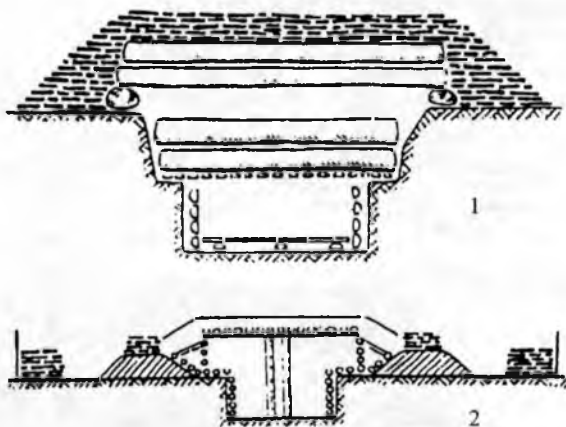

Рис. 7. Разрезы-реконструкции погребального сооружения тагарской культуры у с. Тесь (1) и кургана Барсучиха I тагарско-таштыкского переходного этапа (2). По Э.Б. Вадецкой (1986. Табл. VII, 24, VIII, 22)

Fig. 7. Reconstructed cross-section of the burial complex of the Tagar culture at the village of Tes (1) and the Barsuchikha I tumulus of the Tagar-Tashtyk transitional period (2)

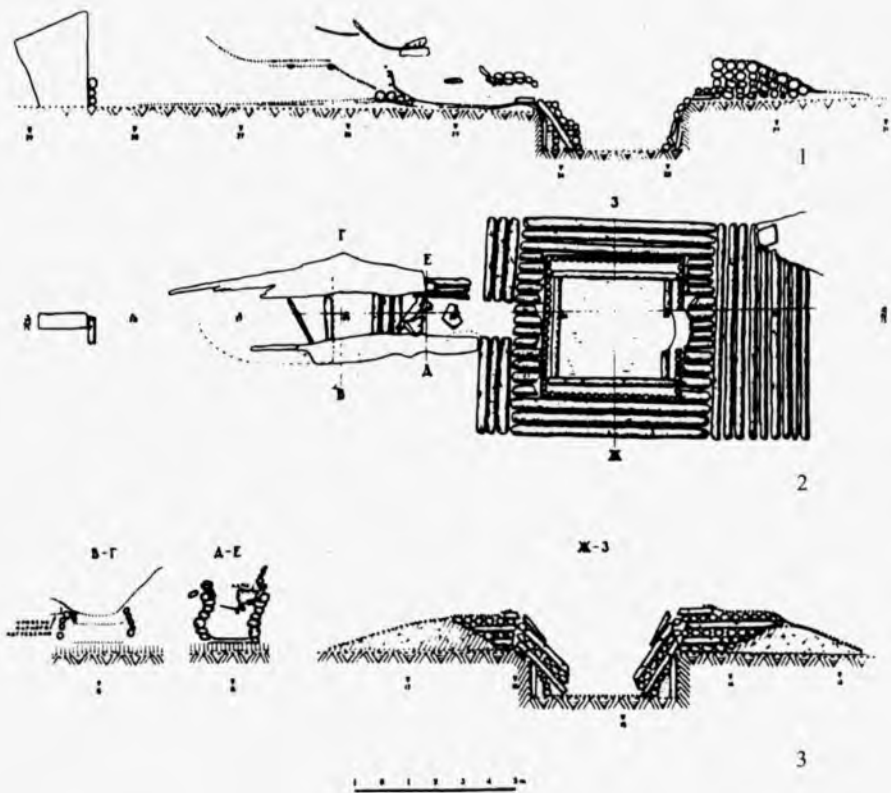

Рис. 8. План (2), продольный (1) и поперечные (3) разрезы погребального склепа Большого Салбыкского кургана. Слева (1, 2) менгир каменной ограды. Чертежи из архива С.В. Киселева, 1955 г. (Архив ИА РАН, ф. 12)

Fig. 8. Plan (2), longitudinal (1) and cross (3) sections of the burial vault of the Bolshoi Salbykski tumulus. The menhir of the stone wall (1, 2) (left)

укладывались на дно ямы, предшествуя деревянной вымостке. Углы рубились в лапу.

У ряда курганов IV-III вв. до н.э. появляются входы с западной стороны — выходившие на поверхность коридоры, также сооруженные из бревен и имевшие потолки и полы, покрытые берестой. Ширина коридоров, начинавшихся парой вертикальных столбов, была 1-2,3 м, а высота достигала 1,6 м (рис. 8). С этим новшеством возникают подкурганные сооружения иного плана (Киселев, 1949. С. 128; 1951. С. 222-224; Вадецкая, 1986. С. 79-81. Табл., VII, 24; Курочкин, 1989. С. 67; 1993. С. 23-25. Рис. 33, 36-38; Кузьмин, 1994. С. 22, 23. Рис. 6-10; Боковенко, Смирнов, 1998. С. 11, 17, 23, 27, 32, 34. Рис. 7-9, 12, 15, 16, 18, 20, 25-27, 31, 32).

Соотнося внутримогильные постройки с жилыми, надо признать появление на Енисее деревянных домов с выступающим входом-коридором. Однако, исключая Дальний Восток, такая конструкция в сибирской автохтонной архитектуре редка. Открытые коридорные входы (облицованные деревом) обычно ведут лишь в глубокие землянки селькупов, а крытые и короткие сени — в наземные постройки кетов (Пелих, 1972. Табл. XXXI, 1, 2, XXXIII, 4; Соколова, 1998. Табл. VI, 2, IX, 3). Правда, такое подобие сеней со стороны входа (с двумя стенами и крышей), описано для рубленых хакасских жилищ-*тура* последней четверти XVIII в. (Паллас, 1786. С. 449, 450; Патачаков, 1958. С. 62).

Однако в курганной археологии наблюдается иная картина. В гунно-сарматскую эпоху (III в. до н.э. — I в. н.э.) как у самих центральноазиатских гуннов, так и у их соседей и подданных распространяются могильные ямы с выходящими на поверхность входными коридорами-дромосами (Могильников, 1992. С. 262, 263. Табл. 110, 4) (см. главу 3, раздел 2)⁵⁷. В рассматриваемом южносибирском случае мы можем иметь дело с внешним воздействием, вероятно, прежде и более всего затронувшим погребальную архитектуру. Не случайно обнаружены наземные выкладки, лишь имитирующие такие дромосы (Мандельштам, Стамбульник, 1992. С. 197. Табл. 80, 6). Можно думать, что выступающий за пределы жилища вход — черта временная, отличающая в Южной Сибири и Центральной Азии саму гунно-сарматскую эпоху. На Среднем Енисее и в прилегающем Причулымье мы встречаем его и при раскопках поселений этого времени. Показательно, что он присущ наземным жилищам: как прямоугольным, так и многоугольным, как срубным, так и каркасным (см. раздел 6.2).

В погребальных срубах этого времени (площадью 22-50 кв. м, высланных горбылями, полубревнами или досками) сходство с жилищем-*тура* усиливается появлением полатей вдоль стен. Сколоченные из бревен, они достигают ширины 1,5 м (однажды — 3 м). На полаты и укладывали умерших. Потолок в два-три наката, перекрытый берестой или корой лиственницы, иногда поддерживали столбы. Открыты и подкурганные наземные срубные камеры II — середины I вв. до н.э., обложенные кирпичами из дерна (рис. 7, 2) (Вадцкая, 1986. С. 83). В ряде случаев такие постройки оказались поставлены в два яруса (подземный и наземный), друг на друга (Пшеницына, 1992. С. 227).

Возможность проследить древние сооружения, сравнимые с жилищем-*тура*, уменьшается с привлечением поселенческих данных. Хорошо выявляя особенности плана и, нередко, основные черты интерьера построек,

⁵⁷ Эта культурная ситуация непростая для понимания археологом, поскольку на Западе, в Приуралье и Приазовье, дромосы распространяются с конца V — IV вв. до н.э. Примерно в IV в. до н.э. они появляются и на Среднем Енисее — в курганах тагарской культуры.

полевая археология редко уверенно судит о форме их перекрытий. Все последующие сведения этого рода, приводимые о прямоугольных и квадратных срубных постройках раннего железного века и средневековья, с равным основанием допустимо считать остатками как плоскокровельных *тура*, так и купольных четырехгранных *агас иб* (см. раздел 6). Не случайно многие археологи сравнивали свои материалы с домами Боярских писаниц (о которых речь впереди), т.е. с изображением купольных жилищ — *иб*.

На северных границах тагарской культуры, на енисейском острове в черте Красноярска, в 1932 г. были открыты остатки наземного деревянного дома — квадратного сруба, размерами 4 x 4 м (Киселев, 1949. С. 167; 1951. С. 287). Остатки такого же сруба, относящегося к началу тагарской культуры (примерно к VIII в. до н.э.), обнаружены на поселении Усть-Парная (Абсалямов, 1978. С. 8). Именно четырехугольное срубное жилище было, видимо, типичным на протяжении всей тагарской культуры⁵⁸. К III-I вв. до н.э., т.е. уже к переходному этапу, отнесены следы трех-четырёх таких же стационарных домов (3,5 x 3,5 м), обнаруженных на р. Кие (Шестаковское городище), и еще девяти, площадью по 14-16 кв. м, стоявших рядами-улицами на поселении у оз. Косоголь. Все они реконструированы как срубы, связанные с остатком (т.е. концы бревен выходят за линии стен). Очаги представляли собой округлые ямы или каменные выкладки, а однажды встречены остатки печи со сводом, сложенной из камней и глины на деревянном каркасе. Шестаковские жилища имели выступающий на 1 м вход. Вокруг них прослежены остатки дворовых построек, в том числе погребов (Абсалямов, 1978. С. 7, 8; Мартынов, 1979. Рис. 22; Мартынов, Абсалямов, 1988. С. 71-81. Рис. 20, 21).

Прямоугольные и круглые погреба — единственные сооружения, нарушившие материковые отложения в раскопанных пределах Ташебинского городка. Они выявляют уличную планировку его застройки (рис. 9) и существование не оставивших следов наземных срубных жилищ, бывших здесь как на тагарско-таштыкском переходном этапе, так и в раннеташтыкское время (Кызласов Л.Р., 2001. С. 120-123. Рис. 59).

⁵⁸ В раннем железном веке Саяно-Алтая в домостроительстве применялся и камень. Основания квадратных и прямоугольных жилищ, сложенные из плитняка без раствора или скрепленные глиной, обнаружены на некоторых тагарских поселениях Хакасско-Минусинской котловины (Грязнов, 1965а. С. 70). Кое-где здесь сохранились остатки глинобитных печей (Абсалямов, 1978. С. 9, 10; Мартынов, Абсалямов, 1988. С. 86-88). Полуземлянки с выложенными каменной кладкой стенами, судя по моим наблюдениям 1987 и 1995 гг. на горной II Озерной крепости в Хакасии, построенной поверх культурного слоя каменоложского этапа, могли появиться еще в конце карасукской культуры — в IX в. до н.э. Регулярные кладки ранних цистообразных погребальных камер, имеющих перекрытие в виде ложного купола, свидетельствуют о существовании навыков каменного строительства и в уюкской культуре Тувы (Мандельштам, 1992. С. 193).

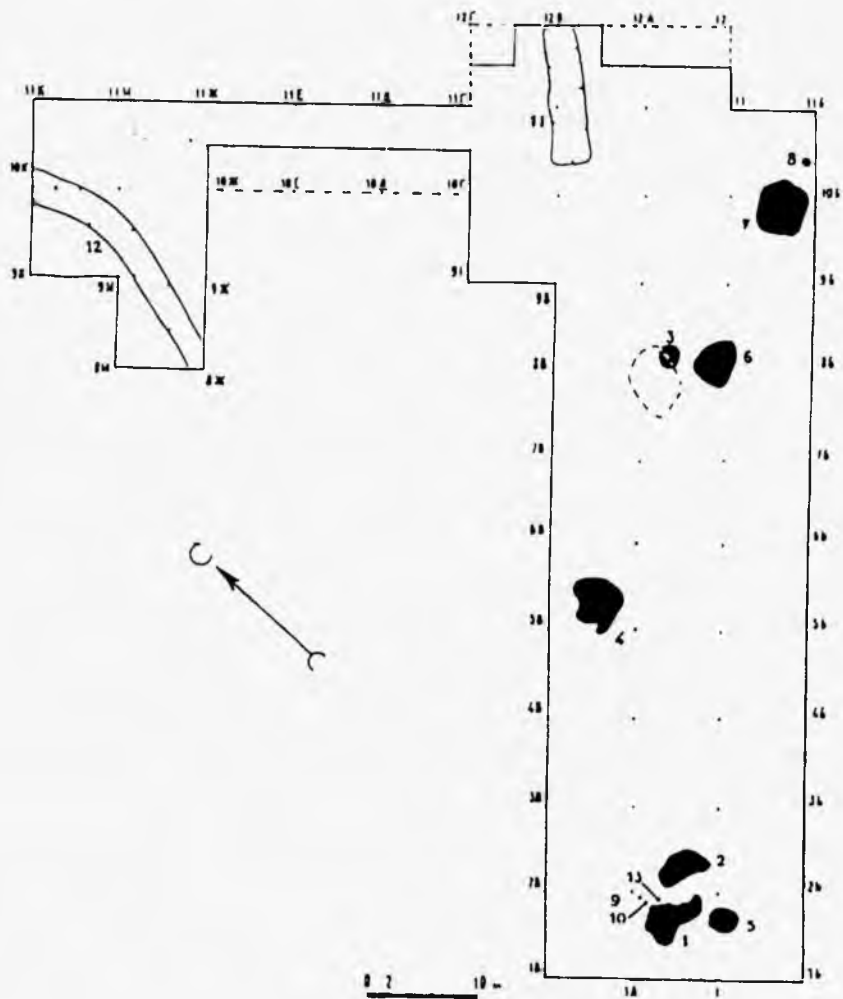

Рис. 9. План ямных подполий, выявляющих уличное размещение наземных деревянных домов. Раскоп на Ташебинском городе. I в. до н.э. – I в. н.э. По Л.Р. Кызласову (2001. Рис. 59)

Fig. 9. Plan of counter floor revealing the city layout of above-ground log houses in rows. Tashba settlement excavation site. 1st century BC – 1st century AD

4.5. Существование срубов-тура в раннем средневековье

Сооружение прямоугольных срубов, крытых плоским поперечным бревенчатым накатом, сохраняется в хорошо изученных грунтовых мо-

гильниках I в. до н.э. — I в. н.э., относящихся к *таштыкской* культуре Среднего Енисея и уже содержащих захоронения по обряду догребального сожжения. Внутренняя поверхность соединенных в лапу, плотно пригнанных стен (высотой в 2-3 венца) и потолочного наката бывает гладко отесана, пол камеры (изредка из плах или дощатый, чаще земляной) выстлался берестой. Она окутывала камеру и со всех сторон снаружи — в 10-13 слоев, толщиной около 18 см. Срубы имеют метки, указывающие на их первоначальную сборку в лесу и последующую перевозку к могильнику. В единственном случае отмечены угловые столбы, скреплявшие деревянную обкладку стен камеры. Известны редкие соединения углов рам с помощью шипов и шпеньков, проходящих в просверленные отверстия.

Практически та же подземная конструкция — срубы, соединенные в лапу (но высотой в 1-1,5 м) — свойственна и одному из видов коллективных погребальных склепов (с каменными округлыми стенками), площадь которых составляла от 16 до 36 кв. м. Еще крупнее были срубы склепов с пирамидальными насыпями. Площадь их камер — от 27 до 90 кв. м. Вдоль грунтовых стен котлована плотно, одно к одному, устанавливали бревна, отделенные от земли берестяными полотнищами. Стены склепа, связанные в углах или образывавшие клеть, складывались из 7-8 венцов. Пол и плоский потолок настилались из бревен (рис. 10).

В камеру вел вход-дромос, трапециевидный в плане, также сложенный из бревен, имевший бревенчатый пол, перекрытый накатом, огороженный глухим тыном и изолированный от грунта берестой. Оба входа — снаружи и в погребальную камеру — обрамлялись парой вертикальных столбов, поставленных на лежащие бревна на шипы. Потолок больших склепов поддерживали центральные столбы, вдоль стен сооружались полати (рис. 11) (Киселев, 1951. С. 411; Кызласов Л.Р., 1960а. С. 9-12, 14, 18-24. Рис. 1, 3а-4в; Баранов, 1975; Грязнов, 1979. С. 90-92, 106-108, 113-115, 119. Рис. 54, 63-65, 68).

Вполне понятно, что, встретив «мастерство могильных срубов», археолог С.В. Киселев еще в 30-40-е гг. пришел к выводу о населении, «знавшем оседлость и избы» и, развивая тему, писал о таштыкских могилах: «Весь их облик, грубо говоря, “крестьянский” и оседлый при этом. Грубые лавки-помосты на чурбаках, уже упомянутые прекрасные срубы-избы, нехитрый деревянный инвентарь, просо под головами покойников, скудность украшений...» (см.: Свешникова, 2009. С. 115).

О существовании наземных жилищ косвенно могут свидетельствовать редкие погребальные склепы таштыкской культуры, не имеющие ямных камер и содержащие остатки захоронений, совершенных на уровне древней поверхности (Боковенко, Смирнов, 1998. С. 49-61, 74. Фото 8, 9).

Более определенно о бревенчатом домостроительстве в таштыкской культуре говорят косвенные данные, полученные на остатках поселения на ул. Канской в г. Абакане. Здесь выявлены куски внутренней глиняной обмазки продольных швов сруба, украшенные штампованным рельефным узором (Кызласов Л.Р., 2001. С. 154-158. Рис. 62, 63).

Аристократические надмогильные сооружения последующей культуры *чаатас* (VI — начало IX вв.) (Кызласов Л.Р., 1981в), традиционно называемые курганами, на деле являются развалинами каменных мавзолеев, воспроизводивших жилища. Их вертикальные стенки, выложенные из каменных плит без раствора, первоначально достигали высоты 1,7 м

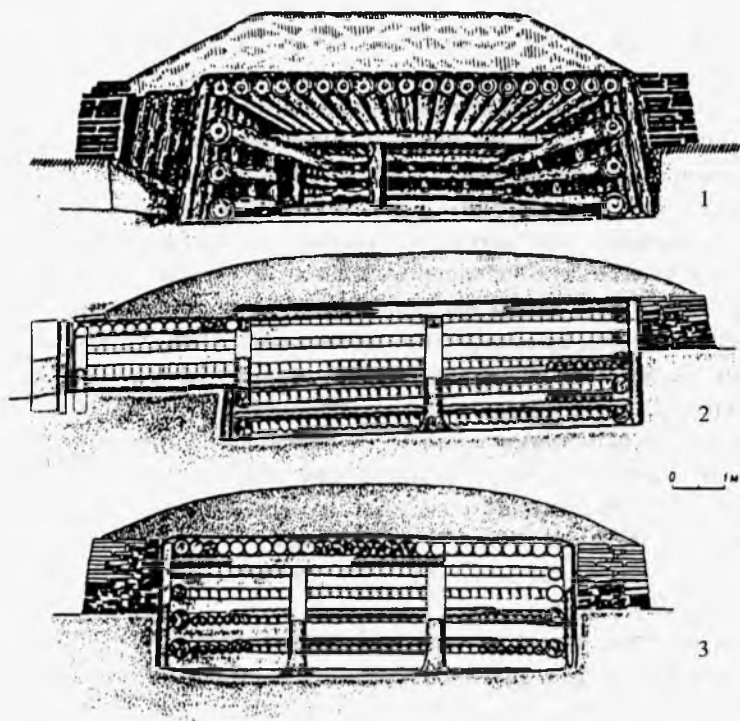

Рис. 10. Реконструкции камер склепов таштыкской культуры: 1 – Ташебинский чаатас, вид от входа (автор В.Г. Ефимов); 2-3 – склеп 2 могильника Тепсей III, продольный и поперечный разрезы (автор Л.Н. Баранов). 1 – по С.В. Александрову и др. (2001. С. 17), 2-3 – по Л.Н. Баранову (1975. Рис. 1)

Fig. 10. Reconstructed chambers of the burial vaults of the Tashtyk culture: 1 – the Tasheba Chaatas, the view from the entrance; 2 and 3 – vault 2 of the Tepsei III burial ground, longitudinal and cross sections

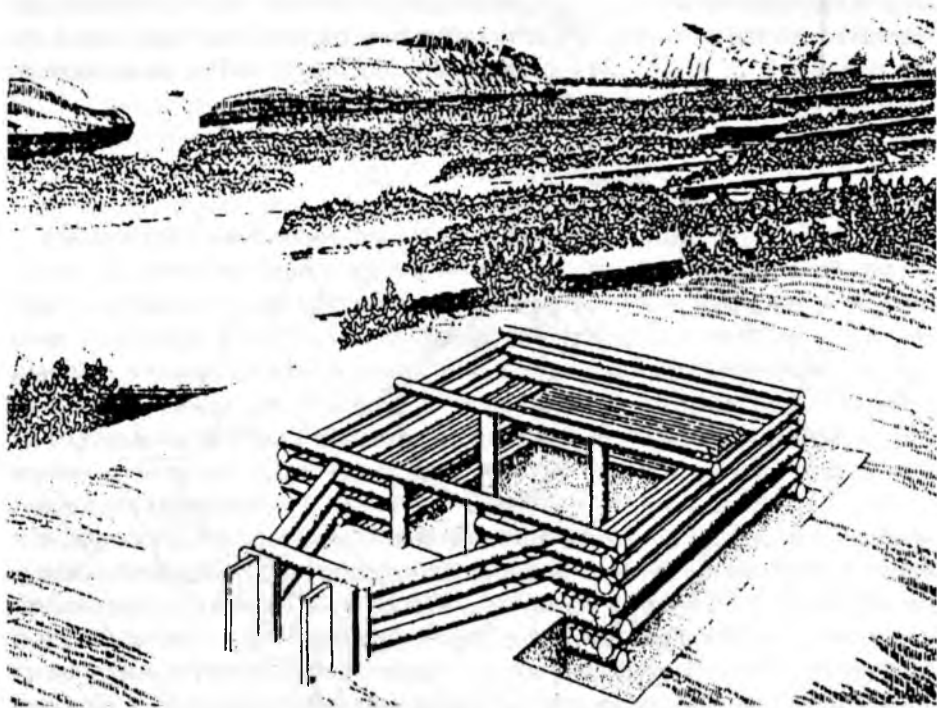

Рис. 11. Реконструкция деревянной конструкции слепа 2 могильника Тепсей III. По Л.Н. Баранову (1975. Рис. 2)

Fig. 11. Reconstructed wooden vault 2 of the Tepsei III burial ground

при ширине кладки 1 м. Внешние размеры постройки — 5-6 м. Пустую середину (из-за чего развалины мавзолея выглядят каменной воронкой), вероятно, перекрывала деревянная кровля, от которой иногда встречаются остатки жердей (Зяблин, 1965). Против внешних углов такого жилища мертвых вертикально устанавливались каменные плиты⁵⁹. Четыре стелы указывают на слегка вытянутый прямоугольный или квадратный план постройки (рис. 12), а шесть и более — на многоугольный (см. раздел 6.3).

Мне, как и предшественникам (Зяблин, 1965. С. 285; Кызласов Л.Р., 1981в. С. 47), думается, что мавзолеи прямоугольного плана воспроизводят форму реального жилища. Вполне понятно, что эти материалы не позволяют достоверно восстанавливать тип кровли. Были ли это плоскокровельные *тура* или шатрово-купольные четырехугольные *агас иб*, которые находим

⁵⁹ Рядовые захоронения не имеют вертикальных стел, скромнее в размерах, но вполне сравнимы по устройству.

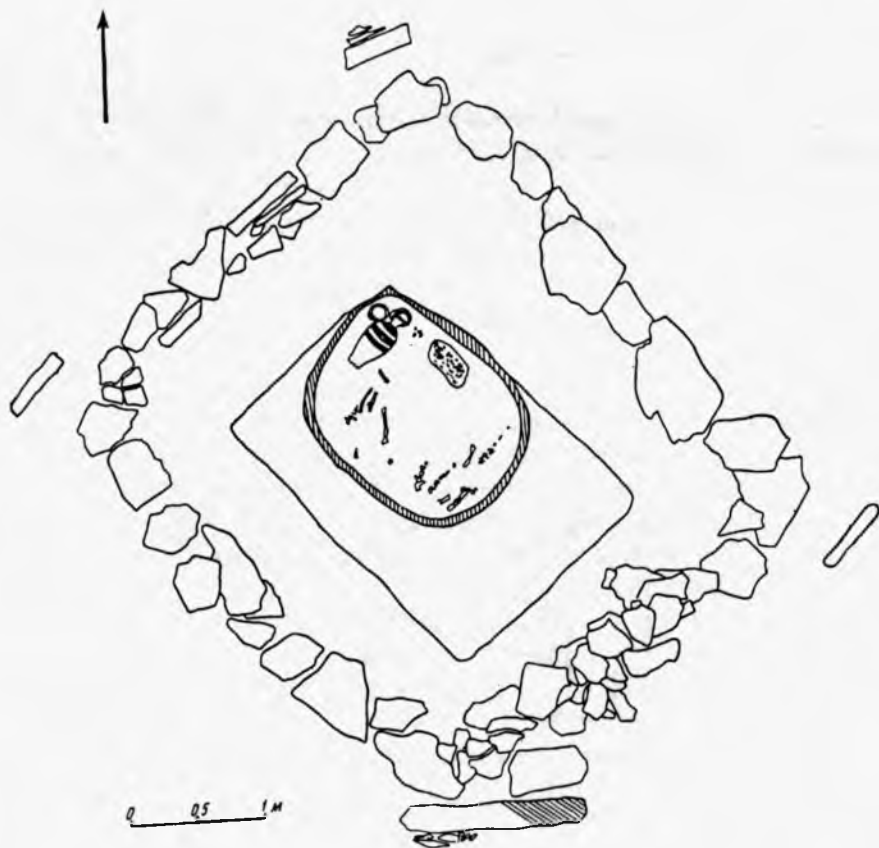

Рис. 12. Прямоугольный курган культуры чаатас. Чаатас Гришкин Лог. По Л.П. Зяблину (1965. Рис. 1).

Fig. 12. Rectangular tumulus of the Chaatas culture. Chaatas Grishkin Log

в этнографических примерах (см. раздел 6.3)⁶⁰? Курганы иного плана, существующие на могильниках культуры чаатас (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1985. С. 219), указывают на одновременное бытование жилищ разных типов: рубленных квадратных и многоугольных, а также круглых войлочных юрт (*кис иб*)⁶¹. На возможную плоскокровельность древнехакасских

⁶⁰ Может ли центральное расположение в кургане погребения, свершенного по обряду сожжения, быть сопоставлено с размещением в середине дома открытого очага? Если это будет обосновано, вопрос, пожалуй, разрешится в пользу *агас иб* и, следовательно, выпуклой крыши мавзолеев.

⁶¹ Предполагать, что за круглым планом может стоять коническая постройка *алачик*, а также цилиндрические корьевые, берестяные или турлучные дома, в этом случае нельзя, поскольку такие жилища, насколько известно, были чужды средневековой аристократии.

мавзолеев могут указывать последующие курганы *тюхтятской* культуры IX-X вв. Среди них нередко встречаются постройки, доверху заполненные мелким камнем (Кызласов Л.Р., 1981б. С. 55. Рис. 33, В).

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что рубленые плоскокровельные жилища квадратного или прямоугольного плана, засвидетельствованные южносибирской этнографией и называемые хакасами и их соседями *тура*, находят отражение в погребальных сооружениях раннего железного века на всем Саяно-Алтайском нагорье (ср.: Кызласов Л.Р., 1999а. С. 127; 2006. С. 139), а также, вполне вероятно, — в склепах гунно-сарматского времени и каменных мавзолеях раннего средневековья. Можно заключить, что *жилища-тура* являются наследием местной дотюркской культуры и с появлением на Енисее во II-I вв. до н.э. тюркоязычного населения воспринимаются им у предшествующих южносибирских обитателей (скорее, самоедо- и угрозязычных), которые продолжали существовать на этих землях и в последующие века, все более сливаясь с возобладавшей тюркоязычной средой в социальном, культурном и речевом отношении⁶². *Тура* бытовали, по крайней мере, до середины XX в. Нет оснований относить жилища этого типа к пратюркской культуре.

5. Древность жилища-алачик

Не боясь ошибиться, можно предположить, что еще один тип жилища, всеобщий на Саяно-Алтае, восходит к дотюркскому периоду местной истории. Имею в виду *алачик* — коническую жердевую постройку, обычно крытую корою лиственницы (рис. 13, 14).

Хотя среди изученных тагарских памятников известны остатки легких наземных построек (Киселев, 1949. С. 167; 1951. С. 287), раскопки, пожалуй, показывают, что жилища конической формы становятся в лесостепи типичными лишь для переходного *тагарско-таштыкского* этапа. Явные остатки таких каркасных стационарных жилищ (диаме-

⁶² История материальной культуры здесь отвечает данным исторической артикуляционной фонетики, инструментально проследившей типологическую общность структурной организации гласных и согласных систем в саяно-алтайских тюркских и угросамодийских языках, что объясняется поэтапной тюркизацией субстратного населения (Селютин, 2007. С. 168-173). Первый из этих этапов вероятно соотнести с появлением в Южной Сибири тюркоязычных племен гуннской эпохи.

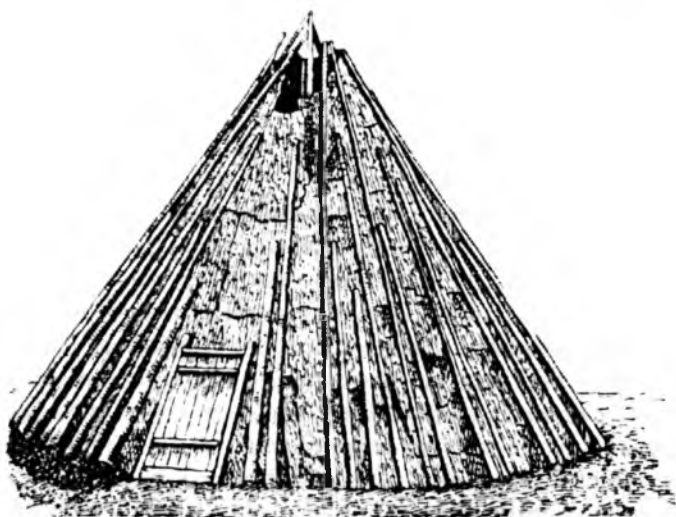

Рис. 13. Внешний вид жилища типа *алачик*. Аланчик алтайцев.

По Л.П. Потапову (1956б. С. 340. Рис. 3)

Fig. 13. External view of the alachik dwelling. The Altaic alanchik

тром по 3-3,5 м) изучены на трех десятках поселений III-I вв. до н.э.⁶³ Наклонные столбы ставились в этих *алачиках* с интервалом от 0,6 до 1 м (Мартынов, Абсалямов, 1988. С. 81-86). Такая многостолпность отличает древние постройки от тех, что зафиксированы этнографами. Для поздних *алачи́ков* отмечается лишь три-пять врытых в землю жердей. Остальные устанавливались, опираясь на почву. Впрочем, вполне вероятно, что раскопки не во всех случаях выявили следы конических, а не цилиндрических столбовых построек, также известных саяно-алтайской этнографии (см. рис. 20, 2) (Яковлев, 1900. Ч. 2. С. 15, 16; Шибаева, 1950. С. 43. Рис. 2, 3; Попов, 1961. Табл. XIII, 6-8; Соколова, 1998. Рис. 73, 74, 80, 159), как и некоторым народам восточносибирской тайги (Попов, 1961. Табл. X, 4-7 — якуты; Соколова, 1998. С. 59, 60, 139. Рис. 36, 37 — эвены).

⁶³ Эти материалы позволяют не останавливаться на конических или многоугольных жердевых сооружениях, иногда обнаруживаемых поверх бревенчатых накатов поздних тагарских, переходных тесинских или позднепазырыкских гробниц III-I вв. до н.э., определить назначение которых непросто (Мартынов, 1979. С. 23-26; Кубарев, 1987. С. 14).

Рис. 14. Горный Алтай. Алачик (алт. аланчык, чадыр) – летняя кухня в д. Кулада. Фото автора 2001 г.

Fig. 14. Gorny Altai. Alachik (alanchyk, chadyr in the Altai language) – summer kitchen in the Kulada village. Photo taken by the author in 2001

Среди наскальных рисунков Хакасии, возможно, именно конический алачик изображает треугольная фигура Большой Боярской писаницы, расчерченная редкими линиями (рис. 15), или подобное изображение Кунинской писаницы. Но полной уверенности в том нет.

Исследователи иногда связывают появление конических каркасных жилищ с произошедшими с III в. до н.э. изменениями этнического состава населения (Абсалямов, 1978. С. 8, 9, 12). Оснований для такого далеко идущего вывода, с моей точки зрения, недостаточно: не приходится сомневаться в том, что такие постройки — древнейший тип жилищ лесных

Очистка! ср. рис. 36, 2.

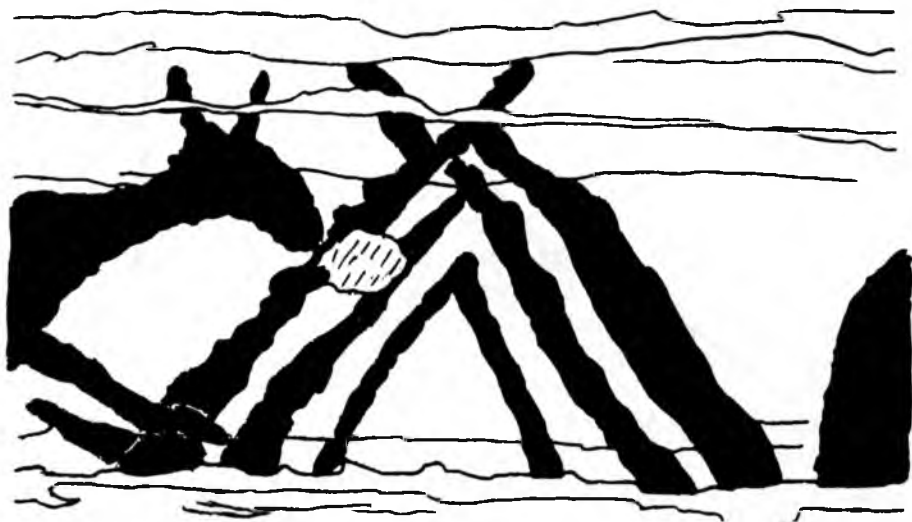

Рис. 15. Вероятное изображение жилища-алачик на Большой Боярской писанице. Хакасия. II-I вв. до н.э. Прорисовка автора

Fig. 15. Depiction of an alachik (supposedly) on the Bolshaya Boyarskaya painting, Khakassia. 2nd – 1st centuries BC. Tracing by the author

Рис. 16. Урочище Пазырык. Полевая лаборатория С.И. Руденко 1949 г. На заднем плане – один из алачиков лагеря экспедиции. По С.И. Руденко (1953. Табл. XVI, 1)

Fig. 16. The Pazyryk hollow. S.I. Rudenko's field laboratory, 1949. In the background – one of the alachik dwellings of the expedition camp

Рис. 17. Горный Алтай. Временное жилище-алачик на покосах по р. Кара-Кол. Фото автора 2001 г.

Fig. 17. Gorny Altai. Temporary alachik on the meadows along the Kara-Kol River. Photo taken by the author in 2001

обитателей (Попов, 1961. Карта 1, 4). Простые и скорые в сооружении (не чета войлочным юртам, ради которых семья богатого скотовода по нескольку лет накапливала шерсть и накатывала кошмы — Тощакова, 1978. С. 85; Маншеев, 2003. С. 112), *алачики* (алтайское *чадыр*) не случайно стали жилищами археологического лагеря С.И. Руденко при раскопках в урочище Пазырык в 40-е гг. (Руденко, 1953. Табл. X, 2, XVI, 1, 2) (рис. 16). В начале 80-х гг. этнографами обследовано и описано около 70 таких построек (Тихонов, 1984. С. 55-60). При маршрутных работах 1994 и 2001 гг. мне довелось убедиться, что они и поныне служат временными жилищами на покосах и пастбищах, а то и летними кухнями на сельских усадьбах Алтая (рис. 14, 17).

Осмывая историю конического жилища, следует, по-видимому, учесть показательную обрядовую особенность. У хакасов-таежников (сагайцев

Рис. 18. Алачик новобрачных на алтайской свадьбе. По Ф. Фиельструпу (1926. Рис. 4)
Fig. 18. Alachik of the newlyweds at the Altay wedding

и бельтир, соответственно соотносимых с былым населением Кузнецкого Алатау и Западных Саян), также как у горных алтайцев (Фиельструп, 1926. С. 113, 115, 121. Рис. 3, 4), именно *алачик* был временным свадебным жилищем, ставившимся на первую ночь для новобрачных (Шибяева, 1950. С. 43, 44; Патачаков, 1982. С. 16, 17) (рис. 18). Следовательно, это жилище принадлежит к реликтам таежной, видимо, еще дотюркской культуры.

К такому заключению подводит и близкая обрядовая параллель, которую мы неслучайно, надо думать, встречаем в семейной жизни хантов. При традиционном главенстве стационарных квадратных избушек, на дни, связанные с женским подородием (перед родами и в послеродового период, в дни месячного цикла), жена, становясь существом нечистым, отселялась в специально построенный перед дверями основного жилища «маленький дом» (ай-хот), который «представлял собою маленький чум» (Сюзюмов, 1993. С. 192-193: полевые материалы 1990 г. и публикация Г. Старцева 1928 г.). Как видим, приходящая в семью саяно-алтайских тюркоязычных таежников невестка с участием жениха проходила через ночлег в подобной временной постройке-алачике.

Различия чумов, возводимые этнографами к разным традициям (включая и так называемую южнотюркскую), заключаются не столько в числе жердей каркаса, сколько в способе соединения вершин шестов и дополнительного скрепления их (Попов, 1961. С. 155, 221; Соколова, 1998. С. 140, 149, 150, 156-158, 206). Эти особенности нельзя проследить в археологических материалах. Надо признать как саму сложность этнокультурного размежевания конических жилищ в этнографии в целом, так и недостаток данных для прояснения генезиса саяно-алтайских их форм в частности (Лукина, Бардина, 1994. С. 42-54). Учитывая древнее распространение в тундре землянок и появление переносных чумов только с распространением оленеводства, допустимо думать, что конические жилища появились на севере вместе с самодийским населением — предками ненцев, энцев и нгансан, пришедших с саяно-алтайского юга вместе с домашним оленем (Прокофьева, 1947. С. 202; Кызласов Л.Р., 1952; 1960а. С. 132-134, 183-185). Это допущение вновь связывает конические жилища с дотюркской культурой Южной Сибири.

6. Домостроительство, соотносимое с древнетюркским (шатрово-купольные *иб*)

Наиболее распространенными наземными жилищами тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья, еще до появления здесь русского домостроительства, повсеместно были многоугольные и квадратные бревенчатые постройки — *иб* с шатрово-купольной кровлей. Поскольку две эти особенности — форма плана и перекрытия — представляются мне наиболее значимыми, преследуя наши цели и разбирая археологические источники, конструкцию построек можно не рассматривать: как каркасно-столбовые — типа хакасского корьевого *одах* (~ *ам иб*)⁶⁴ (рис. 19, 20, 1), берестяного (рис. 20, 2, 21) или бревенчатого *иб* (рис. 22, 2) (Потапов, 1956а. С. 387. Рис. 1, 2; ИЭХ. С. 58: фото 1890-х гг.) — так и срубные жилища (*агас иб*) (рис. 23-25, 27) в равной мере были многоугольными или квадратными и имели не плоский, а выпуклый верх.

От *тура* эту категорию жилищ отличает не только план и особая форма кровли, но также и открытый очаг, расположенный в центре. Не применялась для *иб* и внутренняя обмазка глиной. Показательно еще одно различие — иная вязка углов сруба: если для *тура* типичен замок в обло, то венцы *агас*

⁶⁴ В этом названии — образное мышление степняка: жилище, в ряде случаев опирающееся на шесть столбов (и имевшее привлекаемый нами многоугольный план), наиболее часто имело лишь четыре столба (Попов, 1961. Табл. 15, 1) и сравнивалось людьми с конем (Патачаков, 1982. С. 17). Об *одах/одаг* см.: (Севортян, 1974. С. 484-487).

Рис. 19. Корьевое хакасское жилище одах (~ ат иб). По Л.П. Потапову (1956а. С. 387. Рис. 1)

Fig. 19. Khakass tree-bark dwelling, the odakh (~ at ib)

иб у хакасов, хотя иногда и скрепляются в обло (рис. 1, 22, 3, 27, 1), но обычно соединяются в лапу (рис. 23) (Потапов, 1956а. С. 387. Рис. 3, 4; Попов, 1961. Табл. 15, 3, 17, 1; ИЭХ. С. 12, 21, 22, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 66, 67, 69, 73, 74, 77, 80, 82, 85, 92, 94, 97, 101, 103; фото 1894, 1910, 1912, 1930 и 1931 гг.).

Система рубки заслуживает специального внимания, поскольку устойчивые традиции выявляют срубные техники разного происхождения⁶⁵. По моему мнению, этот критерий указывает на разные корни рассматриваемых типов домостроительства: *тура* и *агас иб*. Многоугольные срубы других саяно-алтайцев, как и якутов, обычно связанные с остатком и в обло (рис. 22, 1, 4, 24; 25), можно думать, сохраняют давнюю местную, еще дотюркскую традицию рубки. Соединение углов без остатка (в лапу) применяется также в традиционном домостроительстве Северной Монголии при использовании бруса (рис. 26) (Майдар, Пюрвеев, 1980. С. 53). Появление вязки в лапу требует новых исследований — как мы видели, она отмечается среди погребальных построек Тувы и Хакасско-Минусинской котловины ближе к гуннской эпохе. То же, пожалуй, можно сказать и об Алтае (Кубарев, 1987. С. 19, 132, 165. Табл. XXX, а, б).

Агас иб, описанные во всех привлекаемых этнографических сочинениях, могли иметь 6, 8, 10, 12 и 14 углов. В народе это увязывалось

⁶⁵ См., например, показательные различия русской (с VIII в.) рубки в обло и норвежской рубки сруба в особый род охряпки (Стальсберг, 2001. С. 99-101. Рис. 5). Показательны отличия от саяно-алтайских, скажем, кавказских типов вязки срубов и заплота (Кобычев, 1982. Рис. 22, 1-4).

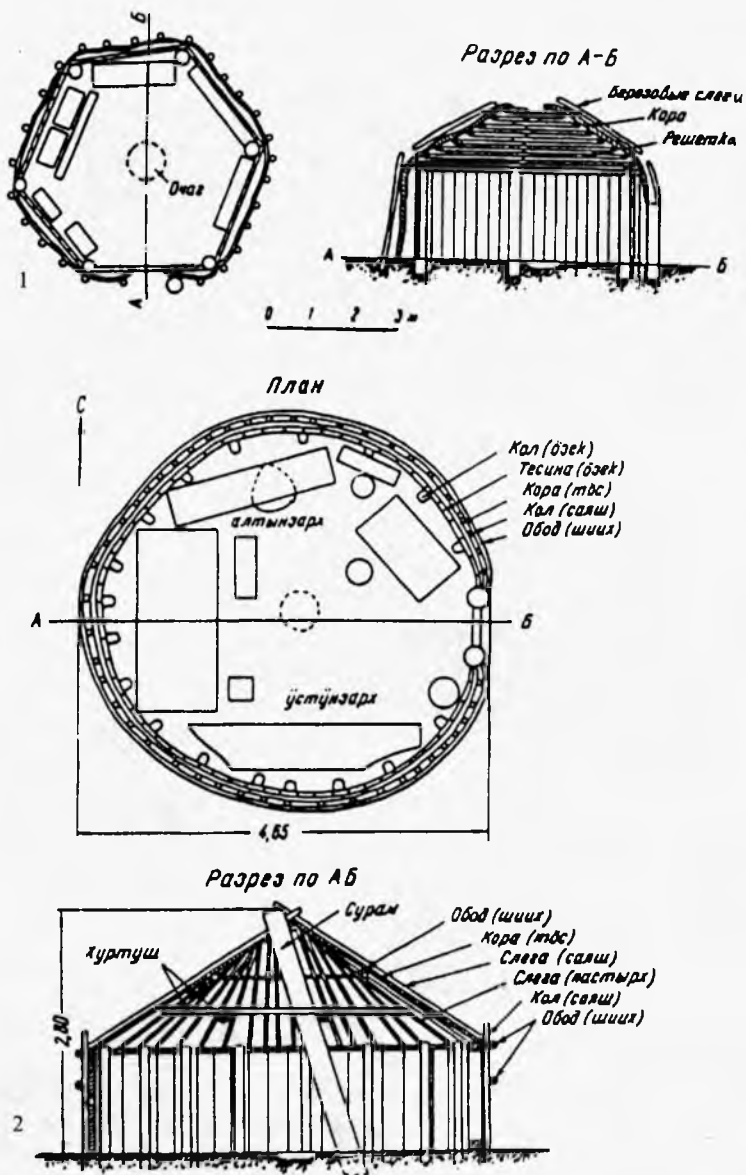

Рис. 20. Планы и разрезы хакасских жилищ: корьевого одах (1) и берестяного тбс иб (2). Конец 40-х гг. XX в. По Ю.А. Шибяевой (1950. Рис. 1 и 3)

Fig. 20. Plans and sections of Khakass dwellings: the tree-bark odakh (1) and the tos ib (2) made of birch bark. Late 1940s

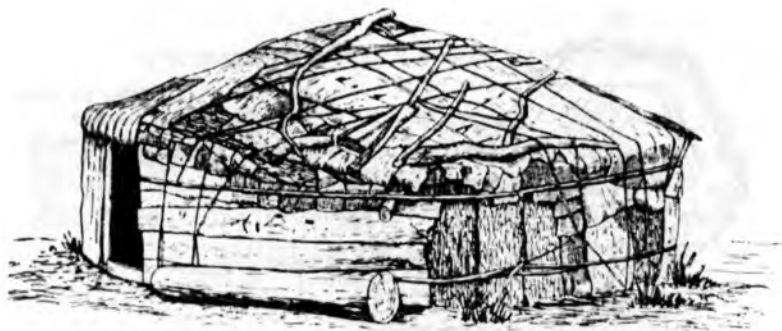

Рис. 21. Хакасское берестяное жилище тös иб. По Л.П. Попову (1956а. С. 387. Рис. 2)

Fig. 21. Khakass tös ib dwelling made of birch bark

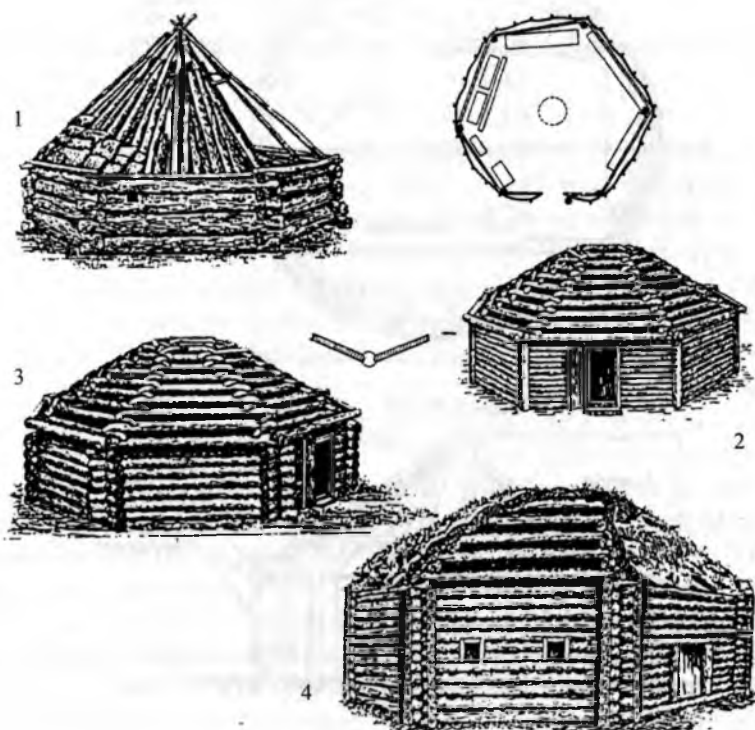

Рис. 22. Конструкция и планировка бревенчатых многоугольных жилищ-иб: срубных (1, 3, 4) и столбовых (2). 1 – алтайцы, 2, 3 – хакасы, 4 – якуты. По А.А. Попову (1961. Табл. XIX, 2, 4, 5, XXI, 3, 5, XXII, 3)

Fig. 22. Design and layout of the ib log polygonal dwellings: log cabins (1, 3, 4) and pillar houses (2). 1 – the Altaians, 2 and 3 – the Khakasses, 4 – the Yakuts

Рис. 23. Хакасское срубное жилище агас иб. По Л.П. Потапову (1956а. С. 387.
Рис. 3)

Fig. 23. Agas ib – the Khakass log dwelling

Рис. 24. Алтайское срубное жилище аил (типа агас иб). По Л.П. Потапову
(1956б. С. 340. Рис. 2)

Fig. 24. Ail – the Altaian log frame dwelling (of the agas ib type)

с состоятельностью владельца. Наиболее распространенными на всем Саяно-Алтае были шести- или восьмиугольные постройки, диаметром 7-8 м (рис. 22-25). Рубленные стены составлялись из 5-15, обычно 8-10 венцов. Их высота достигала человеческого роста (1,6-1,8 м). Постепенно сужающуюся к дымовому отверстию крышу, высотой 3-3,5 м

Рис. 25. Алтайское жилище аил (типа агас иб). Дер. Бичикту-Боом на р. Кара-Кол. Фото автора 1994 г.

Fig. 25. Ail – the Altaian dwelling (of the agas ib type). The village of Bichiktu-Boom on the Kara-Kol River. Photo taken by the author in 1994

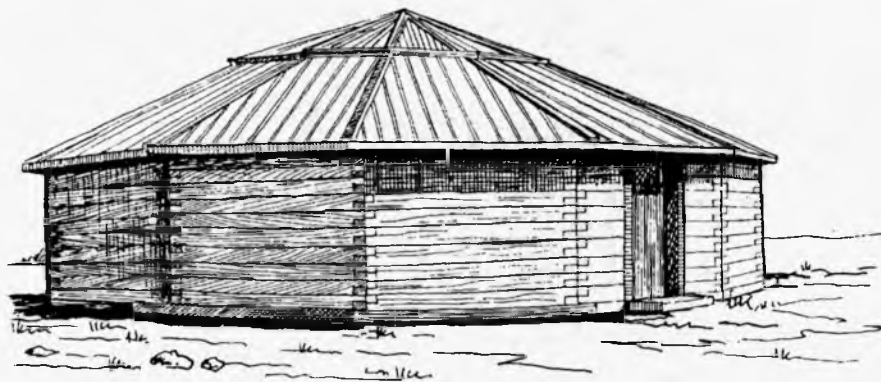

Рис. 26. Северная Монголия. Срубное жилище типа агас иб. По Д. Майдар, Д. Пюрвеев (1980. С. 53)

Fig. 26. Northern Mongolia. Log dwelling of the agas ib type

от пола, составляли горизонтальные стропила, сложенные (рядов по 10) клетью или срубленные на концах в лапу (рис. 22, 2-4, 27, 1). Другой тип представлял собою наклонно поставленные жерди (рис. 22, 1, 24, 27, 2). Независимо от формы каркаса крышу наиболее часто составляли пласты лиственничной коры (реже — подложенные берестой или только

Рис. 27. Конструкция квадратных срубных жилищ-иб: 1 – хакасы-кызылыцы, 2 – алтайцы. По А.А. Попову (1961. Табл. XXI, 1, 2).

Fig. 27. Design of square log frame dwellings (ib): 1 – the Khakass-Kyzyls, 2 – the Altaians

Рис. 28. Квадратное срубное жилище. Тубалары. XIX в. По А.А. Попову (1961. Табл. 10, 2)

Fig. 28. Square log frame dwelling. The Tubalars (Gorny Altai). 19th century

береста, на которую подчас накладывались пласты дерна), снаружи придавленные горизонтально или вертикально уложенными жердями или рамами поверху и низу (рис. 23-25). Реже и, вероятно, позднее встречаются тесовые крыши.

Для нас весьма значимо, что все названные формы (столбовые и срубные) имели не только многоугольные, но и четырехугольные разновидности. Четырехгранные срубные *агас иб* особенно предпочитались северными хакасами-кызыльцами (рис. 1, 27, 1) (Яковлев, 1900. Ч. 1. С. 30-32; ч. 2. С. 15, 16; Шибаева, 1950. С. 41, 42, 45; Потапов, 1956а. С. 387. Рис. 4; Патачаков, 1959. С. 59, 60. Рис. 31, 33, 34; 1982. С. 14-24; Попов, 1961. Табл. 15, 1, 3, 17, 1, 3, XXI, 2; Соколова, 1998. С. 123, 126, 127, 139, 171. Рис. 82). Эти формы бытовали и у алтайцев (рис. 27, 2), тубаларов (рис. 28), телеутов (рис. 29), шорцев, тувинцев (Попов, 1961. Табл. 10, 2, 11, 2, 12, 3, 13, 3, 14, 1, XXI, 1; Соколова, 1998. Рис. 79, 85, 173; Тихонов, 1984. С. 55, 60, 61. Рис. 3, а, б). Необходимо признать и по возможности проследить на древних материалах параллельное существование двух категорий *агас иб*: многоугольных и квадратных.

Распространение срубных жилищ типа *иб* отмечается у всех тюркоязычных народов Южной и Восточной Сибири — от телеутов до якутов (Попов, 1961. С. 155. Табл. 10, 2, 11, 2, 3, 12, 3, 4, 13, 3, 14, 1, 2, 19, 4, 22, 2, 3, XIX, 1-4, XXI, XXII, 2-4; Лукина, Бардина, 1994. С. 86, 87; Соколова, 1998. С. 71, 73, 120, 122, 123, 173, 174, 207. Рис. 48, 79.

Рис. 29. Квадратное срубное жилище. Телеуты. XIX в. По А.А. Попову (1961. Табл. 13, 3)
Fig. 29. Square log house. The Teleuts (Gorny Altai). 19th century

Рис. 30. Тува. Многоугольные срубные кошары на р. Барлык. Фото автора 2006 г.

Fig. 30. Tuva. Polygonal log sheep pens on the Barlyk River. Photo taken by the author in 2006

Табл. VIII, 2, 3, XI, 3, 6, XIII, 3; Крадин, 1990. С. 328-330. Рис. 2, 5, 6). В культуре тувинцев многоугольные срубы поныне используются и в качестве кошар для овец (Рис. 30). У шорцев и алтайцев такие жилища (*аил*) отличаются конической или многогранной крышей, образованной наклонно размещенными жердями (рис. 22, 1, 27, 2). На востоке, в культуре западных бурят (Минерт, 1983. С. 8. Рис. 4) и северных монголов многоугольные срубы (рис. 26, 31) носят монгольское название *гэр*, но они чужды домостроительству всех иных монгольязычных и соседних тунгусо-маньчжурских народов.

Отличия бурятских жилищ от рассматриваемых южносибирских на первый взгляд существенны. Речь идет о существовании внутри *гэр* одного центрального или четырех опорных столбов (Вяткина, 1956. С. 231, 232; Попов, 1961. Табл. 20, 1, 2, XX, 10, XXII, 1; Соколова, 1998. С. 135. Рис. 86). Однако такие столбы в недалеком прошлом отмечены для хакасских стационарных как берестяных, так и столбовых бревенчатых (заплотных) жилищ: и один (но наклонный) центральный (рис. 20, 2) (Шибаета, 1950. С. 43. Рис. 3), и четыре вокруг очага (Яковлев, 1900. С. 15, № 4; Патачаков, 1982. С. 14, 15, 23. Рис. 2, 2). Центральный столб нашел отражение в старой хакасской загадке, записанной Н.Ф. Катановым в 1889 г. у сагайцев левого берега Абакана: «Сын неба — силен, чтобы касаться, а сын мой — силен, чтобы двигать (Ветер и столб в юрте)» (Образцы, 1907. С. 243, № 114). Иной вариант: «Сын неба плохой силач, а мой сын силен, как холощенный яман (козел — И.К.)» (Султанбаева, 2006. С. 97). Есть и другая загадка о столбе (быть может, также центральном): «Один старик у меня все

Рис. 31. Срубное жилище западных бурят. По К.В. Вяткиной (1956. С. 232)
Fig. 31. Log dwelling of the Western Buryats

Рис. 32. Внутренний вид тувинского многоугольного жилища.
По А.А. Попову (1961. Табл. XXI, 4)
Fig. 32. Internal view of a polygonal Tuvinian dwelling

поднимает (Вилообразный столб в юрте, на который вешают сбрую)» (Образцы, 1907. С. 367, № 321). Четыре центральных столба известны и у тувинской юрты (рис. 32) (Попов, 1961. Табл. XXI, 4; Лукина, Бардина, 1994. С. 62).

Нельзя принять высказанное этнографами мнение о заимствовании тюркскими народами многоугольных домов у бурят, якобы, воспро-

изводивших в дереве изначально круглое войлочное жилище (Попов, 1961. С. 159; Соколова, 1998. С. 205). Кроме неоправданного примата кочевнических форм переносного жилища, существовавшего в этнографии со времен Н.Н. Харузина (1896. С. 54-60), здесь не учитывается лесной образ оседлой жизни, изначально присущий самим монголоязычным народам, относительно поздний их выход в степи и заимствование степных кочевых технологий, включая переносную юрту, у тюркоязычных предшественников (Clauson, 1973; Кызласов Л.Р., 1975а; 1992. С. 147-162). Без внимания также остаются этапы и компоненты сложения бурят. Все сказанное, несомненно, относится к монголизированной на глазах истории, а до того тюркоязычной Северной Монголии, в отношении которой в литературе также главенствует примат изначально заданной кочевниковедческой схемы, при которой бревенчатые стационарные постройки надуманно и упрощенно возводятся к войлочным юртам (показательно, но не единственно: Майдар, Пюрбеев, 1980. С. 54-56).

Можно думать, что бурятское и северо-монгольское многоугольное бревенчатое жилище (Кондратьева, 1935. С. 20 сл.) принадлежит к наследию былого тюркоязычного населения этих мест, позднее монголизированного и, в результате ассимиляции, ставшего частью бурятского и монгольского народов.

Определить места возникновения и первоначального распространения по Евразии наземных многоугольных жилищ с шатрово-купольным (дарбазным) перекрытием, пожалуй, пока не удастся. Совершенно ясно, что вопреки широко распространенному мнению, в их появлении нет никакого влияния русского домостроения, и они принадлежат к иной, древней традиции (Лукина, Бардина, 1994. С. 87), корни которой весьма глубоки. Появление многоугольных купольных жилищ может быть реконструировано, например, для неолитической кельтеминарской культуры западной Средней Азии (Грязнов, 1965б), а глинобитных с шатровым перекрытием — для энеолитической ботайской культуры Северного Казахстана (Зайберт, 1985. С. 83).

Вполне понятно, что связь многоугольного жилища с исконной культурой тюркоязычных народов сегодня проясняется для нас только в приложении к конкретно-историческим условиям Саяно-Алтайского нагорья или даже всей Южной Сибири в целом. Сама многоугольность жилища, взятая вне этих обстоятельств и типологических признаков, конечно же, никак не может быть отнесена к какой-либо языковой группе. Рассматривая археологические материалы, где только и в отношении какой только эпохи мы не находим многоугольных (подчас, срубных) домов. Так, в конце энеолита и в раннем бронзовом веке крупные жилища в основном шестиугольной фор-

Рис. 33. Плоскокровельный многоугольный сруб. Якуты. По А.А. Попову (1961. Табл. 22, 2)
Fig. 33. Flat roof polygonal log frame cabin. The Yakuts

Рис. 34. Плоскокровельный многоугольный сруб. Тувинцы. По А.А. Попову (1961. Табл. 19, 4)
Fig. 34. Flat roof polygonal log frame cabin. The Tuvincians

мы распространяются на крайнем северо-востоке Европы, где связываются с влиянием абашевской культурной традиции. Но это не наземные дома, а полуземлянки (Буров, 1993. С. 25-27, 33. Рис. 1, 2). Как видим, нет серьезных оснований углубляться в подобные материалы за пределами очерченной историко-географической и типологической зоны.

И все же, говоря конкретно, прообразы наших жилищ-иб следует искать к юго-западу от Саяно-Алтая. Важно заключение этнографов о том, что многоугольные срубы народов Южной Сибири с выпуклой крышей составляют на востоке Евразии особую, самобытную группу (Соколова,

1998. С. 141, 207). Археологические материалы, как увидим, *позволяют связывать многоугольные срубы с многогранными столбовыми жилищами.*

В связи с рассмотренными в разделе 4 особенностями крыши жилищ-тура следует отметить существование у якутов и тувинцев рядом с шатрово-купольными и срубных многоугольных плоскокровельных построек (рис. 33, 34) (Токарев, Гурвич, 1956. С. 287; Попов, 1961. С. 134. Табл. 19, 4, 22, 2; Соколова, 1998. С. 71, 131, 141; Крадин, 1990. С. 328, 329. Рис. 5; Кызласов Л.Р., 2001. Рис. 64). Возможно, в этом проявилось соединение двух древних домостроительных традиций — местной (плоскокровельной) и пришлой (многоугольной). Неслучайно такие срубы западных тувинцев (*ыяш ӧг*) выше вертикальных бревенчатых стен имеют постепенно сужающуюся верхнюю часть (в четыре, как отмечено, венца), образующую невысокую пирамиду, усеченную плоской кровлей (Каралькин, 1960. С. 276, 277. Рис. 7, 8).

Что касается квадратного сруба, крытого выступающей кровлей (конической или четырехгранной), то, кроме южносибирских тюрков и бурят, он отмечен у хантов и эвенков (Соколова, 1998. С. 173). Именно этот тип жилища, можно думать, запечатлен на обсуждаемых ниже Боярских писаницах в Хакасии (раздел 6.2).

6.1. Материалы раннего железного века Алтая

Двойные пазырыкские срубы, пространство меж стен которых заполнено рваным камнем, на мой взгляд, не стоит сравнивать с жилищами телеутов и других тюркоязычных народов, возведенных с помощью двойного обмазанного глиной плетня, наполненного землею (Грязнов, 1950. С. 60). Если внешние камеры создавались ради защиты основного сруба от давления сверху и с боков (Руденко, 1953. С. 80), то рыхлое каменное заполнение двухслойных гробниц (рис. 3) видится средством защиты от проникновения грабителей, прорубавших в камерах лазы. Тому же служил сыпучий рваный камень курганной насыпи и заполнения могильного котлована, как и плотные многослойные бревенчатые накаты внутри подкурганной ямы (рис. 4).

В кургане № 1 пазырыкского могильника Ак-Алаха-1 на Алтае второй накат над потолком погребальной камеры был сложен из 38 коротких для этого бревен (диаметром по 15-20 см), наделенных косыми пазами на концах. Автор раскопок полагает, что были использованы части многоугольного деревянного жилища или заготовки для него (Полосмак, 1994. С. 13, 22. Рис. 13; 2001. С. 48. Табл. I, б). Если это так, перед

нами древнейшее свидетельство существования многогранных жилищ в Южной Сибири — курган, вероятно, датируется концом IV — началом III в. до н.э.⁶⁶

Значение этого факта в истории местной культуры настолько велико, что принять его по предварительной публикации материала (представленного только на общем чертеже и не сопоставленного с частями многоугольных жилищ, известных этнографии) было бы преждевременно. Судя по изданному чертежу,стораживает, например, расположение пазов только с одного конца бревен, длина которых невелика (по трем измерениям, полученным с того же чертежа, она составляет 1,97; 2,12 и 2,3 м). Очевидна непрочность такого сочленения углов предполагаемой постройки, шаткость которой особенно заметна в сравнении с прекрасными и сложными приемами рубки углов пазырыкских погребальных срубов, даже тех, которые содержат всего 2-3 венца (Полосьмак, 1994. Рис. 93). Будь обсуждаемые бревна частью не стен, а купольной (дарбазной) крыши, они бы отличались друг от друга по длине, т.к. с каждым ярусом пирамидального перекрытия его слегка укорачивались.

Не связанные конструктивно с жилищем восьмиугольные бревенчатые обкладки обнаружены в одновременных горно-алтайскому погребению курганах тагарской культуры IV-III вв. до н.э. в урочище Сыхпа, имевших необычное надмогильное устройство (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1987. С. 255; 1988. С. 243). В основании стен кольцевого Знаменского городища II-I вв. до н.э. в Хакасии также оказалась однорядная бревенчатая многоугольная выкладка (раскопки М.Л. Подольского 1978 г. и автора 1991, 1993 гг.).

Каменный курган, относящийся, вероятно, к концу IV — началу III в. до н.э. и имевший в плане вид неправильного шестиугольника (с первоначальной стенкой шириною 1,4 м), раскопан в могильнике Верх-Кульджин I на плато Укок (Алтай). Полагают, что он повторял по форме деревянное срубное жилище (Молодин, 2000а. С. 102). Однако, как уже отмечалось мною в разделе 3 этой главы, облик надмогильных конструкций раннего железного века Южной Сибири в большинстве случаев надежнее увязывать с бытовавшим в обществе образом Вселенной, нежели с прямым воспроизведением существовавших жилищ. Для разрешения нашей темы в отношении Алтая требуется накопление большего материала.

⁶⁶ Большая работа над уточнением хронологии курганов раннего железного века, проводящаяся с учетом естественнонаучных методов датирования, пока приводит к противоречивым результатам. В этих условиях специалисты иногда вынуждены отказываться от опоры на хронологию Пазырыкских и иных подобных курганов Горного Алтая (Алексеев, 2003. С. 28-32).

6.2. Материалы раннего железного века Хакасии

Будем помнить, что традиционные наземные жилища саяно-алтайских народов типа *агас иб* отличаются от древних срубов не только общим планом, но и формой крыши. Она не плоская, как у могильных срубов или жилищ-*тура*, а высокая, шатрово-купольная.

Впервые выпуклые крыши у погребальных квадратных срубов появляются в курганах тагарско-таштыкского (тесинского) переходного этапа — во II-I вв. до н.э. Явление было довольно распространенным, поскольку из 11 раскопанных до 1982 г. склепов лишь пять имели плоские перекрытия, а шесть — двух- или четырехскатные (Пшеницына, 1992. С. 227). Скаты пирамидальной крыши образовывали наклонно поставленные жерди — у Туимского кургана их было 14-16 на каждой стороне. В этом случае поверх было настелено три слоя лиственничной коры, еще столько же — бересты, затем устроена метровая земляная засыпка, вновь покрытая корой лиственницы, прижатой расколотыми бревнами (Кызласов Л.Р., 1960а. С. 26). Иногда куполообразный свод устраивался из бересты над плоским потолочным настилом (Киселев, 1949. С. 128; 1951. С. 223). Рубка срубов велась в обло. В последующее время усеченно-пирамидальные четырехскатные крыши сохраняются у части ранних таштыкских склепов, также срубленных в обло.

Именно такие постройки — квадратные, бревенчатые, с пирамидальными крышами — в большинстве случаев были изображены на широко известных и вновь обнаруженных писаницах хребта Бояры (рис. 35-39) (Грязнов, 1933; Киселев, 1949. С. 148. Табл. XIX, 1; 1951. С. 184, 252, 254. Табл. XIX, 1; Дэвлет, 1965; 1997), относящихся к тому же тагарско-таштыкскому переходному этапу (II-I вв. до н.э.) (Дэвлет, 1965. С. 133, 134; 1976. С. 8, 9). На этих петроглифах выпуклые крыши отличают и те дома, которые лишены поперечных борозд, указывающих на бревенчатые стены⁶⁷ (рис. 36). Поэтому нередкие у археологов сравнения со зданиями Боярских писаниц погребальных срубов раннего железного века, перекрытых плоскими на-

⁶⁷ Допустимо думать, как делали многие мои предшественники, что так нарисованы дома с иными, не бревенчатыми стенами. Сказать, глинобитные ли они (Киселев, 1949. С. 148), каркасные берестяные (Дэвлет, 1965. С. 139; 1997. С. 136) или какие-то еще (например, корьевые), конечно, невозможно. Местная этнография предоставляет большое разнообразие наземных жилищ, с которыми могут быть сопоставлены такие изображения Боярских писаниц. Важно, что это наземные стационарные постройки. Лишь абстрагирование от реалий местной истории культуры способно породить иное истолкование боярских петроглифов, а невнимание к историографии вопроса — восприятие фигур горизонтальных бочонков на писанице в качестве прямоугольных полотнищ для покрытия легких построек (Грачев, 1998).

Рис. 35. Изображения жилищ на Малой Боярской писанице. Хакасия. II-I вв. до н.э. По М.П. Грязнову (1933)

Fig. 35. Depiction of dwellings on the Malaya Boyarskaya painting. Khakassia. 2nd – 1st centuries BC

катами (Грязнов, 1950. С. 59, 60), не кажутся мне точными. Это различие строений двух эпох, как и связь второй из них с этнографическими материалами, еще в 1889 г. тонко почувствовал раскопавший Большой Уйбатский склеп Д.А. Клеменц, писавший, что «береста образовывала что-то вроде сводчатой крыши юрты» (Дэвлет, 1965. С. 134).

Горизонтальные борозды разлинованных домов на Боярских писаницах не выходят за вертикали стен и, строго говоря, могут передавать столбовую конструкцию, бревна в которой собраны в заплот (рис. 35-38, 39, 1). Однако наиболее вероятно, что здесь отражена угловая рубка без остатка (скажем, в лапу). Этот вывод подкрепляют особенности рисунка на отдельной композиции, обнаруженной в тех же горах В.Ф. Кдпелько в 1986 г. Здесь линовка выступает за стены, т.е. наиболее сравнима со срубом, связанным с остатком (в обло) (рис. 39, 2) (Мартынов, Абсаямов, 1988. Рис. 19).

Боярские писаницы важны для нашей темы и потому, что в особой манере передают другую типологически значимую черту стационарных жилищ эпохи — открытый очаг, расположенный в центре дома. Именно так всеми исследователями истолковываются кружки и квадраты, выбитые в дверных проемах изображенных на скалах построек (рис. 35, 36, 2, 37, 38). Уже только этих петроглифов достаточно, чтобы убедиться в существовании в Хакасии квадратной разновидности *агас иб* во II-I вв. до н.э.

Остатки квадратных срубных жилищ, которые могут быть отнесены к рассматриваемой категории, раскопки выявили, как говорилось в разделе 4.3, на Шестаковском городище, относящемся к III-I вв. до н.э. (Мартынов, Абсаямов, 1988. С. 55, 56, 71-76).

Сходство одного из изображений Малой Боярской писаницы с куполообразной юртой (рис. 35, 37, справа) обманчиво. Учитывая попе-

Рис. 36. Детали Большой Боярской писаницы. II-I вв. до н.э. По М.А. Дэвлет (1965. Рис. 5, 6)
 Fig. 36. Details of the Bolshaya Boyarskaya painting. 2nd – 1st centuries BC

речную линовку, М.П. Грязнов (1933. С. 43) полагал, что это круглая постройка — дерновая или плетеная. Последнее объяснение было подхвачено⁶⁸. Однако, пожалуй, нет необходимости и на этот раз выходить за рамки бревенчатых жилищ: многоугольные постройки такого абриса, срубные стены которых, плавно сужаясь, переходили в уплощенную крышу, уцелели у якутов (рис. 40) (Соколова, 1998. Рис. 48). Поскольку подобным образом у якутов бывали устроены и шатровые крыши старинных жилых башен («крепостных амбаров») (Крадин, 1988. С. 174-183. Рис. 213, 215, 216, 218, 219), эту черту оборонительных сооружений

⁶⁸ Сравнение стало общим местом, см., например: (Крюков, 1979. С. 125, 126). Курьезны появившиеся в литературе случаи отнесения Боярских писаниц к культуре центральноазиатских гуннов (хунну) и оспаривание стационарности изображенной постройки, поскольку это «плохо согласуется с кочевым бытом» (Дробышев, 2005. С. 45, прим. 1).

Рис. 37. Жилища правой части Малой Боярской писаницы. II-I вв. до н.э. Фото Л.Р. Кызласова, 1962 г.

Fig. 37. Dwellings in the Malaya Boyarskaya painting. 2nd – 1st centuries BC. Fragment. Photo taken by L.R. Kyzlasov in 1962

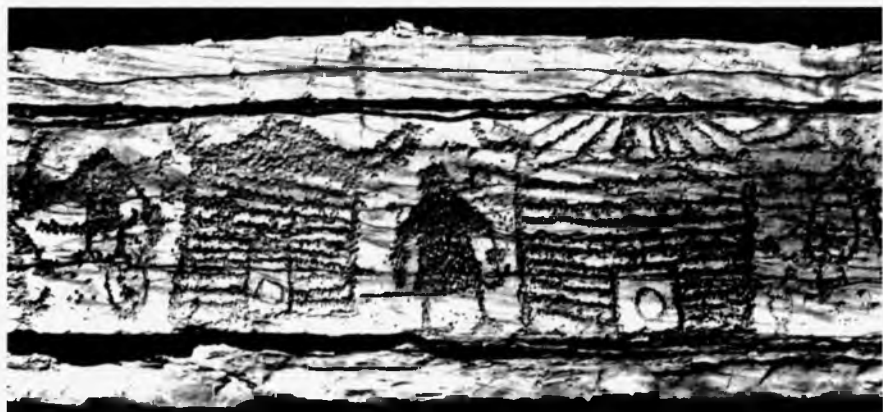

Рис. 38. Жилища на Малой Боярской писанице. Деталь. II-I вв. до н.э. Фото Л.Р. Кызласова, 1962 г.

Fig. 38. Dwellings in the right-hand part of the Bolshaya Boyarskaya painting. 2nd–1st centuries BC. Photo taken by L.R. Kyzlasov in 1962

(как и их размещение вне крепостей и круговой обстрел), вероятно, не следует прямо связывать лишь с русским влиянием.

Сужение прямоугольных погребальных срубов к перекрытию, создающее пирамидальность конструкции и иногда выведенное очень плавно, наблюдается уже в раннем железном веке — в уюкской культуре (Грач, 1980. Рис. 9, 97; Новгородова, 1989. С. 258, 261), в отдельных пазырыкских курганах (Мыльников, 1999. Рис. 47) и в Восточном Казахстане

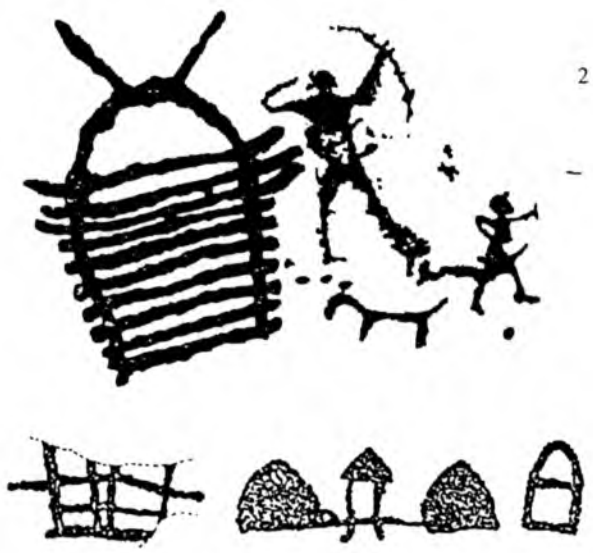

Рис. 39. Хребет Бояры. Отдельные плоскости с рисунками: 1 – «Новая писанища». По М.А. Дэвлет (1997. Рис. 1, 1), 2 – Восточные Бояры. Копия В.Ф. Капелько, 1986. По А.И. Мартынову и М.Б. Абсалямову (1988. Рис. 18)
 Fig. 39. The Boyary Ridge. Separate planes with drawings: 1 – The “New painting”, 2 – Eastern Boyary

Рис. 40. Многоугольная якутская постройка. По З.А. Соколовой (1998.
Рис. 48)

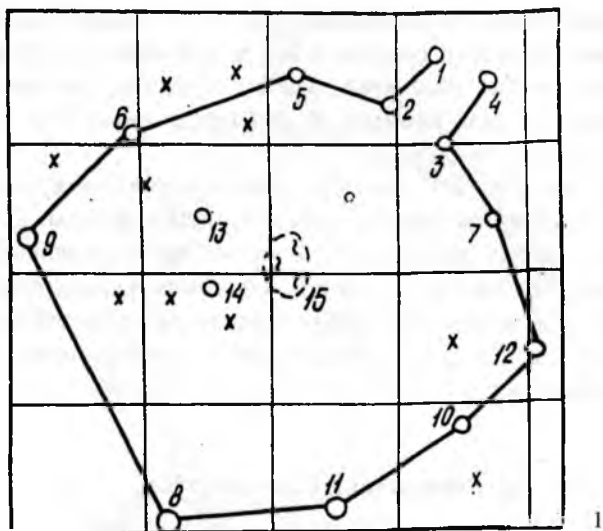
Fig. 40. Polygonal Yakut dwelling

(Мыльников, 2003. С. 42, 46). Такой прием известен и среди традиционных жилищ Саяно-Алтая (рис. 27, 1).

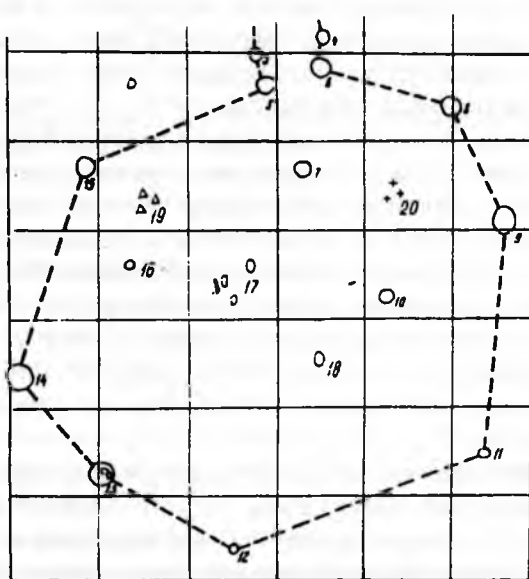
Наиболее ранние свидетельства распространения многоугольных жилищ ныне связаны с таштыкской культурой. Раскопки широкой площадью выявили на Михайловском поселении следы 75 таких построек. Несмотря на то, что они отразили несколько этапов жизни селища, все строения оказались наземными и столбовыми. Такая картина определенно свидетельствует, что к III-IV вв. жилища-*иб* не только вошли в обиход, но и составляли основную разновидность поселенческой застройки. Остатки многоугольных построек были также выявлены и на II Михайловском поселении в 10 км от первого.

Михайловские жилища имели от 6 до 9 углов (рис. 41). Диаметр столбов основного каркаса составлял 20-30 см (но достигал 60 см), их расстановка указывает на разную технику крепления бревенчатых стен. Площадь жилищ — 30-35 (в отдельных случаях 54-78) кв. м. Примечательно, что в центре построек встречены опорные столбы — обычно по четыре, установленные квадратом, но также и по одному-два или по три. Очаги в основном были открытыми. Все это близко сопоставимо с этнографическими материалами Саяно-Алтая (Мартынова, 1985. С. 31-88).

Поздние курганы таштыкской культуры на Михайловском могильнике совмещали признаки предшествующих ямных гробниц, перекрытых бревнами (столбовые обставки ям, прижатые срубом или клетью),

1

2

Рис. 41. Реконструкции планов жилищ Михайловского поселения. III-IV вв. 1 – строение 48, 2 – строение 9. По Г.С. Мартыновой (1985. Рис. 48, 86)

Fig. 41. Reconstructed views of the dwellings of the Mikhailovskoe settlement. 3rd – 4th centuries. 1 – construction 48, 2 – construction 9

с новыми строительными особенностями — вертикальными, выложенными из камня стенками (высотой в 1 и шириной 1-1,5 м), по верху обрамляющими могильные ямы. Таким образом, уже не подземные склепы, а сами курганы воспроизводят квадратные (7 x 7 м) жилища (Мартынова, 1985. С. 4-30).

В последние века до н.э., в гунно-гянгуньскую эпоху, в облике курганов Южной Сибири наступает определенный перелом. Если в раннем железном веке форма надгробных сооружений воспроизводила облик обитаемого мира как части Вселенной, и основным символом в этом была мировая гора с жилищем мертвых под подошвой (Кызласов И.Л., 1987; 1989. С. 201-207), то с тех пор и по сей день *сами наземные погребальные постройки предстают в виде человеческого жилища.*

6.3. Материалы средневековья Саяно-Алтая

Могильные ямы наиболее ранних известных курганов культуры чагас, изученных на Михайловском могильнике, по мнению раскопщиков, оказались перекрыты пирамидальными крышами. Стенки, образующие курганы, сложены из плашмя уложенных камней, имеют квадратный план и свободный вход с юго-запада (Мартынова, 1985. С. 30. Рис. 2, 5). В дальнейшем (VI — начало IX вв.) для этой археологической культуры характерны квадратные (рис. 12) и многоугольные каменные мавзолеи (рис. 42, 43), крыши которых могли быть деревянными. Кровля должна была быть выпуклой. На раннем утинском этапе (VI-VII вв.) в конструкции стен хорошо различимы входы, заложенные камнем (Кызласов Л.Р., 1981в. С. 47. Рис. 28, А-Е). Восстановленная кладка шестиугольного кургана могильника Гришкин Лог (диаметром около 6 м) (рис. 42) при толщине стенок 0,8 м достигла высоты 1,7 м (Зяблин, 1965. С. 285, 286. Рис. 3), т.е. оказалась вполне сопоставимой с высотой стен реального граненого деревянного жилища типа *агас иб*.

Нужно сразу сказать, что во всех последующих древнехакасских культурах (*тюхтятской* и *аскизской*) — от IX до XVII в., т.е. вплоть до этапа развития местного общества, наблюдаемого этнографической наукой — курганы были каменными воспроизведениями уже не квадратных, а только круглых и многоугольных жилищ⁶⁹. Поначалу нередко заложенные мелким плитняком, эти мавзолеи со временем

⁶⁹ Варианты курганных планов отражают разнообразие реальных жилищ эпохи. Все оговорки, сделанные в разделе 4.4, сохраняют силу в этой части текста. Учтем также, что при увеличении числа стенок (скажем, до 12), проследить первоначальную угловатость развалившейся невысокой каменной постройки археологу бывает сложно.

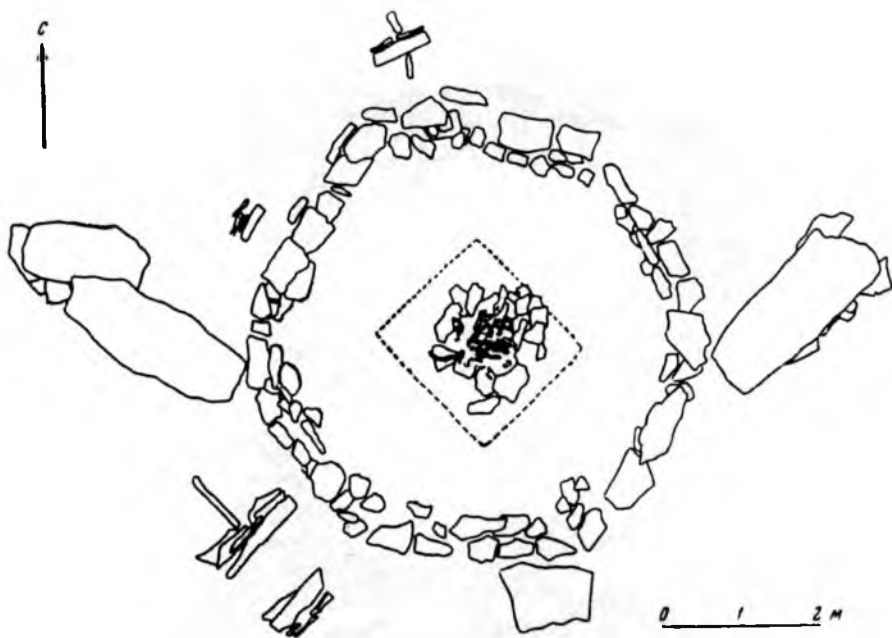

Рис. 42. Шестиугольный курган. Чаатас Грешкин Лог. По Л.П. Зяблину (1965. Рис. 2)

Fig. 42. Hexagonal tumulus. Chaatas Grishkin Log

сооружались с незаполненной серединой. Их остатки выглядят каменными кольчатыми развалами, высотой по 25-30 см и диаметром 5-6 м. Захоронения в таких курганах совершены в очень мелких ямах или прямо на поверхности (рис. 44), поэтому сооружения должны были иметь деревянные возвышающиеся над стенами крыши (Кызласов Л.Р., 1975б; 1981б. С. 55. Рис. 33, Б, В; Кызласов И.Л., 1980. С. 153-155; 1981. С. 206. Рис. 74, А; 1983. С. 21. Рис. 2, 3).

Данные письменных источников по интересующей нас теме невелики. В китайском повествовании о земле Хягас («Синь Тан шу», XI в.), восходящем к материалам VI-VIII вв., названы жилища двух разновидностей: в то время как у правителя (ажо) «дом состоит из палатки, обтянутой войлоками, и называется мидичжи», а «начальники живут в малых палатках», прочие «зимой живут в избах, покрытых древесною корою»⁷⁰. В пределах

⁷⁰ Соответствующий текст «Тайпинхуаньюйцзи» (X в.) В.Н. Кюнер перевел так: «В ставке ажэ, установив деревья, сделали ограду, поставили большую войлочную палатку, назвали ее цзаодычжи. От их начальников и ниже все имеют малые войлочные палатки и одновременно из дерева и кожи делают дома» (1961. С. 58). Речь также идет о сезонном различии жилищ, что подтверждает дальнейшая фраза источника: «Зимой делают дом, покрывая [его] древесной корою» (С. 60).

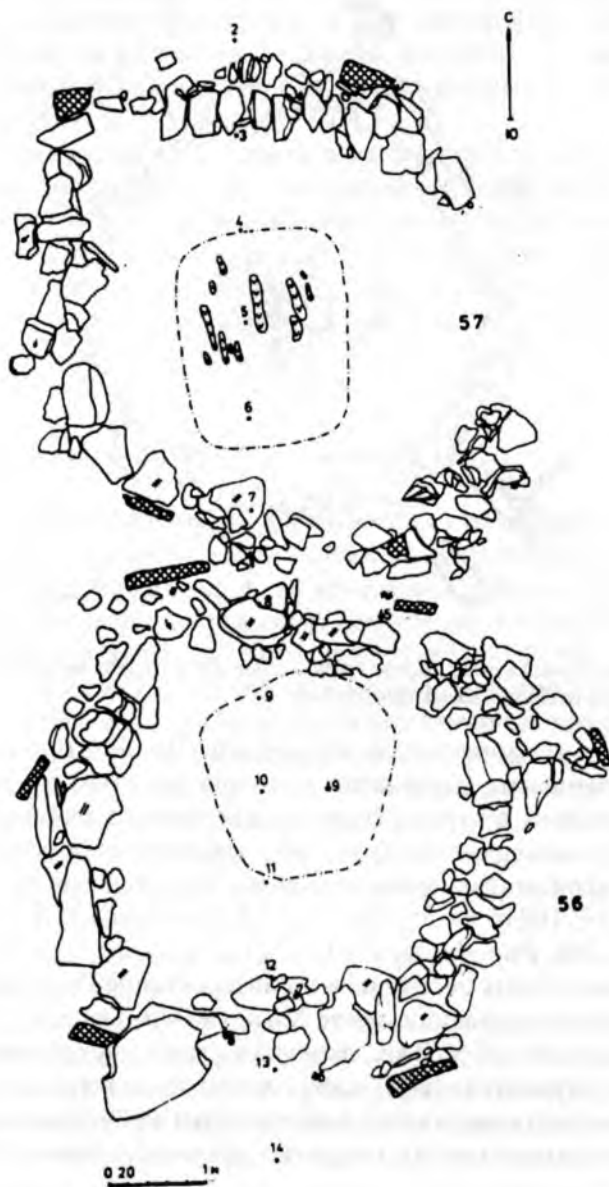

Рис. 43. Многоугольные курганы 56 и 57. Абаканский чаатас.
 Раскопки Л.Р. Кызласова и автора, 1983 г.
 Fig. 43. Polygonal tumuli 56 and 57. Abakanski Chaatas

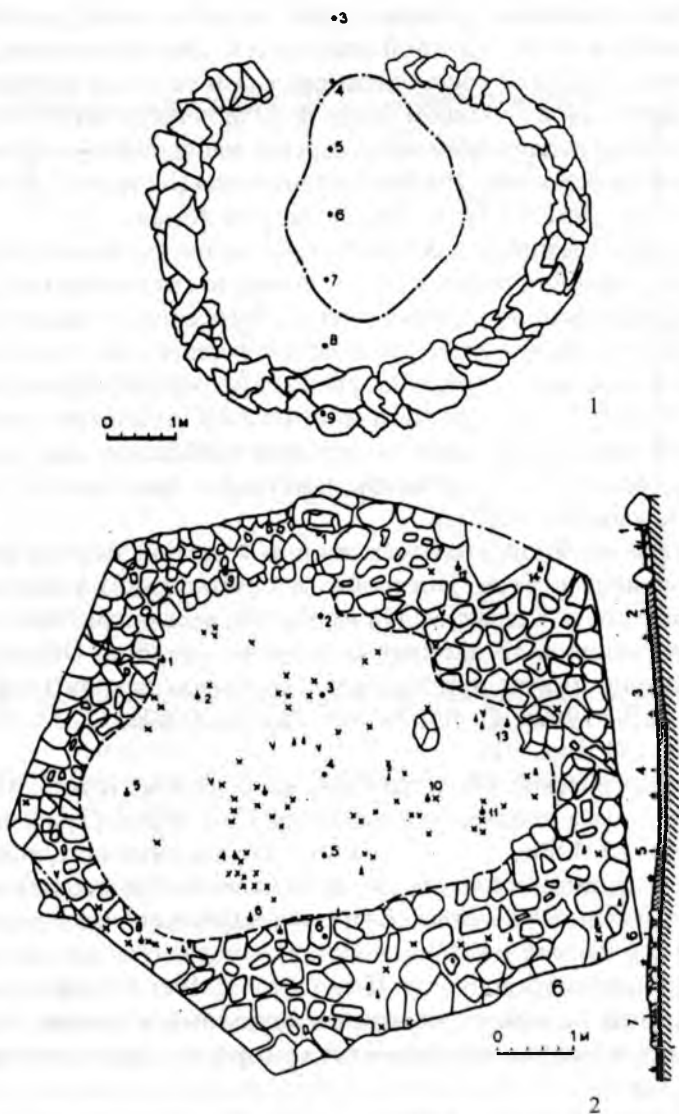

Рис. 44. Круглый (1) и многоугольный (2) курганы аскизской культуры. 1 – могильник Оглахты III, план кургана 3; 2 – могильник Берёг Енисея, план и профиль кургана 1. По И.Л. Кызласову (1983. Рис. 2, 2, 3, 6)

Fig. 44. Round (1) and polygonal (2) tumuli of the Askiz culture. 1 – Oglakhty III barrow, plan of tumulus 3; 2 – Berёg Yeniseya barrow, plan and side view of tumulus 1

страны и три «тукюеских аймака» (дубо, милигэ и эчжы) подобным же образом «живут в избах, берестой покрытых». Соседи с востока, бюньма (бома), которых Н.Я. Бичурин считал предками якутов и которые «часто дрались с хягасами» и «обликом много походили на хягасов, но говорили другим языком», также «связывали деревья наподобие колодезных срубов и покрывали берестой. Это были их жилища» (Бичурин, 1950а. С. 350, 352-354; Кюнёр, 1961. С. 52: «...[так] и делают дома»).

Укажу на прослеженные для степного Алтая пятиугольные надмогильные строения первой половины VIII в., имевшие столбовую конструкцию и, вероятно, выложенные из дерна стены. Погребения в таких мавзолеях отнесены к сросткинской культуре и были совершены на древней поверхности или с небольшим углублением в нее, т.е. сооружения имели кровлю (Ефремов, 1990. С. 42). Остатки 8-миугольного столбового жилища изучены и в Кузнецкой котловине — его дата приблизительно определена IX-X вв. Авторы склонны относить памятник к сросткинской культуре (Бобров, Добжанский, 1997).

Существование многоугольных жилищ у народа тюрков прослежено при раскопках в Туве. Постройка в поминальном комплексе VII-VIII вв. в местности Сырыг-Булун имела вид восьмигранного жилища. Его основой явились 13 вкопанных в землю столбов. Обнаруженные здесь же валуны могли придавливать корьевую крышу (рис. 45, 46) (Кызласов Л.Р., 1960г. С. 64, 66, 67. Рис. 6; 1969а. С. 33-35. Рис. 7; 1979. С. 129-131. Рис. 91).

Это археологическое свидетельство чрезвычайно важно, поскольку тюркским курганам придавалась только круглая форма (Трифонов, 1975; Овчинникова, 2004. Рис. 9, 1-4, 12, 1-4), а письменные источники связывают с тюрками лишь войлочные юрты и палатки. Однако при описании поминального культа в хронике «Суй шу» (оконченной частями в 629-636 и 641-656 гг. и легшей в основу некоторых последующих династийных историй), согласно переводу Р.Ф. Итса (1958. С. 102, 103), встречаем упоминание, идущее в разрез с данными о кошемных жилищах: «у могилы [речь идет о поминальном комплексе] *из дерева* ставят дом» (выделено мною — И.К.).

О деревянных жилищах у тюрков, связанных даже с подвижным бытом, писали в IX-X вв. и арабские авторы. Обобщенная этническая терминология арабской географической литературы не позволяет установить, о ком из тюркоязычных народов шла речь, но следует привести эти малоизвестные источники. Так, Ибн ал-Факих ал Хамазани, обобщая работы предшественников в «Книге стран» (903 г.), писал о «Седьмом климате — *ат-турк*»: по причине холода «их звери низки ростом, и нет там ни насекомых, ни пресмыкающихся. Люди живут в домах,

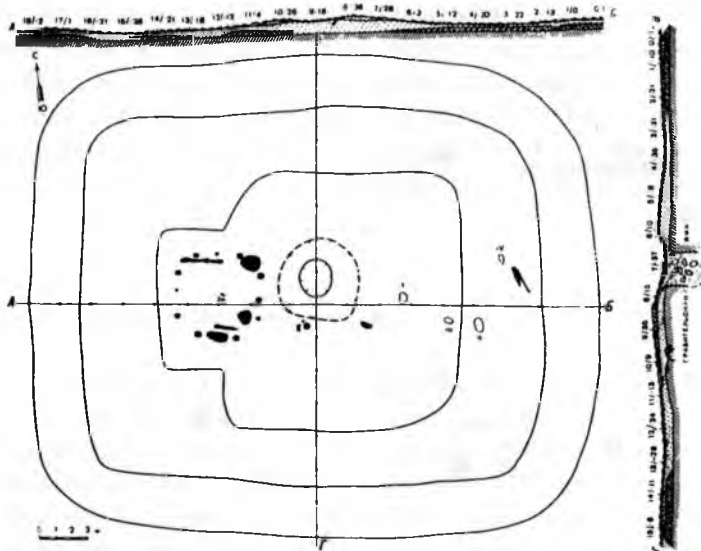

Рис. 45. Общий план и профили тюркского поминального сооружения в урочище Сарыг-Булун. VII-VIII вв. Тува. По Л.Р. Кызласову (1969а. Рис. 7)

Fig. 45. General plan and side views of the Turkic funeral construction in the Saryg-Bulun hollow. 7th – 8th centuries. Tuva

которые строят из досок, и перевозят их на телегах, запряженных быками». Сходный сюжет о суровом седьмом климате ойкумены, не применяя этнонимов, излагает и Агапий Манбиджийский (X в.): «Скот и звери их страны очень малы. Не бывает у их коров и овец рогов из-за сильного холода там. Не встречаются в их стране никакие рептилии. Они не могут, и нет у них возможности строить для себя дома. Однако они строят дома из половинок дерева, покрывают их и перевозят на повозках, тащимых быками. Они живут в них и ездят днем и ночью до тех пор, пока не найдут для себя средства, необходимые для жизни, для своей страны, и пастбища для своего скота» (Калинина, 2004. С. 106, 107).

Связь этих данных с тюркскими народами для меня сомнительна. Вполне очевидно, что они отразили книжные знания, восходящие к одному из давних географических сочинений античных авторов. Достаточно сравнить приведенные отрывки с описанием скифов в *Corpus Hippocrati-*

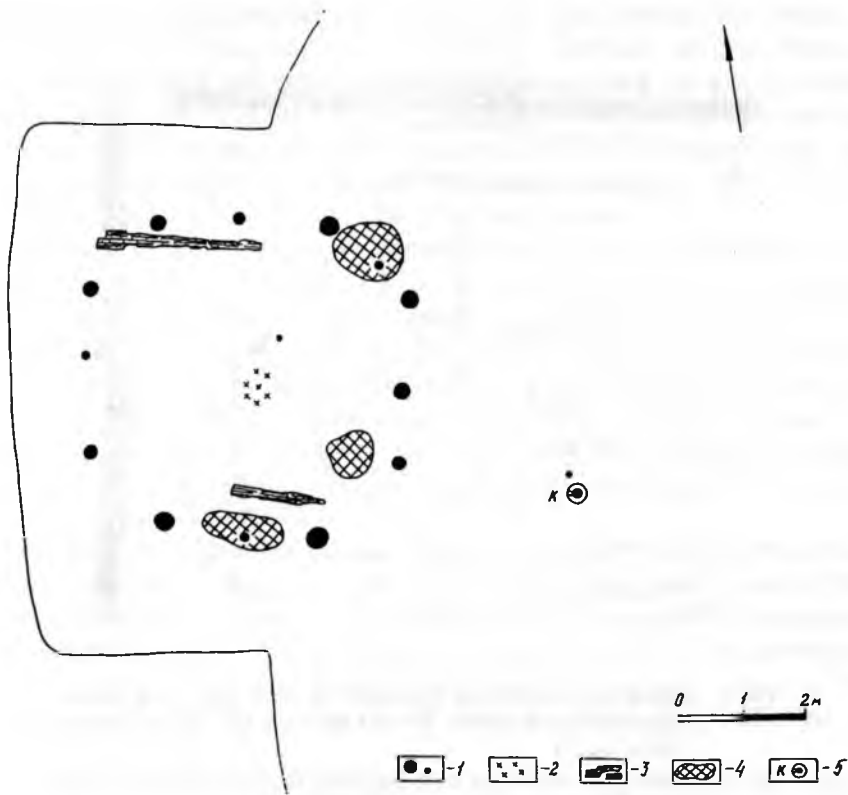

Рис. 46. План многоугольной постройки поминального комплекса Сарыг-Булун. VII-VIII вв. Тува. Раскопки Л.П. Кызласова, 1955 г.

Fig. 46. Plan of the polygonal construction of the funeral complex of Saryg-Bukun. 7th – 8th centuries. Tuva

сип: «здесь обитают и скифы, которые называются кочевниками, так как у них нет домов, а живут в повозках. Самые маленькие из этих повозок четырехколесные, другие же шестиколесные. Они покрыты войлоком и построены как дома, одни как двойные, другие — как тройные. Они являются защитой от воды, снега и бурь. Эти повозки тянут упряжки быков, то из двух быков, то из трех быков, без рогов. Они лишены рогов из-за мороза» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 730).

По имеющимся ныне данным, жилые повозки — древняя культурная традиция индоевропейских народов и условия появления их у центральноазиатских гуннов (см. изображения, обнаруженные С.С. Миняевым при раскопках в 2005 г. кургана в пади Царам) или у позднесредневековых монголов требуют изучения.

Разумеется, я оставляю в стороне свидетельства существования многоугольных построек у различных тюркских народов вне пределов Саяно-Алтая, поскольку нет возможности проследить непрерывность в их истории. Между тем, таких разрозненных примеров много. Из поздней погребальной сферы укажу, для наглядности, на конструкции нижне-волжских курганов XIV в. (Федоров-Давыдов, 1984. Рис. 1) и почитаемые сибирскими татарами погребения (*астана*) мусульманских миссионеров-вали, надгробиям которых придан вид «сплошных 6- и 8-угольных срубов» (Белич, 2004. С. 39).

7. Устройство поминальных комплексов и образы мироздания

Сарыг-булунская постройка побуждает внимательнее рассмотреть в связи с нашей темой древнетюркские поминальные комплексы. На ранних Бугутском и Идэрском поминальных мемориалах в Монголии также открыты остатки столбовых храмовых построек, но они были покрыты черепицей, т.е. испытали чужеземное влияние. Полагают, что это были павильоны, лишенные стен. К сожалению, из-за недостаточной площади раскопов форма построек не была прослежена (Войтов, 1996. С. 104, 105. Рис. 7, 8, 64, 65). Для нас особенно важно, что, в отличие от Сарыг-Булуна, на этих ранних памятниках, как и на других подобных, поминальные храмы не заменяли собою обычных каменных квадратных оградок, а устанавливались перед ними, восточнее, накрывая то место, где в традиционном обряде находилось изображение умершего. К тому же варианту обряда принадлежат и парные оградки, восточная из которых (заменяющая храм) содержит изображения умерших (Войтов, 1996. С. 51 сл.: подтип II-Б).

Сохранение квадратных оградок внутри овалованных площадок аристократических поминальных комплексов, как и включения в них первых камней балбальных рядов (Кызласов Л.Р., 1969а. С. 35; Кубарев, 1984. С. 51-55. Табл. XXX, 1, XXXIII, 1, XXXIV, 1, XLI, 1; Войтов, 1996. С. 27. Рис. 5, 9, 13-23, 25, 28, 30)⁷¹, указывает на изначальное единство культового устройства древнетюркских поминальников — и тех, что ныне считаются рядовыми, и привилегированных. Эта закономерность порождает два вывода. Во-первых, частный, — так называемые саркофаги (каменные ящики) и кубические блоки с отверстиями на памятниках знати семантически равнозначны квадратным оградкам (Войтов, 1996. С. 30-32, 49-52, 115). А во-вторых, более общий — при анализе обряда с сарыг-булунской столбовой юртой следует соотносить не храмы, возникшие в результате

⁷¹ Беру комплексы, ориентированные на восток.

китайского влияния в последней трети VII в. (и делавшиеся в них «нарисованный облик покойника и описание сражений» — Бичурин, 1950а. С. 230, 277), а именно простые оградки. О том же говорит и размещение кувшина в названном тувинском комплексе к востоку от остатков юрты, а не в ней. Следовательно, в Сарыг-Булуне и изображение умершего, которому предназначалось поминальное вино, располагалось перед юртой, как оно ставилось пред обычной оградкой, но было перемещено при грабительских раскопках (Евтюхова, 1952. С. 88, 89, 116-118. Рис. 27-29, 69).

К выводу о культовом тождестве древнетюркских поминальных квадратных оградок со стационарными жилищами на других основаниях ранее уже пришел В.Д. Кубарев. Его убедили в этом данные собственных раскопок — раскрытые остатки деревянных столбов, иногда вкопанных снаружи по углам и по сторонам оградок. Исследователь расценил оградки как фундаменты деревянных построек (1984. С. 47-81. Рис. 11. Табл. XVI, 1, XVIII, 1, XXX, 1, XXXIX, 1, XLI, 1, XLVIII, 1). Однако столь прямое и детальное отождествление кажется мне излишним⁷². Уже потому, что оно исключает столбы, выставившиеся только снаружи одной лишь восточной стенки. Я разделяю аргументированное мнение В.Е. Войтова (1996. С. 114-116. Рис. 48): назначение столбов у оград и внутри них было символическим, а не конструктивным⁷³. Они не служили каркасом деревянных жилищ, точной имитацией которых сами оградки никогда не были⁷⁴. Оградки были лишь символами жилищ. И в силу этого могли в некоторых случаях, таких как в Сарыг-Булуне, заменяться ими.

Возможность такой замены была заложена в другой, более широкой культовой символической, объединявшей жилища и поминальные оградки. Те

⁷² Жилища мохэ или монголов, привлеченные В.Д. Кубаревым как аналогии, к делу не относятся. Прямолинейное отождествление оградок с жилищами соотнесено с восприятием балбалов коновязями (на средневековые здесь перенесены предположения, возникшие относительно раннего железного века — Кубарев, 1979а. С. 93-97; 1987. С. 124-126; Сорокин, 1981. С. 30-37). Такая трактовка, однако, кардинально расходится с древнетюркской символикой камня как образа души умершего (ср. осторожные и точные определения, сделанные ранее — Кубарев, 1979б. С. 157, 158). Реконструкция поминального обряда (1984. Рис. 16) демонстрирует и другие признаки отрыва современного мышления от древнего: из обрядового пира исключено само изваяние, держащее чашу, участники сидят спинами к изображению умершего, шкура коня висит над жилищем (которое, вопреки наружному расположению столбов в раскопках, стоит внутри оградки) и т.п.

⁷³ Ни высокие ящики-саркофаги, ни кубические камни, в культовом отношении тождественные оградкам, не позволяют принять предположение самого В.Е. Войтова о том, что оградкам при закладке камнями первоначально придавался вид усеченной пирамиды или даже конуса (1996. С. 115). В основном они, как и ныне, выглядели ящиками с низкими стенками, заложенными не доверху.

⁷⁴ Если жилища здесь и воссоздавались, то они, вероятно, вбирали в себя оградку (см. особенности объектов Юстыд и Унгету II: Кубарев, 1984. Табл. XLVIII, 1; Войтов, 1996. Рис. 24).

и другие внешне соответствовали образу мироздания, сложившемуся в культуре тюрков⁷⁵.

Мировое древо, устанавливавшееся в центре оградки (Кубарев, 1979б. С. 157), как и правильная ориентация всего сооружения по странам света, обличает воспроизводимый ею образ квадратного мироздания⁷⁶. Рунические орхонские надписи VIII в., как давно известно, также рисуют обитаемый мир квадратным. Четыре стороны света (именно *света*, как в русском, но не *стороны*, не *направления*) определяло положение солнца: *ilgärü kün toysuqqa bi(~e)rgärü kün ortusiṅaru quṛṛyaru kün batsiqiṅa jiryaru tün ortusiṅaru anda... etdim* (КТ, м 2-3). Попутно дам буквальный перевод этой фразы, обнажающий исходную мифологическую картину (см.: Кононов, 1980. С. 138, 139: § 252-254; ДТС. С. 89: bat-): «Вперед — к солнечному возникновению, в ближнюю сторону — к срединному (положению) солнца (~ к середине дня), назад — к солнечному погружению (в воды), в дальнюю сторону — к середине ночи — там ... я привел в порядок». На те же четыре стороны (*ilgärü, bergärü, quṛṛyaru, jiryaru; öṅrā, berijā, quruja, jiraja*) ходили в походы полководцы тюрков (КТ, м 3-4; Тон 14; БК, X б 11). Хотя две стороны из четырех — передняя (восточная) и задняя (западная) — по видимому, господствовали и часто самостоятельно определяли всю полноту мира (КТ, б 2, 8, 12, 21, 23-24), такое иногда отмечается и для правой (южной) и левой (северной) сторон (КТ, б 14). Иногда речь идет о трех сторонах (передней, задней и северной, прямо не названной, но обозначенной по географическому объекту, Кёгменским горам — КТ, б 17; левой, передней и правой — КТ, б 28; южной, восточной, северной: *berijā, öṅrā, jiraja; beridānjān, öṅdānjān, jirdantajan* — Тон 7, 11), что, очевидно, связано с ходом конкретных событий. Всемирное значение происходящего может в текстах отмечать участие народов четырех сторон света: *berijāki budun quṛṛ-jaqṛ jirajaṛ öṅrāki budun kelti* «пришли южные народы, западные, северные и восточные народы» (Тон 17).

Квадратность обитаемого мира без сомнения проступает из обозначения четырех его углов: *tört buluṅ qor jaṛi ermis... tört buluṅdaqṛ buduniṅ qor*

⁷⁵ Оградки, о которых говорю, вопреки мнению, следующему лишь за их квадратной формой, не могут быть ныне возведены ни к известным особенностям предшествующих культур, ни к явлениям, общим «для большинства кочевых народов... региона», что, якобы, «связано с особенностями их хозяйства и мировоззрения» (Овчинникова, 1998. С. 209, 210). Не только символизм и культовое назначение квадратных оградок, но и их принадлежность только одной археологической культуре (народа тюрков VI-VIII вв.), установленные полвека назад (Кызласов Л.Р., 1960г. С. 57, 60-64) и общепризнанны.

⁷⁶ Потому, в общем виде, правы А.В. Тиваненко и следующий ему В.Е. Войтов (1996. С. 116, 117), привлекая к символике оградок образы четырехугольных мифологических гор. Однако плоские оградки не нужно прямо соотносить с горами-*обо*. Курганчики внутри оградок могли возникать и при вторичном, более позднем их использовании, далеко нередком. Разрешение вопроса остается за полевой археологией.

almis «все четыре угла (мира) были врагами, ...они завоевали народы всех четырех углов (мира)» (КТ, б 2; ср. б 29-30); tört bulunçaqı [budunça it]dim «над [народами] четырех углов (мира)...» (БК 2); tört bulunçaqı budunıy bunça [itmiş]. ... tört bulunçaqı budunıy etdim «народы четырех углов (мира) так много привели в порядок... я привел в порядок народы четырех углов (мира)» (БК, Xb 9); ...bumın qaıan tört bulunıy qısmıs jıymıs jajmıs basmıs «...Бумын-каган четыре угла (мира) сдавил и объединил, развеял и подавил» (О 1).

Важно, что квадратным воспринимался и собственный мир, пределы тюркских владений — иначе в обозначения сторон света не были бы включены государственные и отмечающие их ландшафтно-географические пределы (как уже названные ранее Кёгменские горы): türk bodun öñrâ kün toısuqıña kesrâ kün batsıqıña tegi berijâ tabıaçqa jıraja jış[qa tegi]. ... «тюркский народ вперед до солнечного восхода, назад до солнечного заката, направо (на юг) до Китая, налево (на север) до горной тайги...» (О 2). Прослеживая древнее мировоззрение, в этой фразе стоит обратить внимание на архаичность связи *движения* на солнце с временными понятиями, при которых «перед» есть то, что «было раньше» (öñrâ; ср. русское «жившие *перед* нами»), а «зад» — «позже» (kesrâ; ср. русское «будут *после* нас»).

Та же картина мира была свойственна и традиционной культуре Уйгурского каганата. Различие в том, что в тексте Терхинской (Тариатской) стелы (западные стк. 3-4) (Кляшторный, 1980; Tekin, 1983), созданной после 753 и до 759 г., ориентиром становится и второе, ночное, светило (в чем, возможно, уже отразилось воздействие манихейства): öñrâ kün toısuqdaqı bodun kesrâ aj toısuqdaqı bodun tört bulunçaqı bodun... «народы, живущие впереди, на солнечном восходе, народы, живущие позади, на лунном восходе, народы, живущие в четырех углах (мира)...». Тот же памятник (в ущербной западной стк. 5) рисует квадратной и саму уйгурскую страну: ...berigârü uçı altun jış kedin uçı kögmen ilgârü uçı jölet[im] «[по]... южную границу, по Алтунской черни западную границу, по Кёгмену восточную границу [я] укреп[ил]».

Лаконичное упоминание о квадратной форме мира находим и в тексте обломка енисейской эпитафии Уйбат III (Е 31, стк. 3), которую, вероятно, также следует относить к VIII в. По подлиннику читаем (ср.: Малов, 1952. С. 61. Рис. 13): ...[t]ük(ä)di : tört bul(u)ñqa : tük(ä)[d]i «...хватило, четверем углам (света) хватило».

Как видим, рунические надписи VIII в. разной алфавитной и государственной принадлежности рисуют одну картину мира, которую, следовательно, для раннего средневековья можно считать общетюркской.

Представления о квадратном мире содержатся и в редких памятниках народа тюрков VII в., выполненных согдийским письмом и на согдийском

языке. О четырех *направлениях*, согласно доступному мне английскому переводу (ctβʹr kyʹn the four directions) идет речь во второй строке надписи на изваянии из Малого Ханахая на р. Текеш в Восточном Туркестане. Памятник относят к 600-604 гг. (Lin, 2005. P. 379, 392, 393).

Поминальные оградки тюрков, воплощающие представления о квадратном мире, углубляют дату явления до VI в. (Кызласов Л.Р., 1960г. С. 51, 57 (прим. 25), 62-64). И ставят в нашей теме новую задачу.

8. Реконструкция формы и эволюции пратюркских обиталищ

Изложенное в предыдущих разделах позволяет считать многоугольный план построек с открытым очагом в центре и их купольно-шатровые перекрытия элементами культуры, пришлыми для Южной Сибири. Время появления на Енисее, определяемое археологически, увязывает их с первыми тюркоязычными обитателями этих земель. Эти типы жилищ и в дальнейшем оставались присущими культурам тюркоязычных народов региона⁷⁷. Вполне очевидно, что жилища такого рода (*агас иб*) в быту дополнили, но не вытеснили древний местный тип срубного плоскокровельного дома (*тура*) с боковым чувалом и полатами. Остается не вполне ясным, следует ли считать привнесением гунно-гяньгуньской эпохи квадратные срубы с высокой крышей или они отразили слияние двух названных традиций домостроительства. Мне думается, что их внутреннее устройство (центральный очаг и отсутствие полатей) выявляет их изначальное структурно-семантическое единство с многоугольными *агас иб*. Квадратность плана, вероятно, издревле (но не изначально) сопутствовала здесь многоугольности.

Вопреки распространенному в литературе мнению, многоугольные жилища-*иб* не следует возводить к легким круглым переносным *юртам*, войлочным или берестяным (Харузин, 1896. с. 54-60; Кондратьева, 1935. С. 14, 18; Соколова, 1991. С. 9). Вполне понятно, что многоугольное сооружение по плану производно от круглого, но прообраз, как интересующих нас срубов, так и кошемных юрт, вероятно, был общий. И это были стационарные круглые дома.

О том говорит не только общий ход развития хозяйства человечества, в котором кочевое скотоводство — не изначальная форма быта. Каркас

⁷⁷ Для полноты картины остается упомянуть о появлении в XI-XIII вв. единичных многоугольных построек на севере Западной Сибири — на отдельных поселениях Сургутского (Барсов городок IV/1) и Нижнего Приобья (Лонг-Юган) (Морозов, 1994. С. 446, 450; Плетнева, 1994. С. 168, 169). Исследователи считают жилища такого плана возможным влиянием самодийского населения.

кочевого жилища составлен из связанных деревянных решеток, число которых соответствует количеству граней оседлых жилищ-*иб*. К тому же эти решетки нередко крепятся к вбитым в землю колам. Тем самым круглый план переносной войлочной юрты принципиально возводим к стационарному каркасно-столбовому, если не многоугольным, то круглым постройкам, а решетчатые стены — к плетню. Напомню о народной систематике казахских войлочных юрт по числу «канатов» (общетюркское: «крыльев»): 6-канатные, 8-канатные и т.д. Речь идет о числе раздвижных решетчатых стенок (кереге). Они, а также декоративные тяжи, соединяющие шанырак (дымоходное кольцо) с местами сочленения стеновых решеток, сохраняют память о первоначальном многоугольном жилище. Память о другой изначальной форме — прямоугольной купольной постройке — сохраняют, смею думать, 4-канатные юрты, составляющие один из трех основных типов переносного казахского дома (Альдербаев, Дадабаев, 1986. С. 14). Кошемные юрты только с четырьмя решетками (дóрт ганат) бытовали и у йомудов, в отличие от прочих подразделений туркмен и других народов Средней Азии (Дмитриев, 2009. С. 341, 342).

Общим конструктивным предком и многоугольного постоянного жилища-*иб*, и переносного разборного обиталища-*юрты* были стационарные каркасные турлучные постройки⁷⁸ с многогранными или круглыми стенами: обмазанными глиной или засыпными.

Грунтовое заполнение или глиняная обмазка стен названного типа сближает их с обликом тех умозрительных пратюркских жилищ, которые проступают сквозь приведенную в начале этой главы общую по значению лексику рунических надписей, связанную с глиной. Продолжая до логического конца ретроспективно намеченную эволюцию, мне следует назвать и первую, отправную стадию — круглые глинобитные стационарные жилища типа тех толосов, что известны на Ближнем Востоке периода неолитической революции и раннего бронзового века. Они были предками круглоплановых турлучных строений и плетневых жилищ-мазанок (рис. 47). В этих-то однокамерных жилищах и сформировались те формы речи, которые, по наблюдению лингвистов, не содержат указаний на углы и перегородки пратюркских обиталищ.

В правомерности выстроенной ретроспекции меня убеждает и произведенный в разделах 6.3 и 7 обзор археологических материалов.

Отличающие *агас иб* шатрово-купольная крыша и центральное расположение открытого очага в течение всего прослеженного времени связаны с двумя типами планов и двумя главенствующими видами конструкций: квадратным да многоугольным и столбовым да срубным. Соотнося

⁷⁸ Русское «турлучный» обозначает плетневую мазанку, т.е. восходит к тюркскому существительному *tor* (плетенка, сеть, тенёта — ДТС. С. 578) с аффиксом обладания *-lïy/-luy*.

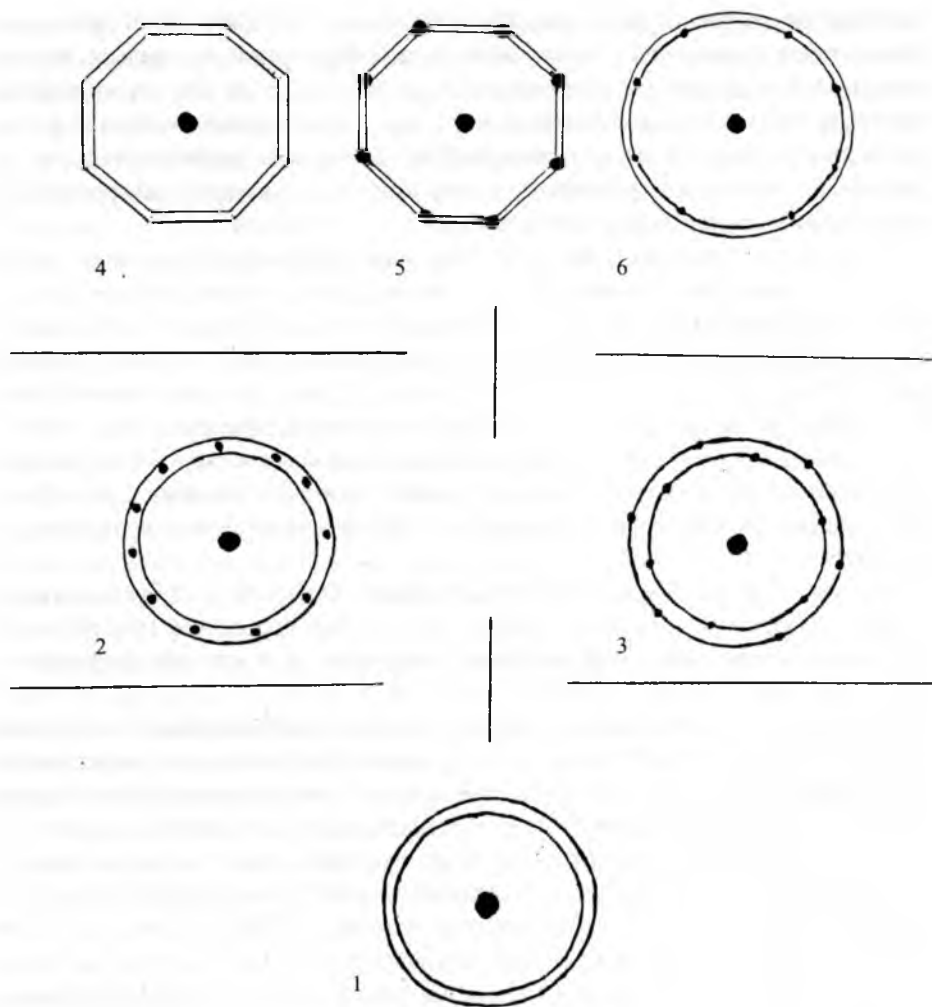

Рис. 47. Предполагаемое развитие основных форм наземных жилищ прототюркских и древнетюркских народов. Перекрытие шатрово-купольное (дарбазное). В центре открытый очаг. Входы не обозначены, их раннее направление неизвестно. 1 – круглый глиняный дом; 2 – плетневой дом-мазанка, 3 – засыпной двухплетневой дом, 4 – срубный дом, 5 – бревенчатый столбовой дом, 6 – переносной дом (юрта). 1 – умозрительная реконструкция, 2-6 – этнографическая реальность

Fig. 47. Perceived development of the major types of above-ground dwellings of the Proto-Turkic and ancient Turkic peoples. Pyramidal roof (darbaz). Open hearth in the center. Entrances are not marked; their previous location according to the cardinal points remains unknown. 1 – round clay dwelling; 2 – wattle and daub house; 3 – with filling between double wattle walls; 4 – log cabin; 5 – timber house with pillars; 6 – portable dwelling (felt yurt). 1 – conceptual reconstruction; 2-6 – ethnographic reality

расхождения в планировке жилищ с главными особенностями традиционных представлений о форме обитаемого пространства, нельзя не заметить, что в общетюркской культуре на заре средневековья уживаются две различных по происхождению картины мира. Они же выявляют и два важнейших этапа духовного развития, пройденных в древней истории — еще на общетюркской или пратюркской стадии, памятники материальной культуры которой пока не обнаружены.

Для нашей темы значимо, что отражающие пространственную ориентацию слова рунических текстов, приведенные выше (раздел 7), могут быть, пожалуй, увязаны с терминами частей жилища: *il+gärgü* («вперед, на восток») < *el ~ il* «перед, передняя часть», но и «место у двери; дверь» (перед для выходящего)⁷⁹. Напомню, что для средневековой и последующей культуры тюркских народов расположение двери жилища на восток — определяющий признак. Однако он, вероятно, не может быть изначальным, поскольку рунические тексты выявляют образ мироздания, повернутый на север, юг, запад и восток не сторонами, а углами.

Иными словами в процессе формирования квадратного образа мира у тюркских народов можно различить две стадии: для одной (более поздней) он размещен по странам света сторонами, для другой (более ранней) — углами.

Сторонами, как мы видели, ориентированы поминальные памятники народа тюрков с VI в. И хотя эту дату, хорошо увязываемую с созданием Тюркского каганата, не следует, конечно, воспринимать как абсолютный рубеж, надо учитывать, что в предшествующую эпоху, во II в. до н.э. — V в. н.э., погребальные постройки иных тюркоязычных народов нередко ориентированы по странам света именно углами⁸⁰. Так, например, устроены таштыкские склепы и могилы (Кызласов Л.Р., 1960а. Рис. 2б-5д), а вслед за ними — курганы культуры чаатас (рис. 12) (Кызласов Л.Р., 1981в. Рис. 28, А, В, Д, Е; Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1985. С. 129; Мартынова,

⁷⁹ Иной критерий восприятия жилого пространства хранят хакасские обозначения мужской половины дома как «верхней», в производном значении «южной» (Устінсархы), а женской как «нижней», иначе «северной» (алтынсархы) (рис. 20, 2). Эту связанную с жилищем древнюю мировоззренческую особенность тюркских народов еще предстоит обдумать, однако, она, как и изученные формы жилищ типа *тура* и *алачик*, может оказаться наследием предшествующего дотюркского населения Саяно-Алтая. При учете сменяемости языковых групп в истории этих земель вряд ли случайно встретить у хантов глубоко внедренное в народное сознание и поведение, обрядово разработанное восприятие связи мужской части жилища (и самого мужчины) с верхним миром, а женской части дома (и самой женщины) — с миром нижним (Сюзюмов, 1993).

⁸⁰ Ориентация углами по странам света присуща еще многим культурам раннего железного века Саяно-Алтайского нагорья и Северо-Западной Монголии. Но это не наша тема.

1985. Рис. 2-21, 23-28, 31-34, 36, 37). Следовательно, их входы оказываются направленными на промежуточную сторону горизонта (в основном на юго-запад или юго-восток). Подобным образом, на северо-восток или иначе, нередко повернуты входы и многоугольных жилищ таштыкского поселения Михайловка (рис. 41, 1) (Мартынова, 1985, приложение).

Чрезвычайно важно для поднятого здесь вопроса существование поминальных сооружений II в. до н.э. — V в. н.э., ориентированных не на восток (как затем в раннем средневековье), а на промежуточные стороны горизонта. Например, на удивительном по насыщенности поминальных памятников этого времени курганном поле урочища Соору на правом берегу р. Кара-Кол на Горном Алтае многие ряды балбалов отходят не только на север, запад и юг (что хорошо отличает их от единичных там собственно тюркских оградок с балбалами к востоку), но и на северо-запад, а в восточной части поля — и на северо-восток⁸¹. Сочетание северной, северо-западной и северо-восточной ориентировки имеют, как известно, и ряды балбалов шурмакской культуры Тувы. Сами поминальные курганы там сооружались к северо-востоку от погребений (Кызласов Л.Р., 1958. С. 95. Табл. I, Б; 1979. С. 94, 95. Табл. III, Б, В. Рис. 63, 80).

Сохранение черт, восходящих к ориентации входов на промежуточные направления горизонта, встречаем в размещении стел с енисейскими эпитафиями VIII-XII вв. При выделении канона их установки было отмечено не только восточное, но и юго-восточное нахождение стел у древнехакасских курганных мавзолеев, как и северное, западное и северо-западное расположение их у раннесредневековых курганов Тувы (Кызласов Л.Р., 1960б. С. 101, 102; 1965а. С. 39-42; 1969а. С. 114. Табл. III, А, В. Рис. 42). С тех пор выяснилось, что до появления писанных камней в Хакасии, поминки вершились именно у юго-восточных менгиров курганов чаатас (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1985. С. 219), а северо-западное направление, кроме эпитафий (Е 10, Е 57 и Е 58) имеют и лишённые надписей стелы, водруженные у многих поминальных курганов Тувинской котловины (Кызласов Л.Р., 1979. Рис. 91; 1984б. С. 83. Рис. 1). Иными словами, эпитафические памятники оказались частным случаем распространенного поминального обряда, изначально связанного с менгирами.

Позволю себе предположить, что такое часто наблюдаемое на Саяно-Алтае и в Монголии явление, как изгиб к северу конечной части балбального ряда, слом его оси, поначалу правильно направленной на восток от тюркских поминальных оградок и изваяний или поминальных памятни-

⁸¹ Благодарю горно-алтайского археолога В.А. Кочева, показавшего мне этот памятник в августе 2001 г. Обследование было продолжено в 2006 г.

ков иных тюркоязычных народов, восходит к только что показанному архаичному типу ориентации на углы, а не стороны света.

Здесь нет места для развития мировоззренческих и культурогенных основ этой темы. Но очень похоже, что удалось нащупать довольно позднее появление в тюркоязычных обществах образа мира, повернутого сторонами на четыре направления горизонта. Однако не исконной, а пришедшей выглядит в интересующих нас культурах и более ранняя картина квадратного мироздания, ориентированного углами.

Для осознания этого, вероятно, стоит вновь обратиться к древним поминальным сооружениям тюркоязычных народов II в. до н.э. — V в. н.э. Для них, как уже сказано, вполне характерны ряды балбалов, с VI в. связанных лишь с квадратными поминальными оградками народа тюрков. Но до VI в. балбалы отходят от круглых поминальных курганчиков. По древностям Алтая и Тувы, содержащим как такие ранние курганчики, так и более поздние оградки, хорошо заметно, что квадратный план принесен в эту область культовых сооружений лишь народом тюрков — создателем Тюркского каганата. Археологические полевые работы позволяют полагать, что если на Горном Алтае квадратная форма поминальников вытесняет раннюю местную, то в Туве круглые поминальные курганчики продолжают существовать и позднее, по крайней мере, еще и в IX-X вв. Остаются они, вероятно, и у уйгуров на Селенге, с VIII в. устанавливавших свои изваяния без всяких поминальных сооружений.

В первоначальности образа круглого мироздания в пратюркской культуре и былого наслоения на него идеи квадратного мира кроется, можно думать, объяснение отмеченного выше противоречия археологических памятников народа тюрков VI-VIII вв.: соединения в одной культуре неизменно круглых погребальных курганов и постоянно квадратных поминальных оградок. Ныне сюда следует добавить сосуществование как круглых и многоугольных, так и квадратных жилищ. Древности, изученные на землях Хакасии, позволяют отметить такое многообразие разных по происхождению погребальных и жилых построек уже с момента появления первых носителей тюркской речи — с гунно-гяньгуньской эпохи.

Возникающая при сложении археологических, этнографических и лингвистических данных умозрительная ныне картина пратюркских обиталищ и их последующей эволюции может быть соотнесена с известными этапами хозяйственного развития человечества в степной зоне. Три основных стадии, намечаемые в истории традиционной культуры тюркских народов (рис. 47) (1: круглый глиняный дом с открытым очагом в центре — 2: круглый (многоугольный) столбовой дом (плетневой, засыпной или мазаный) — 3: круглый переносной дом (юрта) и многоугольный

стационарный столбовой и срубный дом) соответственно увязываются с:

- а) оседлой раннеземледельческой культурой неолита и бронзового века —
- б) нарастанием скотоводческой специализации в конце эпохи бронзы —
- в) развитием кочевого скотоводства в раннем железном веке.

Однако нащупанное изменение основ домостроительства в большой мере может быть увязано и со сменой среды обитания — переселением носителей тюркских языков из южной безлесной зоны (угадываемой в глинобитной строительной лексике) в лесостепные пространства (связанные со следующими намечаемыми этапами). Как видим, две из трех стадий домостроительства уцелели до этнографической современности. Думается, что это вызвано сохранением у тюркских народов извечно при-сущего им комплексного хозяйства, получившего новое развитие с переселением в горно-таежные страны.

На каком-то этапе истории к эволюции изначальных для тюркского мира круглоплановых наземных построек с открытым очагом в центре присоединяется возникшая в ином культурном мире традиция квадратных однокамерных домов. Ныне материально улавливаемая только с приходом тюркских народов на Саяно-Алтайское нагорье в гуннскую эпоху, а лингвистически ощутимая по явлениям гораздо более архаичным (весь комплекс, связанный с *tört buluj* — «четырьмя углами (мира)»), эта форма жилищ уже за несколько столетий до н.э. предстает полностью приспособленной к общетюркским нормам домостроительства: наземности и стационарности конструкции, центральному расположению очага и шатрово-купольной крыше. В Южной Сибири (как и на других тюркизированных землях, пока не достаточно изученных) в культуру тюркских народов вливаются и самобытные субстратные виды обиталищ. Рассмотренные в этой главе три типа жилищ тюркоязычных насельников Саяно-Алтая позволяют конкретизировать эти процессы. Можно заключить, что и дотюркские в этих местах жилища-*тура*, и тюркские *агас иб* — дома лесостепного ландшафта, конические же *алачики* — извечные постройки таежников.

Завершая исследование построек, должен сказать, что, кроме всего этого, сибирский тюркоязычный мир приготовил исторической науке загадку происхождения своих срубных двухэтажных жилищ. Еще недавно западносибирские татары отличались, если угодно, «вертикальным внутрисадебным кочеванием», обитая летом на первом, а зимой на втором этаже одного и того же дома (Хромова, 1956. С. 480). Такие жилища за-

фиксированы русскими источниками уже в начале XVII в. — в летописном повествовании о гибели на Иртыше Ермака (Кызласов Л.Р., 2004. С. 102. Рис. 2; 2005. С. 61. Рис. 2).

Возможно, к этому кругу построек следует добавить упоминавшиеся «крепостные амбары» якутов, обычно бывшие двухэтажными (Крадин, 1988. Рис. 210-212).

Тувинцы же создали особые лёгочные лечебницы, зимую на втором этаже срубной конюшни, в первом ярусе которой накопившийся к теплу навоз создавал условия для ингаляции — газы проходили через открываемые ради того отверстия в полу верхнего этажа. План постройки был квадратным (6 x 6 м), печь располагалась в центре жилья (Даржа, 2003. С. 48). Вероятно, прототип указанной постройки удастся отыскать, если, учитывая известное взаимодействие традиционной тувинской культуры с тибетской, присмотреться к двухэтажным тибетско-гималайским домам, в которых первый этаж всегда занимал скот, а второй был жилым. Последний нередко бывал срубным, а первый — каменным и безоконным. Очаг в жилой части дома также располагался в центре (Решетов, Чебоксаровы, Яснов, 1979. С. 180-183). В средневековых китайских и тибетских исторических документах такой тип жилища оседлых горцев выражен формулой «внизу — скот, наверху — люди» (Бернова, Чебоксаров, Чеснов, 1979. С. 258).

9. План могильников и план поселений

Данные курганной археологии Южной Сибири и ход исследования нашей темы приводят к вопросу о вероятной связи структуры могильников с устройством древних поселений. При обращении к источнику такого рода, речь, конечно, может идти не о выяснении природных условий (ландшафтно-климатических и иных), воздействующих на облик селений, а лишь о прояснении культурных, но не хозяйственных, а идеологических определяющих. В означенной сфере исследований опорой вновь могут стать черты традиционной культуры коренных саяно-алтайцев.

В этнографической литературе нелегко отыскать описание и объяснение расстановки жилищ в поселениях тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Часто текст ограничивается указанием на небольшую величину редко разбросанных поселков, состоящих из нескольких юрт. Существенно учесть, что у народов Южной Сибири каждому женившемуся сыну в старину ставилось отдельное жилище. Его размещение было строго упорядоченным и определялось одним из наиболее консервативных ри-

туалов — свадебным обрядом. Например, у хакасов новый дом возводили на месте, где возникала молодая семья — т.е. там, где на свадьбе по обычаю устраивался временный шалаш-*алачик* для невесты, прибывшей в *аал* (поселение) свекра. В *алачике* и совершался фактический брак. Такой *алачик* и новый дом для сына полагалось ставить *на север от жилища отца* (Шиббаева, 1950. С. 43, 44, 46; Потапов, 1956а. С. 398). Подобный конический шалаш (*аланчик, чадыр*) ставили для молодоженов и алтайцы (Фиельструп, 1926. С. 115)⁸².

Постараемся выяснить, как глубоко в прошлое уходит эта традиция, определяющая порядок жилищ на поселении, и может ли она соотноситься с древней культурой тюркоязычных народов.

Не всегда легко понять общий план могильника или курганной группы. Специальные исследования, захватившие разные эпохи и культуры, показывают, что в размещении курганов заметно следование естественному направлению прямолинейных компонентов рельефа местности: горных хребтов и разломов, степных кряжей, краям надпойменных террас и т.п. (Чернопицкий, 1980. С. 176-186; Крамарев, 2008. С. 143-145, 150, 151. Рис. 1-5). Однако нередко отличительной особенностью культуры или эпохи бывает многократно выдержанный порядок расположения ее погребальных сооружений, независимый от особенностей ландшафта. Например, направление цепочки курганов энеолита или бронзового века Европейской России нередко подчинено определенному азимуту (зафиксированы $A^0 = 40^0-45^0$ или 32^0-34^0). В этих случаях — возможно рассматривать общий план как отражение определенных палеоастрономических представлений (Потемкина, 2004. С. 227, 234. Рис. 2, II, 7, I).

На Саяно-Алтайском нагорье картина другая. Могильники средневековой культуры чаатас на Енисее и древней пазырыкской культуры Алтая образованы цепочками курганов, вытянутых меридианально.

Памятники культуры чаатас оставлены непосредственными раннесредневековыми предками современного хакасского народа и в силу этого пригодны для прямого сравнения с приведенными этнографическими материалами. Однако имеющиеся археологические данные весьма ограничены — как сами могильники-чаатасы, так и ряды курганов в них (рис. 48, 49) (Appelgren-Kivalo, 1931. Abb. 150, 158, 310) мало кем раскапывались подряд (Евтюхова, Киселев, 1940. С. 27). В 1939 г. Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым в юго-западной цепочке Копёнского чаатаса (рис. 49) были раскопаны смежные курганы № 1 и № 2. Несмотря на сильную раз-

⁸² Хотя о странах света в этом случае не сказано, на изданной фотографии видна дверь бревенчатого аила (Фиельструп, 1926. Рис. 6), традиционно обращаемая к востоку (рис. 18). Если это так, свадебный аланчик здесь был поставлен к югу или юго-западу от жилища отца жениха. Повлияли особенности ландшафта?

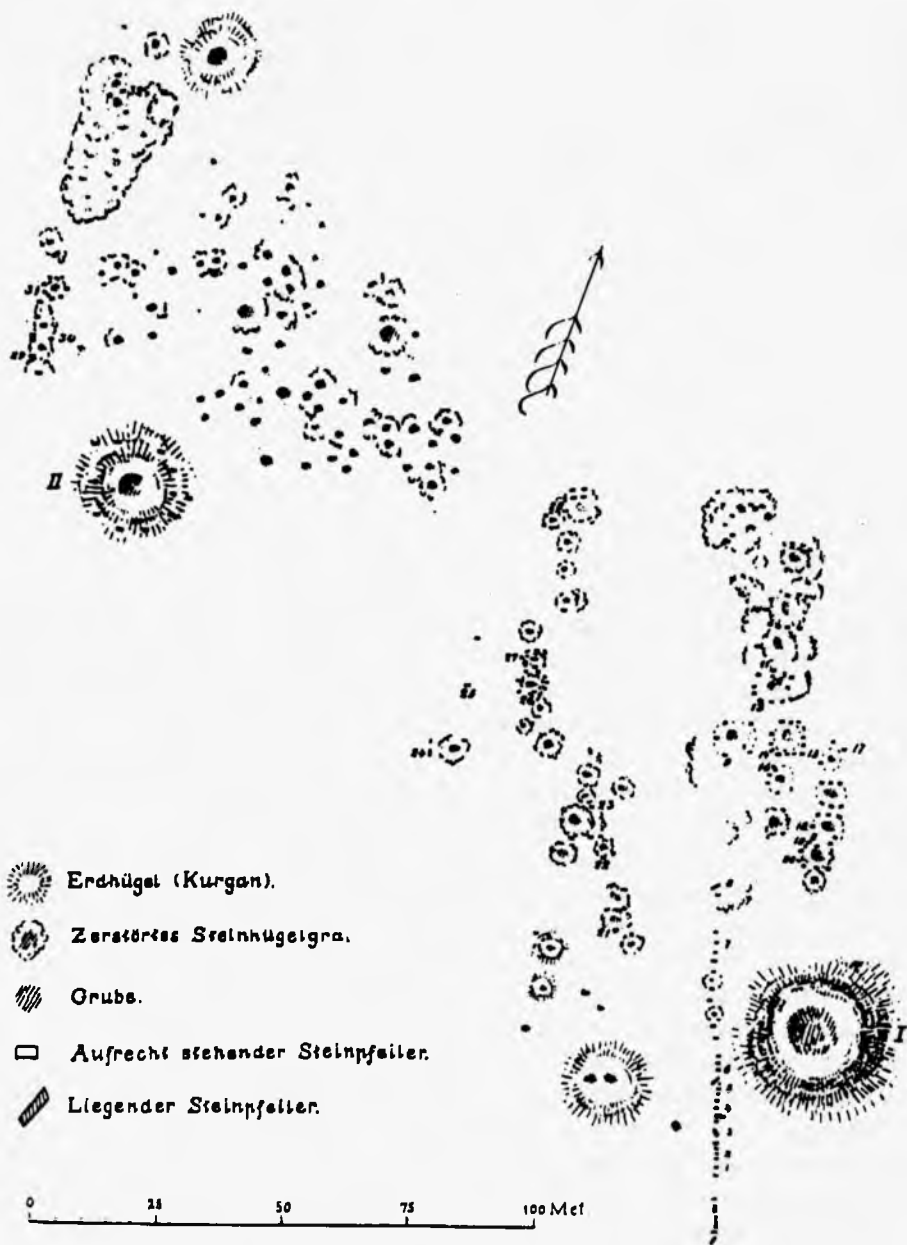

Рис. 48. Общий план Уйбатского чаатаса. Хакасия. По Н. Appelgren-Kivalo (1931, Abb. 158)
 Fig. 48. General view of Uibatski Chaatas. Khakassia

грабленность, искажившую облик объектов, исследователям удалось проследить, что «плиты насыпи северного кургана (№ 1) *налегали* на склон насыпи южного кургана (№ 2)» и, соответственно, заключить, что № 2 был сооружен ранее № 1 (1940. С. 30). При проведенных Л.Р. Кызласовым и мною в 1983 г. раскопках Абаканского чаатаса, курганные ряды которого направлены с юго-востока на северо-запад (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1984. С. 211), некоторые неразграбленные мавзолеи тесно примыкали друг к другу и были раскопаны общей площадью. Приводимый план (рис. 43) показывает, что северный курган 57 примыкает к южному кургану 56.

Как видим, курганы культуры чаатас образовывали ряды, нараставшие с юга на север. Ранее, в разделе 6.3, было показано, что сами древнехакасские мавзолеи воспроизводили реальные жилища. Всем этим каждая отдельно взятая цепочка могильника вполне соответствует традиции расстановки жилищ по поколениям, прослеженной этнографами для хакасских поселений-аалов. Ничто не мешает заключить, что любая цепочка аристократических захоронений — последовательно поставленные усыпальницы одной семейной группы. Тем самым, поселенческие особенности хакасской народной культуры позволяют без раскопок предугадать относительную хронологию археологических объектов, составляющих на Среднем Енисее курганные цепочки VI — первой половины IX вв.

Могильники последующей тюхтятской культуры IX-X вв. изучены пока недостаточно и не предоставляют возможности для наблюдений такого рода. Узкая хронология, разработанная в отношении ранних этапов аскизской культуры конца X-XVII вв., позволяет полагать, что принадлежащие ей курганные группы X-XIV вв. представляли собою также отдельные семейные кладбища (Кызласов И.Л., 1995). Однако обычная малочисленность погребений, составляющих эти могильники, лишает ныне возможности обсуждать их построение.

Предшествующая эпохе чаатас таштыкская культура отличается коллективными погребальными склепами. Их размещение не может отражать расстановку на поселениях отдельных жилищ малых семей, существовавших в том обществе⁸³. С такими семьями, несомненно, связаны раннеташтыкские могилы с обычаем грунтовых захоронений, пришлым для Среднего Енисея. Но ни один из обширных могильников этого типа пока не раскопан в должной для наших наблюдений мере.

Искомую пространственную структуру узнаем, тем не менее, в размещении курганов раннего железного века на Горном Алтае. Индивидуальные

⁸³ Структуру Михайловских поселений, составленных такими жилищами (см. раздел 6.2), нельзя привлечь без специального анализа. Длительное их существование привело к насаиванию оснований поздних построек на более ранние (Мартынова, 1985. С. 31-88).

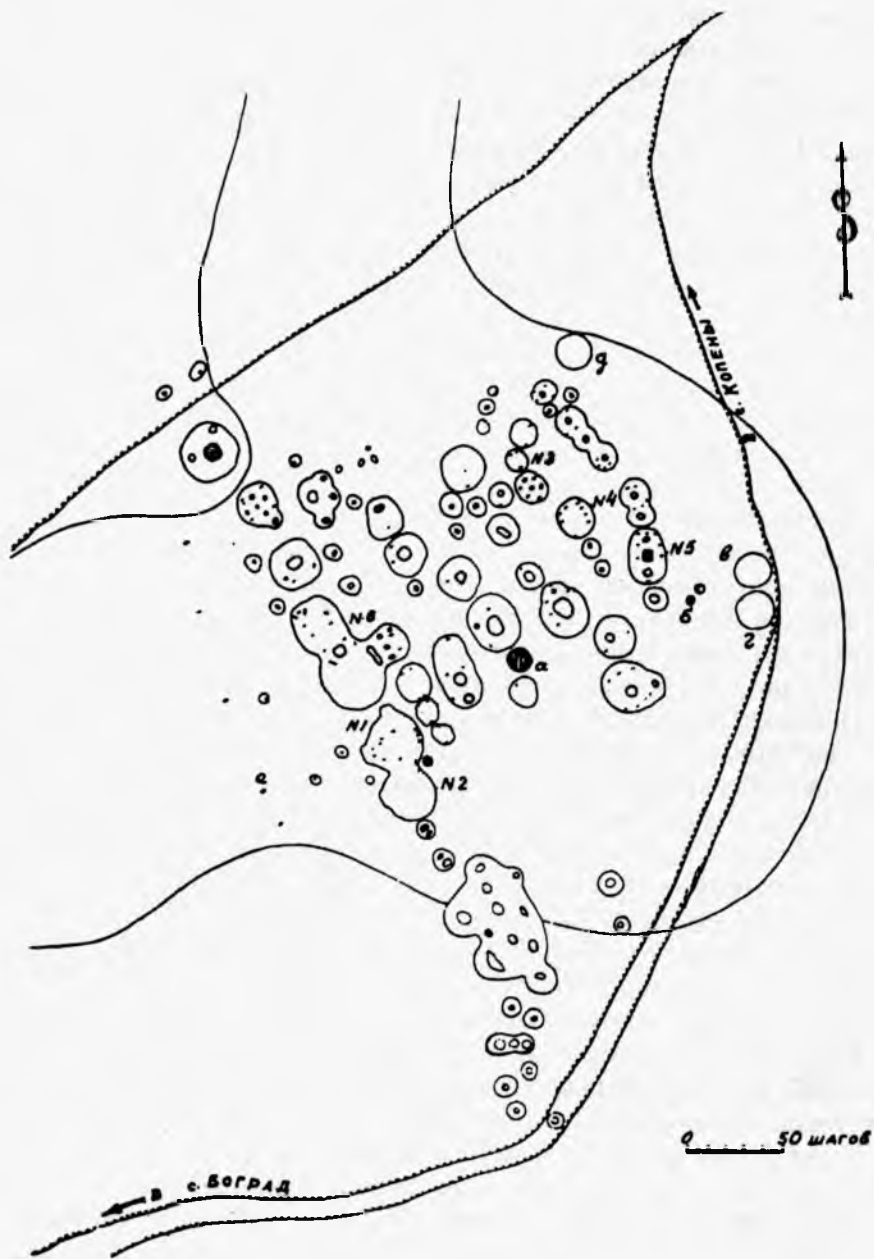

Рис. 49. Общий план Копёнского чаатаса. Хакасия. По Л.А. Евтюховой и С.В. Киселеву (1940. С. 27)

Fig. 49. General view of Kopyonski Chaatas. Khakassia

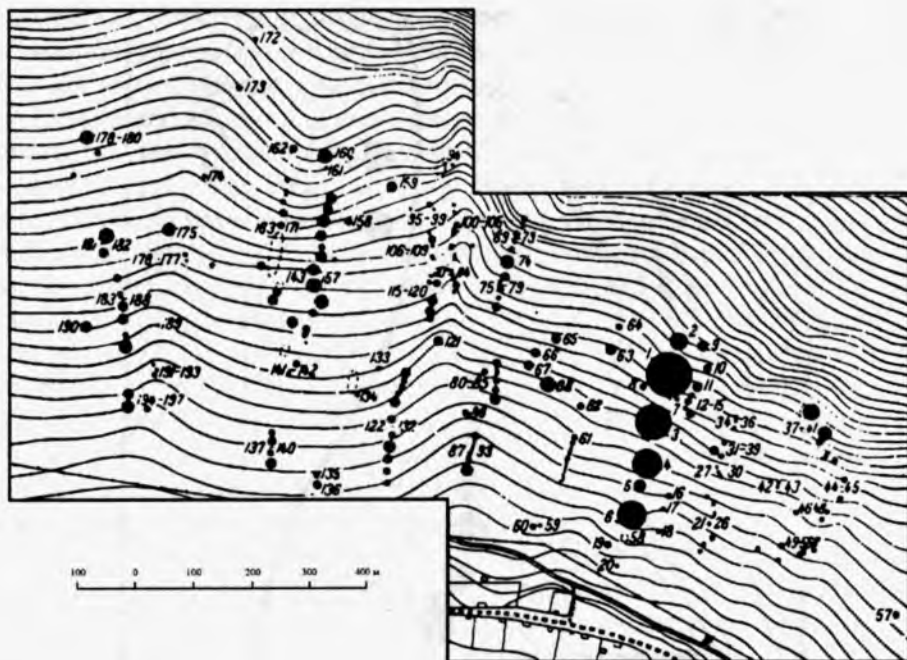

Рис. 50. Общий план могильника Туэкта. Горный Алтай. По С.И. Руденко (1960. Рис. 52)
 Fig. 50. General view of the Tuekta burial ground. Gorny Altai

усыпальницы пазырыкской культуры повсюду выстроены меридианально вытянутыми цепочками (рис. 50, 51). Признак настолько явный, что одного его достаточно для культурного определения объектов⁸⁴. Рядность курганов воспринимается нашими современниками различно и в предложенных объяснениях нередко воедино сведены данные разного рода. Некоторые, исходя из устоев кочевниковедения, видят в этом философскую идею следования, пути вообще, а в самих круглых каменных сооружениях узнают кошменные юрты (например: Тентиев, 2003. С. 21). Последнее сопоставление особенно распространено: даже хорошие профессионалы в подобных сравнениях смешивают семантику подземных и надземных курганных со-

⁸⁴ Размещение курганов меридиональными или несколько отклонившимися от этого направления цепочками свойственно на Саяно-Алтайском нагорье еще и для афанасьевской культуры (III тыс. до н.э.). См., например: (Древние культуры, 1994. Рис. 12. С. 39-49, 131). С моей точки зрения, это сходство принадлежит ко вневременному общественному явлению, рассматриваемому в следующем разделе 10. Вместе с тем, нельзя думать, что за ним не скрывается также близость хозяйства и быта преемственно не связанного населения раннего бронзового и железного веков. Можно полагать, что последовательность сооружения афанасьевских курганов была такой же, как у рассматриваемых выше более поздних могильников.

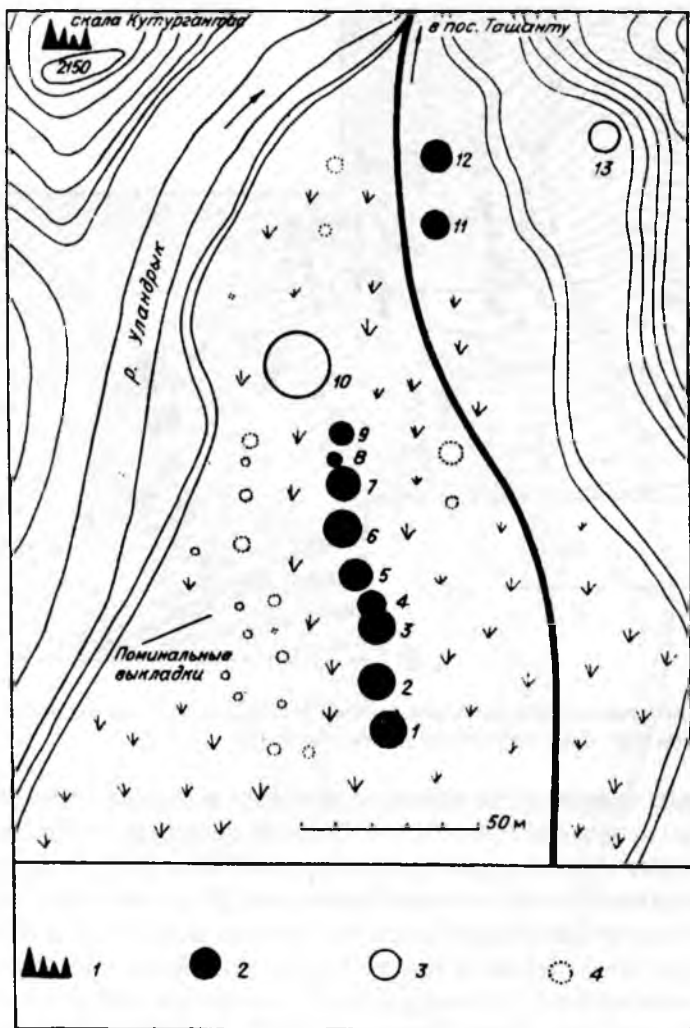

Рис. 51. Общий план могильника Уландрык II. Горный Алтай. 1 – скала, 2 – раскопанный курган, 3 – нераскопанный курган, 4 – кольцевые каменные выкладки. По В.Д. Кубареву (1987. Табл. XXXV)

Fig. 51. General view of the Ulandryk II burial ground. Gorny Altai. 1 – cliff, 2 – excavated tumulus, 3 – untouched tumulus, 4 – circular stone laying out

ружений (Шульга, 1989. С. 42). Мы уже видели, что если облик *внутримогильных, подкурганых* построек раннего железного века, действительно, отражал реальные жилища (раздел 4), то в отношении *наземной* конструк-

ции, т.е. самих курганов, для такого прямого сопоставления нет серьезных оснований. Форма курганов раннего железного века прямо не связана с формой жилищ той эпохи — она в целом воспроизводит облик Вселенной, существовавший в том или ином обществе. Надгробия в виде жилищ появляются позднее (Кызласов И.Л., 1987. С. 94-97; 1989. С. 201-207).

Другое дело, планиграфические особенности могильников — меридиональное размещение пазырыкских курганов уже оправданно сопоставлялось в литературе с расстановкой рядами реальных переносных жилищ современных народов Азии (Шульга, 1989). Опорой при этом иногда служит культура монголов (Кубарев, 1987. С. 123; 1991. С. 21). Формальное несоответствие ее данных ориентации пазырыкских могильников уже отмечено в литературе (Шульга, 1989. С. 43, 44). Однако следует подробнее разобраться в том, почему столь обобщенный подход, порожденный слитным восприятием истории степных культур, не может нас устроить.

Выполняя поставленную здесь задачу, следует помнить, что направление цепочки жилищ у азиатских народов было и остается различным⁸⁵. Так, размещение юрт монголоязычного населения поныне имеет не отыскиваемую нами меридиональную, а широтную направленность (начинаясь с запада). К тому же, расстановка монгольских юрт обусловлена не только ориентацией входов жилищ на юг, но и, при своей многорядности, весьма вероятно, порождена воздействием центральноазиатской городской традиции поквартальной широтной планировки улиц, отмеченной для средневековья и нового времени: от X до XX вв. (Викторова, 1980. С. 48-50, 59. Рис. 9, 13, в). Невозможность оценки этой поселенческой особенности в качестве этно- или лингвопоказателя (ср. иное: Викторова, 1980. С. 59, 60) становится ясна из сравнения вполне определенных древних памятников, исследованных раскопками.

Рядное широтное размещение стационарных углубленных или наземных жилищ характеризует не только такие собственно гуннские города, как Иволгинское городище в Бурятии (Давыдова, 1985. Рис. II, III; 1995), но и, как мы видели (раздел 4.3), заселенную местным (уже и тюркоязычным) населением часть города гуннского наместника на р. Ташебе, а также и сменившего этот город таштыкского поселения в Хакасии (рис. 9) (Кызласов Л.Р., 2001. С. 120-123. Рис. 59; 2006. С. 162-174. Рис. 18-22). На основании этих показательных примеров II-I вв. до н.э. можно полагать, что в гуннском государстве существовал стандарт городской планировки, единый для разноплеменных и разноязыких подданных державы,

⁸⁵ Как и различной бывает ориентация курганных рядов. Укажу для примера на широтную расстановку курганов в цепочках южноуральских могильников раннего железного века (Гуцалов, 2007. С. 77, 80. Рис. 2, 9).

селившихся в пределах гуннских городов⁸⁶. В таком случае вполне вероятно, что в размещении кошечных монгольских юрт мы, пожалуй, наблюдаем уже влияние городской культуры на неогороженные поселения вольной степи.

Меридиональная направленность курганных цепочек оправданно сравнивалась с подобно вытянутыми аилами тюркских народов, известными этнографам. При объяснении причин такого построения вперед, однако, выступала ориентация входа в жилище на восток. Поскольку направленность входа никак не определяет однорядности поселения, этот довод нельзя признать достаточным. И здесь особое значение приобретает другое положение П.И. Шульги — из приведенных им аналогий, уходящих в эпоху бронзы (1989. С. 43), можно заключить, что исследователь справедливо не связывал планировку пазырыкских могильников с определенной языковой и этнической средой. Разрешению этого вопроса и служат приводимые далее обоснования.

Просветы между группами курганов в одном могильнике породили у археологов правдоподобную мысль о семейной принадлежности соседних объектов (Шульга, 1989; Кубарев, 1992. С. 7-9). Однако последовательность сооружения курганов в больших цепочках нередко устанавливается гадательно: одновременно допускается рост курганных линий с юга на север и от центра в обоих направлениях (Кубарев, 1987. С. 132). Сегодня достаточно красноречивых данных для формирования вполне ясных представлений об этом.

При раскопках соседних курганов в цепочках пазырыкской культуры нередко выясняется налегание полы одного из курганов на другой.

Полевые наблюдения позволили С.И. Руденко (1960. С. 106) до проведения раскопок определить, что курган № 2 Туэктинского могильника был построен позднее № 1, поскольку южный край его каменной выкладки и окружающее кольцо из вертикальных плит перекрыли такое же кольцо кургана № 1. Для нас существенно, что эти объекты составили северный конец могильной цепочки, и курган № 1 расположен в ней южнее № 2 (рис. 50). В могильнике Уландрык II пола северного кургана 4 налегала на полу южного кургана 3 (рис. 51) (Кубарев, 1987. С. 170. Табл. XXXV). Л.С. Марсадалов (1997. С. 4. Рис. 3-5) проследил, что группа из трех смежных курганов № 8, 9 и 10 в могильнике Башадар (рис. 52) росла с

⁸⁶ К сожалению, в литературе нет конкретных данных о направленности рядов жилищ в поселении этой эпохи, изучавшемся у о. Косоголь (Мартынов, Алексеев, 1986. С. 68; Мартынов, Абсаламов, 1988. С. 45). Не помогает делу и ознакомление с полевыми отчетами А.И. Мартынова, имеющимися в Архиве ИА РАН: Р-1, д. 8992 (1981 г.); д. 9465 (1983 г.); д. 19742 (1985 г.); д. 12045 (1986 г.). За отсутствием сводного плана и разделения объектов по строительным горизонтам, можно думать, что только жилища 11-13 составляли меридиональный ряд.

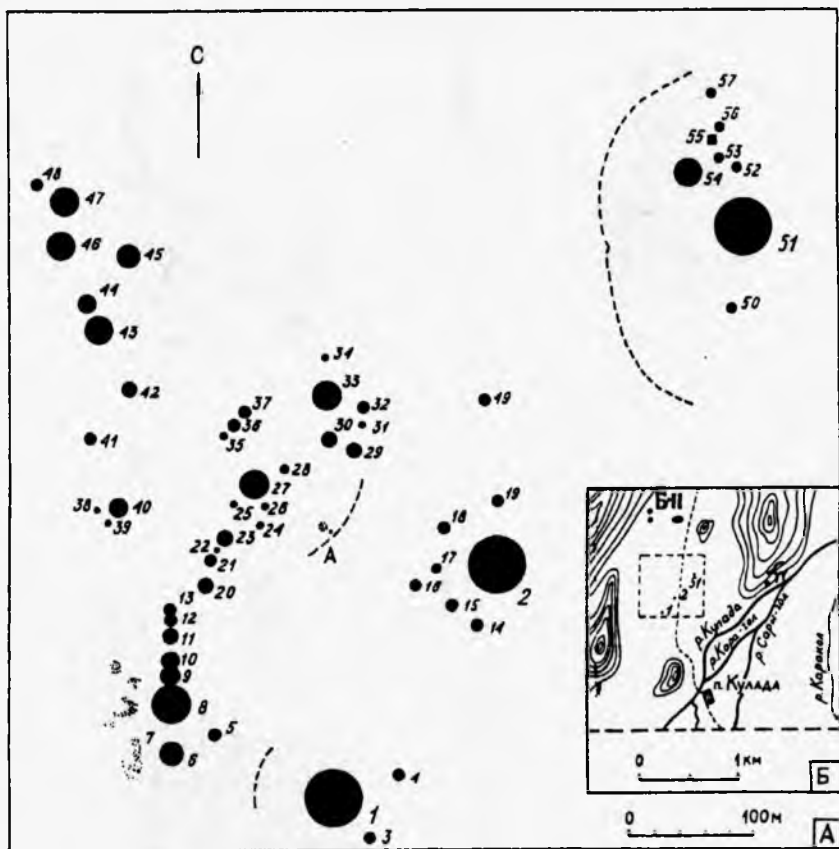

Рис. 52. Общий план могильника Башадар. Горный Алтай. По Л.С. Марсадолу (1997. Рис. 2)

Fig. 52. General view of the Bashadar burial ground. Gorny Altai

юга на север: каждый севернее стоящий курган перекрывал часть южного (рис. 53).

Другой случай проявился в результате раскопок на могильнике Ак-Алаха I. Судя по наложению краев насыпей, курган № 2, расположенный севернее, был сооружен позднее кургана № 1. Во втором погребении оказалось захоронение ребенка, которое археологи сочли подхороненным к ранее умершему взрослому (Полосьмак, 1994. С. 63. Рис. 70). Из состава сопроводительного инвентаря (серьга с правой стороны черепа, гривна на шее, кинжал на правой бедренной кости, чекан, крепившийся к кожаному поясу, остатки колчана со стрелами в ногах) следует, что погребен мальчик, уже вступивший в воинское сословие. Наиболее вероятно, он —

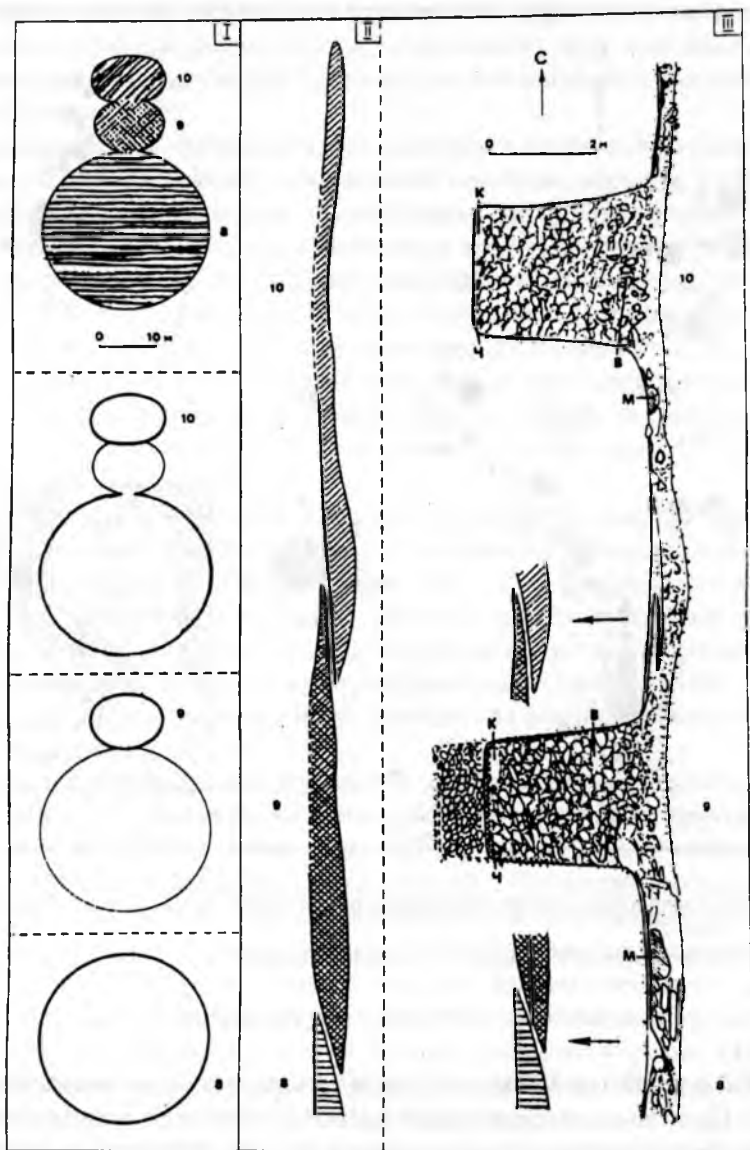

Рис. 53. Последовательность формирования группы курганов 8-10 в могильнике Башадар (I), отраженная в перекрывании их насыпей (II – схема, III – общий профиль). По Л.С. Марсадолову (1997. Рис. 5)

Fig. 53. The formation sequence of the group of tumuli № 8th-10th in the Bashadar burial ground (1) as reflected in the overlapping layers (II – layout, III – general side view

юный сын 40-50-тилетнего мужчины, упокоившегося в парном мужском захоронении кургана № 1⁸⁷.

Этот случай показал, что курганы последующего поколения возводились к северу от предыдущего.

К сожалению, не всегда исследователям удается проследить последовательность таких перекрываний, но радиоуглеродное датирование в подобных случаях указывает на очень небольшое расхождение во времени соседних погребальных сооружений (Кубарев, 1991. С. 133. Табл. XLVIII). Подтверждения роста могильного поля с юга на север дают дендрохронологические анализы материалов могильника Пазырык (рис. 54). Несмотря на разноречивые данные (по литературе можно отметить три этапа в изучении возраста пяти курганов могильника⁸⁸ — Марсаолов, 1984. С. 92, 93; 2003. С. 93-97; ср.: Васильев и др., 2003. С. 24, 25), для нашей темы значимо, что курган № 4 на 30 лет опередил расположенный севернее него курган № 3 (Захариева, 1974. С. 16-18, 21; Марсаолов, 1984. С. 92, 93, 96; 2003. Табл. 1). Рассмотренные выше закономерности устройства могильников пазырыкской культуры без привлечения дендрохронологии убеждают в правоте Л.С. Марсаолова (1984. С. 96): курган № 1 сооружен севернее № 2, а значит, позднее его. Независимо от того, последним или первым был возведен на плато курган № 5, я, руководствуясь другими, планиграфическими и ландшафтными основаниями (рис. 54), разделяю мнение Санкт-петербургского коллеги о том, что этот объект лег в основание другой, несостоявшейся цепочки и склонен думать, что Пазырыкский могильник образован тремя короткими семейными рядами (№№ 2-1, 4-3 и 5).

Представление о том, что курганы в одной цепочке пазырыкского могильника возводились с юга на север, не следует механически переносить на иные культуры и погребальные объекты иного уровня. Так, в меридиональном направлении (или вдоль рек), выстроены рядами курганы уюкской культуры Тувы. Иногда могильники образованы параллельными цепочками (Грач, 1980. С. 24, 50. Рис. 56, 75, 78-80, 93, 103, 104, 111; Мандельштам, 1992. С. 179, 194). Однако здесь преобладали не *индивидуальные* погребения, а подкурганые *коллективные* склепы, заполнявшиеся неоднократно производившимися подхорониваниями (Грач, 1980. С. 51).

⁸⁷ Инвентарь второго погребения этого кургана во всем аналогичен первому. Непонятно, почему, вопреки многочисленным наблюдениям над иными особенностями женского погребального обряда пазырыкской культуры (Полосьмак, 1994. С. 43), исследовательница посчитала это погребение женским (Там же. С. 27 сл.). Известно, что в случаях, ясных по составу инвентаря, археологам не следует доверяться антропологическим определениям пола погребенного. Особенно, когда захоронен, как здесь, юный человек.

⁸⁸ Столько же этапов пережило и уточнение общего плана могильника Пазырык. Становясь все детальнее (Руденко, 1953. Рис. 2; Марсаолов, 1984. Рис. 1, А; 2003. Рис. 1, А), он, однако, утратил ряды балбалов у курганов № 3 и 4 и кольцевую ограду у кургана № 5.

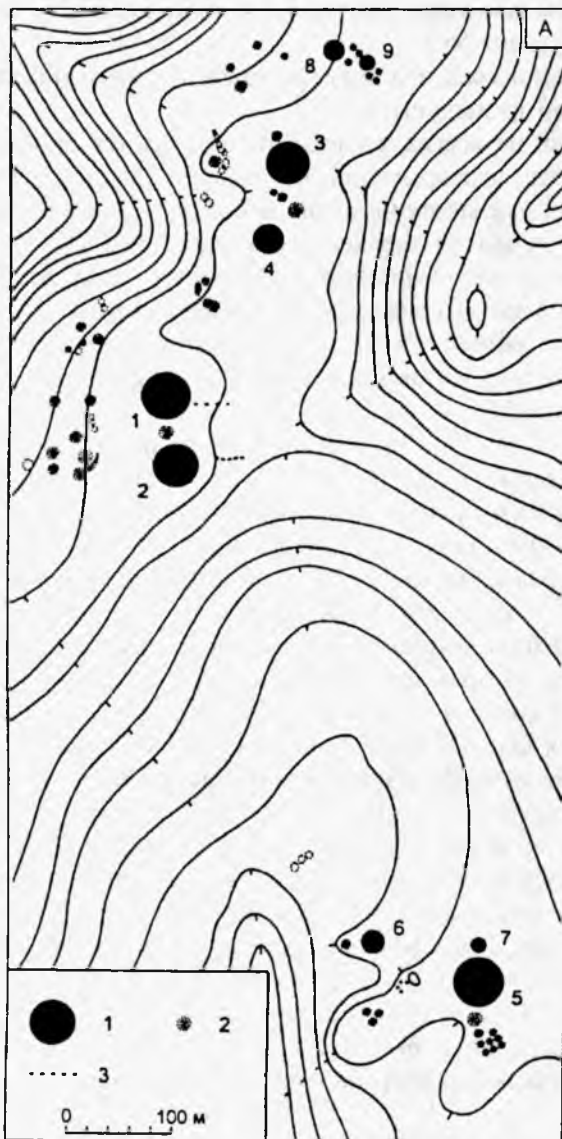

Рис. 54. Общий план могильника в урочище Пазырык. 1 – каменный курган, 2 – каменная выкладка, 3 – вертикальные камни-стелы. По Л.С. Марсадолову (2003. Рис. 1, А)

Fig. 54. General view of the burial ground in the Pazyryk hollow. 1 – stone tumulus, 2 – stone lay out, 3 – vertical stones – stelae

Следовательно, нет оснований привлекать могильники Тувинской котловины для реконструкции облика древних поселений.

Одновременные пазырыкским курганы тагарской культуры Енисея не имеют точно ориентированных элементов общего расположения на местности. Но под насыпями V-IV вв. до н.э. нередко размещаются в один ряд, вытянутый с северо-запада на юго-восток, две-три могильные камеры. Как показывают тщательно проведенные раскопки, последовательность создания могил одного кургана в этом случае может быть обратной пазырыкской — от первоначальной северной ямы к центральной и к завершающей южной (Кузьмин, 1994. С. 7-9. Рис. 3, 6). Однако это происходит при обряде коллективных захоронений, сменивших семейные гробницы раннего времени.

Таким образом, можно заключить, что размещение курганов в пазырыкских могильниках не принадлежит к общим особенностям раннего железного века Южной Сибири, а характеризует конкретные особенности горно-алтайского общества того времени. Как видим, не только ориентация рядов, но и последовательность сооружения курганов в них подчинены тем же закономерностям, что и размещение жилых построек, отмеченное для традиционного саяно-алтайского общества на примере хакасов. Это сходство археологических и этнографических данных позволяет думать, что планировка могильников Алтая отражает форму поселений носителей пазырыкской культуры.

Косвенные свидетельства указывают, что жилища пазырыкцев могли устанавливаться входом к востоку. Значимость этого направления в горно-алтайской культуре того времени устанавливается по направлению череды вертикальных стел, нередко отходящих от курганов⁸⁹ (рис. 54) (Руденко, 1953. Рис. 2; Кубарев, 1987. Табл. LVI, LXVII, LXXXIII; 1991. Табл. II).

Соотнесение условий сложения пазырыкских могильников с порядком разрастания хакасского аала, свидетельствует, что прослеженный этнографами обычай *не может расцениваться на Саяно-Алтайском нагорье как признак тюркоязычных обществ*. Наиболее вероятно его более древняя принадлежность субстратным, дотюркским народам Южной Сибири. Этому выводу соответствует, на мой взгляд, и форма обрядового свадебного жилища, временно возводимая на месте постоянного дома. Доводы в пользу древнего, несвязанного с тюркоязычным миром происхождения конического *алачика* приведены в разделе 5.

В общей форме все сказанное означает, что без развития поселенческой археологии науке вряд ли удастся обоснованно восстановить построение

⁸⁹ Ошибочность восприятия рядов пазырыкских менгиров и средневековых тюркских балбалов как обрядовых коновязей показана выше в прим. 72.

древне- и пратюркских поселений. Со временем, получив в результате раскопок иные источники, возможно будет выработать и новые подходы к проблеме. В нынешнем виде материалы подводят нас к постановке вопроса, значительно превосходящего рамки тюркологии.

10. Планировочные и семантические различия города и деревни в древности и средневековье

Постановка жилищ рядом издавна присуща не одним народам Саяно-Алтайского нагорья. На общей площадке жилища в ряд располагал еще гейдельбергский человек из Бильцингслебена в нижнем палеолите, 400 тыс. лет назад (Зубов, 2001. С. 97, 108). Уже по археологическим данным, привлекаемым ретроспективно, мы видели, что рядная планировка не может характеризовать культуру одной лишь тюркской языковой общности, поскольку подобная меридиональная цепочка отличает построение пазырыкских могильников, представляющих семейными кладбищами. По генетическим данным пазырыкское общество оказалось близким к предкам современных селькупов, т.е., наиболее вероятно, принадлежало представителям южной части самодийской языковой семьи (Молодин, Полосьмак, 2001. С. 70; Куликов и др., 2006). Относящиеся к этой же лингвистической категории ненцы, изменив древний самодийский тип хозяйства на кочевое оленеводство и уйдя на Европейский Север, так же рядом располагают свои жилища, каждое из которых служит домом только одной семье. Оба бытовых признака не только отличают ненцев от соседей — коми и русских — даже в том случае, когда те схожим образом живут табунным оленеводством, но и влияют на формирование у последних эмоциональных стереотипов (Дронова, Истомин, 2003. С. 60, 61).

Между тем, в планировке самих северорусских (как и многих сибирских) деревень определяющей исконно-исторической особенностью служит их однорядность. Дома ставятся единой цепью вдоль реки или дороги. Первична здесь, конечно, бытовая зависимость каждого двора от воды, вторична — от путей и средств передвижения (в северорусских условиях в большей степени водных, затем наземных), обеспечивающих хозяйственный цикл. Представление о естественной свободе застройки деревень, на деле повторяющих причудливые изгибы рек, оказывается обманчивым не только в отношении замкнуто-кольцевой планировки приозерных, но даже и в отношении крупных радиально-круговых поселений, лучами («концами») протянувшихся от реки вдоль тех же дорог. Пожалуй, полной свободы застройки не удастся найти даже в небольших сезонных, летних поселках, что, думается, и позволяет историкам народ-

ной архитектуры выделять особый и древний единый принцип свободной планировки, отличая или возводя к нему иные планировочные решения, позднее возникшие или даже привнесенные в народную культуру под диктатом городского государственного строительства (Ополовников, 1983. С. 10-28, илл. 1-4, 8-12, 16; 1986, илл. 1, 77, 78).

В данном случае нет нужды доискиваться, восходит ли такой тип планировки к лесному финно-угорскому населению, предшествовавшему на Русском Севере славянам (роль финно-угорского субстрата в сложении великорусского народа и его культуры известна и дондесь очевидна), важнее, с моей точки зрения, заметить формально-типологическую общность свободной однорядной планировки, которая издревле была присуща открыто размещенным в природе жилищам саяно-алтайских тюрков, сибирских и европейских самодийцев и северорусских славян. Для нашей темы сейчас не существенно расхождение, для каждой малой семьи ставилось свое жилище (как у хакасов или ненцев) или под одной кровлей жила большая семья с женатыми, но неотделенными сыновьями (как у русских), избы которых пристраивались к отцовской, оставаясь с ней под одной крышей⁹⁰ (Ополовников, 1983. С. 42, 43 и 44, ср.: илл. 27, 28, 35, 38, 50 и др.). К тому же, такое слившееся жилище на Севере, видимо, не изначально. Существенно выделить те особенности, которые издавна, если не искони, присущи целой *категории* людских поселений, *свободно размещенных в естественном ландшафте*. Мы видим, что этот планировочный принцип, быть может, не следует возводить к подвижному образу жизни.

Другую селитбенную *категорию* человечества составляют поселения *замкнутого плана*. Возможно, они не изначально, но возникают очень рано. Для нашей темы особенно значимо, что идея ограничения жилого пространства прямо не связана с размерами поселений: на рубеже III и II тыс. до н.э. или в XVI-XIV вв. до н.э. они могут быть очень (как Ташково II) или относительно небольшими (как Синташта и Аркаим) (Ковалева, 1988. Рис. 3-5; Зданович, 1989; Кызласов Л.Р., 1999а; 2006. Рис. 1, 3, 8, 10, 11), в то время как уже в V-IV тыс. до н.э. — просто гигантскими — до 250 и даже 400 га (как трипольские Доброводы и Тальянки). Замкнутость поселений, оказывается, не вызвана необходимостью их защиты — четкие внешние границы в названных культурах не были укреплениями (Кол, 2004. С. 95-97).

Сравнивая трипольские поселения с ранними городами-государствами Шумера (меньших размеров и на пять с лишним столетий моложе), некоторые исследователи отказываются признать трипольские поселения

⁹⁰ В этом, как мне думается, могут корениться не только очевидные городские, но и не столь явные деревенские традиционно-культурные и этнопсихологические истоки коммунальных квартир и общежитий, столь живучих в нашем Отечестве.

городами или протогородами за неимением данных об их специализации и внутренней организации (Кол, 2004. С. 95).

Критерии для выделения городов как особой категории человеческой культуры могут и были самыми разными. Думаю, для историка особенно важно заметить, что их выдвигали и что в них вкладывали те самые городские общества, для которых наша наука отыскивает определения городов по собственным меркам. Напомню, что согласно Платону, не требуется многих признаков: «город — место обитания множества людей, подчиняющихся общим постановлениям; масса людей, живущих по одному и тому же закону» (Платон, 1986. С. 434). Лаконичен в этом и, например, ал-Мукаддаси, главным признаком города считавший наличие соборной мечети. Так, перечисляя города Бухарского оазиса, он писал: «В нем есть много селений, которые больше городов: Варахша, Баррания, Афшина... чтобы быть городами им недостает только соборной мечети». В другом месте он вновь замечает: «... и есть там большие селения, которым из признаков городов недостает только соборной мечети [мимбар]», т.е. религиозного центра, где дозволено произносить хутбу (Беленицкий и др., 1973. С. 164, 165). Согласно С. Герберштейну, русские еще и в первой четверти XVI в. сохраняли это понятие в его этимологически первоначальном смысле: «городом они называют, — писал австрийский посол, — все, что окружено стеной, снабжено укреплениями или огорожено каким-либо другим способом» (Годовикова, 1986. С. 7).

Отмечая вполне реальное противопоставление двух форм поселений в истории человечества — замкнутой, искусственно отделенной от окружающей природы и открытой, свободно размещенной, слитой с нею — следует видеть, что современные города восходят к первому, а деревни — ко второму виду. Планировка оказалась основополагающим признаком деления поселений на города и деревни, в равной степени проходящим через все исторические эпохи, начиная, по крайней мере, с неолита. И признак этот носит не дробные социальные характеристики, обычно связываемые с общественной функцией города (как центра администрации, идеологии, ремесленного производства и т.п.), а семантические, глубинные мировоззренческие основы.

Предлагаю именовать протогородами поселения правильной замкнутой структуры, еще лишенные внешней фортификации, ранними городами — снабженные укреплениями, и городами — поселения замкнутого спланированного типа, но уже потерявшие необходимость в стенах и башнях.

Открытые, свободно вписанные в ландшафт поселения — это и деревни, и аилы, и стойбища. Эта селитбенная разновидность, конечно,

не означала существования человека в бесформенном, неустроенном и диком пространстве — такое просто не свойственно людям. Различия с изолирующим поселением городским принципом застройки заключается здесь в том, что окружающее деревню пространство было иначе воспринимаемо.

Дальнейшее осмысление предложенной систематики и ее природы предоставляю читателям, свою задачу на этом считаю выполненной.

К УЯСНЕНИЮ САМОБЫТНОСТИ ГУННСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕ- СКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Прежде, чем изложить археологические материалы, позволяющие отторгнуть культуру гуннов от особенностей раннего культурного развития тюркоязычных народов, необходимо уяснить некоторые общие позиции, связанные с самобытностью самого гуннского общества. К этому побуждает не только необходимость последующей сравнительной работы, но и во многом схематичные взгляды, воспринятые, как мы видели, алтаистикой из исторических публикаций, ограниченных так называемой кочевниковедческой тематикой.

В истории вряд ли найдется народ известнее гуннов. Столетиями они были могущественными противниками как поднимавшегося Китая (III в. до н.э. — V в.н.э.), так и зарождавшейся Европы (конец IV-VI вв.). И Восток, и Запад сделали их имя символом чужеродной дикости. Но, ни тот, ни другой, веками не могли противостоять действительности государственного устройства гуннов, обитавших и крепнувших в суровых землях, в которых ни Китай, ни Европа не мыслили существования.

В истории вряд ли найдется народ загадочнее гуннов. Как азиатских, так и европейских. Наука, увлеченная событиями их бурной истории, поныне ничего не знает наверняка ни о происхождении гуннов, ни об их языке, ни о прямых потомках. Гипотез гораздо больше, чем добротного материала, пригодного для изучения.

Стоящие перед нами задачи не имеют никакого отношения к гуннам европейским, связь которых с центральноазиатскими, пожалуй, наиболее интересна историкам-этнонимистам.

Излагаемые далее сюжеты основаны на известных материалах, но в них выделяются не всегда замечаемые исследователями особенности культуры центральноазиатских гуннов. Начиная главу исторический очерк дополняет археологическими данными свидетельства письменных источников, сегодня широко доступных на русском языке благодаря трудам отечественных китаистов Н.Я. Бичурина (1950а), Н.В. Кюнера (1961), В.С. Таскина (1968, 1973, 1989, 1990), Р.В. Вяткина (Сыма Цянь, 1972-2002, тт. I-IV, VI-VIII), Е.А. Торчинова, М.Е. Ермакова и Ю.Л. Кроля (Проблемы географии, 2005), Е.И. Кычанова (1997). Археологический

раздел главы вновь выявляет самостоятельное значение науки о материальных древностях, в том числе при постижении основ духовной культуры общества.

1. Особенности государственного развития

Китайские авторы меняли имена соседних народов со сменой каждой китайской династии. Как мы видели (глава 1, раздел 2), Сыма Цянь первым из известных историков сказал, что сюнну являлись прямыми потомками предшествующих народов, соседствовавших с китайскими царствами с запада и севера, тех, кого летописцы именовали *жун* и *ди*. Развивая эту мысль, средневековые авторы задним числом утверждали, что предков гуннов знали под именем *шаньжун* или *сяньюнь* еще до легендарных императоров Тана и Юя, в царстве Ся (2205-1766 гг. до н.э.) их именовали *шуньвэй*, при Шан-Инь (1766-1122 гг.) — *гуйфан*, при Западном Чжоу (1122-770 гг.) — *сяньюни*, а при династии Хань (202 г. до н.э. — 220 г. н.э.) стали называть *сюнну* (в современном произношении старинных иероглифов).

Хотя этой отложившейся в танском сочинении схеме в Китае следуют многие современные историки (Таскин, 1968. С. 10), в какой мере она отмечает смену народов к северу от Срединной равнины, а в какой — вехи развития одного этнического ядра степняков, остается неясным. Прямая связь гуннов с сяньюнями отрицается другой группой китаистов (Васильев К.В., 1961. С. 121; Дискуссия, 1962. С. 208). Связной истории древних соседей Китая не существует: от мифического прародителя сюнну Шунь-вэя (якобы отпрыска царей Ся) до первого доподлинно известного их правителя — шаньюя Тоуманя (умершего в 209 г. до н.э.) «прошло более тысячи лет», не заполненных повествованием.

Веками земледельческий Китай боролся с непохожим на него миром скотоводов. Этот трудный опыт и уничижительные оценки жители Поднебесной перенесли и на гуннов (сюнну).

С объединением Китая империей Цинь (221 г. до н.э.) были снесены разделявшие бывшие царства крепостные стены, но их северные участки не только оставили, но усилили и удлиннили, возведя к 212 г. до н.э. знаменитую Великую стену (Длинную стену, Чанчэн), протянувшуюся на 4000 км. Оттуда, с севера новой могущественной стране с регулярной многотысячной армией угрожали столь же быстро набиравшие силы гунны. Эта стена две тысячи лет служила северной границей Китая.

Стоит задуматься над этим показателем истории. Надо ли говорить о преимуществах цивилизации (связывая с нею лишь земледельчески

освоенные равнины), если к одной эпохе равного могущества достигли и китайцы и гунны? В последней четверти III в. до н.э. и те, и другие создали огромные многоплеменные государства, подчиненные единой воле абсолютной личной власти — будь то императора-ди или самодержца-шаньюя.

Однако, следуя иерархии китайских хроник (Кроль, 2005а. С. 129), историки поныне нередко числят царство Цинь военно-бюрократической монархией, а владения гуннов — только лишь союзом племен⁹¹. В новейших изданиях правителя гуннов, шаньюя, все еще аттестуют «военным вождем» (Кляшторный, 2002. С. 127; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 20), предназначенным «организовывать военные походы и перераспределять “подарки”, доходы от торговли и набегов», а потому получавшего от подданных «право на монопольное осуществление внешнеполитической деятельности». Соответственно и причины сложения державы отыскивают не внутри, а вне гуннского общества, сводя их к необходимости получать продукты и продукцию из Китая да от торговцев на караванных путях, противодействуя политическому и культурному воздействию Срединного государства (Крадин, Данилов, Коновалов, 2005. С. 183, 184) (концепция восходит к Т.Дж. Барфилду, см. его: 2009. С. 83).

Сложно сказать, когда все три названных фактора не заботили северных соседей Китая, еще сложнее, пожалуй, понять, почему они, по мысли авторов, лишь к III в. до н.э. привели к сложению мощной степной державы.

Не так думали сами гунны. Не только равенство с Китаем, но, часто, и превосходство над ним не вызывало у них сомнений⁹². Они не только совершали опустошительные набеги на теснивших их в землях Ордоса китайцев⁹³, но и со 198 г. до н.э. получали из ханьской столицы Чанъани дань, увеличивавшуюся со временем, брали оттуда принцесс, заключая династийные браки, оговоренные «договорами о мире, основанном на родстве» (*хэ цинь*). В 192 г. до н.э. шаньюй гуннов Модэ (Маодунь) предложил брак овдовевшей императрице Люй-хоу, рассчитывая получить весь Китай в качестве приданного. Договоры *хэ цинь*, по крайней мере с 285 г. до н.э. заключавшиеся между китайскими царствами равного статуса, многими десятилетиями оформляли отношения императоров Западной Хань и гуннских шаньюев (Кроль, 2005а. С. 154, 164-167). Несмотря на незыблемость древней сакрализации мироустроительной роли Сре-

⁹¹ Л.Н. Гумилев, со свойственным ему литературным талантом, именовал государство гуннов «родовой империей».

⁹² Сводку данных и подробный анализ отношений ханьского Китая и гуннов см.: (Кроль, 2005а), очерк связей в I-III вв. — (Думан, 1970).

⁹³ См. прим. 19.

динного государства (и вопреки позициям официальных историографов), равной признавали державу гуннов и китайские императоры Западной Хань: по крайней мере примерно с 200 по 135 гг. до н.э. и с 51 г. до н.э. по 8 г. н.э. (Кроль, 2005а. С. 172, 207, 208).

Так, император Вэнь-ди (180-157 гг. до н.э.) именовал шаньюя братом и в 162 г. до н.э. писал: «Хань и сюнну — равные по силе соседние государства»; век спустя Сюань-ди (74-49 до н.э.) вручил шаньюю Хуханье золотую печать — «такую же, как у Сына Неба». Замена печати на знак низшего разряда при Ван Мане, в 9 г. н.э., вызвала возмущение и гуннские набеги. И первый же император восстановленной династии Хань вернул в 24 г. шаньюю печать прежнего достоинства (Кроль, 2005а. С. 282, 283, 296-298)⁹⁴.

Ханьские историографы Сыма Цань и Бань Гу (32-92 гг. н.э.) равно отмечают строгость дипломатического этикета гуннского государства, неизменно расценивавшего свои посольства соответственно императорским посланникам Китая (Кроль, 2005а. С. 347, прим. 95).

Долгие войны Китая с гуннами ничего не изменяли в мировосприятии последних: в 89 г. до н.э. письмо шаньюя Хулагу императору У-ди начиналось словами: «На юге есть великое государство Хань, а на севере могущественные хусцы (т.е. гунны); хусцы — это любимые Сыны Неба, поэтому не обременяю себя мелкими правилами приличия». Происхождение титула «шаньюй» неизвестно, значение — «обширный, т.е. владетель всего мира». Выходит, у гуннов была своя Поднебесная империя. Их правитель, как и император Китая, именовал себя Сыном Неба. Официально он титуловался так: «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный великий шаньюй сюнну».

Земли единого Китая были огромны, но и гунны подчинили обширные пространства, временами значительно превосходящие величину Срединной равнины. Второй шаньюй Модэ (209-174 гг. до н.э.) на западе завоевал Восточный Туркестан до пустыни Такла-Макан, на востоке — достиг полуострова Ляодун, на севере — Байкала. Через два с лишним столетия все те же пределы гуннской державы очерчивал и Ван Ман в 12 г. н.э., готовя большую войну с соседями (Кроль, 2005а. С. 286). Страна гуннов изначально была многонациональной, разноязыкой и включала не только степи. По словам ханьского историографа Сыма Цяня, гунны «образовали государство, равное по силе Срединному государству». Иными словами

⁹⁴ Разумеется, китайская политическая мысль, исходящая из мироустроительного предназначения богоданной Срединной империи, никогда не мирилась с тем, что «варвары... призывают нас к себе и отдают приказы», и отыскивала средства покончить с этим. См., например, доклады императору Вэнь-ди царедворцев Цзя И (Ермаков, 2005) и Чао Цао (Торчинов, 2005а. С. 387, 397).

гунны создали в стенах первую мировую державу, впервые создав систему управления как оседлым, так и кочевым населением. Только число жителей, участвовавших в формировании армии Модэ, составляло 1,5 млн. человек (Таскин, 1973. С. 5, 6; 1989. С. 16-18)⁹⁵.

Государствообразующая роль Модэ-шаньюя сравнима с деятельностью создателя единого Китая — Цинь Шихуан-ди.

Помня, что Модэ-шаньюй считал землю основой государства (вспомним притчу о безропотной передаче им по требованию дунху лучшего коня, затем — одной из своих жен, но начавшему большую войну за землю-неудобицу, со словами: «земля есть основание государства; как можно отдавать ее?» — Бичурин, 1950а. С. 47, 48)⁹⁶, сравним не только размеры, но и природу государственной мощи Китая и гуннов. Одну из причин усиления царства Цинь видят в первоочередном захвате им в 316 г. до н.э. «щедрых ресурсов областей Шу и Ба» — владений тибето-бирманских племен в центральной части Сычуани, дававших хлеб и руду (Фань Вэнь-лань, 1958. С. 239; Васильев К.В., 2004. Карта 3; Кроль, 2005б. С. 10). Широкое внедрение в жизнь железа называют основой мощи династии Хань. Археология выявляет ту же государственную мудрость шаньюя Модэ⁹⁷. Уже около 203 г. до н.э. он подчинил богатейшие земли Саяно-Алтая — одного из древнейших в Евразии южносибирского центра земледелия и металлургии⁹⁸. Централизованную государственность, а не кочевую стихию, выявляют разрабатываемые гуннами железные рудники в Туве, а также — введенные ими на захваченных землях Забайкалья и Хакасии художественные стандарты: судя по составу сплавов, местные бронзолитейные центры были переведены на производство изделий сугубо гуннских форм. Высокоразвитая цветная металлургия у гуннов существовала самобытно, не испытывая сколько-нибудь значительного влияния китайской традиции. Центры бронзового производства, ныне ар-

⁹⁵ Сменивший его сын, шаньюй Лаошан, в 166 г. до н.э. вторгся в Китай, предводительствуя корпусом в 140.000 всадников (за которыми по статистическим нормам эпохи должно было стоять население в 700.000 человек). Для защиты столицы император Вэнь-ди собрал армию в 102.000: 1000 колесниц и 100.000 конников (Таскин, 1968. С. 26, 47).

⁹⁶ Гуннские шаньюи не уступали свои земли Китаю даже в трудные для страны годы, когда утрачивались многие иные признаки независимости. Так было, например, в 8 г. н.э. при шаньюе Чжи, изменившем в угоду Ван Ману даже свое личное имя (Нанчжиясы). В 46 г. Би (будущий шаньюй южных гуннов) преподнес ханьскому двору карту гуннских земель — подобный знак подчинения отмечен в культуре Китая с III в. до н.э. Однако, покоряясь Восточной Хань, южные гунны селились по китайскую сторону Великой стены, т.е. пределы степного государства не нарушались (Кроль, 2005б. С. 11; 2005а. С. 221, 241, 270, 282, 283).

⁹⁷ Эта тема была поставлена и лаконично раскрыта на письменных и археологических данных в серии работ Л.Р. Кызласова (1998б; 1999в; 2006. С. 142-145).

⁹⁸ Ср. запрет продажи гуннам оружия и железа, введенный Китаем (Кроль, 2005а. С. 339, прим. 11).

хеологически изученные только в Бурятии, имели ремесленный характер, поскольку широко распространяли свою продукцию (Миняев, 1983).

В развитии всех подвластных гуннам владений произошел качественный скачок производительных сил. Именно гунны в правление шаньюя Лаошана (174-160 г. до н.э.) вынудили Китай создать систему приграничных рынков (Кроль, 2005а. С. 147). Согласно археологическим находкам, в гуннской стране существовала письменность (ею была китайская иероглифика), обращалась бронзовая монета (также китайская, получаемая в виде дани и добычи) и другие средства платежа, хроники говорят о податях, покупке рабов и долгом рабстве иноплеменников, защите частной собственности — воровство сурово каралось. Долгая борьба гуннов за Восточный Туркестан была борьбой не только за экономически развитые оазисы, но и за торговый Шёлковый путь на запад, открывшийся в I в. до н.э.

Тогда в сферу единого государственного управления были втянуты новые племена и народы. На это указывают открытые археологами прямо (в Бурятии) или косвенно (на Горном Алтае) специализированные поселения гуннских колонистов — пахарей (см. гуннский сосуд для хранения зерна на рис. 55) и плавильщиков железа (Давыдова, 1985. С. 77-79; 1995. С. 51-53). В Туве в урочище Кара-Суг открыт разрабатывавшийся гуннами рудник рубежа III-II вв. до н.э. (Кызласов Л.Р., 1969б. С. 120, 121. Рис. 3, 1-4; 1979. С. 82, 83), на Иволгинском городище II-I вв. до н.э. зафиксирован металлургический сыродутный горн⁹⁹ и специализация многих усадеб на бронзолитейном производстве (Миняев, 1983. С. 65. Рис. 10; Давыдова, 1995. С. 51-54). Хозяйственную направленность поселения Дурены I выявляет специфика находок: при раскопках 54 жилищ Большого Иволгинского городища встречено только два железных сошника, при обследовании местности и раскопках в Дуренах (где вскрыто только 6 жилищ и множество хозяйственных ям) — 21 сошник (рис. 56) (Окладников, 1962; Кызласов Л.Р., 2006. С. 157). Здесь же встречено много металлургических шлаков, кусков железной руды, производственных ям (Давыдова, Миняев, 2003. С. 41).

Алтайские находки 1978-1979 гг. (Кубарев, Журавлева, 1986) поныне недооценены археологами. В 2003 г. довелось не только видеть в Республиканском музее в Горно-Алтайске фрагменты огромных сосудов-зернохранилищ, полученных В.Д. Кубаревым при раскопках гуннских гончарных печей, но и, благодаря В.А. Кочееву и организовавшей поездку Л.Н. Тыбыковой, — месторасположение самих печей на правом берегу р. Юстыд. Скопление их, как и специфическая тарная продукция (при от-

⁹⁹ Т. Хаяши отмечает его сходство с одним из горнов ханьского времени (Hayashi, 1984. P. 63), обнаруженным далеко на юге — в современной провинции Хунань.

3

1

4

2

Рис. 55. Гуннский сосуд для хранения зерна. Большое Иволгинское городище, жилище 9. По А.В. Давыдовой (1956. Рис. 9)

Fig. 55. Hunnic vessel for keeping grain. Bolshoye Ivolginskoe site, dwelling 9

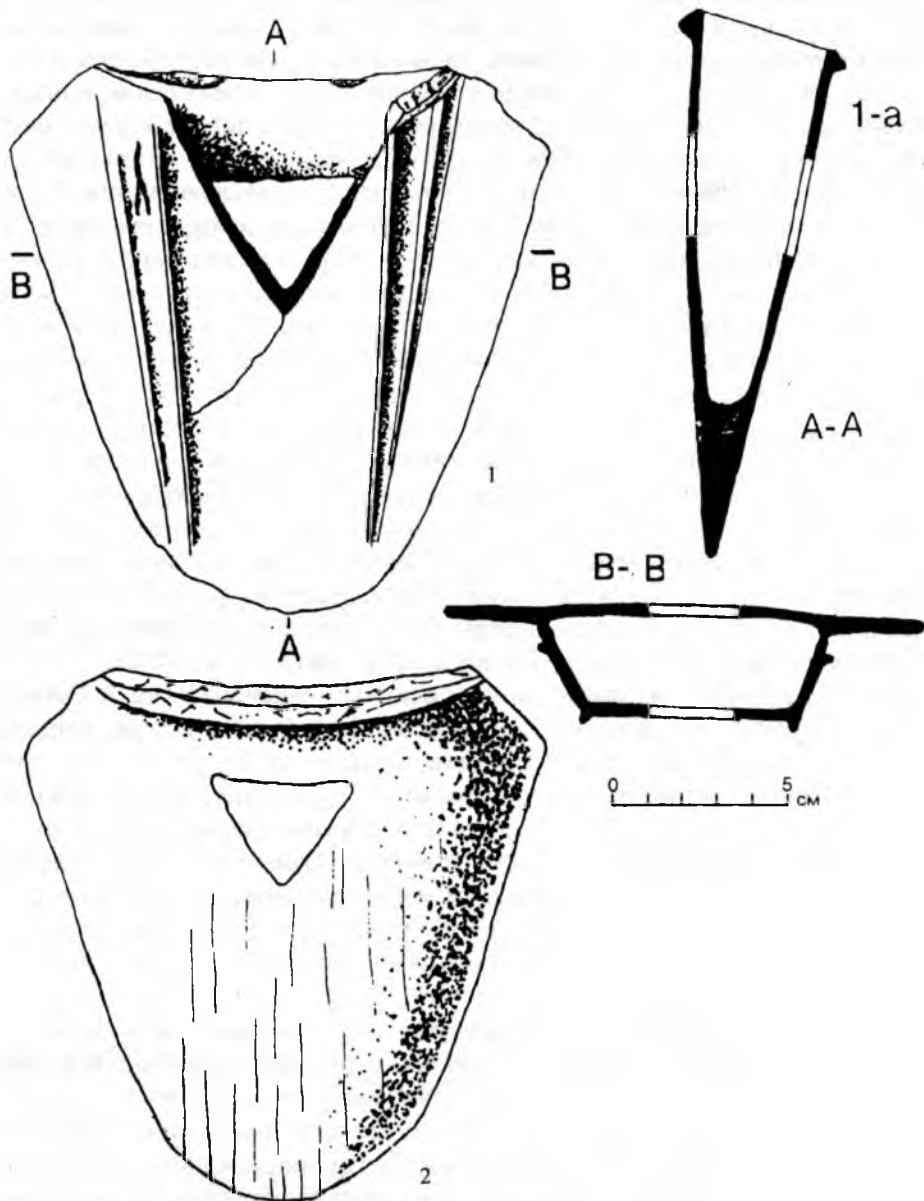

Рис. 56. Гуннский сошник. Лицевая и оборотная сторона, разрезы. Чугун. Поселение Дурёны.

По А.В. Давыдовой и С.С. Миняеву (2003. Табл. 51)

Fig. 56. Hunnic ploughshare. Face and reverse sides, section. Cast iron. The Dureny settlement

сутствии в раскопанных объектах столовой посуды — Кубарев, Журавлева, 1986. С. 111-116. Рис. 5-8), указывает на существование не только специализированной слободы керамистов, но и разделения труда внутри нее.

Здесь же, кроме остатков печей и черепков гуннских сосудов, обнаруживаются металлургические шлаки и руда (размещение железоплавилен см.: Кубарев, Журавлева, 1986. Рис. 1, б), а одна из гор на противоположном берегу реки зовется геологами «Печи Чингизхана». Чьими бы ни были эти не обследованные пока металлургические печи, и кто бы позднее ни развивал в долине земледелие (тут найдена и часть танского плуга), не может быть сомнения, что гунны пришли сюда из-за руды и хлеба.

Еще не так давно через соседний лог проходил скотогонный тракт в раскинувшуюся за ближайшим перевалом Монголию. Целенаправленное археологическое изучение местности позволит ответить на многие вопросы и, надо надеяться, приведет к обнаружению на Юстыде поселения гуннских колонистов. Поскольку его местонахождение все еще неизвестно специалистам, можно думать, что оно не имеет явных рельефных признаков, т.е. не было крепостью. Следовательно, это поселение возникло не при завоевании края, а на более позднем этапе местной гуннского истории. Если время его существования подтвердит результаты радиоуглеродного возраста, определенного по углю одной из гончарных печей (первая четверть II в. н.э. — Кубарев, Журавлева, 1986. С. 118), то мы будем знать, что централизованная политика освоения Южной Сибири путем создания специализированных поселений, была присуща гуннской державе от начала до конца ее существования.

Для наших историков-китаистов «наличие земледелия у сюнну бесспорно, однако отсутствуют данные о том, кто занимался обработкой полей — сами сюнну или захваченные в плен китайцы» (Таскин, 1973. С. 137, прим. 19). Разрешая эту ситуацию вряд ли нужно противопоставлять одних другим. Письменные источники свидетельствуют, что попадавшие к гуннам китайцы (нередко добровольные беглецы — Там же. С. 41) использовались для занятия земледелием (Там же. С. 57: 10 г. н.э.). Вместе с тем существуют указания и о посылке 20 и 4 тысяч гуннских колонистов в Чэши (Западный край), чтобы они «встали гарнизонами и занимались обработкой полей» (Там же. С. 30: 66 г. до н.э.; Hayashi, 1984. P. 68: между 87-74 и в 72 гг. до н.э.). И хотя Т. Хаяши считает, что речь идет об использовании военными поселенцами труда местного населения, не эти соображения решают проблему. Главные и вполне ясные данные о гуннах-хлеборобах предоставляет археология — как мы видели, при всем очевидном воздействии Китая на агрикультуру гуннов многочисленные пахотные орудия и специально изготовляемые сосуды для хранения зерна обнаружены на собственно гуннских поселениях. Существенно также, что редкие известные железные сошни-

ки периода западноханьской династии, происходящие из могил Шаньси и Синьцзяна (Xinjiang..., 2006. Р. 67), имеют форму и размеры, отличающиеся от одновременных чугунных пахотных орудий гуннов, хорошо известных по раскопкам их восточносибирских поселений (рис. 56).

Было ли создание специализированных поселений воспринято гуннской властью из китайского опыта? Насколько известно, идея планового заселения пустыющих земель связана еще с реформами Гуань Чжуна (умер в 645 г. до н.э.) в царстве Ци. Т.е. они велись вдалеке от гуннских земель — на берегах Желтого моря к югу от залива Бохайвань (совр. провинция Шаньдун). Принудительное заселение китайцами захваченных у гуннов земель Ордоса велось в эпоху Цинь (214 г., действия полководца Мэн Тяня), но было ли это связано с сооружением крепостей доподлинно неизвестно (Сыма Цянь, 1975. С. 75). Строительство военных поселений вдоль границы последовательно проводилось династией Хань лишь с середины II в. до н.э., после специально обосновывавшего их необходимость доклада Чао Цо (205? — 154 гг. до н.э.) императору Вэнь-ди.

Учитывая это обстоятельство, не приходится забывать, что именно политика гуннов вынудила Китай прибегнуть к такой системе защиты (Торчинов, 2005а. С. 383, 385, 388-393, 401-409)¹⁰⁰. Большое Иволгинское городище на Селенге (одно из раскопанных поселений, населенных гуннскими колонистами) существовало во II-I вв. до н.э., т.е. возникло одновременно с ханьскими пограничными поселениями. Укрепления этого городища не соответствуют фортификационной схеме, разработанной Чао Цо. И китайцев-поселенцев, как иногда думают (Hayashi, 1984. Р. 63-71, 81, 82; 2004. Р. 118-122), на Селенге не было¹⁰¹: жилища, а также иная материальная культура городища в целом и погребальный обряд местного могильника (раскопанного почти полностью — 216 погребений на площади 8000 кв. м) (Давыдова, 1996) оказались сугубо гуннскими.

Гуннские поселения, раскопанные в Бурятии, были застроены не войлочными юртами, а стационарными полуземлянками со стенами из необожженного кирпича. Отличием гуннского дома была фундаментальная печь, направлявшая дым в особые каналы и тем обогревающая земляные лежанки-каны. Не только применению конницы, но и такому самобытному отоплению научились северные китайцы у степняков-соседей.

¹⁰⁰ Согласно «Хань шу» появление на государственных — заброшенных или целинных — землях пахотных поселений («военных» или «народных», т.е. крестьянских) относится к 104 г. до н.э. (Таскин, 1973. С. 117, 162, 163, прим. 2).

¹⁰¹ Подобные сомнения преодолены нашей наукой в конце 1950-1960-х гг. (Киселев, 1957. С. 92; Davydova, 1968. Р. 241, 242). Важно, что Т. Хаяши считает поселения земледельцев-колонистов порождением самого гуннского общества (Hayashi, 1984. Р. 73, note 17).

Иволгинское городище гуннов, раскопанное на Селенге, создавалось по единому проекту с правильным направлением прямых улиц и общими нормами расположения усадеб. Тот же планировочный принцип открыт при раскопках Ташебинского городка в Хакасии, в центре которого возвели глинобитный дворец наместника гуннов, а окраину заселили местными жителями (см. здесь раздел 2). Вопреки китайским летописям, мимоходом упоминавшим города у кочевников-гуннов¹⁰², археологи открыли десятки их правильно распланированных, защищенных глинобитными стенами городов в нынешней Монголии и Западном Забайкалье. Даже жертвы духам предков, неба и земли в дни летнего солнцестояния шаньюй ежегодно приносил не в горах и долах, как ожидалось бы от природного степняка, а в некоем городе, известном по китайскому названию Лунчэн («Драконова крепость», «Драконов город»), который ханьцы неоднократно атаковали и который император У-ди стремился сжечь (Таскин, 1968. С. 40, 79, 81; Сыма Цянь, 2002. С. 310, 330, 445, прим. 52; Торчинов, 2005б. С. 431).

Следует, наконец, осознать, что детально прослеженное археологами раннее и практически полное замещение в гуннском обществе собственной керамической традиции заимствованной из Китая профессиональной технологией гончарного ремесла (Дьякова, 1993. С. 264-276, 322), открывает перед нами пласт стационарной, по сути городской культуры гуннов. Эта керамика, ныне являющаяся характерным археологическим признаком, сопровождала гуннов по всей территории их обитания и пребывания.

Как и в ханьском Китае, у гуннов был один династийный род — Люаньди. Однако современники отмечали в степных традициях большую династийную устойчивость, чем в Китае. Так, Сыма Цянь приводит спор о гуннском обычае левирата, состоявшийся между ханьским послом и перебежавшим к гуннам (сюнну) Чжунхан Юэ, заявившим: «Сюнну берут за себя жен отцов и братьев после смерти последних, опасаясь, что иначе прекратится их род. Поэтому, хотя среди сюнну происходили смуты, на престол всегда ставились люди из одного и того же рода. А в Срединном государстве, хотя открыто не берут за себя жен отцов и братьев, родственники, все более отдаляясь, убивают друг друга, и дело доходило до смелых [правящих] фамилий, что во всех случаях объясняется именно этим» (Таскин, 1968. С. 46; 1990. С. 25).

Следует осознать, что династия гуннских шаньюев в управлении единой огромной державой пережила династию императоров Ранней Хань, а возглавляя уже относительно небольшое владение — и Поздней Хань. Непрерывная династийная линия гуннских шаньюев существовала до

¹⁰² Контекст доклада трону, написанного Ян Сюном в 3 г. до н.э., позволяет относить к гуннам фразу автора о необходимости для китайской армии «разрушать твердыни и брать приступом [обнесенные стенами города] врага» (Кроль, 2005а. С. 208, 209).

V в. н.э. В степных государствах роль династийного рода и позднее была чрезвычайно велика (ср. роль Ашина у народа тюрков или рода Кыргыз у древних и средневековых хакасов — Кызласов И.Л., 2007б; 2009в). Последнее обстоятельство государственной жизни все еще недостаточно осознается исторической наукой.

Три других гуннских фамилии считались наиболее знатными (известно, что они ведали судами). Государственная власть передавалась от отца к старшему сыну. Страна разделялась на три части: центр, левые (восточные) и правые (западные) земли. Шаньюю представлял всю страну, а его многочисленный военный и чиновничий аппарат состоял из 24 должностей и делился на две половины. Высочайшие должности занимали младшие родственники шаньюя, получавшие собственные надель. Описания конкретных судеб показывают, однако, что уже в I в. до н.э. бюрократическая система предпочтения деловых качеств в ряде случаев побеждала принцип родovitости. Так, наместником всей Южной Сибири шаньюю назначил не своего родственника, а плененного в 98 г. до н.э. китайского полководца Ли Лина.

О регулярности армии говорит введение Модэ-шаньюем тяжеловооруженной кавалерии и закрепление за подразделениями лошадей разной масти. Организация гуннского войска послужила образцом для реорганизации ханьской армии.

Как мы видели (глава 1), вопреки мнению ряда историков и лингвистов, управлявшие разноязычными народами азиатские гунны не были тюркоязычными. Судя по записям отдельных слов, их язык вообще не принадлежал к какому-то известному ныне типу. Гунны не принадлежали к тюркскому миру ни по типу жилищ, ни по облику захоронений (см. здесь раздел 2 и главу 4). Но именно они вывели на историческую арену ранние тюркские народы, сдвинув их на Саяно-Алтайское нагорье из неведомых первобытных мест: таковы древние кыргызы-гяньгуни, от смешения которых с динлинами произошли хакасы, таковы также чики Тувы и безымянные пока тюркоязычные горноалтайцы. Всех их знает археология.

Важно, что предки многих азиатских народов получили первый опыт государственной жизни в условиях гуннской державы. Прямое политическое наследие (разделение страны на центр и два крыла) твердо выдерживалось наследниками гуннских земель — как тюрками, так и монголами, однако, оно не привилось на некоренных гуннских землях: ни среди тюркоязычных древних хакасов, ни среди монголоязычных киданей. Тюрки не передавали власть от отца к сыну (практикуя так называемую удельно-лествичную систему), и, преклоняясь перед правящей парой — каганом и его катун — не разделяли, принцип монаршего многоженства. Культур-

ных различий гуннов с тюрками можно привести много, схождения же, пожалуй, отмечаются с тунгусо-манчжуро-монгольскими народами.

Шаньюй Хуханье (58-31 гг. до н.э.) изменил порядок престолонаследия. Внутренние распри и упорная освободительная борьба саяно-алтайцев привели к развалу гуннского государства на северные и южные владения с двумя шаньюями. К середине I в. н.э. северные гунны частично переселились на запад, в Восточный Туркестан, где в 91 г. н.э. были совершенно разбиты (и «удалились неизвестно куда»), частично слились с новыми владыками степей — сянбийцами. Южные ушли в Китай и, после падения династии Хань, в период «Шестнадцати государств пяти северных племен» (304-439 гг.), не раз захватывали власть, усвершенствовав свой ранний опыт управления как оседлым, так и кочевым населением. Этим гунны участвовали в качественной трансформации древнекитайского этноса, ознаменовав начало китайского Средневековья. Титул «шаньюй» просуществовал до начала V в., когда был заменен в степях на «кагана». Но в исторической и поэтической речи Китая он бытовал еще и в XI в.

Многочисленные гунны, появившиеся в 70-х гг. IV в. на Северном Кавказе и в Южнорусских степях, несли то же имя, но по политической, обрядовой и материальной культуре, как и по физическому типу и языку, отличались от центральноазиатских гуннов. Вероятно, как нередко бывает в истории, пришельцы где-то в Азии переняли имя гуннов как символ древнего могущества и связали с ним свои новые политические претензии. Европейские гунны стремились создать мировую державу, брали дань с Восточной и Западной Римской империи, их власть распространялась на разные народы: ирано- и германоязычные, славянские и др., что отразили и их личные имена (например, Атилл — имя германское). Ряд слов и имен, попавших в хроники, относятся к неведомому языку. Тюрками европейские гунны не были (Дёрфер, 1986). И относить к ним протоболгарский пласт не следует.

Однако какая-то давняя связь центральноазиатских гуннов с Европой все же была: уже в середине I в. до н.э. в богатые сарматские погребения Поволжья попадали собственно гуннские или подражающие им поясные и иные пряжки (Дворниченко, Демиденко С.В., Демиденко Ю.В., 2008). Л.Р. Кызласов, показавший использование гуннами китайской иероглифики (2001. С. 107-109), полагал, что обнаруженная Дж. Клосоном на сарматской стеле II-III вв. из окрестностей Бахчисарая иероглифическая надпись, поясняющая рельефное изображение, была оставлена не китайцем, а гунном (2006. С. 215, прим. 152).

И азиатские, и европейские гунны сошли с арены истории не потому, что изначально уступали противникам в экономической, военной или политической организации и мощи. Степное общество уступило земледель-

ческому в важнейшей государственной сфере — в уровне сохранения, осмысления и использования собственного исторического опыта.

Однако в других регионах, как известно, такое нередко происходило и поныне происходит с оседлыми народами. Видно, и здесь дело не в хозяйственном типе общества.

2. Особенности пространственной ориентации

Описание посадки гуннского шаньюя на официальных приемах, данное Сыма Цянем, вызвало разное понимание у отечественных востоковедов. Согласно Н.Я. Бичурину (1950а. С. 50: «Он сидит на левой стороне лицом к северу») и В.С. Таскину (1968. С. 40: «Когда садится, то обращается лицом на север, а левая сторона у него считается почетной») древний властитель сидел лицом к северу. В прочтении и переводе Е.И. Кычанова, уделившего особое внимание вопросу, фраза вообще не содержит прямого указания на ориентацию шаньюя: «Когда он сидит, то знатные помещаются по левую сторону [от него], оборотятся лицом к северу». Выделяя почетность левой стороны, предоставляемой на аудиенции сановникам, исследователь полагает, что у гуннов лицевым направлением был юг; развернувшись к югу, и восседал шаньюй. Развернутым на юг воспринималось гуннами и все их государство, согласно устройству аппарата власти, разделяемое на левую и правую стороны (1997. С. 12-19). Невнятность фразы в «Ши цзи» представляется Е.И. Кычанову намеренной. «Вероятно, Сыма Цянь, — пишет ученый, — умышленно, чтобы не приравнивать шаньюя к китайскому императору, сидевшему лицом к югу, иносказательно объяснил, что и шаньюй сидел лицом к югу: “Он сидит, а сановники слева от него и лицом к северу”» (1997. С. 12, 13). Однако востоковед не позволил себе окончательно принять выдвигаемую им версию (см.: 1997. С. 263). В 2002 г. увидел свет VIII том «Ши цзи», содержащий интересующее нас место в переводе Р.В. Вяткина с редакцией А.М. Карапетьянца. Понимание источника в этом авторитетном издании вновь подкрепляет позиции Н.Я. Бичурина и В.С. Таскина: «Когда он садится, главной стороной считается левая, а обращен [он лицом] к северу» (Сыма Цянь, 2002. С. 330).

Сложный в освещении единственного письменного источника вопрос может быть разрешен, как мне думается, с привлечением независимых от него археологических данных. Причем, как в отношении гуннского государства, так и ханьского Китая.

Вопреки предвзятым повествованиям древней и зависящей от нее современной специальной литературы только о подвижном хозяйстве и

быте гуннов, в самих китайских источниках имеются упоминания о гуннских городах. Специальную подборку письменных данных о земледелии и поселениях гуннов составил Т. Хаяши (Hayashi, 1984), указавший и соответствующие места в изданиях В.С. Таскина. Упоминания о гуннских крепостях появляются с 201 г. до н.э. Независимо от японского исследователя в нашей литературе по имеющимся переводам эти данные были собраны Л.Р. Кызласовым (1998б; 1999в; 2006. С. 142-159; ср.: Кычанов, 1997. С. 34), поскольку археологическую культуру центральноазиатских гуннов характеризуют именно города и поселения со стационарными углубленными в землю жилищами, обогревавшимися канами. Основной ряд подобных памятников изучен ныне в Бурятии.

Укрепленные рвами и стенами города имели правильный, ориентированный сторонами по странам света квадратный план, основная ось которого направлялась к югу, где располагался и главный (или единственный) въезд на площадку поселения.

Таковым, вероятно, первоначально было широко известное Иволгинское городище, со временем почти наполовину смытое Селенгою. Даже в таком виде на юге памятника уцелело двое ворот, а на севере — одни (разрывы рвов и валов в юго-западном углу при осмотре в 1983 г. оказались поздними повреждениями)¹⁰³ (рис. 57). Аналогично было выстроено и Малое Иволгинское городище, и Дэрестуйский замок (Баян Ундэр): квадраты его внешних стен и цитадели имели ворота на юге (Кызласов Л.Р., 2006. С. 151, 155. Рис. 16). Выдержанность гуннского градостроительного канона выявляет новое исследование Ташебинского городка — административного гуннского центра на Саяно-Алтайском нагорье, созданного в начале I в. до н.э. Реконструкция его планировки, построенная на основании раскопанных участков, указывает, что не только дворец стоял входом к югу (рис. 58, 59), но и главная городская улица шла с юга на север (рис. 60-62) (Кызласов Л.Р., 2006. С. 160-171. Рис. 20-22).

Столь же существенно, что, по крайней мере, ко II-I вв. до н.э. внутренней особенностью градостроительной культуры гуннов стала уже не только правильная геометрическая внешняя форма поселений, но и их внутренняя планировка, разделенная на квадратные кварталы. Именно она прослежена

¹⁰³ При обсуждении доклада на эту тему в Международном институте центральноазиатских исследований (Самарканд, 23.11.07) С.С. Миняев сообщил мне, что произведенные им в 1987 г. раскопки позволяют считать поздними нарушениями памятника также северный и южные разрывы в его стенах. Под южными валами тогда же им были обнаружены перекрытые укреплениями гуннские жилища.

Как видно, история Иволгинского городища была еще сложнее, чем представлялось ранее. Ожидая публикации вновь полученных археологических данных, стоит все же заметить, что бывшее существование южных ворот Иволгинской крепости реконструируется по характерным планиграфическим особенностям прочих укрепленных поселений гуннов.

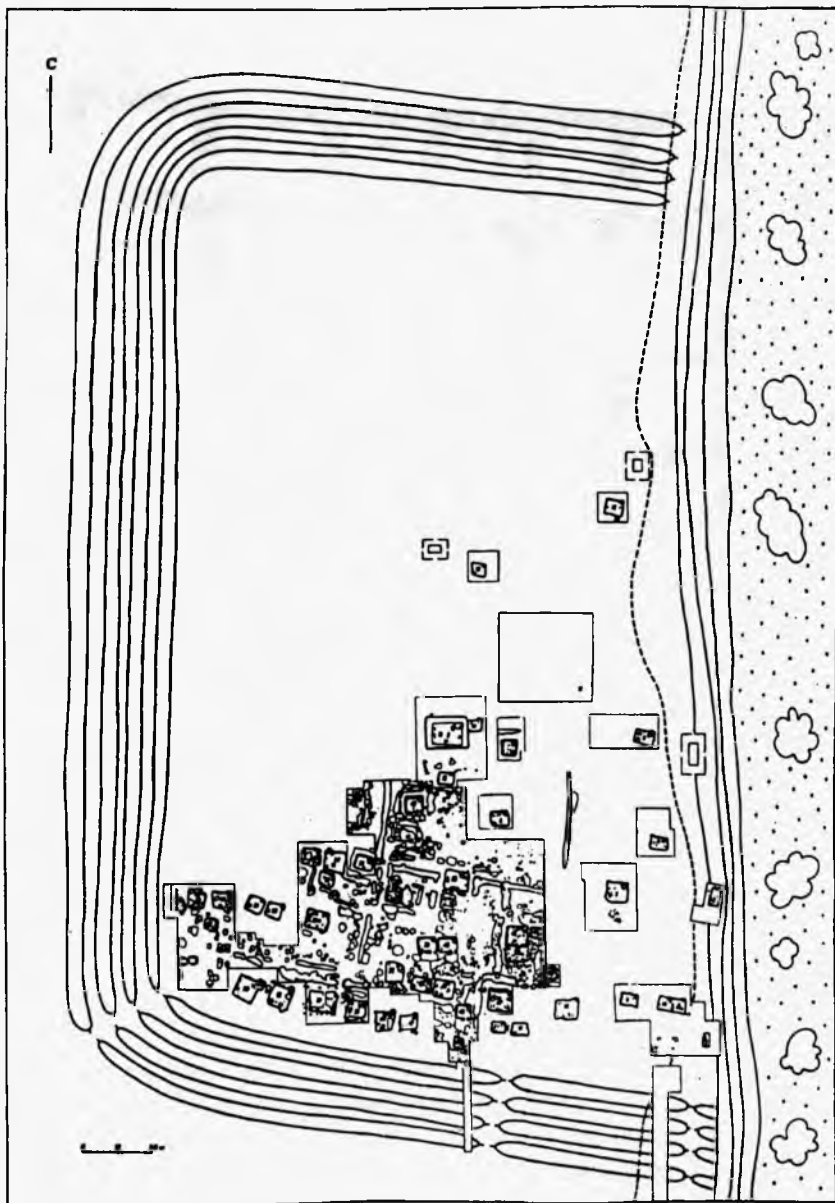

Рис. 57. План гуннского Большого Иволгинского городища и его раскопанной части. II-I вв. до н.э. Бурятия. По А.В. Давыдовой (1985. Рис. II)

Fig. 57. The plan of the Hunnic Bolshoe Ivolginskoe site and its excavated part. 2nd –1st centuries BC. Buryatia

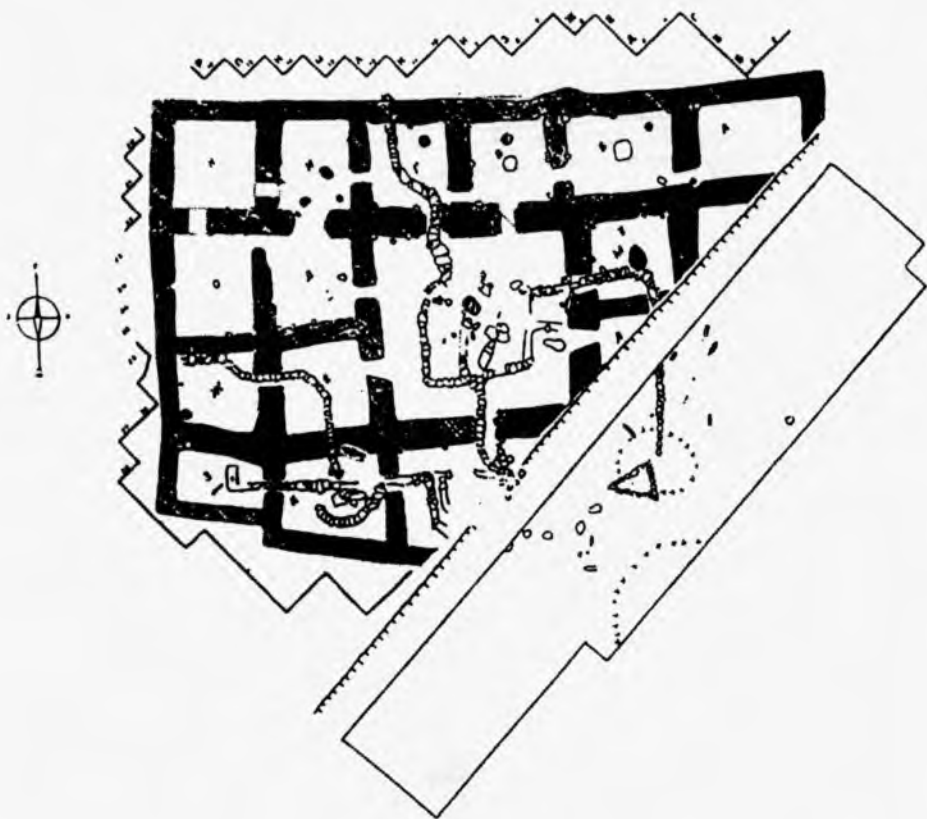

Рис. 58. Сводный план гуннского дворца на р. Ташебе в Хакасии, полученный при его раскопках в 1940-1946 гг. Начало I в. до н.э. По Л.Р. Кызласову (2001. Рис. 4)

Fig. 58. The plan of the Hunnic palace on the Tasheba River in Khakassia revealed during its excavations in 1940-1946. Beginning of the 1st century BC

как на Иволгинском городище в Забайкалье (рис. 63), так и на Ташебинском городке в Хакасии (рис. 9, 60-62) (Кызласов Л.Р., 2006. С. 170-174).

Показательно, что форма и устройство гуннских домов стандартны и не зависят от характера и планировки самих поселений. Специальному их рассмотрению уделено место в следующей главе книги (раздел 1). Здесь важно сказать, что гуннские жилища смотрели на юг — вход располагался в полуденной стене, ближе к юго-восточному углу постройки (рис. 63) (Давыдова, 1985. С. 14, 15; 1995. С. 14-15. Рис. 3, 4, 8. Табл. 18-22, 24 сл.; Давыдова, Миняев, 2003. С. 10, 13-17, 41. Рис. 4, 5. Табл. 2, 19, 66, 77, 83, 84, 86, 89, 91, 92, 98).

Археологические данные проясняют высказывания китайских комментаторов лаконичных ханьских описаний пограничных гуннских поселе-

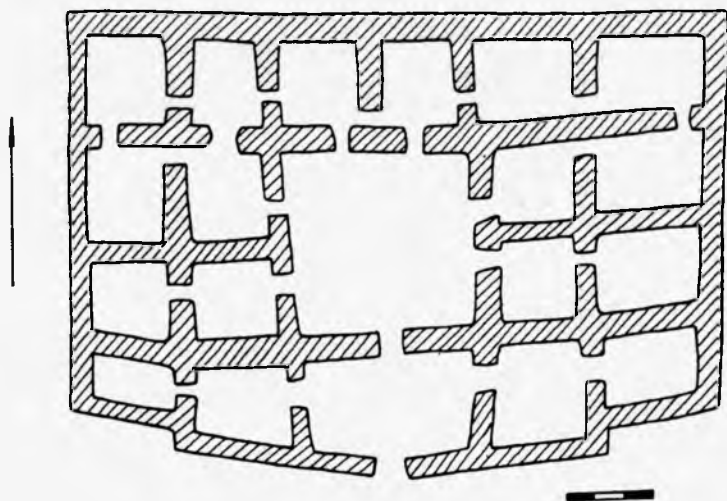

Рис. 59. Реконструкция общего плана гуннского дворца на р. Ташебе. По Л.Р. Кызласову (2001. Рис. 47)

Fig. 59. Reconstructed general plan of the Hunnic palace on the Tasheba River

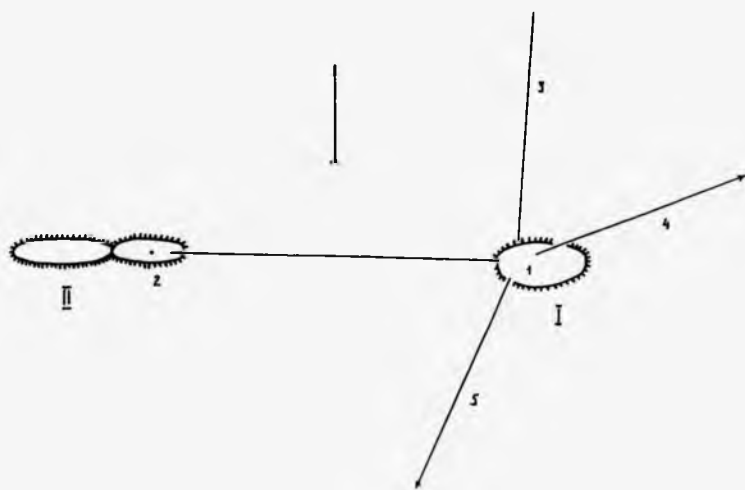

Рис. 60. Ташебинский город. Расположение руин дворца (I) и обнесенного стенами перекрестка кварталов (II) до раскопок. 3-5 – направления на вершины гор Куня, Самохвал и Изых соответственно. По Л.Р. Кызласову (2006. Рис. 18)

Fig. 60. The Tasheba settlement. Location of the remains of the palace (I) and the crossroads of quarters surrounded by walls (II) before the excavations. 3-5 – orientation to the mountain tops of Mounts Kunya, Samokhval and Izykh respectively

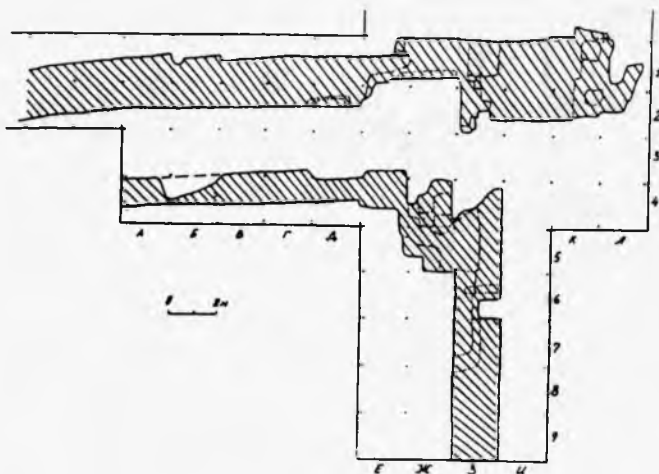

Рис. 61. Ташебинский город. Перекресток улицы, раскопанный к западу от дворца. По Л.Р. Кызласову (2001. Рис. 56)

Fig. 61. The Tasheba settlement. Street crossing excavated to the west of the palace

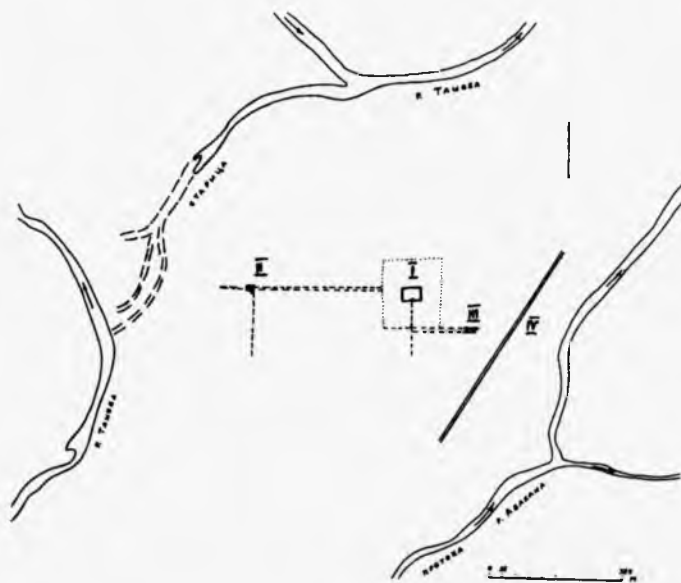

Рис. 62. Элементы планировки и фортификации гуннского города на р. Ташебе, установленные археологическими раскопками. По Л.Р. Кызласову (2006. Рис. 21)

Fig. 62. Elements of the plan and fortifications of the Hunnic city on the Tasheba River as revealed by the excavations

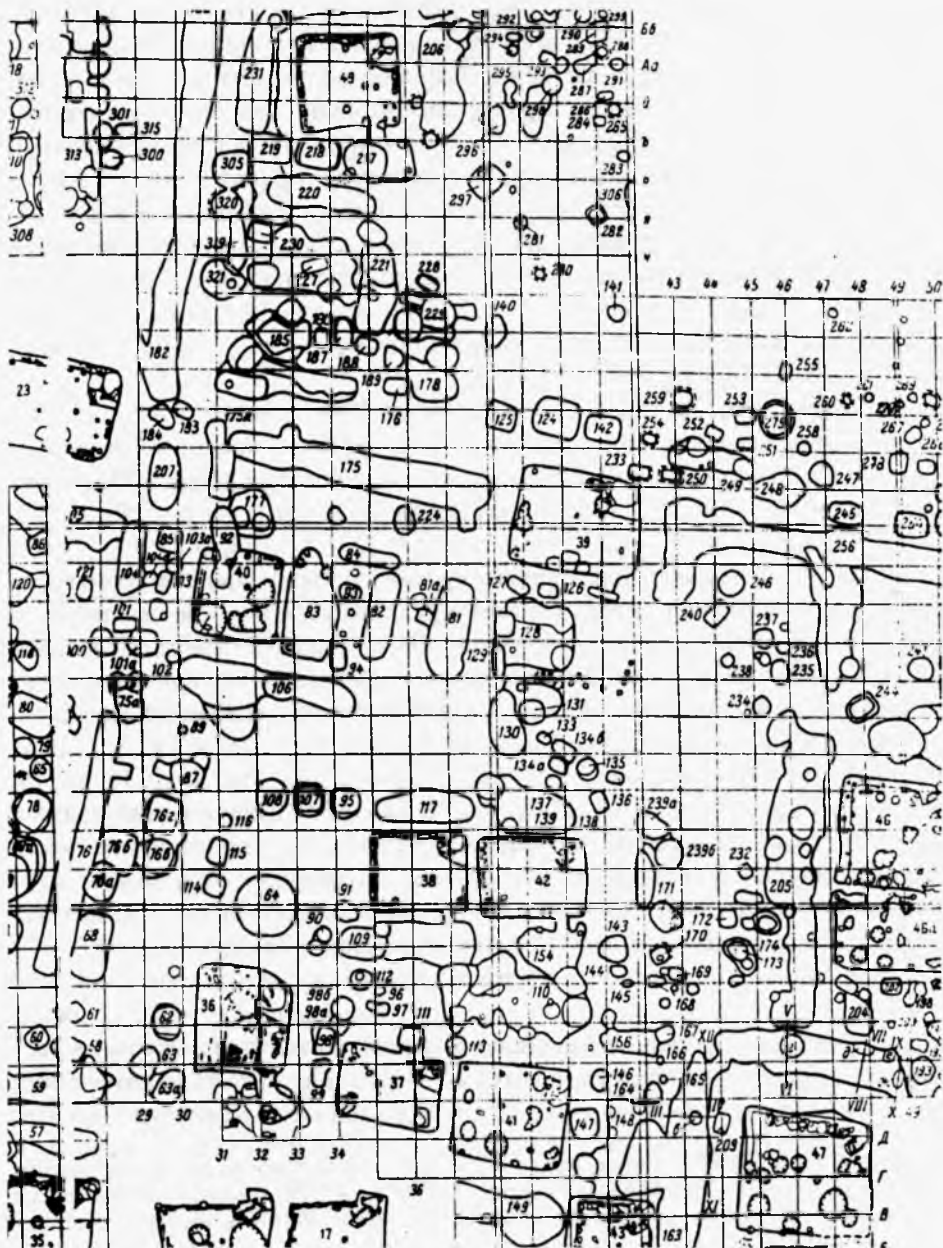

Рис. 63. План раскопа на Большом Иволгинском городище. Деталь. По А.В. Давыдовой (1985. Рис. III)

Fig. 63. Plan of the excavation pit at the Bolshoe Ivolginskoe fortress. Fragment

ний-оуто: «делают земляные дома, чтобы наблюдать за китайцами», «оуто — земляные ямы». Ни для китайцев, ни для захваченных гуннами северных земель не были свойственны жилища-полуземлянки. Данные, собранные В.С. Таскиным для характеристики гуннских *оуто* как в письменных источниках («Ши цзи» и «Хань шу»), так и в противоречиво трактуемой термин китаеведческой литературе, привели синоведа к заключению, что так именовались «не пограничные заставы или наблюдательные пункты, а вооруженный лагерь значительных размеров, который был в состоянии отразить нападение нескольких тысяч человек» (1968. С. 131, 132)¹⁰⁴. Это мнение разделяет Е.И. Кычанов (1997. С. 20-22). В 49 г. до н.э. в одном из оуто находилась ставка шаньюя Хуханье (Таскин, 1973. С. 37, 142, прим. 14).

Было ли одним из северных оуто Большое Иволгинское городище, сказать трудно. Крепость на Селенге вместе с другими памятниками Забайкалья и Саяно-Алтая давно расценивается как остатки специализированных поселений гуннских колонистов II-I вв. до н.э. (Кызласов Л.Р., 1969б. С. 121, 122; 1979. С. 79-84; 1984а. С. 10, 11; 2006. С. 143, 144).

Могильники рядовых поселенцев, судя по кладбищу Иволгинского городища, располагались к северу (ниже по реке) от селения и не имели четко выраженной общей планировки, увязанной со странами света (Давыдова, 1996. С. 8-10. Табл. 1 и 2). Каноническая меридиональная ориентация рядовых гуннских захоронений, по большей части подверженная только сезонным отклонениям (Талько-Грынцевич, 1899. С. 8. Табл. IV, V, VII-X; Руденко, 1962. С. 6; Коновалов, 1976а. С. 25-149, 168. Рис. 7, 10, 11, 14, 15, 17 сл.; Давыдова, 1996. С. 13, 35-76. Рис. 3. Табл. 3-63), несомненно, связана с нашей темой, но эта связь не столь определена, как у аристократических погребений. Следует отметить, что обычно погребенные укладывались головой на север (изредка — на юг и восток), шкуры домашних животных укладывались к северу от гроба так, что и их черепа глядели на север.

Могильники, содержащие аристократические курганы гуннов, обычно расположены в лесистых горных падах¹⁰⁵. Ильмовая (рис. 64), Суджинская и Черемуховая пади в Забайкалье одинаково тянутся широтно и вершинами обращены к востоку, а устьями — к западу. Совершенно очевидно, что гунны не случайно избрали для могильников местности с такими

¹⁰⁴ Н.Я. Бичурин и Р.В. Вяткин (или его соавторы по VIII тому) видели в *оуто* именно «караульные посты», «пограничный караул» (1950а. С. 47, 78) и «приграничные посты или заставы сюнну» (Сыма Цянь, 2002. С. 444, прим. 46, 497). См. контекст перевода: (Сыма Цянь, 2002. С. 328).

Не привлекая археологических данных, В.С. Таскин, однако, сомневался в том, что оуто — это земляные дома (1968. С. 131, 132; Е Лун-ли, 1979. С. 515, 516).

¹⁰⁵ В обобщающих работах до сих пор основное внимание уделялось внутренней планировке гуннских могильников (Миняев, 1985б).

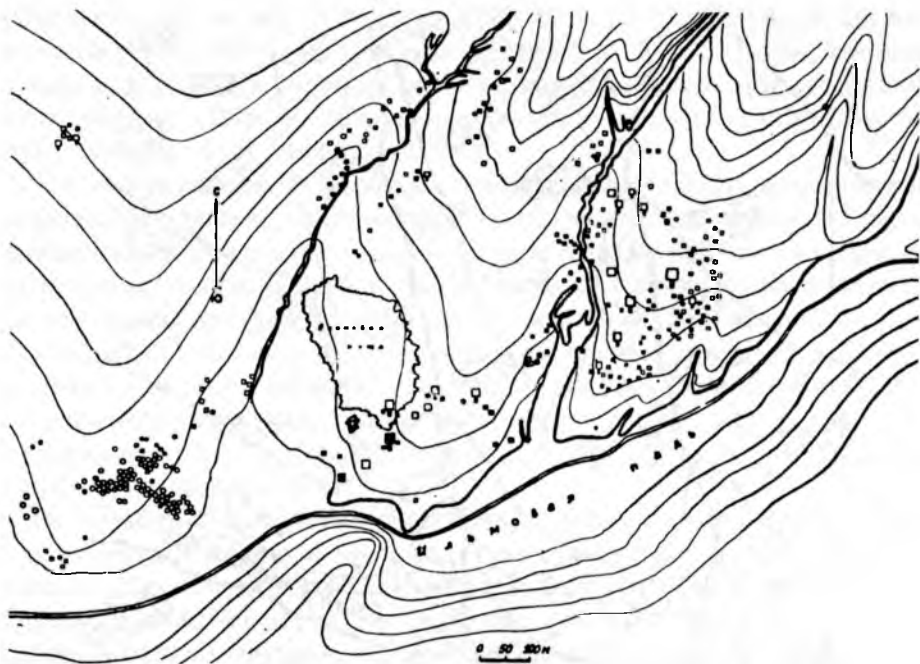

Рис. 64. План гуннского могильника в Ильмовой пади. Бурятия. По П.Б. Коновалову (1976. Рис. 2)

Fig. 64. Plan of the Hunnic burial ground in the Ilmova-Pad. Buryatia

определенными признаками. Во всех названных случаях могилы расположены в глубине пади на северном пологом склоне. Подобным образом размещен могильник и в пади Суцзуктэ (рис. 65) гор Ноин-Ула, широтно вытянут (на 2,2 км) и могильник Гол Мод 2 в Монголии. Ориентация аристократических погребений указывает, что единый комплекс гуннского кладбища был обращен к югу (Руденко, 1962. С. 9. Рис. 2, 3; Коновалов, 1976а. С. 25, 27, 80. Рис. 2, 50).

Судя по раскопанным погребениям, названные могильники в основном принадлежат к I в. до н.э. — I в.н.э. (Кызласов Л.Р., 1969б. С. 118, прим. 10; 1979. С. 82, прим. 12).

Отличительной особенностью наиболее крупных надмогильных сооружений, изученных в упомянутых могильниках на территории Бурятии и Монголии, служит их близкая к квадрату форма, ориентированная по странам света, да отходящая на юг насыпь или выкладка (Талько-Грынцевич, 1899. Табл. VI), именованная исследователями аллеей, хвостом или шлейфом, пандусом (рис. 66). После раскопок она оказывалась длинным (от 12 до 22,5 м) трапецевидным обрамлением

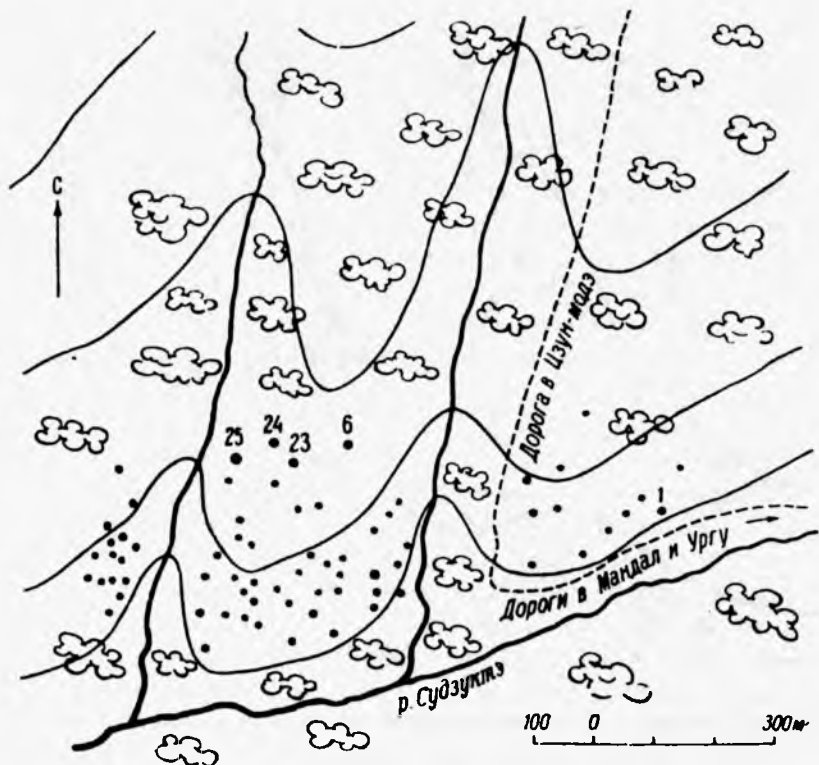

Рис. 65. План гунского могильника в пади Суцзуктэ (горы Ноин-Ула). Монголия.
По С.И. Руденко (1962. Рис. 3)

Fig. 65. Plan of the Hunnic burial ground in the Sudza-Pad (the Noin-Ula Mountains).
Mongolia

входа-дромоса в котлован могильной камеры¹⁰⁶. Такие захоронения отмечены и в 9 случаях раскопаны в падах Суцзуктэ и Цзурумтэ в Ноин-Ула, Ильмовой и Царам Е. Баллодом (1912 г.), С.А. Кондратьевым и С.А. Теплоуховым (1924-1925 гг.), П.Б. Коноваловым (1972-1975 гг.) и С.С. Миняевым и Л.М. Сахаровской (1997-2005 гг.)¹⁰⁷ (рис. 67). Причем только в трех последних случаях работы проводись не колодцами, а широкими раскопами. Показательно, что подобные гробницы устраивались как для мужчин (8 раскопанных курганов), так и для женщин

¹⁰⁶ У нераскопанного подобного погребения 1 могильника Гол Мод 2 общий меридиональный размер камеры и дромоса на поверхности составил 83 м (Миллер и др., 2008. С. 55. Рис. 1). См. также: (Цэвэндорж, 1996. С. 14, 15).

¹⁰⁷ Южный дромос имели следующие раскопанные курганы: Баллодовский и Кондратьевский (Цзурумтэ), Суцзуктэ: № 1, 6, 23, 24, 25, Ильмовая падь, № 54, Царам, № 7.

(Суцзуктэ, курган 24)¹⁰⁸ (Руденко, 1962. С. 9, 10, 12, 13, 16, 19, 20; Коновалов, 1973; 1976б; 1976а. С. 23, 25, 153, 154. Рис. 113, 114; Миняев, Сахаровская, 2007). Меридиональная направленность аристократических гробниц в Цараме была подчеркнута двумя внешними рядами сопутствующих захоронений (рис. 68).

Таким образом, разные категории археологических памятников центральноазиатских гуннов в равной мере указывают на существенную культурную особенность этого народа — сакральное выделение южной стороны горизонта. В сторону полуденного солнца во II-I вв. до н.э. и позднее направлены входы крепостей и их главные улицы, двери дворцов и рядовых жилищ, открыты скрывающие могильники урочища и дромосы аристократических гробниц.

Связана ли эта особенность с влиянием культуры Древнего Китая? Археологические материалы, пожалуй, позволяет увидеть здесь не сходство, а расхождение двух традиций. И такое различие может быть показано на широком культурном фоне.

Не приходится говорить о совершенно очевидных кардинальных конструктивных и планировочных отличиях гуннского и древнекитайского жилища. Кроме того, известно, что северные китайцы заимствовали у степняков-соседей самобытное отопление домов с помощью кана.

Градостроительная теория основных царств Среднекитайской равнины уже к концу периода Чуньцю (V в. до н.э.) создала идеальную схему символизирующего всю страну столичного центра в виде правильного квадрата, параметры которого были прописаны в трактате «Као гун цзы» («Записи об изучении ремесел»). Ориентированный по странам света, город имел по девять перпендикулярно спланированных улиц, по три главных из которых соединяли ворота четырех внешних стен. Уподобляясь полотняному переплетению ткани, основу (цзин) составляли улицы, идущие с севера на юг, а уток (вэй) — с запада на восток. На юг направлялись и входы сакральных построек. Начиная со II в. до н.э., авторитет книги, вошедшей в сборник «Чжоу ли» («Чжоуские ритуалы»), нарастал. В эпоху Хань она, как и весь «Чжоу ли», стала каноном (Дмитриев, 2004).

Очерк традиционной планировки ранних китайских городов, сопоставленной с особенностями гуннского градостроительства, составлен недавно Л.Р. Кызласовым (2006. С. 166-170). Как показывает археология, реальные градостроительные памятники серьезно отличаются от теоретических построений. Выясняется, что, хотя меридиональная ось отличала уже циньский дворцовый комплекс Эфагун (212-207 гг. до н.э.) в Сяньяне, такое построение не было обязательным для императорских ансамблей в ханьской Чанъани. В это время внутренняя плани-

¹⁰⁸ При обсуждении в МИЦАИ 23.11.2007 г. С.С. Миняев поставил под сомнение половое определение этого погребения.

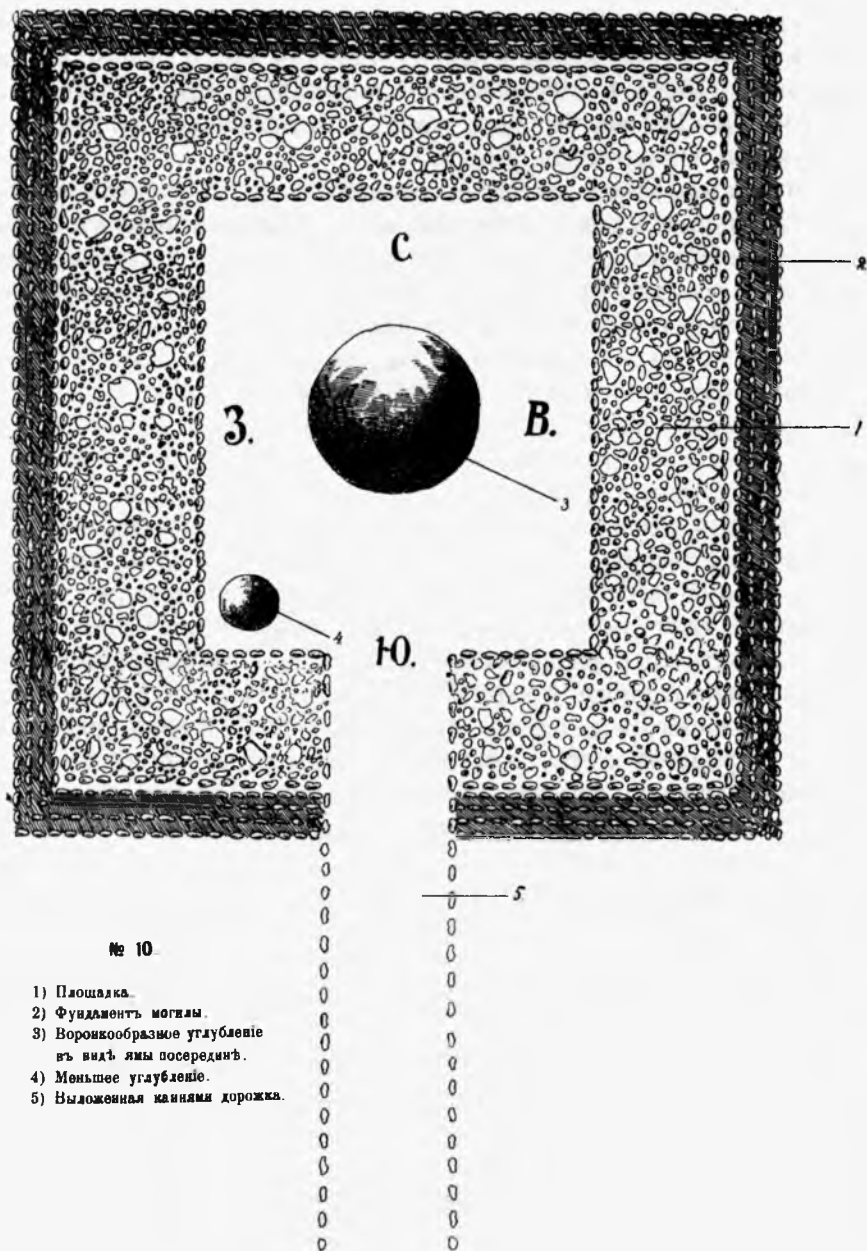

Рис. 66. План гуннской аристократической гробницы в Суджинской пади. Бурятия.
 По Ю.Д. Талько-Грынцевичу (1899. Табл. VI)
 Fig. 66. Plan of the Hunnic aristocratic vault in the Sudza-Pad. Buryatia

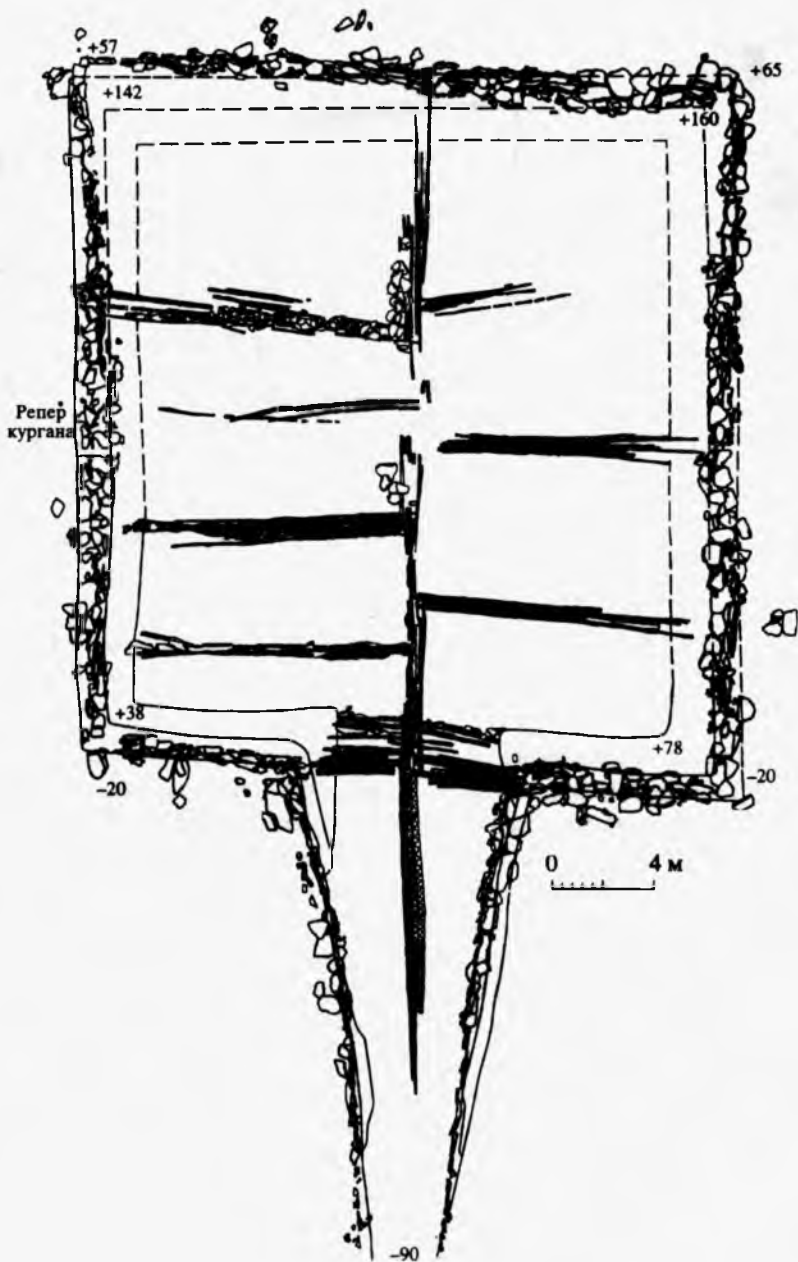

Рис. 67. План гуннской аристократической гробницы в пади Царам. Бурятия.
 По С.С. Миняеву и Л.М. Сахаровской (2007. Рис. 2)
 Fig. 67. Plan of the Hunnic aristocratic vault in the Tsaram-Pad. Buryatia

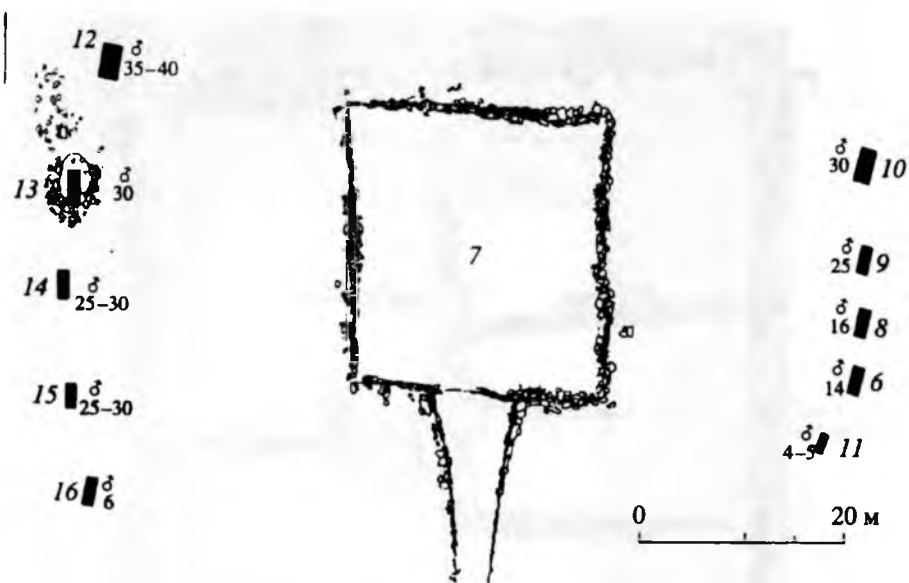

Рис. 68. Падь Царам. Аристократическая гробница и сопутствующие захоронения. По С.С. Мияеву и Л.М. Сахаровской (2007. Рис. 1)

Fig. 68. Tsaram-Pad. Aristocratic vault and accompanying graves

ровка китайских городов не отличалась последовательным симметризмом. Направление центральной улицы с юга на север отмечается уже для г. Ханьдан (столицы царства Чжао, V-III вв. до н.э.), но в ханьских городах южные и северные ворота нередко сооружались не на одной оси и не соединялись единой магистралью. Историки архитектуры связывают главенство центральной меридиональной городской оси с дворцом в центре с последующей эпохой, ознаменованной строительством города Е — столицы царства Вэй (IV в. н.э.). Еще долго, вплоть до Юаньской империи, в общем плане китайских городов господствовала улица, идущая с запада на восток.

Широтное направление придавалось и внутренним улицам жилых кварталов древнекитайских городов. Сами же кварталы были в них не квадратными, как у гуннов, а прямоугольными, вытянутыми с юга на север.

Обе черты градостроительства Древнего Китая встречаем и в сохраняющей наиболее архаичные особенности планировке сакральных городов, сопровождавших императорские гробницы Ханьской династии. Раскопки в 1970-1999 гг. внешних объектов гробницы императора Цзин-ди, сооруженной в 153-126 гг. до н.э. в местности Янлин (окрестности Сяньяна), открыли к востоку от нее руины города (площадью 4,5 x 1 км), населен-

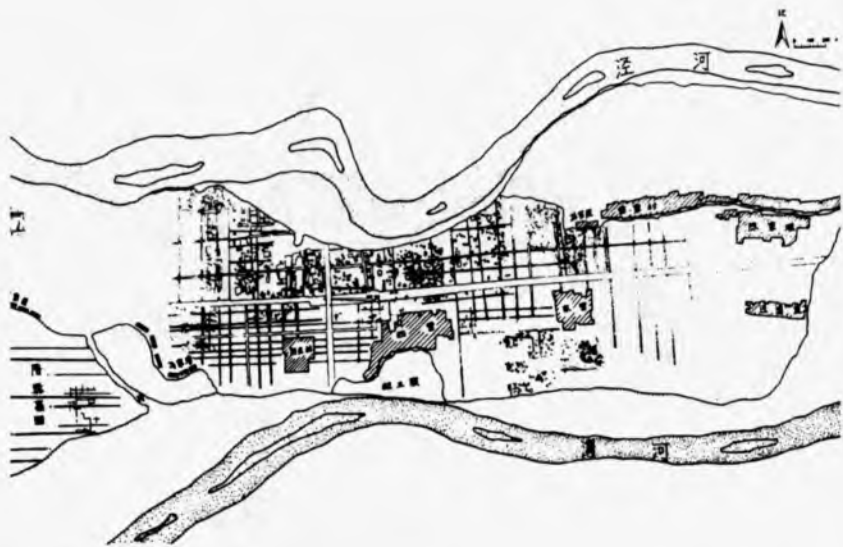

Рис. 69. Погребальный комплекс Янлин. II в. до н.э. План сакрального городка. По Han Yangling Museum (2006. Fig. 177)

Fig. 69. The Yangling burial complex. 2nd century BC. Plan of the sacred city

ного чиновной знатью и купцами ради того, чтобы душа императора не оставалась одинокой. Въезд в город был с востока и его главная улица (шириною 62 м) пролегла с востока на запад, так же прошли и 10 других его магистралей (рис. 69). Широтно вытянуты здесь и жилые кварталы (Han, 2006. P. 3, 93. Fig. 7, 177).

Гуннские могильники, общие для аристократов и подчиненных им простолудинов, несравнимы в этом с древней китайской традицией изолированных кладбищ правителей и знати, прослеженной уже с поздней эпохи династии Шан (Zhao, 2007). В последующее время (эпоха Чжоу) рядом с погребениями правителей хоронились только члены их рода (пример царства Янь — Zhao, 2007. Fig. 3). Разделяясь на ранговые и семейные группы, китайские могильники разрастались с востока на запад.

Публикуя в 1960 г. материалы советских раскопок 1924-1925 гг. в Ноин-Ула С. Умехара уделил большое внимание сравнению гуннских и одновременных китайских (ханьских) захоронений. Японский исследователь отметил, что прямоугольная насыпь над могилой и подземный вход-дромос в нее, расположенный с южной стороны, не характерны для династии Хань (Руденко, 1962. С. 115).

Императорские ханьские гробницы пирамидальны, чем отличаются от сферических чжоуских (Терехова, 1959. С. 42). Считается, что со времен

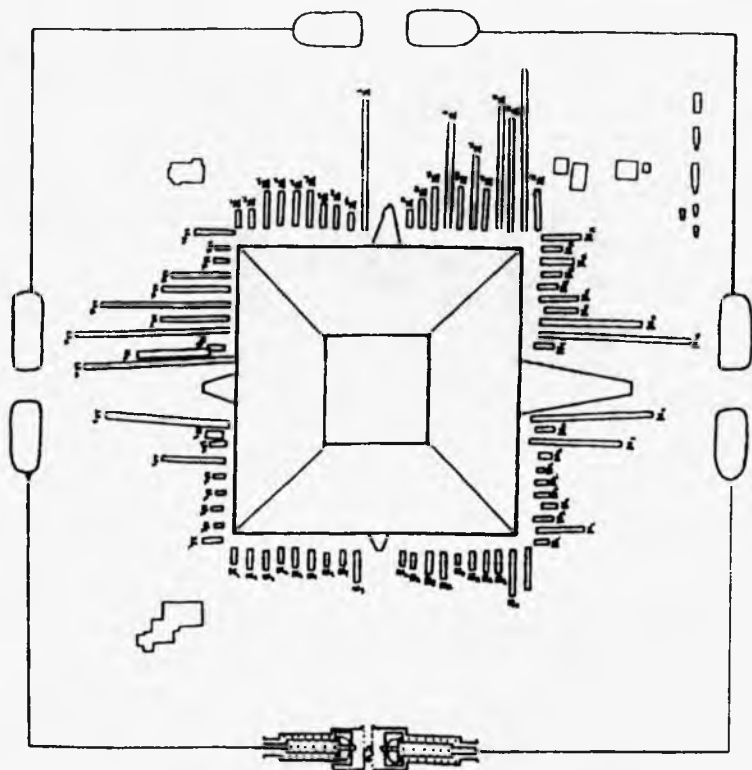

Рис. 70. План гробницы императора Цзин-ди в Янлине. II в. до н.э. По Nan Yangling Museum (2006. Fig. 9)

Fig. 70. Plan of emperor Jingdi's vault in Yangling. 2nd century BC

Цинь Шихуана (259-210 г. до н.э.) оформление их сакральной территории воспроизводит город¹⁰⁹. В Янлине территория гробниц четвертого императора Западной Хань Цзин-ди (восславленного как правителя, соблюдавшего даосские принципы гармонии естественного и «ничего не делавшего против природы») и его императрицы Ван занимает 20 кв. км. Вся ее многочастная планировка подчинена главенству восточного направления. На восток направлены основные дромосы усыпальниц (рис. 70) и главные ворота их огражденных стенами дворов, по той же оси размещены протянувшиеся на восток сопутствующие кладбища и упоминавшийся город (рис. 71) (Нан, 2006. Р. 2, 3 Fig. 7, 9). Входы, направленные к востоку, встречаем и у других аристократических погребений периода Западной Хань (206 г. до н.э. — 9 г. н.э.), например, в местности Маньчен (рис. 72) (Чжунго, 1986. С. 317).

¹⁰⁹ Развитие аристократических могильников от эпохи поздней Шан до ранней Хань см.: (Zhao, 2007).

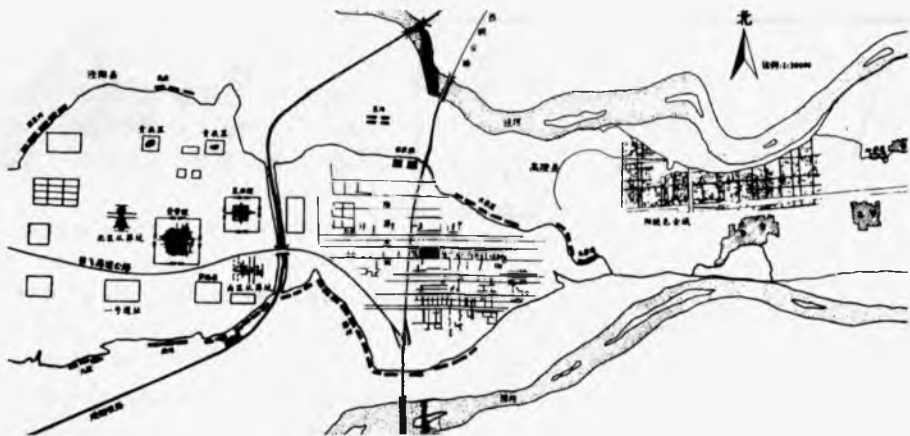

Рис. 71. Общий план погребального комплекса Янлин. II в. до н.э. По Han Yangling Museum (2006. Fig. 7)

Fig. 71. General plan of the Yangling burial complex. 2nd century BC

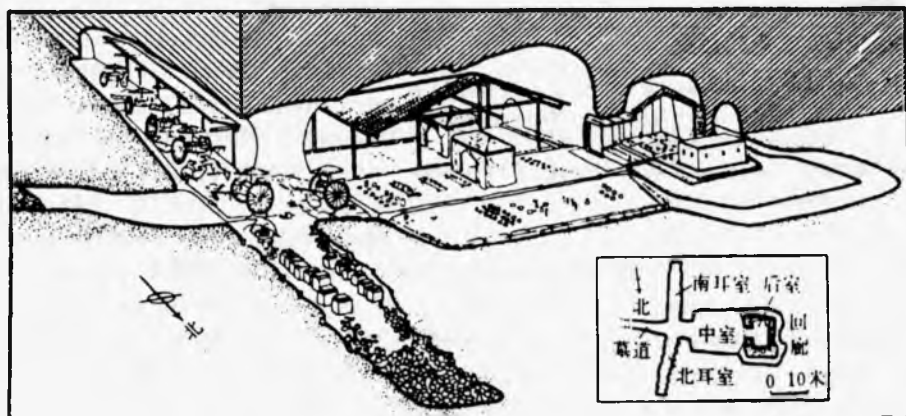

Рис. 72. Вид гробницы в местности Маньчен. Период Западной Хань. По Чжунго дабапкэ цюаньшу. Каогусюэ (1986. С. 317)

Fig. 72. View of a vault in the Mancheng locality. Western Han period

Эту ориентацию имеют и более древние захоронения. Внешний двор гробницы самого императора Цинь Шихуана вытянут на север, но траншеи с его знаменитой глиняной армией размещены к востоку от огороженной стенами части (Imperial, 2006. P. 3), тем самым, весь комплекс вытянут широтно и направлен к востоку. На восход направлены входы циньских гробниц и в предшествующее время, например, на могильнике Фенсян (рис. 73) эпохи Чуньцю (VIII-V вв. до н.э.) (Чжунго, 1986. С. 128; Zhao, 2007. Fig. 4).

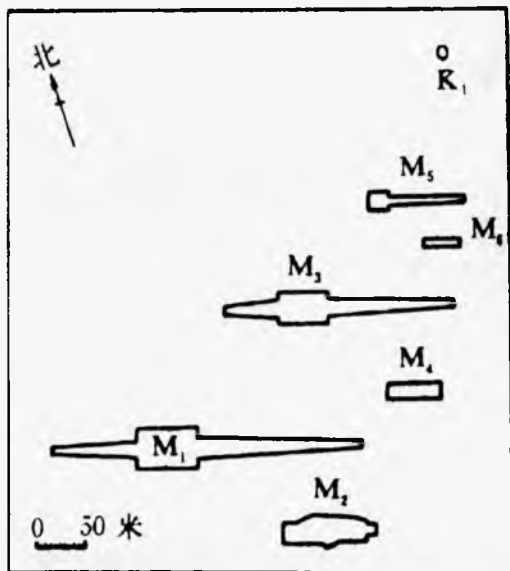

Рис. 73. План захоронений в местности Фенсян. Период Восточного Чжоу. По Чжунго дабапкэ цюаньшу. Каогусюэ (1986. С. 128)

Fig. 73. Plan of burial grounds in the Fengxiang locality. Eastern Zhou Period

Мы привычны к утверждениям о южном (и, временами, северном) направлении входов в китайские захоронения (Терехова, 1959. С. 34, 39, 42, 44; Сычев, 1970. С. 9), однако, как видим, в этом вопросе предстоит разбираться внимательно: вероятно, это не изначальное для ханьского периода и не повсеместное явление. Традиционным для древнего Китая выглядит главенство восточной ориентации городской и квартальной планировки, усыпальниц и кладбищ. Имеющие данные позволяют думать, что обращенные на юг дромосы гробниц ранее прочих появляются в южных провинциях Китая — на землях провинций Хунань и Гуандун (Терехова, 1959. С. 34). Однако они есть и на отдельных

аристократических кладбищах севера: в поздней Шан (XII в. до н.э.) и в царстве Цзинь периода Чуньцю (Zhao, 2007. Fig. 1, 2). Однако такая черта не была всеобщей и, насколько можно судить, не имела преемственного развития — в эпоху Западного Чжоу (XII-VIII вв. до н.э.) дромосы уходили и на север (пример царства Янь: Zhao, 2007. Fig. 3). Ясно, что прояснение интересующего нас вопроса в отношении доимперского Китая — самостоятельная тема.

Раскопки Ташебинского дворца в долине Среднего Енисея и последующий сравнительный анализ полученных с их помощью данных показали, что гунны не стремились копировать китайские дворцовые постройки, даже в том случае, когда их наместником был природный китаец. Не копировали они и иные дальневосточные архитектурные формы (Кызласов Л.Р., 2001. С. 148-149, 150; 2006. С. 174-204). Следовательно, и рядовые жилища не подражали иноземным образцам, а выявляют исконно гуннскую обыденную культуру. Это дает нам право перейти к их рассмотрению ради сравнения с традиционными жилищами, увязываемыми с древними культурами тюркоязычных народов.

ЖИЛИЩА ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ГУННОВ И БЛИЗКИЕ ИМ ТРАДИЦИИ

Учитывая разную степень изменчивости областей народной культуры, для археологического рассмотрения алтайской проблемы наиболее оправданно, как говорилось, обратиться к конструктивным и пространственным особенностям жилищ. Редко что иное в сфере материального быта и культа обладает такой же устойчивостью и консерватизмом. Характер пратюркских жилищ рассмотрен в главе 2. Выяснив самобытные черты политической и культурной культуры центральноазиатских гуннов, обратимся к облику их жилищ и той культурной традиции Азии, которая оказывается связанной с ними.

1. Жилища центральноазиатских гуннов

Археология — наука медленная. Несмотря на осознанные и многолетние усилия советских и российских, монгольских и китайских археологов поныне не только актуальны, но и точны слова С.И. Руденко сорокапятилетней давности: «Мы почти ничего не знаем о хуннах до рубежа третьего и второго веков до н.э. До настоящего времени не открыто и, естественно, не исследовано ни одного хуннского археологического памятника более ранней поры. Поэтому мы не сможем проследить ни сложения, ни генезиса хуннской культуры в период ее становления. Археологически крайне слабо освещен и последующий период, после II в. н.э., эпохи гуннов без чего не может быть показана эволюция хуннской культуры» (1962. С. 114). Единичные памятники Северного Китая (Миняев, 1979; 1985а. С. 76, 77. Табл. 2; 1986; Могильников, 1992. С. 273; Воробьев, 1994. С. 200-206), конечно, не могли изменить картину в целом. Однако ныне список могильников VIII-III вв. до н.э., гипотетически связываемых с предками гуннов-сюнну, начинает расти (Давыдова, Миняев, 2008. С. 30).

И все же говорить о главных особенностях гуннской культуры наука сегодня в состоянии. Как и в состоянии показать несходство этой культуры с бытовыми отличиями одновременных гуннам тюркоязычных народов Южной Сибири.

Помимо предвзятых указаний древней и нередко зависящей от нее современной исторической литературы лишь на подвижное хозяйство и быт

гуннов в самих китайских источниках имеются упоминания не только о легких сводчатых юртах-*цунлу* (или *хунлу*), плетеных из ивы и крытых войлоком (Таскин, 1968. С. 46, 142, 143, прим. 147; Крюков, 1979. С. 125, 126; Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров, 1983. С. 59), но и о гуннских городах (Таскин, 1989. С. 26, 27). По имеющимся переводам в отечественной литературе эти данные были собраны Л.Р. Кызласовым (1998б; 1999в; 2006. С. 142-159; ср.: Кычанов, 1997. С. 34), поскольку именно города и стационарные поселения центральноазиатских гуннов характеризуют оставленную ими археологическую культуру. Лучше прочих мест ряд подобных памятников изучен в Бурятии.

Для нашей темы показательно, что форма и устройство гуннских домов стандартны и не зависят от характера и планировки самих поселений. Они выдерживались как в пределах правильно спроектированной крепости Большого Иволгинского городища на Селенге (рис. 57, 74), так и в неукрепленных поселках (рис. 75), свободно протянувшихся близ современного с. Дурёны вдоль изгибов Чикоя на 5, а то и 8-10 км. Котлованы углубленной части жилищ (которых только на Иволгинском городище раскопано 54) имели прямоугольную или близкую к квадрату форму (от 2,8 x 3,2 до 6,85 x 6,65, в основном — 5 x 4, 5,5 x 4,5 м при глубине от 0,55 до 1,1 м), ориентированную сторонами по странам света (рис. 74, 75). Существовали и наземные дома.

Основу интерьера тех и других составляла Г-образная в плане лежанка-кан, обрамлявшая помещение по северной и западной стенам, внутри которой проходил канал обогревавшего ее дымохода (рис. 74-76). Он начинался у сложенной из каменных плит печи, стоявшей в северо-восточном углу комнаты, а завершался на юго-западе установленной снаружи деревянной трубой. Единственный жаровой канал обычно образовывали подогнанные друг к другу плоские камни, в два ряда поставленные на уровне пола жилища на ребро (рис. 74, 76). Ими же дымоход и перекрывался. Иногда одной стороной дымохода служила земляная стена котлована жилища. В ряде случаев вдоль кана прослежены деревянные нары. Гуннские дома смотрели на юг — вход располагался в полуденной стене, ближе к юго-восточному углу постройки (Давыдова, 1956. С. 263-273. Рис. 2-6; 1985. С. 14, 15; 1995. С. 14-18. Рис. 3, 4, 8. Табл. 18-22, 24 сл.; Давыдова, Миняев, 2003. С. 10, 13-17, 41. Рис. 4, 5. Табл. 2, 19, 66, 77, 83, 84, 86, 89, 91, 92, 98). Как мы видели (глава 3), главенство южной ориентации в гуннской культуре не относится к ханьскому влиянию, оно вполне самобытно.

Жилища принадлежали к каркасно-столбовым конструкциям: вдоль стен котлована, в его центре и по обеим сторонам входа прослежены ямки от вертикальных опор, нередко поставленных на каменные плитки (рис. 75) (Давыдова, 1995. С. 15. Рис. III). Все дома имели вертикальные глинобит-

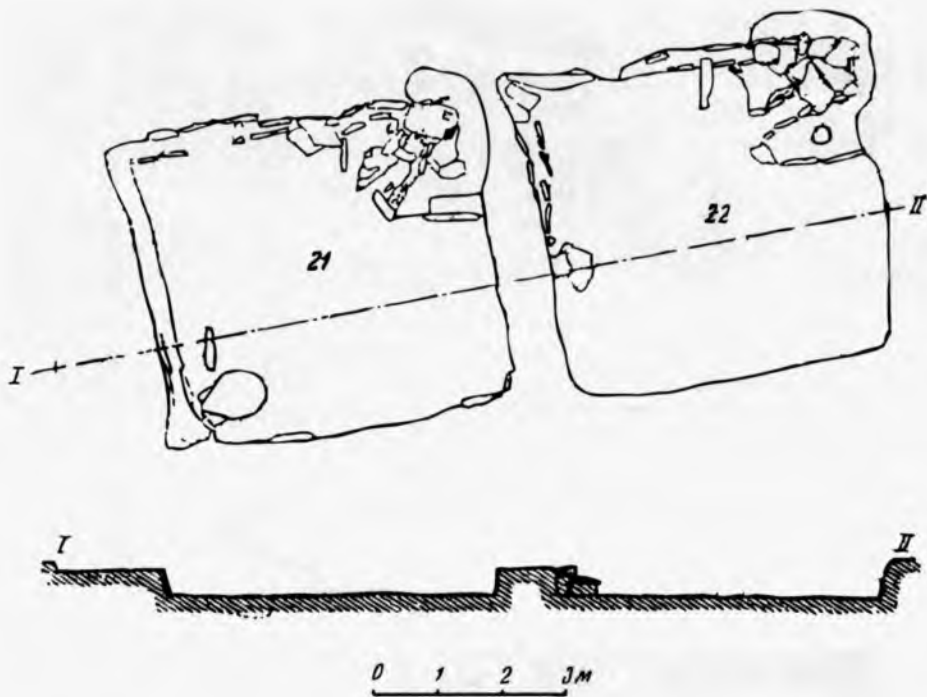

Рис. 74. Культура гуннов. Большое Иволгинское городище. Планы жилища 21 и 22 с Г-образными канами. По А.В. Давыдовой (1956. Рис. 5)

Fig. 74. Hunnic culture. The Bolshoye Ivolginskoe site. Plans of dwellings 21 and 22 with Г-shaped kang

ные или сырцовые стены, поэтому первоначально предложенная реконструкция гуннского дома как примитивной постройки, лишенной стен над котлованами (Davydova, 1968. P. 213. Fig. 5) неверна¹¹⁰, несмотря на ее широкое распространение в специальной литературе (Давыдова, 1995. С. 15, 16. Табл. 86, ср. табл. 52; Могильников, 1992. Табл. 109, 1; Кляшторный, Савинов, 2005, карта-вклейка за с. 144) и даже в вузовских учебниках (Канторович, 2006. С. 358. Рис. 1). Иные примеры использования этой реконструкции и ее критику см.: (Кызласов Л.Р., 2006. С. 154, прим. 51).

¹¹⁰ Будем помнить, однако, что А.В. Давыдова совершенно точно оценила ситуацию уже при раскопках в 1949 и 1950 гг.: «Небольшая глубина котлована... вызывает вопрос о том, каким образом и из какого материала воздвигались стены этих жилищ. С самого начала напрашивалось предположение, что стенки делались из сырца. Но бесспорных остатков сырцовых стен при раскопках малых жилищ не обнаружено. При этом необходимо учесть неоднократную распахку городища» (1956. С. 262). Тогда же остатки сырцовых стен были все же прослежены у жилищ 7 и 9. На сырцовые стены гуннских жилищ на Селенге указывал и С.В. Киселев (1957. С. 92).

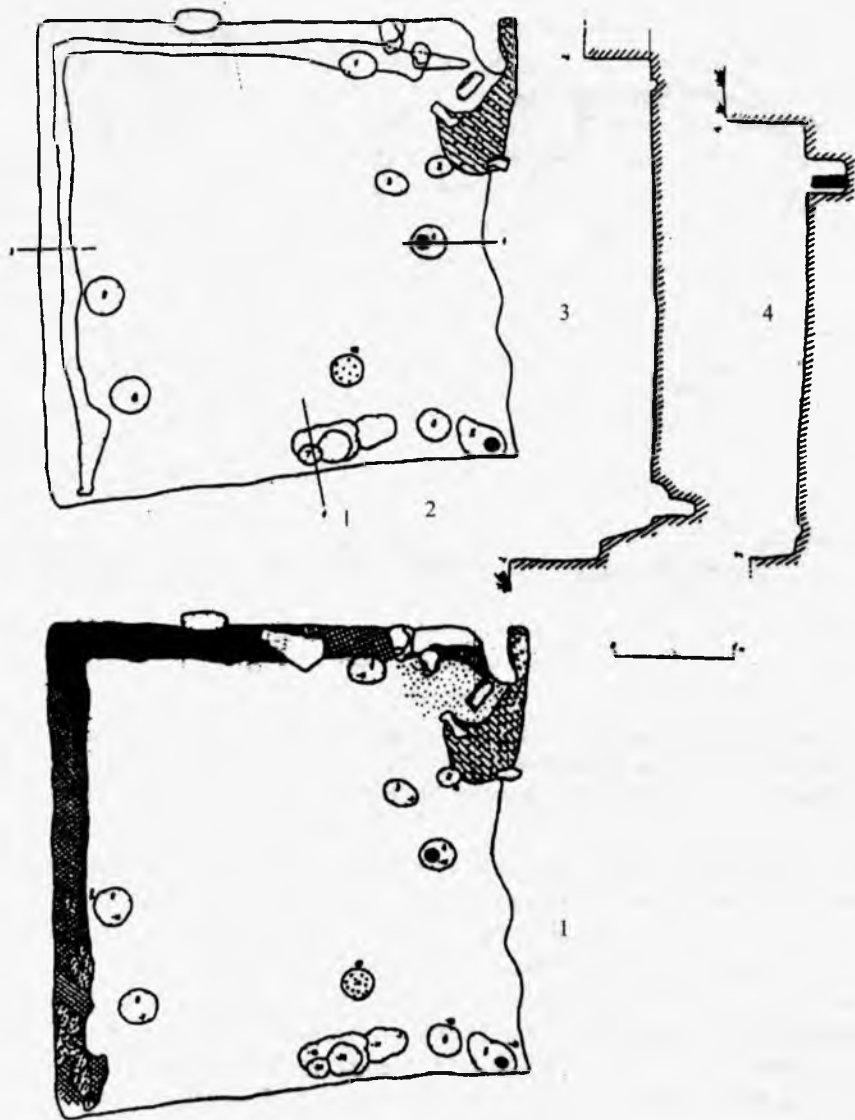

Рис. 75. Культура гуннов. Поселение Средние Дурены. Планы и разрезы жилища 4 с Г-образным каном. 1 – с обозначением золы в дымоходе, 2 – с очищенным каналом дымохода. По А.В. Давыдовой и С.С. Миняеву (2003. Табл. 89)

Fig. 75. Hunnic culture. The Srednie Dureny settlement. Plan and section of dwelling 4 with a Г-shaped kang. 1 – with markings of ashes in the duct, 2 – with a cleared duct

Рис. 76. Культура гуннов. Большое Иволгинское городище. Вид раскопанного жилища 38 с юго-востока. Вход и плиты жарового канала Г-образного кана. По А.В. Давыдовой (1995. Рис. 8)

Fig. 76. Hunnic culture. The Bolshoye Ivolginskoe fortress. South-eastern view of the excavated dwelling 38. Entrance and blocks of heat channels of a Г-shaped kang

В предыдущей главе (раздел 2) приведены упоминания гуннских углубленных жилищ, имеющиеся в ранней китайской литературе. Ни для Средней равнины, ни для захваченных гуннами земель Саяно-Алтая не были свойственны жилища-полуземлянки.

Хотя поселения предшествующего времени в Бурятии пока неизвестны, основной историко-культурный вывод для археолога очевиден: «Жилища земляночного типа, обогреваемые через отопительные каналы-дымоходы, появились на данной территории вместе с сюнну» (Давыдова, 1995. С. 18). Насколько мне известно, время и место появления канов у центральноазиатских гуннов пока остаются вне рассмотрения археологов, изучающих их памятники: основное внимание привлекает предметный и погребальный культурный комплекс, жилища берутся как данность и их генезис остается вне анализа (см.: Миняев, 1985а; 2001)¹¹¹.

Согласно японским авторам, о кане у гуннов говорит уже «Цянь Хань шу» (Стариков, 1967. С. 64).

Итак, имея в виду материалы главы 2, находим все основания заключить: археологические данные, отражающие основы домостроительства и устройства интерьера жилища, *отторгают культурогенез центральноазиатских гуннов от культурогенеза тюркских народов древности.*

¹¹¹ Именно погребения Сергей Степанович считает важнейшим археологическим источником для разработки проблемы происхождения сюнну (1985а. С. 70), что, несомненно, верно. Но, как увидим к завершению этой главы, лишь отчасти.

Углубленные дома гуннов противостоят наземным постройкам тюркоязычных народов, примыкающие к стенам обогреваемые лежанки (образом которых, вероятно, явились земляные нары) — расположенным в центре очагам, а печи с дымоходами и вытяжной трубой — открытому огню с естественной вытяжкой через отверстие в центре шатро-купольной крыши.

Ныне не может быть сомнения в том, что *часть ранних тюркоязычных народов оказалась на покоренных гуннами землях и была подвластна гуннской державе*. По крайней мере по этой причине произошло, как это понимается ныне, переселение на север, в долины Верхнего и Среднего Енисея, прежде тюркских языков не слышавших, ранних кыргызов-гянгуней и пока безымянных для нас тюркоязычных носителей шурмакской культуры (см. раздел 2 в главе 2). Степень этой зависимости от гуннов не может быть ныне определена в полной мере, показательна, однако, правящая роль кыргызов-гянгуней на новой родине, восходящая по их собственному мнению, зафиксированному в «Тан шу», именно к гуннской эпохе (Бичурин, 1950а. С. 334, 351).

Однако южносибирские древности этих народов, как и ашина, указывают на иные истоки культуры, подтверждая сказанное: *сами гунны и начала их культуры не принадлежали к тюркоязычному миру древности*.

Отыскать в иных землях интерьеры с земляной лежанкой по периметру несложно, но история оснащения их канами остается туманной¹¹².

В выяснении этого вопроса, сопрягаясь с языковой принадлежностью народов, вновь полезно пойти от поздних данных к ранним. Этнографическая наука отмечает жилища с канами как характерную особенность приамурских народов и маньчжуров. Следовательно, для нового и новейшего времени тунгусо-маньчжурская принадлежность этой системы отопления не может вызывать сомнений. Однако могут ли каны быть признаком тунгусо-маньчжурских народов средневековья и древности?

При анализе письменных источников расселение раннесредневековых тунгусо-маньчжурских народов обычно определяется по Амуру ниже Сунгари и в бассейне Усури. Выше по правому берегу Амура вплоть до устья Аргуни Северную Маньчжурию в VI-IX вв. занимали племена

¹¹² Именуя каном только отапливаемую через внутренние дымоходные каналы возвышающуюся над полом лежанку, я, естественно, отделяю историю этой отопительной системы от иных форм обогрева жилища, снабженных жаровыми каналами (см. раздел 5).

шивэй, юго-западнее которых до бассейна р. Шара-Мурен помещают си и киданей. Все три этнических группы ныне принято считать монголоязычными (Кычанов, 1980. С. 139; Воробьев, 1994. С. 27-33. Табл. 2).

2. Жилища с канами у монголоязычных народов

Каны знают монгольские народы нового и новейшего времени: дауры (дагуры) и монголы Внутренней Монголии. Жилища с канами в культуре дауров — дорусского монголоязычного населения Верхнего Амура (вплоть до устья Зеи), в 1654 г. переселенного в Маньчжурию цинской властью, обнаружены археологами (Болотин, 2005. С. 618). Культура дауров восходит к середине XIII в. Судя по описаниям современного быта, не приходится думать, что свою систему одноколенного (Г-образного) отопления дауры могли заимствовать в позднее время от маньчжуров, устраивавших П-образные лежанки. Следует учитывать, что сами дауры в глазах одних ученых — монгольский народ, подвергшийся сильному тунгусо-маньчжурскому влиянию, в глазах других — тунгусо-маньчжурское племя, усвоившее монгольскую речь лишь в XIII-XIV вв. (Тодаева, 1997. С. 51, 59).

Прочные археологические материалы указывают, что в XIII-XIV вв. каны были характерны для культуры монголоязычных народов. Специалист отличает монгольский город по типу жилищ, единому для всей империи — от Забайкалья до Молдавии. И это не войлочные юрты, а квадратные дома с каркасными, столбовыми стенами, поставленные без фундаментов. Вдоль трех стен П-образно устроены сплошные глиняные лежанки с внутренним двухканальным обогревом (рис. 77) (Киселев, 1965. Рис. 2; Киселев, Мерперт, 1965. Рис. 100, 103, 104; Кызласов Л.Р., 1965б. Рис. 29, 33, 41, 62, 74, 75; 1969а. Рис. 54; 1975а. С. 173-175; 1975в. С. 179, 183, 190. Рис. 1, 7; 1992. С. 149, 152-156). Раскопками последних лет в монгольских городах XIII-XIV вв. отмечено также использование Г-образных канов и П-образной их формы с односекционным обогревом только двух длинных сторон (Артемьев, 2001. С. 255. Рис. 2, 3, 7, 8, 12, 13).

В Восточной Европе каны устраивались и в наземных домах и в землянках. Эти каны разнообразны, нередко занимают лишь одну или две стороны по-прежнему П-образной лежанки, а также бывают Г-образны или прямы, иногда снабжены лишь одним дымоходным каналом (рис. 78) (Егоров, 1970. С. 173-175, 178, 179, 185, 186, 188. Рис. 1-4, 7, 1, 8, 9, 13; Егоров, Жуковская, 1979. С. 211-213; Федоров-Давыдов 1994. С. 45, 46, 48, 56. Рис. 2, 1, 7, 8). Развитие городской застройки выразилось здесь

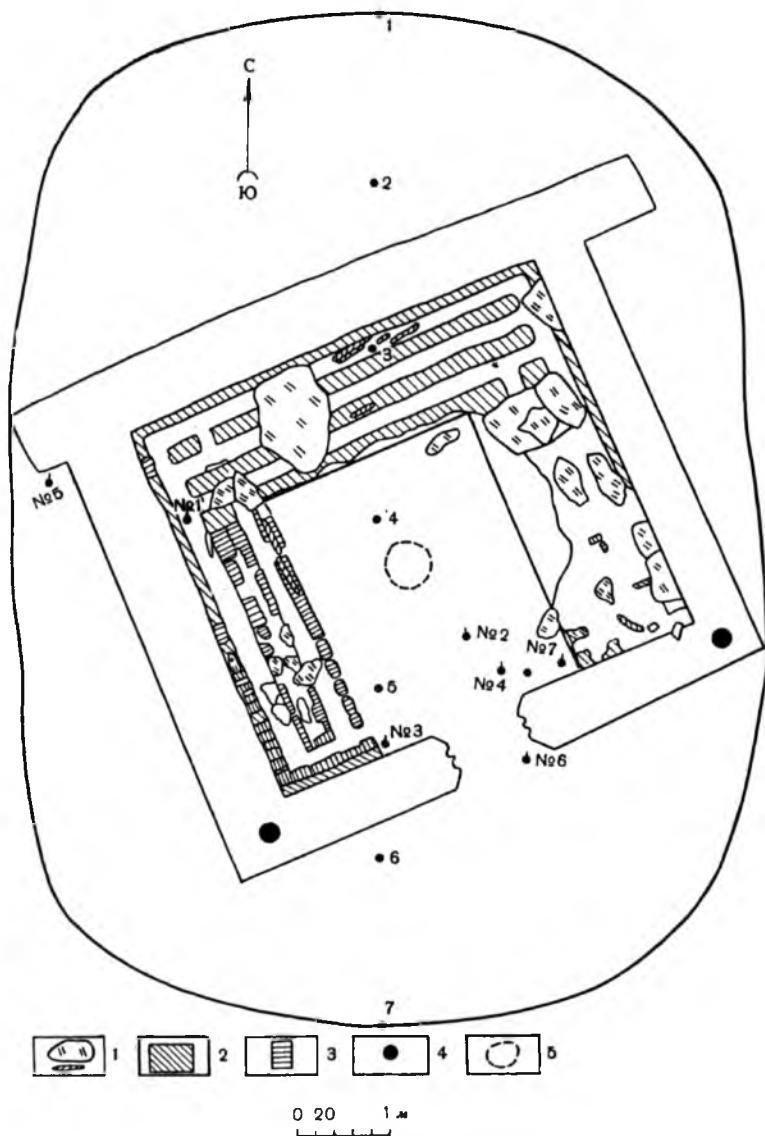

Рис. 77. Монгольское городище Эртине-Булак (Тува). План жилого дома с П-образной лежанкой-каном. XIII-XIV в. 1 – плиты, 2 – глина, 3 – кирпичи, 4 – деревянный столб, 5 – место жаровни, № 1-7 – индивидуальные находки. По Л.Р. Кызласову (1969а. Рис. 54)

Fig. 77. The Mongol site of Ertine-Bulak (Tuva). Plan of a residential building with a П-shaped kang. 13th – 14th centuries. 1 – blocks, 2 – clay, 3 – bricks, 4 – wooden pole, 5 – the spot of the fire basket. № 1-7 – individual finds

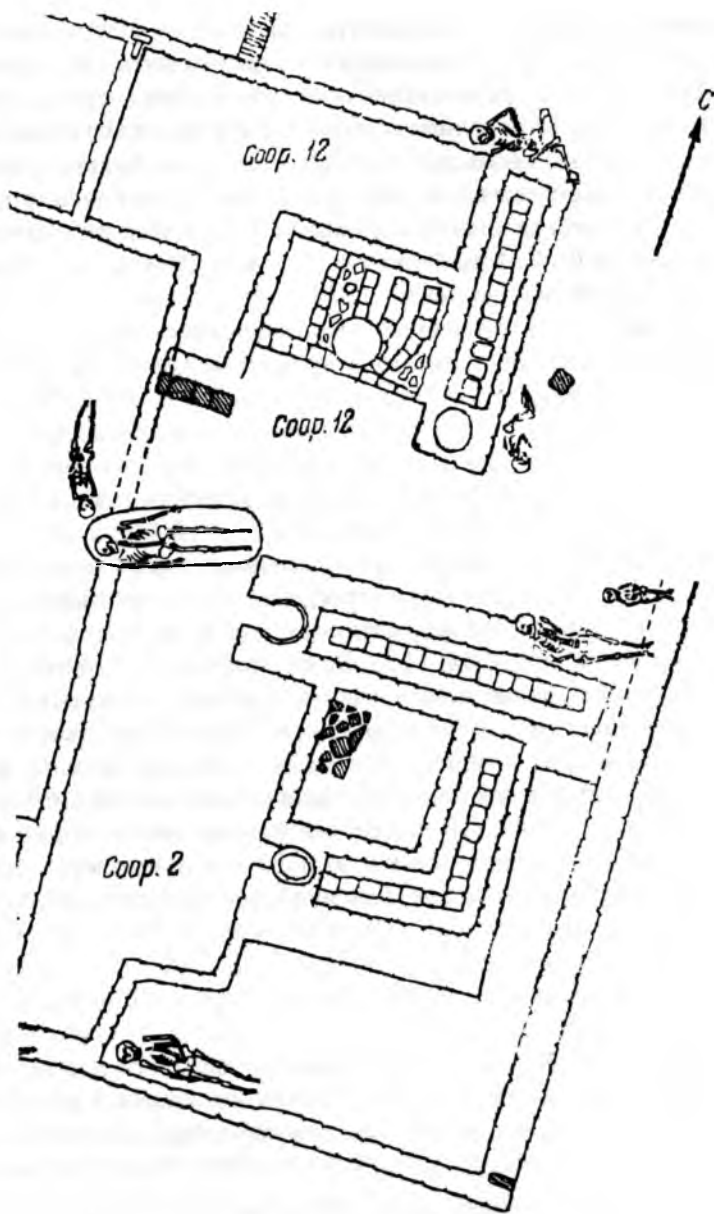

Рис. 78. Золотая Орда. Селитренное городище. Часть здания с канами на раскопе V 1965 г. По В.Л. Егорову (1970. Рис. 8, деталь)

Fig. 78. The Golden Horde. The Selitrennoe site. Part of a dwelling with kangas at excavation site V, 1965

в размещении выводной трубы кана не снаружи, а внутри угла здания. Вероятно, это влияние среднеазиатской (точнее сказать, сырдарьинской) традиции (см. раздел 5), помимо того обнаруживаемой в ордынской архитектуре также в различных типах домов, применявшихся строительных материалах и технике, во многих деталях интерьера, включая особенности отопления. Важно, что в Старом Сарая (ныне Селитренное городище) продолжали сохраняться и П-образные каны классического монгольского облика (Егоров, 1970. С. 186; Федоров-Давыдов, 1994. С. 48). Весьма архаичны земляные каны Поволжья.

Археологи полагают, что в целом тип квадратного домостроительства и отопления в виде канов восходит к древней оседлой лесной культуре монголоязычных народов (Кызласов Л.Р., 1975а. С. 173; 1992. С. 152, 153). Этому соответствует и отказ В.И. Цинциус от казавшегося поначалу привлекательным сравнения общемонгольского *гэр* «жилище» с тюркским *кер* «растягивать, натягивать» как лексических показателей сходства якобы изначального кочевого быта (1972. С. 12-14)¹¹³.

Многочисленность домов с канами показывает, что в Европу монголов пришло немало, и среди них были строители. На это указывает и сохранение центральноазиатского формата кирпича в некоторых ордынских городах (Егоров, 1970. С. 184, 185). Важно видеть, что степной быт не отучил монголов от древнего домостроительства и изначальной оседлой жизни — они принесли с собой каны в саму Монголию, переселившись туда с Верхнего Амура в течение конца X — начала XII в.¹¹⁴ Традиционный интерьер сохранялся даже при радикальной смене типа жилища: согласно источнику, еще в XII в. деревянные лежанки в форме кана сооружались монголами в изначально несвойственных их культуре заимствованных от тюркских народов переносных войлочных юртах, отапливаемых центральным открытым очагом (Егоров, 1970. С. 186; Кызласов Л.Р., 1975а. С. 175; 1992. С. 150-152, 156).

Опуская заимствованные монгольскими народами фанзы (Народы КНР, 1965. С. 656, 661, 665, 668), следует сказать, что каны в круглых или по-прежнему квадратных стационарных постройках с конической крышей¹¹⁵ встречаются во Внутренней Монголии поныне. Судя по публикациям, они представляют собой одноколенные каны большой ширины. Неслучайно и существующее сегодня подпольное отопление неперево-

¹¹³ Однако эти позиции примата кочевого быта, противоречащие реальной истории культуры, сохраняются у московских алтаистов (Дыбо, 2008б. С. 79). Исследователи самодийских языков предварительно указывают на сопоставимость монгольского *гэр* с североселькупским (Аникин, Хелимский, 2007. С. 19, прим. 5).

¹¹⁴ Историографию и итоги рассмотрения вопроса см.: (Кычанов, 1997. С. 175-178).

¹¹⁵ Такие жилища описаны путешественниками и для монголов XVII-XVIII вв. (Егоров, Жуковская, 1979. С. 212).

ных, стационарных войлочных юрт (осуществляемое от расположенной снаружи специальной топки, в то время как очаг занимает центр жилья) сохраняет не только П-образную планировку, но и раздваивающийся канал дымохода (Вяткина, Стариков, Чебоксаров, 1979. С. 190-192).

Языковая принадлежность раннесредневековых степных народов, все настойчивее относимых историками и лингвистами к южной группе монголоязычного мира, по-прежнему остается дискуссионной. Распространенное в литературе отождествление тройного китайского деления северных и восточных соседей Поднебесной на потомков сюнну, дунху и сушень с современным членением алтайской семьи на тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров не является строгим построением. Оставляя в стороне критикуемое мною в этой книге отнесение самих гуннов-сюнну к тюркоязычным народам, здесь следует указать на шаткость первых звеньев выводимой источниками преемственной этнической цепочки дунху — сяньби — кидани, увязываемой с шивэй, а через них — с монголами. Следует знать, что ряд востоковедов возводит к этнониму шивэй тунгусо-маньчжурский народ сибэ (сибинцев) (библиографию см.: Пан, 2008. С. 217).

Изданная у нас в академическом справочнике языковая характеристика сяньби (относимых к протомонголам — Кормушин, Пюрбеев, 1997. С. 7) фактически лишена лингвистических данных, сводит вопрос к таба-вэй и полна натяжек историко-культурного свойства, ряд которых (как рефрен о пользовании орхонским алфавитом) не имеет оснований (Лувсандэн-дэв, 1997)¹¹⁶. Наука о древностях здесь помогает мало: независимый от лингвистики археологический анализ культуры III в. до н.э. — III в. н.э., в угоду терминологии письменных источников связываемой с ранними сяньби, показал, что к ней восходят как традиционные «типично мохэские сосуды» — т.е. один из наиболее надежных материальных признаков раннесредневекового тунгусо-маньчжурского (или даже только маньчжурского) населения Дальнего Востока, так и глиняная посуда бурхотуйской культуры Забайкалья, обычно приписываемой ранним монголоязычным племенам. Прототипы же киданьской посуды догосударственной поры, принадлежащей к иной линии развития керамики, специалисты находят в культуре шэгень, обычно относимой к сяньби восточным (Дьякова, 1993. С. 15, 276-278, 290-293, 296, 297, 314-317, 337-339; 2008а. С. 64). Следует помнить, что этноним сяньби (сяньбэй), возникший в раннеханскую эпоху, с III в. до н.э. имел обобщающее значение, именуя народы Западной Маньчжурии в противовес населению Восточной, столь же обобщенно называвшемуся илоу.

¹¹⁶ Мнение Сиратори Куракити о монголоязычности сяньби развил на основе пяти топонимов В.С. Таскин (1980. С. 59-64).

Вдумчивые сторонники монголоязычности киданей так или иначе считаются с выдвинутыми в науке двумя другими определениями: кидани — тунгусоязычны и родственны чжурчжэням, и кидани — народ смешанного монголо-тунгусского происхождения (Рудов, 1961. С. 159, 169; Е Лун-ли, 1979. С. 24). Дело осложняется тем, что ранние исторические построения противоречивы: одни летописи Китая выводят киданей из дунху, другие — из сюнну. Киданьские слова, доступные ныне по китайским текстам, с одной стороны принадлежат к языку монгольской группы (близкому современному даурскому), с другой не могут быть истолкованы на монгольской языковой почве (Кузьменков, 1997. С. 88). Согласно источникам обычаи ранних киданей были близки мохэ (Жычанов, 1997. С. 126). Будем помнить, что на протяжении всей истории и в материальной культуре киданей было очень много заимствованного, привнесенного со стороны и усвоенного. Окончательное решение вопроса о языковой принадлежности откладывается до дешифровки все еще непонятных киданьских писем и прочтения составленных ими текстов. Предпринятые для этого усилия заслуживают высокого уважения; их результаты склонили исследователей к монголоязычности памятников малого письма государства Ляо (Стариков, Надеяев, 1964. С. 9-26; Стариков, 1982. С. 111, 120, 121; Арапов, 1982). В.М. Надеяев на основании артикуляционно-базовых признаков обосновал гипотезу о монголизации якутского языка в XI-XII вв. именно киданями (Селютина, 2004. С. 70, 71). Судя по тому, что до этого якутские монголизмы относили к неизвестному монгольскому языку, речь киданей не оставила прямых потомков.

Сегодня археологические памятники киданей не могут помочь прояснению картины в интересующем нас жилищном вопросе. Хотя имя и политическая история народа известны в источниках с IV в., их догосударственная культура (протяженностью более пяти веков) остается для археологии по существу неведомой. По «Ляо ши» строить укрепленные поселения впервые начал лишь каган Шулань (Сулань) на рубеже IX и X вв. (Воробьев, 1994. С. 279, 294). В маньчжурском изложении, в «Истории Великой Железной империи» (2007. С. 43), начало строительства городов и домов приписывается ему и его старшему брату Салади (отцу Абаоцзи).

В работе над данной темой неоднократно приходилось встречать в литературе общие высказывания о существовании у киданей X-XII вв. жилищ с лежанками-канами. Однако конкретных материалов не приводилось: городища и поселения киданей, насколько знаю, остаются не раскопанными. Л.Л. Викторовой названо городище Дээд-Улаан-Эрэг, стоящее на р. Керулен в Монголии, на котором «нашли и отопительную систему в виде канов» (1980. С. 146). Но на этом же памятнике обнаружена гончарная печь, подобная горнам Северной Кореи периода Когурё,

следовательно, на лицо влияние культуры, первоначально соседней киданям, а затем включенной в их империю.

В письменных источниках, хотя и называются города, но кроме описания переносных кошомных юрт и крытых войлоком повозок-фургонов речь идет лишь о домах срубных («Ляо ши»: Викторова, 1980. С. 58, со ссылкой на Г.К. фон Габеленца) или дощатых (Е Лун-ли, 1979. С. 322). В династийных историях юрта выступает жилищем как простонародья, так и императоров и императриц, а ориентация юрт правящего двора выражает социальное устройство. Сакральная ориентация страны, жилищ населения и императорского рода была восточной (Е Лун-ли, 1979. С. 225, 232, 235, 238, 241, 254, 267, 326, 461, 471, 497, 514, 530, 532 и др.; «Ляо ши»: Кычанов, 1997. С. 142, 149). В юртах киданями вершлись даже храмовые церемонии (История, 2007. С. 47-49, 57, 64, 70 и др.).

Вместе с тем, согласно переводу Е.И. Кычанова, в разных местах «Ляо ши» при описании традиционных императорских обрядов у киданей речь идет о сооружении неких «помещений», имевших углы (в северо-восточном правителю вручалось свидетельство на титул, в юго-восточном ставилась колесница с именами умерших владык, начертанных на табличках) (1997. С. 134, 136). Сложно решить, следует ли это связывать со сторонним влиянием, как здания в четырех городах, построенных в начале X в. под влиянием пленных китайцев («Цзю Удай ши», «Синь Удай ши» — Таскин, 1984. С. 61, 176, 189). Хотя двери городских построек и были обращены по-киданьски на восток.

При рассмотрении интересующего нас вопроса не следует учитывать приобретенные черты культуры киданей — с покорением ими в 926 г. государства Бохай в состав новой огромной державы вошли и земли с исконным применением в домах лежанок-канов. Конечно, можно думать, что после этого интересующее нас обогревательное устройство было воспринято самими киданями (Егоров, Жуковская, 1979. С. 213) и от них перешло к монголам или даже, как это допускается этнографами относительно современной культуры уйгуров и саларов Восточного Туркестана, было распространено далеко на запад переселенными в пределах Ляо бохайцами (Бернова, Чебоксаров, Чеснов, 1979. С. 259)¹¹⁷. Вполне вероятно, что именно бохайцы (мохэ и когурёсцы) в этих условиях познакомили с канами и северных китайцев (Стариков, 1967. С. 65). Однако умозрительные построения ничем не помогут нашему поиску.

¹¹⁷ Кан уйгуров и саларов Восточного Туркестана имеет две разновидности: он «тянется вдоль стен или располагается у западной стены» (Захарова, Тенишев, 1979. С. 187, 189). Последнюю форму кана мне удалось видеть в декабре 2006 г. в семье уйгура Курбана Хасыма (Тойок, Турфанский оазис). Тем самым планировка кана здесь близка прямолинейному расположению таких лежанок в китайском доме (см. раздел 3).

О глубине традиции в монголоязычной среде ныне косвенно свидетельствуют, пожалуй, только приведенные данные об устойчивости искомого типа интерьера в культуре собственно монголов конца XII-XIV вв. (Кызласов Л.Р., 1975а. С. 172-175). «Круглые войлочные юрты, заимствованные монголами у степняков, здесь ни при чем. От них, во всяком случае, никак не вывести ни отопительных печей с лежанками типа П-образных канов ни высоких для тяги труб, которые размещались обычно снаружи каркасных жилищ» (Кызласов Л.Р., 1992. С. 155).

В поисках протомонгольского кана, очевидно, следует в дальнейшем проследить исторические корни не любых аналогичных устройств, а именно П-образных лежанок, отапливаемых через двойные дымоходные каналы. Материалы для этого содержит раздел 4. К существенным выводам относительно характера прото- и раннемонгольского жилища приводят данные следующего раздела книги.

Однако прежде, чем перейти к рассмотрению этих материалов, следует сделать отступление. Вырубленная под лежанкой топка для обогрева была сделана при перестройке восточной части разрушенного в конце VIII — IX в. буддийского храма в Ак-Бешиме (долина р. Чу, Кыргызстан). Следовательно, в ту эпоху отапливаемые лежанки были уже известны и части тюркоязычного населения, по-видимому, карлукам (Кызласов Л.Р., 1959б. С. 217. Рис. 17, 3, 46, VIII, 7, 8, 11; 2006. С. 305. Рис. 63, 3, 98, VIII, 7, 8, 11). Историю обогреваемых лежанок у столь раннего тюркского населения Семиречья помогут понять лишь новые археологические исследования востока Средней Азии. Поскольку жаровой канал в указанном случае был коротким и соединял топку с дымоходом, проложенным в стене, систему такого обогрева, видимо, следует в значительной мере связывать с традицией отопления, рассматриваемой далее в разделе 5.

3. Жилища с канами в Приамурье

Давно установлено, что культуры Приамурья, включая прилегающую Маньчжурию, отличаются от археологически прослеживаемых форм развития народов Нижнего Амура, Приморья, Кореи и Южной Маньчжурии. Вполне понятно, что материалы любого из этих районов Дальнего Востока не следует рассматривать обобщенно, ведь в отношении Южной Сибири подобная работа с жилищами велась в более сжатых ареалах, четко определенных в историко-культурном отношении (Кызласов И.Л., 2005а; 2008а) (см. главу 2). Однако в данном случае состояние археологической изученности края не дает пока не только детальной, но и цельной картины.

Поздние четырехугольные полуземлянки с канами и выходом на юг изучены на поселениях тунгусоязычных дючеров, археологически выделяемых со второй половины XIII в., живших от устья Зеи до устья Уссури и уведенных со Среднего Амура на юг маньчжурскими властями в 1654 г. (Болотин, 2005. С. 621, 622). История материальной культуры этого народа преемственно связана с чжурчжэньской. Сам этноним *дючеры* возводят к искаженному *нюйчжэнь* (Воробьев, 1983. С. 270) — наименованию чжурчжэней в китайских источниках.

Обзор канов, характерных для жилищ чжурчжэней, дается мною ниже в разделе 4, посвященном приморским древностям.

Маньчжуры, как и их язык (Суник, 19976. С. 162, 164) — также прямые потомки чжурчжэней, результат новой (произошедшей на рубеже XVI-XVII вв.) этнической консолидации их групп, разрозненных после завоеваний Чингисхана (Воробьев, 1983. С. 268-273). Традиционные маньчжурские каны, прослеженные этнографами, имеют П-образную в плане форму (Стариков, 1967. С. 65). Этим они отличаются от прямых китайских лежанок. Однако эта П-образная маньчжурская фигура на деле бывает образована сочетанием двух (или даже трех — Воробьев, 1983. С. 84: середина XIX в.) независимых канов протянувшихся от двух печей и соединяющихся лишь вне дома в единой дымовыводящей трубе, — прямого (вдоль южной стены) и Г-образного, по-гуннски занимающего северную и северо-западную стену. Это типологическое сходство с ранними жилищами формально усиливается южной ориентацией входа в маньчжурский дом, что здесь, в отличие от гуннов, как и размещение комнат, вызвано влиянием китайского домостроительства (Стариков, 1965. С. 675-677; 1979. С. 195).

О системе канального устройства маньчжурских канов, описания которой мне не встретилось, можно, вероятно, судить по канам, воспринятым северо-восточными китайцами: 4 и 5-канальным, но прямым, параллельно расположенным только вдоль двух длинных стен комнаты и обогреваемым двумя печами. Если дом имел две жилых комнаты, интерьер второй мог состоять из одного или двух таких канов. Взятый в целом данный тип отапливаемого жилища «сложился в результате значительных разновременных влияний соседних тунгусо-маньчжурских народов и более поздних маньчжуроязычных насельников Маньчжурии» (Стариков, 1967. С. 23, 38, 39, 62. Рис. 13).

Озирая далее древности, учтем некоторые особенности динамично развивающейся археологии российского Дальнего Востока. Несмотря на добротные разработки, в ней пока не создано единой картины культур и их датировок, а археологическое источниковедение осложняется традицией именовать культуры этнически (мохэ, чжурчжэни и пр.) и политически

(Когурё, Бохай, Ляо, Цзинь, Восточное Ся). Дело не в том, что этническая и политическая принадлежность различных групп памятников огромного края дискутируется. Важно видеть, что традиция возникла вне археологии, воспринята от исторической науки (восходящей к концепциям китайской старины)¹¹⁸. Поскольку все этнические и политические понятия письменных источников региона обобщающие, они в археологии точного смысла иметь не могут¹¹⁹. Часто, разумеется, неизвестен и язык раннего населения. Несомненна пришлость алтайских народов на обширные дальневосточные земли, издревле палеоазиатские¹²⁰, а то и заселенные неведомыми разнородными по языку жителями (вспомним об айнах, языку которых близких аналогий не найдено) (Сидоренко, 2008; Рудникова, 2008; Дьякова, 2009. С. 216-218, 225, 226). Однако время, место, этапы исхода алтайских народов не установлены.

Наиболее обстоятельный обзор представлений и библиографии, сложившихся к началу 1970-х гг. во всех исторических областях нашей гуманитарной науки и физической антропологии, дан А.П. Деревянко (1976. С. 239-252). При всем разнообразии привлекаемых данных и проявляемых аналитических подходов у исследователей в XIX и XX вв. имела общая основа. В своих поисках прародин и начальной истории тунгусо-маньчжуров они в равной мере исходили из первоначально бывшего единства алтайских языков и их носителей, т.е. старались подобрать регионы возможного соседства изучавшейся языковой группы с монгольскими и тюркскими народами. Однако исконное их родство поныне не находит археологического подтверждения.

В 20-х гг. С.М. Широкогоров, ученый с энциклопедическими познаниями, питавшимися полевой работой среди тунгусо-маньчжурских наро-

¹¹⁸ Взгляд современной китайской науки на связь археологических культур, этнонимов письменных источников и языковой принадлежности древних и средневековых народов Приморья и Приамурья см.: (Сунь Цзиньцзи, 2001; Сунь Хун, 2001 и прим. переводчика — С. 88, 89; Линь Шушань, 2001).

¹¹⁹ Эти чуждые нашей науке источниковедческие оковы ясно осознаются некоторыми археологами, но, из уважения к научной традиции, снимаются, увы, медленно и непоследовательно (Дьякова, 1993. С. 26-29; 2008а. С. 62, 63).

¹²⁰ Вероятно, следует напомнить, что палеоазиатскими языками именуют условно объединяемые неродственные и типологически различные языки (генетически связанные лишь в отдельные самостоятельные группы: чукотско-камчатскую, эскимосско-алеутскую, юкагиро-чuvanскую и изолированный нивский). Некоторые ученые включают сюда и енисейские языки. Общей для всех признается лишь историческая судьба их носителей — древних обитателей Сибири, частью ассимилированных, частью оттесненных иноязычными пришельцами на север Азии и Северной Америки, частью уцелевших малыми островками на пространстве от Енисея до Тихого океана (Вернер, 1990. С. 357, 358). Новое разделение палеоазиатских языков и их генетических связей, полученное методом позиционной лингвистики см.: (Володин, 2001).

дов, выдвинул гипотезу их южного происхождения. Согласно ей, древние тунгусоязычные племена не позднее III тыс. до н.э. были вытеснены на северо-восток и на юг Китая из междуречья Хуанхэ и Янцзы продвигавшимися с северо-запада китайцами. Наслаиваясь на палеоазиатов, часть тунгусов, осевшая в Маньчжурии и на Амуре, сформировалась в южную маньчжурскую группу, проследовавшая далее в Сибирь — в северную, тунгусскую.

Находя соответствия своим исследованиям в концепции А.П. Окладникова и отвечающих ей обширных этнографических и лексических наблюдениях Г.М. Василевич, многие ученые полагали, что наиболее раннее тунгусоязычное население проникло на Дальний Восток из Байкальской Сибири в позднем неолите. А.П. Деревянко сопоставил бывшие в его распоряжении свидетельства древних культур Прибайкалья, Приамурья и Приморья, отнеся памятники российского Дальнего Востока от неолита до начала н.э. к палеоазиатским (в этом археологическое решение совпадало с давним мнением С.М. Широкогорова). В первые века н.э. аборигенная польцевская культура вытесняется из Приамурья пришлыми тунгусскими племенами (мохэ) в Приморье и Корею, еще ранее (в IV-III вв. до н.э.) начинается ее проникновение в Японию. По мнению исследователя, пратунгусская общность формируется в Северо-Восточном Китае, включая среднее течение Амура, на протяжении IV-III тыс. до н.э., т.е. на неолитическом этапе местного развития. В конце III — II тыс. до н.э. часть населения уходит отсюда в таежную зону, закладывая культуру северных тунгусов (что согласуется с антропологическими заключениями М.Г. Левина), а часть — на юг, где развивает основы земледельческой культуры (1976. С. 252-278).

Новые позиции в начатой на юге миграционной истории тунгусо-маньчжурского населения см.: (Бурыкин, 1999), а обобщенные взгляды лингвистов на эти процессы — в статье (Гирфанова, 2008). К ним необходимо вернуться в завершении этого раздела.

Ныне археологами-дальневосточниками выработано решение, в своей тунгусо-маньчжурской части в определенной мере соединившее, на мой взгляд, географические векторы С.М. Широкогорова и А.П. Деревянко. Принято считать, что формирование названной общности наступает лишь в начале I тыс. н.э. из двух языковых и культурных составляющих: с наложением на тунгусские народы Приамурья пришедшей из Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии маньчжуроязычной мохэской волны¹²¹,

¹²¹ Лингвистическая систематика, вслед за Г.М. Василевич, также отмечает близость языков Нижнего Амура к собственно тунгусским, отделяя речь маньчжуров и сибинцев (Гирфанова, 2008. С. 323).

выделившейся там с распадом этнического ядра в III в. до н.э. Из того же ядра вышла и другая ветвь, которая выглядит монгольской, ушедшая на северо-запад и отложившаяся в бурхотуйской культуре Забайкалья (Дьякова, 2008а. С. 64-66). В рамках этой концепции средневековое тунгусо-маньчжурское единство объясняется не единством происхождения, а результатом контакта (Дьякова, 2008б).

Однако этноязыковое определение дальневосточных древностей остается делом сложным и нерешенным. Археологический анализ выделил только в российских пределах пять вариантов «мохэской» культуры: благословеннинскую, найфельдскую, троицкую, гладковскую и михайловскую (Дьякова, 1984; 1993. С. 12-15), да на северо-востоке Китая — две ее разновидности (тунжэнь и саньхао), разделенные хронологически (Дьякова, 1990; 1993. С. 279-284). Взятая в целом, эта культура прослеживается на протяжении IV-VIII вв. Но источники (исключая «Самгук саги», составленную в сер. XII в.) для IV в. говорят о народности уцзи, что, обнажая зависимость от письменности, вынуждает археологов вводить в обозначение культуры и этот этноним (указывая «мохэ (уцзи)»: Дьякова, 1993. С. 10-16; Воробьев, 1994. С. 108-114). В письменных памятниках сами мохэ не упоминаются с XII в., но в археологии Дальнего Востока применяется понятие «мохэской общности», относимой к III-XIII вв. (Дьякова, 2008а. С. 62-64), — еще более широкое этнически, территориально и хронологически.

Этнолингвистическая неопределенность, стоящая за понятием «мохэская культура», яснее ясного проступает в том, что ныне «михайловская группа выделена в самостоятельную культуру и этнически выведена из тунгусо-маньчжурского ареала» и введена в монгольский, а прототипом лепных «типично мохэских сосудов» являются глиняные котлы «ранних сяньби» III в. до н.э. — III в. н.э. из Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии (Дьякова, 1993. С. 314; 2008а. С. 63-65). Для меня очевидно, что здесь этническая терминология лишь вносит невнятицу в строгий и весьма перспективно производимый археологический анализ культурогенеза региона. Восприятие материала сразу меняется, когда узнаешь, что те же котлы стали основой керамики бурхотуйской культуры, условно-археологическое наименование которой позволяет до поры не интересоваться ее далеко неясным пока (монгольским ли?) этнолингвистическим содержанием. Дополню картину принадлежностью троицких мохэ к весьма архаичному одонтологическому типу, «свойственному азиатскому населению до его дифференциации на локальные антропологические типы второго и третьего порядка» с тяготением еще к палеоиндейскому населению Северной Америки (Казакова, 2008).

Как видим, разрешение задач физического, культурного и языкового происхождения народов рисует картину смены разных по устойчивости

признаков, из которых язык относится к наиболее изменчивым историческим характеристикам популяции.

Для разрешения нашего вопроса о характере традиционного домостроительства существенно учесть, что в раннем средневековье отопление каном в Приамурье свойственно лишь *пришлым* формам культуры: одному из двух местных домостроительных типов, археологически зафиксированных в локальных вариантах так называемой культуры мохэ (а именно в местной для Нижнего Приамурья найфельдской группе IV-IX вв. и в пришедшей из Маньчжурии троицкой VII-XII/XIII вв.), также как и одному из двух типов жилищ соседствующей с найфельдской группой культуры амурских чжурчжэней¹²². Характеристика последней изменяется в зависимости от географического размещения древностей, а общая археологическая дата также весьма протяженна — VII-XIII вв.¹²³ Некоторые археологи считают троицкие и амурско-чжурчжэньские памятники единой археологической культурой (Дьякова, 1987; 1988; 1990; 1993). Ретроспективно составленные письменные источники для населения Среднего Амура и Маньчжурии того времени отмечают землянки, а с появлением наземных жилищ, вероятно, упоминают нары (Воробьев, 1983. С. 25). Деревянные нары отмечены при раскопках полуземлянок михайловской археологической группы (Дьякова, 1987. С. 56)

Показательны для нашей темы материалы польцевской (ольгинской) культуры, занимавшей обширные территории и потому иногда именуемой польцевской общностью. В VIII-III вв. до н.э. она была распространена на Среднем, но в III-I вв. до н.э. смещается к Нижнему Амуру, проникает в северную часть Приморья, а с I-III вв. и по V-VI вв. ее памятники представлены и в Южном Приморье (Коломиец, 2005. Табл. 93; Деревянко А.П., Медведев, 2008. С. 15). Именно в этих землях, неподалеку от г. Находка, в дельте р. Партизанской на сопке Булочка обнаружены П-образные каны, относимые к первой половине I тыс. н.э. (Медведев, 2007; Деревянко А.П., Медведев, 2008. С. 14, 15, 25, 27, 32. Рис. 10, А, В Г, 13, 14). К этим материалам предстоит вернуться в разделе 4. Здесь, в интересах дальнейшего изложения, следует напомнить, что польцевскую культуру, сложившуюся на Среднем Амуре на основе предшествующей урильской культуры, относят к палеоазиатам (Деревянко А.П., 1976; Деревянко А.П., Медведев, 2008. С. 15).

Согласно имеющимся археологическим данным, ранний железный век Верхнего и прилегающей части Среднего Амура в целом не знает канов, хотя в наземных домах (бытующих рядом с землянками), вероятно,

¹²² Такое этническое определение отвергалось Ю.М. Васильевым (2006). О различии амурской и приморской культур чжурчжэней см.: (Дьякова, 1990; 2008а. С. 63).

¹²³ Разделение на четыре этапа, включая мохэский, см.: (Васильев Ю.М., 2005. С. 602, 603).

уже в гуннскую эпоху иногда применяются деревянные нары, идущие вдоль длинных стен (Мыльникова, Нестеров, 2005. С. 360. Рис. 86, 5). Однако этот компонент интерьера выглядит пришлым.

Первую сводку археологических данных, позволивших проследить основы развития жилищ Приамурья от неолита до позднего средневековья, составила Е.И. Деревянко (1981. С. 75-110, 112-113). Углубленные в землю жилища существовали на протяжении всего этого периода, возникнув, вероятно, еще раньше — с позднего мезолита. Для всех них характерно отсутствие канов.

Тем самым, археологические памятники в целом свидетельствуют, что древние и последующие раннесредневековые местные культуры Приамурья в целом не знали и не сохранили отопления типа канов.

Придя к такому заключению, следует соотнести его с историко-генетическими построениями, полученными по языковым данным исследователями-лингвистами. Ими в последние годы изложены основы двух, заметно отличающихся друг от друга гипотез.

Лингвистические методы поиска прародины тунгусо-маньчжуров привели А.М. Певнова (2008) к бассейну Среднего Амура, что отвечает, как мы видели представлением археолога А.П. Деревянко. Характеризующая природу лексика позволила языковеду уточнить древнюю среду обитания: вместо равнин, она оказывается горной, связанной с хвойно-широколиственными лесами, предположительно соотнесенной с южной частью Буреинского хребта на левом и Малым Хинганом на правом берегу Амура. Усиление расхождения праязыковых диалектов, ставших ветвями тунгусо-маньчжурского языкового дерева, падает примерно на начало н.э. Этим процессам могло способствовать влияние ближайших соседей — прамонголов.

Иное размещение прародины выявляется Е.А. Хелимским, доказавшим существование языковых контактов прасамодийского и пратунгусо-маньчжурского языков, принадлежащих к периоду между III и I тыс. до н.э., и указывающим на еще более древние связи интересующего нас праязыка с прауральским (Хелимский, 2000. С. 18, 19, 278-281; Аникин, Хелимский, 2007. С. 16-20, 22, 23, 31, 47-79)¹²⁴. Объясняя свои материалы, лингвист вернулся к гипотезе А.П. Окладникова, отнеся пратунгусо-маньчжуров к неолиту Прибайкалья (и, возможно, Забайкалья), где они с одной стороны соседствовали с прасамодийцами Обь-Енисейского региона, а с дру-

¹²⁴ Книга рассматривает языковые отношения на протяжении всей их истории. Для человека, привыкшего работать с хронологией, значимость выделения нескольких временных пластов заимствований (от сверхдревних до самых новых) (Аникин, Хелимский, 2007. С. 35, 36 и Словарь) не требует пояснений.

Нельзя не отметить благородство помыслов и дел Александра Евгеньевича Аникина, разделившего и завершившего труд рано ушедшего товарища.

гой — с прамонголами Восточной Монголии. Характерная гидронимика позволила даже заключить, что выйдя с запада к Енисею, прасамодийцы уже застали там пратунгусо-маньчжуров и затем продвигались вдоль реки на север частично через их земли. В целом прародина тунгусо-маньчжуров, по мнению Е.А. Хелимского, могла охватывать огромные сопредельные пространства Средней и Восточной Сибири. Распространение же тунгусо-маньчжурских языков на Дальнем Востоке от Охотского побережья до Маньчжурии объясняется однонаправленными и относящимися к гуннской эпохе переселениями из очерченных регионов Восточной Сибири.

Однако историко-лингвистические изыскания, прямо не зависящие от сравнения лексических данных, приводят к иным результатам, отторгая от предполагаемой тунгусо-маньчжурской прародины юг Восточной Сибири. Изучение фонологических систем сибирских языков экспериментально-фонетическими методами новосибирской школы В.М. Наделяева привело исследователей ко вполне определенному выводу: «Фонетические, а также морфологические и лексические данные свидетельствуют — вопреки широко распространенной “алтайской” теории о генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков — о существовании в регионе южного Прибайкалья и Забайкалья очень древнего *лингвистического* союза, обусловленного доалтайским субстратом. Внутри него выделяется группа языков *циркумбайкальского* ареала как более новое образование (I-XII вв. н.э.), сложившееся в результате длительных, хотя и одновременных контактов части языков “алтайской” группы» (Селютина, 2004. С. 70).

Приведенные лингвистические разработки, связывающие пратунгусо-маньчжурскую речь с определенными землями, древности которых в той или иной мере известны археологической науке, непротиворечивы в интересующем нас здесь частном вопросе. Поскольку в равной мере соотносятся с археологическими данными и тем *лишают всяческой возможности включить жилища с канами в число изначальных и общих признаков культуры ранних тунгусо-маньчжурских народов*. Не только на Среднем Амуре, но и на всем пространстве к западу от него, до самого Енисея, в тайге или степи, не было древних культур, применявших такое отопление.

По-видимому, для полноты картины следует указать и на еще один косвенный довод, возникающий благодаря работам Е.А. Хелимского. Развивая наблюдения И. Футаки, обнаружившего присутствие тунгусо-маньчжуризмов в языке венгров, лингвист предполагает главенство тунгусо-маньчжурского компонента в Аварском каганате (Аникин, Хелимский, 2007. С. 19, 30). Доверяя знаниям языковедов, можно заметить, однако, что с обогреваемыми лежанками Европу, как известно, познакомили монголы в XIII в., а не столь далеко проникшие на запад в VI в.

тунгусо-маньчжуры. Выходит, не знали они тогда подобного устройства. Во всяком случае — на землях Монголии, откуда их изгнали разгромившие Жуаньжуаньский каганат тюрки, преследовавшие побежденных до византийских пределов.

В означенную зону восточносибирских и дальневосточных древностей, лишенных кана, попадает, как мы видели, и верхнее течение Амура, т.е. земли прародины монголоязычных народов.

Остается заключить, что как прамонгольские, так и пратунгусо-маньчжурские *стационарные* жилища, изначально связанные с лесным и горно-таежным населением, были прямоугольными, наиболее вероятно, квадратными землянками и полуземлянками (а с определенного этапа и наземными домами того же плана) с земляными и деревянными нарами вдоль двух или трех стен и открытым очагом в центре.

Приходится думать, что *внутренний обогрев лежанок был привнесен в культуры этих народов со стороны*. Встает вопрос, когда и откуда появились каны у тунгусо-маньчжуров и монголов. Следует по-возможности точно очертить районы былого распространения этого отопительного устройства.

4. Жилища с канами на Нижнем Амуре, в Приморье, в прилегающей Кореи и Маньчжурии

Каны характерны для изучаемой этнографами традиционной культуры народов этих земель: ороков, ульчей, нанайцев, удэгейцев, негидальцев как и для маньчжуров — к югу от среднего течения Амура (Воробьев, 1983. С. 84). Поскольку в летних жилищах амурские народы пользовались открытыми очагами (Попов, 1961. С. 137, 139), в этнографической литературе распространение канов в зимних домах увязывается с многовековым влиянием домостроительства маньчжур и китайцев (Народы Сибири, 1956. С. 784, 798, 821, 835; Долгих, Левин, 1960. С. 340, 341; Попов 1961. С. 139, 140).

Отрицать этого влияния нельзя, как нельзя не заметить и нередко существующих отличий, ибо в тех краях широко «распространилась так называемая "фанза", однако, существенно отличная от китайского типа» (Токарев, 1958. С. 509), именно по облику канов. Сходство с маньчжурской конструкцией также, по-видимому, лишь в планировке: по большей части это П-, но реже и Г-образные лежанки с тремя или двумя жаровыми каналами; на чертежах Л.И. Шренка указан даже один канал (Попов, 1961. С. 139. Табл. V, 4, 6, 9) (ср. схему: Константинова, 1972. Рис. 2). У нанайцев и ульчей кан П-образный, иногда проходит и вдоль четвер-

той стены (Лопатин, 1922. С. 81; Стариков, 1965. С. 685; 1967. С. 65), что вполне самобытно. Обычно утверждается, что в доме ульчей и удэгейцев каналы отапливались по-маньчжурски двумя очагами. В последнем случае лежанки-каналы могут быть первоначально связаны не столько с китайской, сколько с местной традицией прямых нар, устроенных по боковым стенам жилища — зимнего и летнего (те же устройства были у орочей при открытом очаге) (Народы Сибири, 1956. С. 821, 835, 848; Артемьева, 1998. С. 77, 78). В XIX в. именно у ульчей зафиксированы одноочажные П- и Г-образные каналы (Попов, 1961. Табл. V, 4, 6, 9). Существенно также было использование нанайцами Маньчжурии П-образного канала в жилищах-полуземлянках (Бернова, Чебоксаров, Чеснов, 1979. С. 257). Устройство нанайского дощатого канала и особенности его действия см.: (Лопатин, 1922. С. 81, 82. Рис. 15, 16).

О древнем и всеобщем знакомстве с каналом тунгусо-маньчжурских народов Амура свидетельствует и единство терминологии, связанной с этим устройством, — *нагань, накань, нахань, накан, наган* (маньчжуры, негидальцы), *накан, нака, наха* (нанайцы, ульчи, орочи), — и развитая лексика его частей. К этому примыкают нивхское *нах, наки*, южномонгольское *лаха* и китайское *кан*, указывающие на тунгусо-маньчжурский источник заимствования обогреваемых лежанок (Стариков, 1965. С. 676, 685; 1967. С. 66; Константинова, 1972. С. 245, 246).

В интересах дальнейшего изложения сразу обращу здесь внимание на две историко-культурные особенности лексики. Во-первых, этимология тунгусо-маньчжурского наименования канала *на-кан* «земляная лежанка» указывает на исходную форму этого устройства, не связанную с наземным домостроительством, но имеющую отношение к землянкам. Во-вторых, в Приморье названия частей канала еще древнее — они дотунгусские (Бродянский, 2001. С. 345: мнение В.И. Цинциус).

Как полагают, чжурчжэни сложились к первой четверти XI в. в бассейне Сунгари (земли Маньчжурии и бассейна Среднего Амура) на основе племени хэйшуй мохэ (т.е. чернореченских, амурских мохэ), имя которых с этих пор в источниках уже не употребляется (Воробьев, 1975. С. 19-31, 360, 361, карта 1; 1983. С. 25). Состояние изученности чжурчжэньского языка см.: (Певнов, 1997). Объединив огромные разноразличные земли, чжурчжэньская империя Цзинь (1115-1234 гг.) и выделившееся из нее в годы монгольского разгрома краткосрочное государство Восточное Ся (относимое к 1215-1233 или 1217-1234 гг.) хорошо изучены в археологическом отношении на землях российского Приморья¹²⁵.

¹²⁵ Литературу последних лет по археологической медиэвистике российского Дальнего Востока я получал во многом благодаря вниманию, оказываемому мне А.Р. и Н.Г. Артемьевыми.

Согласно письменным источникам, вход чжурчжэньского дома раннего периода (X в.) был направлен на восток (Кычанов, 1997. С. 159; Воробьев, 1983. С. 25), но иногда указывалось и юго-восточное, и южное направление (Кычанов, 1966. С. 273, прим.; Воробьев, 1983. С. 25, 26, 73). В городах Приморья, изученных раскопками, ориентация домов была различной, т.к. соответствовала внутренней планировке поселения, все жилища были наземными, каркасно-столбовыми и кан был обязательной внутренней частью их устройства.

Чжурчжэньские лежанки-каны китайские авторы считали местной достопримечательностью (Воробьев, 1983. С. 83, 263, 264). Они упомянуты в целом ряде китайских сочинений XII в., начиная с 1120 г. Например, каны следующим образом кратко описаны в «Цзинь чжи» («Сведения о Цзинь», последняя треть XII в.): «На полу сбивался из земли род печи, нагреваемой [огнем] снизу; на ней спали, ели и жили». Другой южносунский источник XII в., охватывая период 1116-1161 гг., дополняет картину, указывая на П-образную форму кана и языковую принадлежность самого применяемого нами термина: «Вокруг помещения [внутри] устраивается земляная постель. Под ней разводят огонь. На этой постели спят, едят, занимаются повседневными делами. Называется она [по-чжурчжэньски] кан. Используется ради тепла» (Воробьев, 1983. С. 25, 26)¹²⁶.

Хотя одновременно с Г-образными прямые отапливаемые лежанки, снабженные одним каналом, реконструированы в Северной Корее уже для периода IV-VII вв. (Джарылгасинова, 1972. С. 126), кан, проходящий вдоль одной или двух противоположных стен, некоторые востоковеды считают поздней разновидностью (Воробьев, 1983. С. 83). Вероятно, датирующим подтверждением этого наблюдения, будет и распространение подобных форм в городах Золотой Орды, упомянутых выше (раздел 2). Несмотря на то, что такие лежанки изредка встречаются в городах самого государства Цзинь (Артемьева, 1998. Класс V), в целом в раннем средневековье каны Приамурья и Маньчжурии были иными¹²⁷.

Судя по археологическим материалам, именно с распространением государственной культуры чжурчжэней в эпоху Цзинь каны становятся повсеместной системой отопления на северо-востоке Дальнего Востока, включая застенный Китай, в котором они засвидетельствованы письменными источниками уже в 1176 г. (Воробьев, 1983. С. 83). Пятью сто-

¹²⁶ Другой вариант перевода: «Вокруг комнаты устраивается земляная постель, под которой разводят огонь. На этой постели спят, едят и живут. Называется она (по-чжурчжэньски) кан» (Кычанов, 1966. С. 273).

¹²⁷ Привлекать сведения о прямых одноканальных канах в польцевской (ольгинской) культуре Приморья (Андреева, 1977. С. 149-153; Бродянский, 2001. С. 346) я воздерживаюсь из-за неясной для меня сохранности и состояния материала.

летиями позже традиция такого отопления была поддержана и закреплена на этих обширных землях культурой маньчжурского государства Цин (1644-1911 гг.).

К XII — началу XIII вв. каналы от Г-образной формы в большинстве своем преобразовались в П-образные, охватывающие весь периметр однокамерного жилища (рис. 79), появляются даже пятисекционные каналы, двумя коленами протянувшиеся по передней стене к двери. Два дымоходных канала, свойственные ранним конструкциям, нередко заменяются тремя и более, выросла ширина отопляемой лежанки, число топков, а нередко — и дымовыводящих труб. Вместе с тем, изредка продолжают встречаться и архаичные одноканальные каналы (Хорев, 1983; Шавкунов Э.В, 1990. С. 73-80; Артемьева, 1998. С. 61-78. Рис. 4-41, 47-57, 58-66, 69-88, 90-92, 95-97, 99-104, 106-113, 122, 128, 129, 131, 136-149).

Отвлекаясь от разнообразия конструкций, следует сказать, что обычный чжурчжэньский кан XII-XIII вв. — это искусственно созданная над перекрытыми камнем или кирпичом жаропроводящими каналами зем-

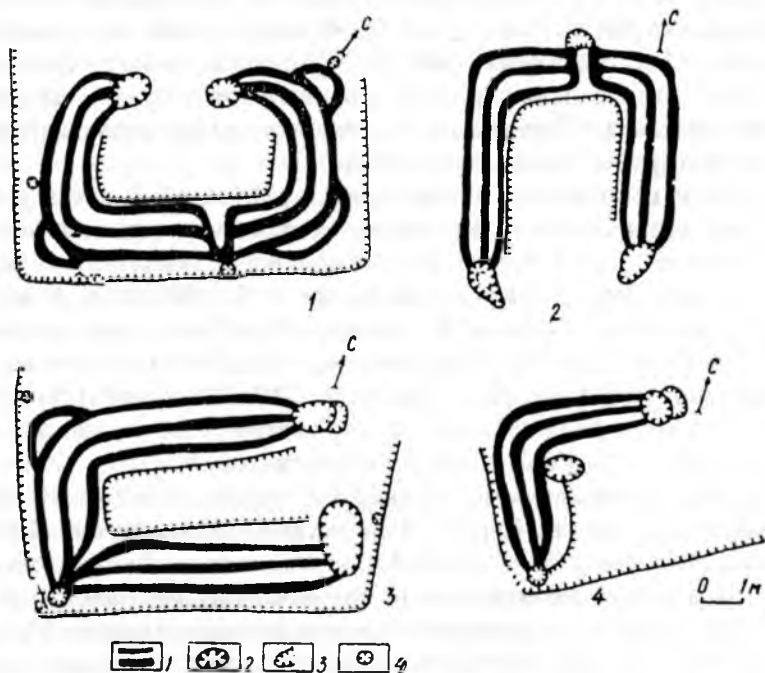

Рис. 79. Чжурчжэни. Ананьевское городище. Типы канов наземных жилищ. По В.А. Хореву (1983. С. 88)

Fig. 79. The Jurchens. The Ananievskoe fortress. Types of kang in above-ground dwellings

ляная подушка высотой 20-50 см, шириной 70-150 см и длиной от 1 до 4 м. Сохранение в городах другой, архаичной формы отапливаемой лежанки, в виде земляной ступени, полученной при углублении пола жилища (Артемьева, 1998. С. 62), имеет большое значение для осознания нами исходных условий такого отопления и его первоначальной связи с землянками.

Неоднократно высказанное мнение, что распространение кана вызвало в Приморье и Приамурье переход к наземным каркасным жилищам, не кажется мне доказательным. Выше показано, что в монголоязычной среде к старому интерьеру с каном было приспособлено даже обустройство такого нового и своеобразного переносного жилища, как войлочная юрта, со сменой среды обитания заимствованная монголами у степных тюркоязычных народов. Существенно, что согласно «Цинь ши» (составленной в 1344 г.), чжурчжэни поначалу традиционно «копали в земле [яму], обшивали деревом, сверху засыпали землей. Летом вылезали и жили везде, где была вода и трава. Зимой залезали в [землянки] и там оставались». Когда же «начали строить жилища правильной конструкции [т.е. имевшие стены и крышу]», «люди называли их нагэли», т.е., по предположению М.В. Воробьева (1983. С. 25), словом, одного корня с *наган* «лежанка». Тунгусо-маньчжурская этимология этого слова, как помним, «земляная лежанка». Тем самым, интерьер наземных домов чжурчжэней восходил к устройству жилых землянок.

Созданные из плитняка Г-образные двухканальные каны, нехарактерные для средневекового Приморья, встречены в серии раскопанных жилищ верхнего слоя Ауровского городища, изучаемого в бассейне р. Арсеньевки (Даубихэ) к северо-востоку от Владивостока. Материалы относятся ко второй половине X — началу XI в.¹²⁸, содержат многие черты поздней бохайской культуры, однако, не могут быть отнесены к ней из-за местной специфики (Шавкунов В.Э., 2001; Шавкунов В.Э., Гельман, 2002). Эти данные свидетельствуют, что картина распространения канов на рубеже II тыс. н.э. была довольно многообразной.

В предшествующее время государство Бохай (698-926 гг.) объединило народы Северной Кореи, Маньчжурии, Приамурья и Приморья. Основными в стране были два типа жилищ: полуземлянки и наземные дома. По-прежнему господствовали полуземлянки без канов, что связано с преемственностью домостроительства от культуры мохэ. На раннем этапе (VIII в.) оба типа жилищ отапливались лишь очагом, размещенном

¹²⁸ Взгляды специалистов на датировку слоя менялись с ходом раскопок и обработки керамики: границы, полученные на предшествующем раскопе, по вещам были определены концом IX-X вв., а по особенностям домостроительства и в целом — серединой X в. (Шавкунов В.Э., 2001 С. 174, 177). Период X-XII вв. один из самых темных в археологии Приморья.

ближе к выходу, на позднем — в наземных жилищах применялись каны, составленные из камня и пришедшие, как полагают, с распространением самих наземных зданий под влиянием когурёсцев, у которых они и были заимствованы бохайцами (Шавкунов Э.В., 2001. С. 14). В Восточной столице бохайцев Дунцзинчэне в одном из изученных дворцово-административных зданий ширина кана достигала 3 м, а длина — 15 м (Воробьев, 1983. С. 83).

Действительно, каны отмечаются как обычное отопительное устройство городских жителей IV-VII вв. древнекорейского государства Когурё (37 г. до н.э. — 668 г. н.э.) — и знати, и простолюдинов. Об этом свидетельствуют раскопки на городищах (включая горные крепости V-VII вв.) и указания «Тан шу»: «Простолюдины в середине зимы делают длинные нары, отапливаемые для теплоты» (Бичурин, 1950б. С. 100; Воробьев, 1961. С. 93; 1983. С. 26; Джарылгасинова, 1972. С. 124-126; Hayashi, 1984. P. 63). Как и в прилегающих районах Маньчжурии, в Северной Корее отапливаемая лежанка располагалась вдоль одной из стен или, как это было у гуннов, вдоль двух, Г-образно. Одновременно с наземными жилищами рядовым жильем служила полуземлянка, бытующая на Корейском полуострове с неолита до XVIII в. (Джарылгасинова, 1972. С. 126; Воробьев, 1961. С. 11-18, 36, 37, 39, 46).

Конструкция жаровых каналов бохайских канов знает две разновидности: прорытых в земле и выстроенных из плоских камней (Шавкунов Э.В., 2001. С. 13, 14). Обогреваемые лежанки отмечаются трех видов: П- и Г-образные и прямые, снабженные одним или двумя, а прямые иногда и тремя дымоходными каналами (Бохай, 1994. С. 75-78, 80. Рис. 6, 6, 7; Артемьева, 1998. Рис. 134). Работы последних лет среди бохайских жилищ выделяют и полуземлянки с Г-образным одноканальным каном. Намечается относительная хронология жилищ с канами разных типов (Шавкунов Э.В., 2001. С. 174). В целом создается впечатление, что в этом обществе, взятом обобщенно, распространились и развивались все разновидности дымоходного отопления, сложившиеся к тому времени к востоку от Большого Хингана. Чжурчжэни в дальнейшем, как мы видели, обогатили бохайское наследие.

Археология Дальнего Востока предоставляет возможность существенно углубить во времени истоки отапливаемых лежанок. Средний слой Ауровского городища, в керамическом материале отразивший сосуществование трех раннесредневековых археологических культур, сохранил наземные дома середины I тыс. н.э. с весьма архаичным обогревательным устройством — одноканальным Г-образным каном. Принципиально сопоставимая с гуннскими канами, эта конструкция восходит к еще более ранней местной традиции (Шавкунов Э.В., 2001;

Шавкунов В.Э., Гельман, 2002. С. 76, 77, 95, 106. Рис. 2), занимавшей Южное Приморье и северо-восток Кореи (Коломиец, 2005. Рис. 93). Корни ее в Приморье непрерывной цепью культур уходят в древность. Так, Г-образные каны с выложенным камнями жаровым каналом применялись на заре средневековья носителями польцевской (ольгинской) культуры IV-VII вв. н.э. На ее памятниках известны и земляные (глиняные) каны (Артемьева, 1998. С. 85, 87; Медведев, 2007. С. 492; Деревянко А.П., Медведев, 2008. С. 25).

Вполне сформировавшиеся Г-образные одноканальные каны были обнаружены на поселениях кроуновской культуры Приморья, в целом одновременной известной культуре центральноазиатских гуннов и относимой по аналогиям в гуннских памятниках и в материалах Маньчжурии к III в. до н.э. — I в. н.э.¹²⁹ Каналы этих канов бывали перекрыты плоско уложенными и обрамлялись поставленными на ребро камнями (рис. 80), но иногда одной стенкой им служил земляной борт жилых котлованов, а второй формовался из глины. Ориентация входов кроуновских жилищ различна: они направлены на север (Окладников, Бродянский, 1979. С. 6-12. Рис. 3, 4, 6), юг или восток (Деревянко А.П., Медведев, 2008. С. 21, 22). Учитывая конструкцию отопительных печей, имевших вид прямоугольных каменных ящиков, Д.Л. Бродянский связал само происхождение канов с этой археологической культурой и, следовательно, с дальневосточной традицией отопления (1975. С. 184; 1985. С. 48, 49; 2001. С. 341; Деревянко А.П., Медведев, 2008. Рис. 5).

Высказывалось и другое мнение: каны были уже в готовом виде заимствованы со стороны (Шавкунов Э.В., 1990. С. 87). При этом справедливо отмечалось, что для кроуновской культуры типичны полуземлянки с очагами, и каны не были распространенной системой отопления: они встречались не на каждом поселении, а на тех, где известны, — не в каждом доме. В углубленных жилищах (известны и наземные) прослежены нары, земляные полки-уступы и земляные нары (Бродянский, 2001. С. 341). При всем том, число раскопанных кроуновских жилищ с канами постепенно растет (в Приморье из 40 раскопанных жилищ они найдены в 12), обнаружены не только одноканальные, но и двух- и даже трехканальные дымоходы (Бродянский, 1985. С. 47; 2001. С. 341; Артемьева, 1998. С. 85)¹³⁰. Датировка же культуры под влиянием радиоуглеродной хронологии удревнилась (ныне она — от конца V в. до н.э. до II в. н.э.).

¹²⁹ Предлагалась и иная дата: I в. до н.э. — III в. н.э. (Бохай, 1994. С. 79).

¹³⁰ Столь раннее существование двойных и тройных дымоходов на о. Петрова оспаривается на основании изданной стратиграфической документации (Шавкунов В.Э., 2001. С. 174, 175). Доказательством же служит отсутствие на поселении поздних вещей и найденная в жилище 4 кроуновская керамика (Бродянский, 2001. С. 341).

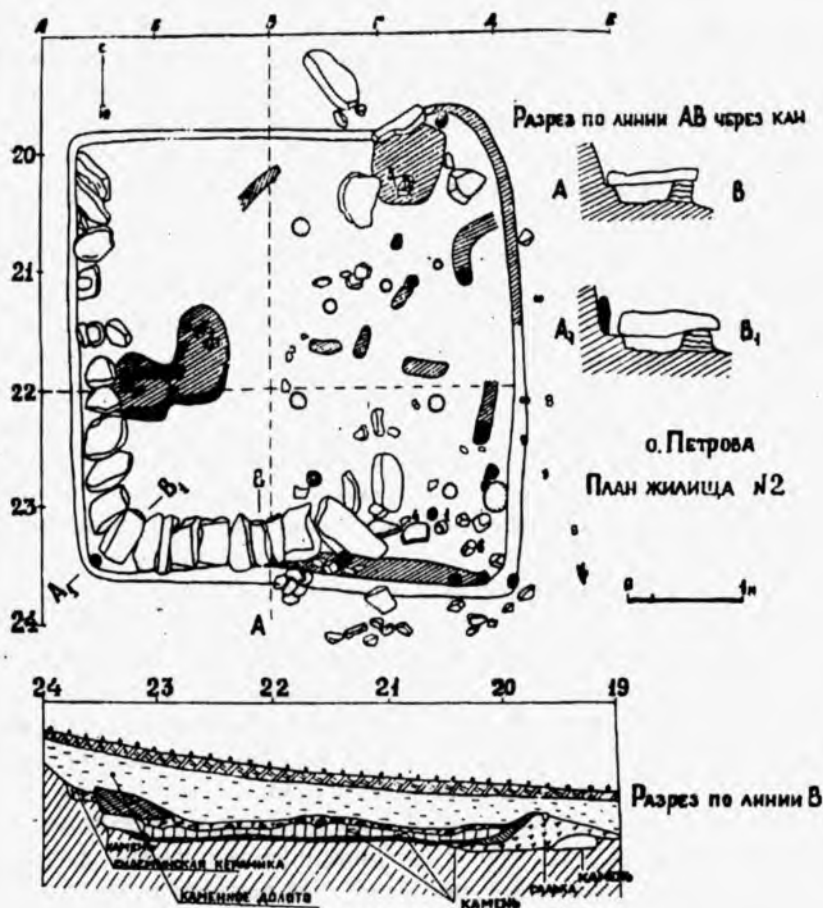

Рис. 80. Кроуновская культура. Приморье, остров Петрова. Жилище № 2 с Г-образным каном. По А.П. Окладникову и В.Д. Бродянскому (1979. Рис. 4)

Fig. 80. The Krounovskaya culture. Primorye, Petrov Island. Dwelling № 2 with a Г-shaped kang

Само поселение Кроуновка ныне относят к IV-III вв. до н.э., а жилища на сопке Булочка — к началу III — первой половине I в. до н.э.

Среди новых материалов (поселение Корсаковка 2) оказалась отапливаемая одним каналом лежанка П-образной формы (Бродянский, 2001. С. 341). Таких не встречено на известных гуннских поселениях. И хотя датировка самого раннего в Приморье П-образного кана оспаривается, раскопки множат факты существования в кроуновской культуре одноканальных П-образных канов: жилища 156 и 196 на поселении Булочка (Медведев, 2007. С. 491; Деревянко А.П., Медведев, 2008. С. 20-22, 25.

Рис. 4), Пьяный ключ (Сидоренко, 2007. С. 20, 21). К тому же выяснено, что такие каналы были свойственны и последующей польцевской культуре (1-я половина I тыс. н.э.), пришедшей со Среднего Амура без канов и воспринявшей их уже на новых для себя землях (Андреева, 1977. С. 147-153). Существенно, что в ряде мест польцевская культура сменила кроуновскую на тех же поселениях (Бродянский, 2001. С. 340, 346; Медведев, 2007; Деревянко А.П., Медведев, 2008).

Выходит, появление П-образных канов в Приамурье и Северной Маньчжурии — результат влияния приморских культур, знавших такие лежанки уже в начале III — первой половине I в. до н.э. В наибольшей степени это влияние оказывалось позднее, уже в бохайское время, что привело к широкому распространению П-образных канов на указанных землях. Видимо, наблюдаемое главенство П-образных канов у монгольских народов — первоначальных обитателей Верхнего Амура, есть следствие тех же процессов. На это указывает и число их каналов, возрастающее со временем в связи с общей тенденцией эпохального развития отапливаемых лежанок на Дальнем Востоке.

Что же касается Г-образных одноканальных канов то они редко, но применялись в культуре гуньтулин. Например, такие обогреваемые лежанки присущи жилищам городища Фэнлинь. Обнаруженные в бассейне Нижней Сунгари, они датируются раскопщиками III-IV вв. н.э. и считаются аналогичными кроуновским. У археологов возникает подозрение о заселении этих мест выходцами из Приморья (Коломиец, 2005. С. 387. Рис. 93; Деревянко А.П., Медведев, 2008. С. 14).

Таким образом, можно заметить, что ныне археологической наукой отмечается два разных культурных региона, использовавших в гуннскую эпоху отопление жилищ этого типа: культура центральноазиатских гуннов, исследованная в Бурятии, и первоначально кроуновская, а затем и воспринявшая от нее каналы польцевской культуры, существовавшие в Приморье. Письменные источники эпохи позволяют дополнить полученную картину лежащей между этими районами Маньчжурией. К ее населению относится упоминание канала в «Хань шу»: «Копают в земле ровик и пускают отопительный огонь» (Воробьев, 1983. С. 26). Форма канала здесь не оговорена, но одноканальный его характер ясен.

В предшествующей культуре раннего железного века Приморья, янковской, вдоль стен иногда прослеживаются нары, но канов насколько известно, не встречено, как нет их и на изученных памятниках бронзовой и неолитической эпох (Сидоренко, 2007. С. 20, 25, 32, 34, 131; Батаршев, Попов, 2008).

Д.Л. Бродянский (1985. С. 47, 49) связывает возникновение канов не только с кроуновской культурой побережья Японского моря, но и с одно-

временными культурами тхэсонри в Корее и верхних слоев сяцзядянь в Маньчжурии¹³¹. Мне думается, что при такой географии и культурной близости памятников вопрос о местном изобретении или заимствовании канов в Приморье не принципиален.

Прослеживая земли ранних канов и соотнося их с теми или иными этнолингвистическими общностями, следует учитывать, что до III-II вв. до н.э. сами когурёсцы обитали вдалеке от моря, в Маньчжурии, к северу и северо-западу от современной Кореи — в верховьях рр. Хунхэ и Ялу (Амноккан) (современные пров. Ляонин и Гирич, КНР). Продвижение их вглубь полуострова происходит лишь в первой половине I тыс. н.э. (Воробьев, 1994. С. 166, 167, карты 1, 3, 4). Речь когурёсцев, судя по уцелевшей в письменных источниках немногочисленной лексике, была ближе к японскому, чем к позднему корейскому, и кардинально отличалась от языков центральной и южной части полуострова, бытовавших в государствах Силла и Пэкче. Одними лингвистами признается, а другими отрицается принадлежность языка когурёсцев к алтайской семье (основную библиографию см.: Blažek, 2009).

5. Отопительные дымоходы, не относящиеся к канам

Необходимо сказать, что на Нижнем Амуре отопительные дымоходы обнаруживаются в глубокой древности: деревянные обмазанные глиной конструкции, отводящие тепло очага («нечто похожее на вытянутые ящики или трубы» или «ящикообразные трубы») были открыты при раскопках жилища 84 на острове Сучу. Округлая в плане большая землянка (13,2 x 15 м, глубиной 2 м) принадлежит к поздне-неолитической вознесенской культуре (сер. III — сер. II тыс. до н.э.) и по радиоуглероду датируется второй четвертью II тыс. до н.э. (Медведев, 2006. С. 193, 194; Деревянко А.П., Молодин, Шунков, 2007. Рис. 7, 8). Углубленные жилища (от 0,6 до 1,5 м) были свойственны не всем неолитическим культурам Приамурья, но уже с VI тыс. до н.э. они обычны для низовьев реки, по преимуществу круглы и, не смотря на различия в устройстве крыши, отличаются значимой для нашей темы общей устойчивой традицией интерьера — земляными уступами-лежанками вдоль стен (Медведев,

¹³¹ Допускаемая при этом возможность продвижения устройств типа канов с запада, с территории Казахстана, основана на смешении двух разных типов отопления: напольного (дальневосточного, о котором идет речь) и подпольного (западноазиатского и казахстаносибирского, известного для шумерской и алакульской культур эпохи бронзы). Это различие специально разобрано Л.Р. Кызласовым при выявлении влияния разных культур на архитектуру гуннского дворца, раскопанного под г. Абаканом (1992. С. 47-49; 2001. С. 84-87).

2005. С. 237, 244, 245, 250, 251, 254, 255. Рис. 61, 1; 2006. С. 191, 193. Рис. 1, 2)¹³².

Мне думается, что, ради классификационной и терминологической точности, не следует считать и называть каналами такие ранние теплоотводы, как на Сучу, поскольку перед нами еще не отапливаемая лежанка и основой обогрева жилья остается не связанный с полами очаг — он размещен в центре дома в стороне от грунтовых нар. Но идея жарового канала, повышающего теплоотдачу очага, здесь уже налицо и, судя по всему, приамурской культурой она достигнута самостоятельно.

В неолитических землянках прибрежных районов северо-востока Кореи (пров. Хамгён-пукто), культурно близких Приморью, впервые обнаруживаются не только очаги в виде простых ям, но и «впоследствии в виде примитивного кана», дымоход которого выложен из нескольких рядов каменных плиток (Сонпхён) (Воробьев, 1961. С. 12, 18, 23, 29, 30)¹³³.

Говорить о непрерывной истории обогревательных каналов в обоих регионах со столь раннего времени, пожалуй, преждевременно, поскольку в отношении эпохи бронзы и раннего железного века этих мест в доступной литературе не удалось отыскать даже таких общих упоминаний интересующего нас вида отопления¹³⁴.

Следует заметить, что самостоятельное изобретение обогревательных каналов отводящих тепло от очага, прослежено для древностей и других регионов Евразии (Кызласов Л.Р., 2001. С. 84-87; 2006. С. 133, 134, 139).

Полезно рассмотреть здесь известную ныне общую картину таких изобретений ради того, чтобы в нашем поиске, вопреки довольно распространенной в литературе традиции, отчленить системы, не принадлежащие к каналам, т.е. не служившие обогреву лежанок, возвышавшихся над полом.

Таковы, прежде всего, рано сложившиеся и широко распространившиеся дымоходы *подпольного* отопления. Возникновение дымовых каналов Л.Р. Кызласовым связывалось с опытом металлургов бронзового века (2006. С. 133, 134), и для раннего появления подпольного отопления вы-

¹³² Неолитические землянки в соседнем ареале палеоазиатских племен лишены земляных лежанок (например, у палеоителъменов: Пономаренко, 2005) (как их нет и в кондонской культуре Нижнего Амура: Медведев, 2006. С. 191, 192), но позднее они отмечены в канчаланской и древнекорякской культурах (Орехов, 2005. С. 347).

¹³³ Указание Л.Л. Викторовой на обнаружение кана в неолите Северной Кореи (1980. С. 194, прим. 5) оказалось во всем неточным: по-другому пишется имя второго автора, статья издана на иных страницах, в ней нет ни слова о кане.

¹³⁴ Говоря о раннем железном веке Северо-Восточного Китая, М.В. Воробьев (1994. С. 94) предположительно указывает на остатки отопительного дымоходного канала, вскрытого на поселении Ляньхуабао (пров. Ляонин).

делялось два самобытных центра: в северных широтах — Центральный Казахстан, в южных — Двуречье. Именно последняя, западноазиатская по происхождению форма в I в. до н.э. на Западе достигла римских, а на Востоке гуннских владений и была применена при строительстве Ташебинского дворца на Енисее (Кызласов Л.Р., 2001. С. 78-87).

Типологически наиболее близкий казахстанскому центру древнейший принцип единственного короткого канала, идущего от очага-тандыра под полом небольшого помещения, характерен для жилищ Отрара по крайней мере от монгольского времени до этнографической современности (рис. 81), захватывая сельские жилища всего среднего течения Сырдарьи (Ерзакович, 1983; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. Рис. 19, 20, 32-35, 45, 47, 54, 56, 82).

Такой обогрев не только отличается от канов Поволжья, Хорезма (Федоров-Давыдов, 1983. С. 220; 1994. С. 75) или собственно монгольских XIII-XIV вв., но и не связан с ними, как и с канами вообще. Поэтому именовать южноказахстанский тип каном незачем¹³⁵.

Его явной отличительной особенностью служит и дымоотводная труба, проходящая внутри стены помещения (часто в его углу). Эта конструкция с большой вероятностью указывает на возникновение тандырных калориферов в однокамерных жилищах (которые, с хозяйственными пристройками, сохранились до современности — Ерзакович, 1983. Рис. 4), т.е. много раньше временного рубежа, прослеженного ныне археологами. С учетом скрытого расположения трубы внутри жилища (что выявляет наследие каминов), тандырное канальное отопление южноказахстанского типа следует, пожалуй, характеризовать не как подпольное, а как подпольно-внутристенное. Характер его не меняется со временем, поскольку с углублением при входе малой части пола (несущей водослив-ташнау), лежанкой-суфою по сути становится пол, приподнятый на всей прочей площади комнаты (рис. 82). О том же говорят факты XVI-XVII вв., когда суфа отсутствует, а тандыр с коротким дымоходом находится в глинобитной вымостке. Подпольная суть отопления ясна археологам Казахстана, нередко оговаривающим: «суфа занимает всю поверхность помещения», «в этом случае поверхность суфы и есть уровень пола», «жилое помещение с суфой на всю площадь» и т.п. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 20, 31).

¹³⁵ Ср. расширительное определение: «Каны — система отопления с очагом и дымоходными каналами, проложенными под полом или в суфе» (Ахинжанов, Ерзакович, 1972. С. 65). Здесь нельзя также следовать и народной речи, согласно Л.Б. Ерзаковичу, применяющей в этом случае слово *кан*, а место у очага зовущей *кан басы* «началом кана» (1983. С. 89, прим. 8). У народа своя систематика (см. натяжки в определении кана, допускаемые в угоду ей автором). Сам термин *кан* в казахском языке явно заимствованный и его история, принуждая искать прототипы на востоке, на деле не соответствует истории изучаемого подпольного отопления долины Сырдарьи.

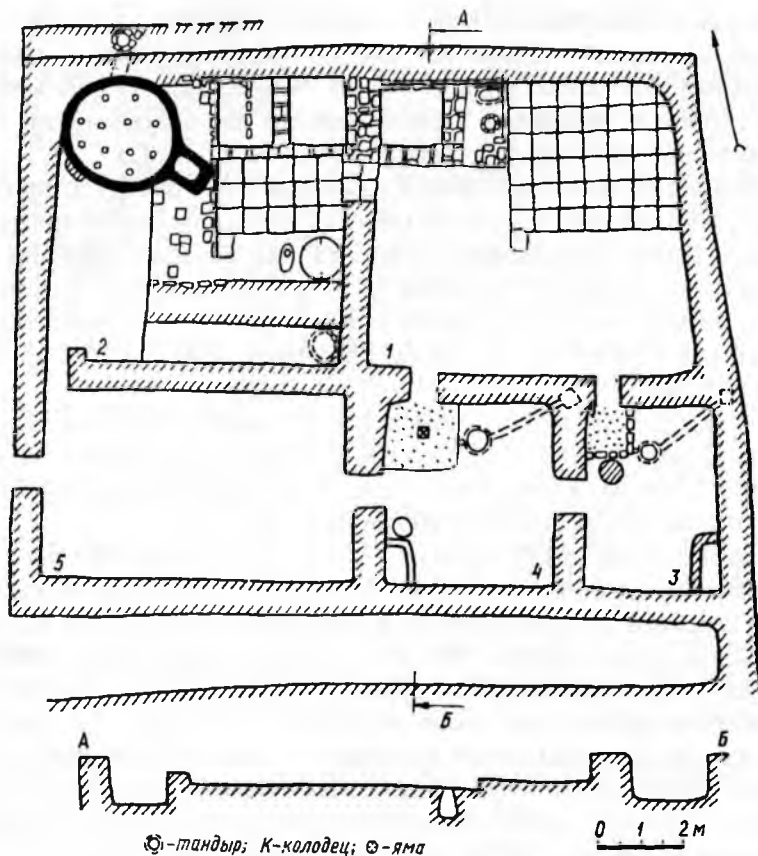

Рис. 81. Отрар. Мастерская 1. Вторая половина XIII – первая половина XIV в. Помещения 3 и 4 – пример тандырного подпольного отопления. По К.А. Акишеву, К.М. Байпакову, Л.Б. Ерзаковичу (1987. Рис. 47)

Fig. 81. The city of Otrar. Workshop 1. Second half of the 13th century – first half of the 14th century. Constructions 3 and 4 – example of a tandyr underground heating system

По публикациям сложно понять, для какого времени исследователи считают тандырный тип каналного обогрева пола («суфы») новшеством: если первоначально такие ранние конструкции в Отраре относили к VII-VIII вв. (Ахинжанов, Ерзакович, 1972. С. 65) и X-XI в. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972. С. 69, 72, 73) (отмечая канал внутри суфы: Ахинжанов, Ерзакович, 1972. С. 65), то в конце 80-х гг. обобщенно называли уже только XIII-XV вв., имея, очевидно, в виду широкое распространение этих устройств в жилищах IV горизонта (последняя треть XIV — вторая половина XV вв.: Акишев, Байпаков, Ерзакович,

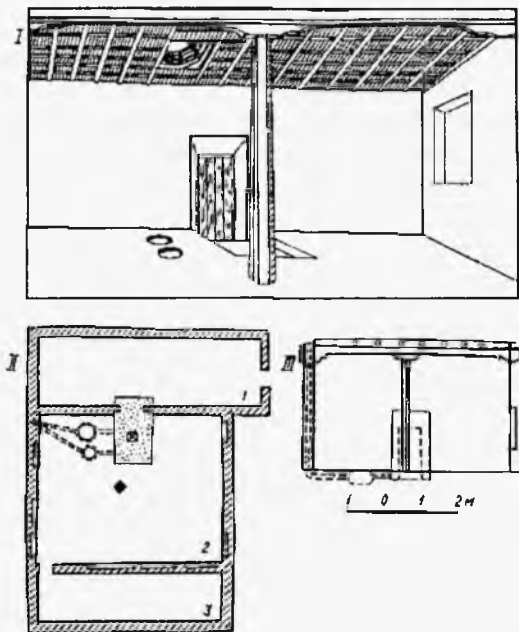

Рис. 82. Традиционное жилище присырдарьинских казахов. XIX в. Интерьер (I) и разрез (III) жилой комнаты, общий план дома (II): 1 – помещение для скота, 2 – жилая комната, 3 – кладовая. По Л.Б. Ерзаковичу (1983. Рис. 4)

Fig. 82. Traditional dwelling of the Kazakhs living along the Syr Darya River. 19th century. Interior (I) and section (III) of a lived-in room, general plan of the dwelling (II): 1 – cattle shed, 2 – lived-in room, 3 – pantry

1987. С. 30, 220; ср. здесь рис. 15 и 19). До этого для них, однако, указывались только вторая половина XIII — первая половина XIV в. (Ерзакович, 1983. С. 82-84) и сообщалось об обнаружении в слоях первой половины XII в. единичного, но подобного устройства в руинах ближайшего к Отрару городища Кайруктобе (Байпаков, 1981. С. 431), а аналогии конструкции находили в присырдарьинских и семиречинских областях с VI в. (Ерзакович, 1983. С. 90)¹³⁶. Для городища Баба-Ата Е.И. Агеева и Т.Н. Сенигова описывают тандыры с подпольным дымоходом в по-

¹³⁶ Авторы (см. также: Ахинжанов, Ерзакович, 1972. С. 65) ссылаются на статью Е.Е. Неразик, из контекста которой, однако, ясно, что речь идет о материалах, близких к VIII в. (1968. С. 204). Связывать их с канами уйгуров Турфана (Ерзакович, 1983. С. 90) нет оснований, поскольку в Приаралье, как и на Средней Сырдарье, отопительные каналы, «проведены не в суфах, а просто под полом».

мещениях 4 и 6 цитадели X-XII вв. и комнатах 10 и 13 в шахристане конца XII — XIII в. Исследовательницы указывают и одновременные аналогии («того же типа каны») (1962. С. 148-149, 158, 161). Однако позднее, обобщающая картину учебная литература вновь отмечает тандыры с дымоходами лишь среди новых городских черт второй половины XIII — первой половины XIV вв. Вопросы происхождения такой отопительной системы не поднимаются (Байпаков, Таймагамбетов, Жумаганбетов, 1993. С. 267). И все же они могут быть поставлены.

Судя по описанию жилищ предшествующего времени, интересующее нас устройство не имеет подобий не только в долинах Сырдарьи, но и в большинстве смежных районов Средней Азии — повсюду в VI — начале XIII в. господствовали открытые очаги и камины (Неразик, 1976. С. 174, 186. Рис. 107, 108). Насколько известно, сами тандыры распространяются в Южном Казахстане лишь во второй половине X в. (Байпаков, 1986. С. 83-88, 148-159), хотя их подобия отмечены в Хорезме в VII-VIII вв. (Неразик, 1976. С. 174, 175). Только в бассейне р. Чу, в Юго-Западном Семиречье, на городище Актобе Степнинское дома уже в X-XI вв. отапливались «тандыровидными очагами» (Неразик, 1976. С. 189), а то и «специальными тандырами с короткими дымоходами, проложенными в суфе и выведенными наружу при помощи вертикального колодца в стене» (Байпаков, 1986. С. 154. Рис. 22, 2)¹³⁷. Таким образом, не приходится сомневаться в появлении здесь связанного с тандырами подпольного отопления задолго до монгольского нашествия. Однако отыскивать его прототип на применявшем каны Востоке (Ахинжанов, Ерзакович, 1972. С. 66), исходя из конструктивных различий, нет оснований.

В монгольское время тандырное канальное отопление распространяется на Хорезм и бытует в нем в позднее средневековье. Однако каны здесь отсутствуют (Неразик, 1976. С. 190, 192).

Здесь следует вернуться к упомянутой в разделе 2 обогреваемой лежанке, открытой в слоях конца VIII — начала IX в. на городище Ак-Бешим на р. Чу. В этом случае не приходится говорить о подпольном отоплении, а топка, устроенная под лежанкой, не относится к открытым очагам-тандырам. Однако обращает на себя внимание, что короткий жаровой канал завершает дымоход, выведенный внутри стены. Такой же вертикальный дымоход, идущий прямо от очага, был устроен и в северо-восточном углу соседнего помещения IV (Жызласов Л.Р., 1959б. С. 217.

¹³⁷ Указание на городище Красная речка, где такая отопительная система отмечена в помещении IX-X вв., видимо, надо снять: в базовой для К.М. Байпакова публикации П.Н. Кожемяко нет упоминания о коротких дымоходах, описаны очаги-камины (1967. С. 85, 86), тот же тип тандыра-камина, представляет, судя по всему, и приводимая фотография (Байпаков, 1986. Рис. 22, 2).

Рис. 15, 4, 46, IV, 11; 2006. С. 305. Рис. 60, 4, 98, IV, 11). Тем самым, есть основания не только возводить вертикальные внутрстенные дымоходы к комнатным очагам каминного типа, но и уже для рубежа VIII-IX вв. отметить перенос традиции их сооружения на обогреваемые лежанки. Соединение двух разных по истокам отопительных приспособлений создало каналы совершенно своеобразного типа (позднее отмечаемого на ордынских городищах). Возникновение этой новой формы, как можно думать, произошло в тюркоязычной среде восточной части Средней Азии. Все сказанное имеет отношение к истории распространения и видоизменения канов, но не к проблеме их происхождения.

Третья известная самобытная традиция отопительных каналов-дымоходов, проходящих не внутри лежанок, а под полом наземных помещений, характерна для Кореи. Она называется *ондоль* и имеет горизонтальные многократно ветвящиеся жаровые каналы, сходящиеся в горизонтальный дымоотвод, соединяющийся в высокую вертикальную трубу за стенами жилища (Джарилгасинова, 1979. С. 220, 224)¹³⁸. Время появления этой системы отопления пока не установлено. Указание В.С. Старикова (1967. С. 66, 67) на прототип ондоля, встреченный в неолите Кореи, вероятно, вызвано неясностью описания в использованном им тексте М.В. Воробьева (возможно, и его корейского источника) и не соответствует мнению самого М.В. Воробьева, пишущего лишь о каналах (1961. С. 12, 23). О ранних (неолит — бронзовый век) прототипах ондоля, упоминает и Р.Ш. Джарилгасинова однако, относящая археологические свидетельства этого ко II-I тыс. до н.э. (1979. С. 217, 220, 221). По данным исследовательницы на Корейском полуострове ондоль становится преобладающей формой отопления, только начиная с XII-XIII вв. При династии Цин ондоль продвинулся в Маньчжурию и Северный Китай, где использовался в домах знати (Стариков, 1967. С. 67). В целом появление ондоля, по мнению Л.Р. Кызласова (2001. С. 86; 2006. С. 192), «скорее всего, произошло в результате вторжения племен с запада».

Для нашей темы важно, что в северной части Кореи в раннем средневековье и в древности отмечают не ондоль, а каналы¹³⁹, происхождение которых, несомненно, связано с углубленными жилищами: землянками и полуземлянками (Джарилгасинова, 1979. С. 221).

¹³⁸ Для полноты картины отмечу, что расположение выводной трубы вне дома характерно не только для жилищ с каналом или ондолом, но было еще недавно известно, например, для землянок Южной Европы — Придунайской Болгарии (Гунчев, 1934, обр. 11-13, 15, 21, 35, 37). Благодарю профессора Эмилия Боева (София) приславшего мне в дар редкое издание Г.С. Гунчева.

¹³⁹ Подобно смешению канов с иными видами подпольного отопления, среди археологов встречается объединение канала и ондоля и даже возведение ондоля к каналу (Артемьева, 2008. С. 12, 13).

6. Ранняя история жилищ с канами

Отыскивая показательные черты связанного с канами жилого интерьера, нам, видимо, следует постоянно помнить, что его многократно проявившаяся в ходе исследования начальная основа — землянка четырехугольного плана со скругленными углами — на Нижнем Амуре и в Приморье не может служить признаком лишь тунгусо-маньчжурской культурной среды. Ибо она восходит к древней палеоазиатской форме дома, сохранившейся на Сахалине до середины XIX в. у нивхов (гиляков), говорящих на древнем, ныне изолированном языке. Для этого палеоазиатского народа характерны и П-образные нары, занимавшие три стены жилища против входа¹⁴⁰. Именно эти дома с очагами были к приходу русских вытеснены на Амуре фанзами с канами по всем четырем стенам (Народы Сибири, 1956. С. 868; Токарев, 1958. С. 514 (рис.), 517, 518; Попов, 1961. С. 139, 153. Табл. IV, 9, 10, XXIII, 4, 5), заимствованными от маньчжуров (Стариков, 1967. С. 66). Однако, как видим, и в этом случае появление кана принципиально не изменило консервативной внутренней планировки жилищ.

Столь поздний пример, по моему мнению, позволяет понять, что распространение обогреваемых лежанок происходило прежде всего в тех культурах, которые издревле имели жилища с земляными или деревянными нарами. Землянки с нарами вдоль стен были характерны не только для некоторых палеоазиатских народов и их предков¹⁴¹, но и для уникальных по языку айнов (Арутюнов, 1965. С. 944).

В целом на примере дальневосточных древностей России заметно, что устройство внутреннего пространства жилища (отмеченного здесь лежанками по периметру) — весьма консервативная и потому основная отличительная бытовая особенность, сохраняющаяся веками даже при изменении геометрической формы самого дома и его отношения к земной поверхности. Возникнув в землянках как простые грунтовые уступы, лежанки видоизменяются в нары разной конструкции вместе с кардинальным изменением типа домостроительства — с возобладанием наземных построек. Эволюция отопительной системы проходит уже внутри давно сложившегося интерьера¹⁴². Следуя логике развития лежанок, отличии-

¹⁴⁰ В литературе встречается иной взгляд, согласно которому, нивхи — рано отделившаяся ветвь тунгусо-маньчжурской группы, испытавшая сильное воздействие палеоазиатского и айнского языков (Бурькин, 1999. С. 45). Для нашей темы это несущественно: будь так, речь пойдет лишь о палеоазиатском культурном субстрате, уцелевшем у нивхов.

¹⁴¹ Возможно, исключая ительменов (см. выше прим. 132). Считают, что они, как айны и нивхи, пришли с юга (Володин, 2001. С. 138-140).

¹⁴² Любой тип очага в истории человечества, разумеется, в конце концов восходит к открытому костру, расположенному в центре однокамерной постройки. Однако этот этап культурогенеза лежит вне пределов нашей темы.

тельной особенностью наземного домостроительства приходится считать только каналы, снабженные дымоходными каналами, сложенными из камня. Тогда появление этой разновидности в землянках будет актом обратного влияния новой формы жилищ на старую.

Этнографами уже высказывалась мысль о том, что прототипом наземного дома с каналом (как и постройки с ондолом) послужили углубленные каркасные жилища: землянки или полужемлянки. Уже 30 лет назад появление канала было отнесено к протокорейско-маньчжурской среде рубежа н.э. (Бернова, Чебоксаров, Чеснов, 1979. С. 257, 260). Произведенный выше обзор дальневосточных древностей позволяет думать, что система отопления, вслед за чжурчжэнями именуемая каналами, складывается в довольно обширной, но вполне определенной культурной зоне, протянувшейся от Корейского полуострова и Восточной Маньчжурии на юге и юго-западе до нижнего течения Амура на севере. С моей точки зрения, известные ныне археологические материалы подкрепляют выделение этой зоны в родину канала, однако, понимаемую культурно-географически, а не этнически и лингвистически (в ту эпоху отнюдь не всюду занятую носителями тунгусо-маньчжурских или даже вообще алтайских языков). Создавшие канал племена обладали континентальными традициями хозяйства. И время появления отопляемых лежанок следует удревнить — к прославленному гуннов III века до н.э. этот тип отопления в названных землях уже должен был существовать.

Все изложенное создает впечатление, что интерьер с каналом не начался для тунгусо-маньчжурских жилищ. Возможно, он в виде Г-образной лежанки с одним дымоходным каналом пришел в Приморье и Приамурье в гуннскую эпоху с палеоазиатского Юго-Востока. В материальный комплекс, характеризующий сложение и развитие тунгусо-маньчжурской общности с III в. до н.э., археологи Дальнего Востока не вводят жилища с каналами (Дьякова 2008а. С. 63, 64, 67, 68), дотунгусские названия частей канала сохранились, как помним, у нанайцев (Бродянский, 2001. С. 345: мнение В.И. Цинциус). Широкое же распространение лежанок с внутренним дымоходным отоплением, археологически надежно наблюдаемого на обширных пространствах Восточной и Центральной Азии начиная с последних веков до н.э., можно думать, является следующей исторической заслугой уже раннесредневековых тунгусо-маньчжурских народов.

Быть может, следовало бы даже сказать точнее: заслугой не тунгусских, а маньчжурязычных народов раннего средневековья. Учитывая повсеместное применение канала среди восточных и южных носителей тунгусо-маньчжурской языковой группы, а также следя за археологическим развитием «мохэской темы», с ее расчленением культурного раз-

вития на различные варианты и выявленным продвижением на Средний Амур памятников найфельдской и троицкой групп — познакомившихся с канями в Приморье и Маньчжурии, допускаешь мысль о былом расхождении пратунгусо-маньчжурского массива и дальнейшем самостоятельном развитии южан, на землях Северо-Восточного Китая впитавших бытовые достижения прежних их хозяев. Напомню об упомянутой в разделе 3 концепции контактного происхождения средневекового тунгусо-маньчжурского единства, произошедшего в начале I тыс. н.э. с наложением на тунгусские народы Приамурья пришедшей из Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии маньчжуроязычной мохэской волны. Правда, с моей точки зрения, такое единство нельзя считать первичным. И, следовательно, связывать выделение маньчжуров и монголов с распадом единого этнического ядра, наступившим только в III в. до н.э. (Дьякова, 2008б).

Сказанное прежде всего распространяется на Г-образные каньи, но, насколько удастся проследить, начальные этапы исторической судьбы П-образных форм также во многом зависят от тех же культурно-лингвистических сред, поначалу от субстратной для алтайских племен, а затем уже от тунгусо-маньчжурской, в свою очередь передавшей эстафету монголоязычным народам Верхнего Амура. Когда и при каких условиях это произошло, предстоит установить при будущих изысканиях.

Заключение

НОВЫЙ ВИД АЛТАЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Следует признать, что культура гуннов, доступная нашему изучению по своим поселенческим памятникам, в целом принадлежит не к центральноазиатскому, а к крайнему дальневосточному культурному кругу. В нашей литературе давно уже вслед за А.П. Окладниковым именуют эту самобытную историко-культурную общность приморско-маньчжурской или приамурско-маньчжурско-корейской археологической провинцией (Бродянский, 1975). Однако привлеченные к нашей теме материалы позволяют в свою очередь разделить очерченный ареал на две разные культурные части. Верхнее и Среднее Приамурье не связано с наиболее ранней историей канов. К другой части, маньчжуро-корейско-приморской, и принадлежит гуннская культура. Принадлежит как по системе домостроительства и отопления, так и по особенностям хозяйства, на Большом Иволгинском городище среди прочих отраслей знавшего свиноводство и мясное собаководство (Давыдова, 1956. С. 299; 1995. С. 47; Бродянский, 1975. С. 184, 185; 1985. С. 48, 49; 2001. С. 344).

Если это так, *к востоку и юго-востоку от гребней Большого Хинганского хребта следует искать и прародину самих гуннов.*

Вся совокупность рассмотренных материалов позволяет сделать в отношении центральноазиатских гуннов два весьма существенных для нашей темы вывода.

Во-первых, *археологические данные отторгают культурогенез центральноазиатских гуннов от культурогенеза тюркских народов древности.* Присущие достоверно тюркоязычным народам наземные жилища округлых и многоугольных очертаний, как и их шатрово-купольные крыши и открытый очаг в центре, не имеют ничего общего с обликом и обогревом гуннских домов.

Во-вторых, *свидетельства археологической науки отторгают культурогенез центральноазиатских гуннов и от древних тунгусо-маньчжурских и монгольских народов.* Незнавшие канов в изначальной древности и познакомившиеся с ними довольно рано, но под влиянием иных культур, эти народы по облику и обогреву жилищ не могут включаться в былое культурное единство с гуннами.

В итоге произведенный в книге обзор разнородных, прежде всего археологических, источников приводит к необходимости *вывода центральноазиатских гуннов за пределы алтайской гипотезы и алтаистики в целом*. Тем самым, заключение археолога совпадает и несколько расширяет мнение лингвиста: «Можно с уверенностью сказать, что язык сюнну не был ни тюркским, ни монгольским» (Дёрфер, 1986. С. 77).

Древности надежно *сближают гуннов с миром, предшествующим алтайским народам на Дальнем Востоке*. Вероятно, но не только, палеоазиатским. Пока не достает археологических данных, на которые надеялся Э. Пуллиблэнк, нет и причин отвергать его гипотезу о том, что гунны говорили на одном из ныне мертвых языков енисейской семьи (1986). В целом приемлемо и решение Г. Дёрфера, в определенной мере отвечающее этому (1986. С. 77, ср. с. 113): «Вероятно, что речь идет о вымершем изолированном языке (как в случае с угаритским или шумерским языками). Нельзя исключить того, что язык сюнну продолжает жить в современном енисейско-остяцком языке (возможно, лишь в качестве адстрата), но данные, свидетельствующие в пользу этого, или сомнительны, или недостаточны».

Оставим на этом гуннский вопрос. Настал момент ясно осознать, что полученные в ходе исследования результаты далеко выводят нас за его пределы.

Представленный археологический материал позволяет мне сделать и более значимый вывод, поскольку *он не может быть соотнесен с основным положением алтайской гипотезы*. Напротив, основы древнего домостроительства, распадаясь на две принципиально различные группы, выглядят серьезным антиалтаистским свидетельством, отрицающим изначальное единство и родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских культур, их носителей и, следовательно, присущих им языков.

Археология встает на сторону тех языковедов, которые улавливают в близости языков процессы давнего и длительного воздействия изначально разнородных культур, в итоге приведшего к сложению «специфической тюркско-монгольской языковой общности контакционного типа», по своему содержанию не имеющей ничего общего со связями генетическими (Щербак, 1994. С. 184; 2005. С. 157)¹⁴³. Уводя от поздней культурной близости тюркских и монгольских народов, этнографами и историками наших дней относимой к одному хозяйственно-культурному типу, археологические разработки показывают, как с углублением в века убывают черты современного сходства. Тем самым, результат изучения наиболее значимых основ древней материальной культуры вторит алта-

¹⁴³ Тунгусо-маньчжурские языки стоят дальше от тюркских, чем монгольские.

истам, отрицающим генетическое родство языков: «В настоящее время тюркский и монгольский языковые типы весьма схожи; однако, в более ранние периоды эти языки обнаруживают очень различные системы» (Дёрфер, 1972. С. 62).

Поскольку «влияние тюркских языков на монгольские было во много раз сильнее, чем обратное» (Щербак, 1994. С. 149), такое нельзя отнести за счет окраинного контакта двух языковых ареалов. Недостаточным для сложения такой ситуации кажется и неоднократно отмеченное в ранне-средневековых источниках политическое господство тюркоязычной среды над монголоязычной (скажем, зависимость шивэй или киданей от тюрок и уйгуров, отмеченная в источниках). Правдоподобным объяснением представляется только длительное двуязычие народов монгольской группы¹⁴⁴. Наиболее вероятно, что такое двуязычие сложилось в условиях ассимиляции ими предшествующего тюркоязычного населения — ранне-средневековых аборигенов нынешней Монголии и смежных с нею земель. Существенен вывод, полученный филологами-фонетистами при изучении артикуляционно-акустической базы современных монголов — с мнением архелогов и историков совпала даже датировка этого процесса: «халха-монголы центральных аймаков МНР имели древнетюркский субстрат, монголизация которого осуществилась не раньше XI в.» (Наделяев, 1981. С. 15) (См. также: Селютин, 2000. С. 57, 58; 2004. С. 70; 2007. С. 173)¹⁴⁵.

Наслаивание языков, происходившее с расселением прежде лесных верхнеамурских монголоязычных племен в новых для них степных условиях Центральной Азии, в наибольшей мере проясняет социальную природу лексических параллелей, прослеженных во всех тематических разделах и, прежде всего, массовые заимствования природно-географических и хозяйственных тюркских терминов в монгольские языки (Clouston, 1973; Кызласов Л.Р., 1975а; 1992. С. 147-162; Щербак, 1997). Сознательно выдержанная политическая преемственность средневековых монголоязычных государств от предшествующих каганатов тюркоязычных народов привела к восприятию соответствующей лексики, включая титулатуру. Именно «такое смешение неродственных языков когда не остается непроницаемых сфер и когда практически трудно разграничить свое и чужое» (Щербак, 1994. С. 169) возникает при языковой ассимиляции населения. Обратное воздействие — из монгольских языков в тюркские — приобрело значительные масштабы лишь вслед за событиями XIII в. (Щербак, 1994. С. 165-168, 185).

¹⁴⁴ Воистину: «двуязычие лежит в основе теории контактов» (Щербак, 2005. С. 127).

¹⁴⁵ Этот результат был получен уже к концу 70-х гг.: в архиве Л.Р. Кызласова есть запись о встрече с В.М. Наделяевым в Абакане 11 июня 1979 г., во время которой Владимир Михайлович сообщил ему, что халха-монголы — «тюрки по происхождению».

Археологические данные в изученной сфере домостроительства и устройства жилого пространства указывают на значительно большее культурное родство монгольских и тунгусо-маньчжурских народов средневековья. На этих же материалах проясняется и культурная преемственная их связь с корневыми особенностями, присущими памятникам субстратного населения северо-востока Дальнего Востока эпохи центральноазиатских гуннов, начиная со II в. до н.э. Природа этого родства и этих связей нуждается в дальнейшей разработке.

Первоначально едино воспринимавшаяся наукой урало-алтайская языковая общность была затем обоснованно расчленена на две самостоятельных языковых семьи: уральскую и алтайскую. По-видимому, ныне назревает подобное типологическое разделение культурно-генетических корней носителей алтайской языковой семьи на две самостоятельные части. Следовательно, и гипотетического общего алтайского праязыка, видимо, никогда не существовало. Во всяком случае, первичная обособленность тюркской группы от монголо-тунгусской подтверждается не только историко-лингвистическими, но и, как мы видели, историко-культурными, археологическими, данными.

Согласно такой системе взглядов алтайская теория обогащается новым подходом к объяснению единства рассматриваемых ею языков через исторические связи народов, обладавшими этими языками, а алтайская гипотеза их генетического родства, опиравшаяся лишь на лингвистические явления, не только в глазах ряда языковедов, но уже и в глазах археолога, пожалуй, утрачивает общенаучную познавательную ценность.

Поскольку сегодня алтайская проблема вышла за пределы языкознания и распространилась на область археологии, следовало показать принципиальную новизну ситуации. В том и состояла цель этой книги. Средствами археологической науки надлежит теперь проверить и пополнить наиболее глубокую хронологическую часть изложенных мною данных. От правильно поставленной разработки древностей мы вправе получить не только хронологические, но и географические определения, а с ними обоими и наиболее ценное — поэтапно и пространственно определенное историческое развитие и взаимодействие предковых культур алтайских народов. Алтайская проблема в археологии не может найти быстрого решения, но это решение может быть найдено.

Тюркские языки и культуры, длительная история которых ныне может быть освобождена от гипотезы алтайского прародства, заслуживают самостоятельного сравнения с иными языковыми семьями, они приобретают право на сопоставление, независимое от монголо-тунгусо-маньчжурских соответствий.

Напомню, что такие исследования известны старой тюркологии: «Я считаю, — писал, например, Ю. Немец, — что в отношении урало-тюркского языкового родства мы располагаем... явными доказательствами» (1963. С. 127).

Ради постижения изначальной истории и отыскания прародины, тюркскую языковую семью, как мы видели, следует отчленивать от алтайской и, рассматривая самостоятельно, детально заняться лингвистически и археологически той длительной и сложной историей, которая была пройдена наиболее ранними тюркскими народами и их по-настоящему древними предками. Не выпуская из внимания следов тех реальных процессов, которые на разных этапах сближали их с индоевропейскими, финно-угорскими, самодийскими, древнекитайскими, древнемонгольскими и иными по языку народами.

Понятно, что такой подход меняет взгляд на начальные этапы истории тюркских народов, размещение их прародины и ее этнокультурное окружение. Однако смена ориентиров в научных поисках позволяет свести воедино многие весьма существенные, но поныне разрозненные факты лексико-этимологического, археологического, руно-палеографического и историко-культурного свойства. Некоторые аргументы такого рода, изложенные мною ранее, указывают на западноазиатское происхождение тюркоязычных народов (Кызласов И.Л., 1994; 1996; 1998а; 1998б; 1998в; 2000. С. 14; 2005а; 2007б. С. 86-88; 2008а; 2009в; 2010). Вряд ли случайно это вновь сближает мои позиции со сформировавшимся на иной основе мнением Ю. Немета (1963. С. 127, 128), опубликованном еще в 1934 г.

Как выясняется, проблема тюркской прародины прямо не связана не только с алтайской гипотезой, но и с алтайской теорией. И рассматривать ее в дальнейшем придется отдельно.

ЛИТЕРАТУРА

Абсалямов М.Б. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Южной Сибири VII-I вв. до н.э. (типология и хронология). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1978.

Агеева Е.И., Сенигова Т.Н. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 14). Алма-Ата, 1962.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата, 1987.

Аксянова Г.А. Антропология тюркских народов Сибири // Тюркские народы Сибири. М., 2006.

Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб., 2001.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н.э. СПб., 2003.

Алпатов В.М. Алтайская гипотеза или алтайская теория? // Basileus. М., 2007.

Альдербаев М.А., Дадабаев Б.Д. Дом без углов. Алма-Ата, 1986.

Андреев Н.Д., Суник О.П. О проблеме родства алтайских языков и метода ее решения // ВЯ, 1982, № 2.

Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н.э. — VIII в.н.э.). М., 1977.

Аникин А.Е., Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007.

Арапов М.В. Лексика и морфология текстов малого киданьского письма // Забытые системы письма. М., 1982.

Артемов А.Р. Новые исследования города монгольского хана Есунгу в Забайкалье (XIII-XIV вв.) // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001.

Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэнской Приморья (XII-XIII вв.). Владивосток, 1998.

Артемьева Н.Г. Происхождение чжурчжэнской отопительной системы кан и ее эволюция в Поволжье // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов IV Международной археологической конференции. Самара, 2008.

Арутюнов С.А. Айны // Народы Мира. Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965.

Ахинжанов С.М., Ермаков Л.Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. Серия общественная. Алма-Ата, 1972. № 2.

Байпаков К.М. Раскопки городища Куйруктобе // АО 1980 года. М., 1981.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К., Жумаганбетов Т. Археология Казахстана. Алматы, 1993.

Баранов Л.Н. Сооружение и сожжение таштыкского склепа // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировка на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ, 2005, № 2.

Барфилд Т.Дж. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г.н.э.). СПб., 2009.

Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.

Батаршев С.В., Попов А.Н. Памятник Сергеевка-1 на Приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья // АЭАЕ, 2008, № 3.

Бейсенов А.З. Коргантасские погребения конца I тыс. до н.э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Международная конференция. Тезисы докладов. Ч. I. Улан-Удэ, 1996.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Белич И.В. Методологические и методические аспекты исследования *астана* сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы — Омск, 2004.

Бернова А.А., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В. Заключение // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950а.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л., 1950б.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Составители: Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван. Чебоксары, 1960.

Благова Г.Ф. Против архаизации тюркологической и алтаистической терминологии // Народы Азии и Африки, 1970, № 1.

Бобров В.В., Добжанский В.Н. Жилище эпохи железа в предгорьях Салаирского кряжа // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997.

Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Белого Июса на севере Хакасии. СПб., 1998.

Болотин Д.П. Народы и культуры Приамурья в позднем средневековье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Боровкова Л.А. Где и когда гунны вышли на историческую арену (по материалам «Ши цзи») // Общество и государство в Китае. XXI научная конференция. Тезисы докладов. Ч. II. М., 1990.

Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II-I веках до н.э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2001.

Бохай — Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994.

Бродянский Д.Л. Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV-I тысячелетиях до н.э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.

Бродянский Д.Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985.

Бродянский Д.Л. Палеометалл Приморья: итоги и проблемы // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001.

Буров Г.М. Нео-энеолитические полуземлянки Крайнего Северо-Востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.

Бурькин А.А. Судьба прибайкальской теории этногенеза тунгусов в свете новых археологических и этнографических данных // Интеграция археологических и этнографических исследований. М. — Омск, 1999.

Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Пособие для учителей. Абакан, 1996.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Васильев К.В. Рецензия: Л.Н. Гумилёв. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960 // ВДИ, 1961, № 2.

Васильев К.В. «Планы Сражающихся царств». Исследование и переводы. М., 1968.

Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.

Васильев К.В. Древнейший и древний Китай // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.

Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб., 2003.

Васильев Ю.М. Покровская культура Приамурья (IX-XIII вв.) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX-XIII вв. н.э.). Владивосток, 2006.

Вернер Г.К. Палеоазиатские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Воевода М.И., Ромашенко А.Г., Ситникова В.В., Шульгина Е.О., Кобзев В.Ф. Сравнение полиморфизма митохондриальной ДНК пазырыкцев и современного населения Евразии // АЭАЕ, 2000, № 4.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культовых поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М., 1996.

Володин А.П. Мысли о палеоазиатской проблеме // ВЯ, 2001, № 4.

Воробьев М.В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961.

Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.

Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1983.

Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994.

Вяткина К.В. Буряты // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М.-Л., 1956.

Вяткина К.В., Стариков В.С., Чебоксаров Н.Н. Жилище народов Китая. Жилища народов монголоязычной группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

Гаврилова А.А. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопчному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.

Гаджиева Н.З. Актуальные вопросы тюркского сравнительно-исторического языкознания // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I, II. Тбилиси, 1984.

Географический трактат «Истории Хань»: описание 25 округов по северной границе империи. Перевод и комментарии Е.А. Торчинова, М.Е. Ермакова, Ю.Л.Кроля // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005.

Гиндин Л.А., Иванчик А.И. Приск. Комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1994.

Гирфанова А.Х. Ареальная и хронологическая стратификация тунгусо-маньчжурского языкового континуума // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008.

Годовикова Л.Н. Иностранцы писатели XVI века о русском городе // Русский город. Вып. 8. М., 1986.

Гохман И.И. Заключение. Антропология кетов // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Грачев И.А. Боярские писаницы (попытка реконструкции профанного смысла изображений) // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998.

Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа, 1929, № 11.

Грязнов М.П. Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 7-8.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

Грязнов М.П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА, вып. 100. М., 1965а.

Грязнов М.П. О кельтеминарском доме // Новое в советской археологии. М., 1965б.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.

Гунчев Гунчо Ст. Уземните къщи в Дунавска България. София, 1934 (Отд. отд. из Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Кн. XXX. 14).

Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // АЭАЕ, 2007, № 2.

Давыдова А.В. Иволгинское городище // СА, т. XXV. М., 1956.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб., 1995.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб., 1996.

Давыдова А.В., Миняев С.С. Комплекс археологических памятников у села Дурёны. СПб., 2003.

Давыдова А.В., Миняев С.С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб., 2008.

Даржа В.К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003.

Дворниченко В.В., Демиденко С.В., Демиденко Ю.В. Набор пряжек из погребения знатного сарматского воина в могильнике Кривая Лука VIII // Проблемы современной археологии. Сб. памяти В.А. Башилова. М., 2008.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск, 1976.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. К проблеме преобразования культур поздней фазы древности на юге Приморья // АЭАЕ, 2008, № 3.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В. Междисциплинарные исследования Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН за последнее десятилетие // РА, 2005, № 5.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В. Институт археологии и этнографии СО РАН: основные результаты научной деятельности в области археологии // АЭАЕ, 2007, № 2.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск, 1981.

Дёрфер Г. Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? // ВЯ, 1972, № 3.

Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.

Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы. К этнической истории корейцев. М., 1972.

Джарылгасинова Р.Ш. Жилище корейцев // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

Дискуссия — В Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // ВДИ, 1962. № 3.

Дмитриев С.В. Древнекитайская градостроительная теория по данным Као гун цзи // Общество и государство в Китае: 34 научная конференция. М., 2004.

Дмитриев С.В. Материалы А.С. Морозовой по традиционному жилищу туркмен-иомудов // Полевые этнографические исследования.

Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2009.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Дмитриева Л.В. Этимологии географических аппелятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. Л., 1984.

Добродомов И.Г. Типы поселений. Историческая эволюция // СИГТЯ. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.

Добродомов И.Г. Типы поселений ранних тюрков. Историческая эволюция // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008.

Долгих Б.О., Левин М.Г. Народы Сибири // Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960.

Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994.

Дробышев Ю.И. Природопользование и восприятие природы у хунну // Восток, 2005, № 1.

Дронова Т.И., Истомин К.В. Межэтническое взаимодействие в Печорском крае: ненцы, русские (устыцилы) и коми-ижемцы // ЭО, 2003, № 5.

ДТС — Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л., 1969.

Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Географические названия. Вопросы географии. Сборник 58. М., 1962.

Дульзон А.П. Топонимы Средней Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР, 1965, № 5, сер. обществ. наук, вып. 2.

Думан Л.И. Внешнеполитические связи Китая с сянну в I-III вв. // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.

Дыбо А.В. О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков // СИГТЯ. Лексика. М., 1997.

Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков // СИГТЯ. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006а. (Разделы «Пратюркский и самодийский» (с. 783-786) и «Пратюркский и праенисейский» (с. 786-789) изданы также: Дыбо А.В. О некоторых языковых контактах пратюркского и раннетюркского периода // Тюркские языки: проблемы и исследования. Горно-Алтайск, 2006).

Дыбо А.В. Заключение // СИГТЯ. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006б.

Дыбо А.В. Материальный быт. Жилище // СИГТЯ. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006в.

- Дыбо А.В. Еще раз о языке сюнну // V Всероссийский съезд востоковедов «Восток в исторических судьбах народов России». Кн. 2. Уфа, 2006г.
- Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007а.
- Дыбо А.В. Тюрко-тохарская контактная лексика // Аспекты алтайского языкознания. М., 2007б.
- Дыбо А.В. Материальный быт ранних тюрков. Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008а.
- Дыбо А.В. Заимствования в словаре Махмуда Кашгарского из языков Синьцзяна // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева. Вып. III. М., 2008б.
- Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (4-10 вв.). М., 1984.
- Дьякова О.В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР (источники, реконструкции, интерпретации) // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987.
- Дьякова О.В. О корреляции раннесредневековых культур Приамурья // Материальная культура Востока. Ч. II. М., 1988.
- Дьякова О.В. Средневековые культуры Северо-Восточного Китая, Приморья и Приамурья: соотношение и формирование (по материалам керамического производства) // Общество и государство в Китае: XXI научная конференция. Тезисы докладов. Ч. II. М., 1990.
- Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). Ч. I-III. Владивосток, 1993.
- Дьякова О.В. Тунгусо-маньчжуры: этническая история и этногенез в археологических и этнографических ретроспекциях // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008а.
- Дьякова О.В. Происхождение тунгусо-маньчжуров как результат миграционных процессов в Азии // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов IV Международной археологической конференции. Самара, 2008б.
- Дьякова О.В. Военное зодчество центрального Сихотэ-Алиня в древности и средневековье. М., 2009.
- Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
- Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница // СА, 1965, № 3.
- Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М., 1976.
- Дэвлет М.А. Новая Боярская писаница // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментариев и приложения В.С. Таскина. М., 1979.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА, № 24. М., 1952.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копёны // Труды Государственного Исторического музея. Вып. XI. М., 1940.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) // Поволжье в средние века. М., 1970.

Егоров В.Л., Жуковская Н.Л. Жилища населения Монгольской Народной Республики // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

Ерзакович Л.Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

Ермаков М.Е. Династия Хань перед угрозой извне (из докладов Цзя И трону). Введение, переводы, заключение // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005.

Ефремов С.А. Курганы I пол. VIII в. н.э. у с. Иня Алтайского края // Палеоэтнология Сибири. Тезисы докладов. Иркутск, 1990.

Зайберт В.Ф. Складывание энеолитической ботайской культуры в Северном Казахстане // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985.

Захариева Е.И. Археологическое дерево как исторический источник (Дендрохронология саяно-алтайских курганов VIII-III вв. до н.э.). Автореферат дисс.... канд. ист. наук. Л., 1974.

Захарова И.В., Тенишев Э.Р. Жилище некитайских народов Северного Китая. Жилище народов тюркоязычной группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

Зданович Г.Б. Протогородская культура бронзового века Зауралья как составная часть «степной цивилизации» Евразии // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы Всесоюзной археологической конференции. Ч. I. Кемерово, 1989.

Зубов А.А. Новая интерпретация роли «гейдельбергского человека» в эволюции рода Номо // ЭО, 2001, № 1.

Зяблин Л.П. Архитектура курганов чаатаса Гришкин Лог // Новое в советской археологии. М., 1965.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н., Успенский Б.А. Предисловие. Кеты, их язык, культура, история // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.

История — История Железной империи. Перевод и комментарии Л.В. Тюрюминой. Новосибирск, 2007.

- Итс Р.Ф. О каменных изваяниях в Синьцзяне // СЭ, 1958, № 2.
- ИЭХ — Иллюстрированная этнография хакасов. Альбом фотоматериалов Минусинского музея им Н.М. Мартыанова. Абакан, 2004.
- Казакова Е.А. Антропологическое исследование населения мохэской культуры по материалам Троицкого могильника (одонтологический аспект) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008.
- Калинина Т.М. Генеалогии восточноевропейских народов в историческом сознании средневековых арабских писателей // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002. М., 2004.
- Канторович А.Р. Ранний железный век // Археология. Учебное издание. Под ред. акад. В.Л. Янина. М., 2006.
- Каралькин П.И. Жилище в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.-Л., 1960.
- Карцов В.Г., Быконя Г.Ф. Новое в быту и культуре хакасов в середине XIX в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9. М.-Л., 1949.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Киселев С.В. Доклад о древних городах Монголии на заседании Отделения исторических наук АН СССР 29 мая 1956 г. // Вестник АН СССР, 1956, № 10.
- Киселев С.В. Древние города Монголии // СА, 1957, № 2.
- Киселев С.В. Древние города Забайкалья // СА, 1958, № 4.
- Киселев С.В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // СА, 1961, № 4.
- Киселев С.В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М., 1965.
- Киселёв С.В., Кызласов Л.Р., Евтюхова Л.А., Мерперт Н.Я., Левашёва В.П. Древнемонгольские города. М., 1965.
- Киселев С.В., Мерперт Н.Я. Ремесленно-торговые кварталы Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
- Клоусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории // ВЯ, 1969, № 5.
- Кляшторный С.Г. Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. Баку, 1980, № 3.
- Кляшторный С.Г. Гунны на Востоке // История татар с древнейших времен. В 7 томах. Т. I. Казань, 2002.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М., 1982.

Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V-III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Ковалев А.А. Происхождение хунну согласно данным археологии и истории // Европа — Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002 (в издании опечатка — «Ковалев А.В.»).

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Сибири. Свердловск, 1988.

Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Кол Ф.Л. Модели трансформации культуры: от оседлых земледельцев к скотоводам (Триполье и курганные культуры) // РА, 2004, № 4.

Коломиец С.А. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Кондратьева М.И. О юртообразных зданиях Внешней Монголии (К истории монгольской архитектуры) // СЭ, 1935, № 3.

Коновалов П.Б. Раскопки в Ильмовой пади // АО 1972 года. М., 1973.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976а.

Коновалов П.Б. Окончание раскопок хуннского кургана в Ильмовой пади // АО 1975 года. М., 1976б.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л., 1980.

Константинова О.А. Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Кормушин И.В. Алтайские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008.

Кормушин И.В., Пюрбеев Г.Ц. Предисловие // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Хуннская культура Забайкалья // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонительное зодчество. М., 1988.

Крадин Н.П. Народная архитектура якутов // Архитектурное наследство. Сборник 37. М., 1990.

Крамарев А.И. Планировка могильников (взаиморасположение курганов) и внутрикурганная планиграфия в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневожья // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.

Красниенко С.В., Краснолуцкий С.А. Поселения Назаровской котловины (предварительный культурно-хронологический анализ) // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998.

Красниенко С.В., Субботин А.В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1997 (2-е изд. — 1999).

Кроль Ю.Л. Жизнь и научно-педагогическая деятельность Бориса Ивановича Панкратова (1982-1979) // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. СПб., 1998.

Кроль Ю.Л. Отношение империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005а.

Кроль Ю.Л. Географический трактат «Истории Хань». Исследование // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005б.

Крюков М.В. Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II-I тысячелетия до н.э. // Этнонимы. М., 1970.

Крюков М.В. Древнее жилище народов Китая // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

Крюков М.В. Китай // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.

Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Новосибирск, 1979а.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979б.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986.
- Кузьменков Е.А. Киданьский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.
- Кузьмин Н.Ю. Курган у деревни Новомихайловка // Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V-III вв. до н.э. СПб., 1994.
- Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры (Опыт реконструкции) // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988.
- Куликов И.В., Нефедова М.В., Шульгина Е.О., Губина М.А., Пилипенко А.С., Дамба Л.Д., Кобзев В.Ф., Воевода М.И., Ромащенко А.Г. Палеогенетические исследования останков носителей пазырыкской культуры IV-II вв. до н.э. // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск, 2006.
- Кумеев В.М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово, 1989.
- Курочкин Г.Н. Золотые изделия из Большого Новоселовского кургана // КСИА, вып. 196. М., 1989.
- Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб., 1993.
- Кызласов И.Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X-XIV вв. (Свод археологических источников СССР. Вып. ЕЗ-18). М., 1983.
- Кызласов И.Л. Семантика тагарского кургана // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1987.
- Кызласов И.Л. Воплощения Вселенной. Археологические памятники как объект палеоастрономии // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI. М., 1989.
- Кызласов И.Л. Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай. Ответ оппонентам // ЭО, 1992, № 2.
- Кызласов И.Л. Письменные свидетельства евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И.Л. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему // РА, 1995, № 2.
- Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // РА, 1996, № 3.
- Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА, 1998а, № 1.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА, 1998б, № 2.

Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // ЭО, 1998в, № 4.

Кызласов И.Л. Руническая эпиграфика древних болгар. I. Кубанские надписи на двух сосудах // ТА, 2000, № 1-2.

Кызласов И.Л. Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003а.

Кызласов И.Л. Отличительные особенности рунической письменности Тувинской котловины // Письменное наследие тюрков. Кызыл, 2003б.

Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М. — Самара, 2005а.

Кызласов И.Л. О связях курганной и поселенческой археологии Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005б.

Кызласов И.Л. Своеобразие гуннской степи в глазах историка и археолога // Учение Льва Гумилёва и современные народы Евразии. VI Международной евразийский научный форум. Астана, 2007а.

Кызласов И.Л. Тюркские каганаты // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М. — Уфа, 2007б.

Кызласов И.Л. Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II. Казань, 2007в.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. [V]. Древнетюркские обиталища // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008а.

Кызласов И.Л. Новые поиски в алтаистике. I. Разработки лингвистов-тюркологов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7. Горно-Алтайск, 2008б.

Кызласов И.Л. Алтайская проблема в свете археологии // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008в.

Кызласов И.Л. К уяснению самобытности гуннского общества: исторические и археологические особенности // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Владивосток, 2008г.

Кызласов И.Л. Археологический взгляд на алтайскую проблему // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008д.

Кызласов И.Л. Археологическая критика алтайской гипотезы // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008е.

Кызласов И.Л. К происхождению пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул, 2008ж.

Кызласов И.Л. Археологический взгляд на проблему первоначального единства алтайских народов // Еуразияшылдык едеасы контексіндегі Қазақстан тұркітануы: мәселері мен болашағы. Астана, 2009а.

Кызласов И.Л. Новые поиски в алтаистике. II. Археологические разработки // Древности Сибири и Центральной Азии. № 1-2 (13-14). Горно-Алтайск, 2009б.

Кызласов И.Л. Два этапа пратюркокого культурогенеза // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. М., 2009в.

Кызласов И.Л. К основам изучения тюркских народов древности // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди (Труды Маргианской экспедиции). СПб., 2010.

Кызласов Л.Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве // СЭ, 1952, № 2.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха (I в. до н. э. — V в. н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.

Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ, историко-филологическая серия, 1958, № 4.

Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА, 1959а, № 3.

Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. II. М., 1959б.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960а.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА, 1960б, № 3.

Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. // УЗ ХакНИИЯЛИ. Вып. VIII. Абакан, 1960в.

Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (VI-VIII вв.) // ВМУ, историко-филологическая серия, 1960г, № 1.

Кызласов Л.Р. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ, серия IX, история, 1964, № 4.

Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА, 1965а, №3.

Кызласов Л.Р. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города. М., 1965б.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969а.

Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. К 70-летию А.П. Смирнова / МИА, № 169. М., 1969б.

Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975а.

Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975б.

Кызласов Л.Р. Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975в.

Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА, 1977, № 2.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979.

Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII-X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981а.

Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX-X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981б.

Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981в.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984а.

Кызласов Л.Р. Древнехакассские курганы с остатками сооружений на столбах // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984б.

Кызласов Л.Р. Этнонимы *хаас* и *хасха* в хакасском // Советская тюркология, Баку, 1990, № 5.

Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.

Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1993.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ, серия 8, история, 1998а, № 3.

Кызласов Л.Р. Города гуннов // ТА, 1998б, № 2 (3).

Кызласов Л.Р. Первогорода древней Сибири (бронзовый и ранний железный век) // ВМУ, серия 8, история, 1999а. № 3.

Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА, 1999б, № 2.

Кызласов Л.Р. Города гуннов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999в.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001.

Кызласов Л.Р. Клад земледельческих орудий с надписями XIII в. на Верхнем Енисее // Древности Алтая. № 8. Горно-Алтайск, 2002.

Кызласов Л.Р. Мировоззрение сибирских татар в XVI в. (Погребение Ермака) // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск, 2004.

Кызласов Л.Р. Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // ВМУ, серия 8, история, 2005, № 2.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М., 2006.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Работы в Хакасии и Туве // АО 1982 года. М., 1984.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новые материалы о происхождении культуры чаатас // АО 1983 года. М., 1985.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Шлаковые могилы — новый вид памятников тагарской культуры // АО 1985 года. М., 1987.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Раскопки в горах Хакасии // АО 1986 года. М., 1988.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV вв.) // РА, 1994, № 1.

Кызласов Л.Р., Панкова С.В. Татуировки древней мумии из Хакасии (рубж нашей эры) // Сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 62. 2004.

Кычанов Е.И. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.

Кычанов Е.И. Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века (История и культура востока Азии [т. 7]). Новосибирск, 1980.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Кюнер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII-VIII вв. н.э. // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. II. Абакан, 1951.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Левицкая Л.С. Жилище, дом, поселение // СИГТЯ. Лексика. М., 1997а.

Левицкая Л.С. Гончарное дело // СИГТЯ. Лексика. М., 1997б.

Линь Шушань. Предварительное исследование этнической принадлежности илоу // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001.

Липинская В.А. Русское жилище второй половины XIX — начала XX в. // Традиционная народная культура русских. Сборник программ и вопросников для этнографических исследований. Рязань, 1997.

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922.

Лубоцкий А. Кто были жители Гонура и на каком языке они говорили? // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарияниди (Труды Маргианской экспедиции). СПб., 2010.

Лувсандэндэв А. Сяньбийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.

Лукина Н.В., Бардина П.Е. Постройки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. II. Томск, 1994.

Майдар Д., Пюрвеев Д.Б. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.

Макаев Э.А. Рец. на кн.: Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971 // ВЯ, 1973, № 4.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л., 1952.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970.

Маншеев Д.М. Жилище и хозяйственные постройки бурят Восточного Приаянья в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. II. Новосибирск, 2003.

Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // Археологический сборник Государственно-го Эрмитажа. Вып. 25. 1984.

Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб., 1997.

Марсадолов Л.С. Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб., 2003.

Мартин Ф.Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Пер. с нем. Ж.Н. Труфановой. Екатеринбург — Сургут, 2004.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.

Мартынов А.И., Абсалямов М.Б. Тагарские поселения. Красноярск, 1988.

Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифосибирского мира. Кемерово, 1986.

Мартынова Г.С. Таштыкские племена на Кие. Красноярск, 1985.

Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Медведев В.Е. О трансформации жилищ позднего неолита и их причинах (Нижнее Приамурье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII, ч. I. Новосибирск, 2006.

Медведев В.Е. Третий год исследований на поселении Булочка // АО 2005 года. М., 2007.

Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XII, вып. II и III. СПб., 1899.

Миллер Б.К., Оллард Ф., Эрдэнэбатор Д., Ли К. Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод 2 (Монголия, 2002-2005 годы) // Археологические вести, № 15. М., 2008.

Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983.

Миняев С.С. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979.

Миняев С.С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983.

Миняев С.С. К проблеме происхождения сюнну // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985а.

Миняев С.С. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА, вып. 184. 1985б.

Миняев С.С. Исчезнувшие народы. Сюнну // Природа, 1986, № 4.

Миняев С.С. Азиатские аспекты «гуннской проблемы» // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990а.

Миняев С.С. «Сюнну-лечжуань» и проблема ранней истории сюнну // Общество и государство в Китае: XXI научная конференция. Тезисы докладов. Ч. II. М., 1990б.

Миняев С.С. Кочевники Азии и эпоха сюнну // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. СПб., 1994.

Миняев С.С. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА, 2007, № 1.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Молодин В.И. Погребальный комплекс пазырыкской культуры Верх-Кульджин I и проблема современного потепления климата // АЭАЕ, 2000а, № 1.

Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // АЭАЕ, 2000б, № 4.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура и самодийская проблема // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск — Омск, 2001.

Морозов В.М. Позднее средневековье. Поселения и постройки Нижнего и Сургутского Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. I. Томск, 1994.

Мыглан В.О., Слюсаренко И.Ю., Ойдупаа О.Ч., Гаркуша Ю.Н. Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // АЭАЕ, 2006, № 4.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск, 1999.

Мыльников В.П. Технология изготовления погребальных сооружений из дерева // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла. Автореферат дис. ... доктора истор. наук. Новосибирск, 2003.

Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П. Талаканская культура раннего железного века в Западном Приамурье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Наделяев В.М. Теоритическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск, 1981.

Народы КНР // Народы Мира. Этнографические очерки. Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965.

Народы Сибири — Народы Мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М.-Л., 1956.

Насилов Д.М. Об алтайской языковой общности (К истории проблемы) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Насилов Д.М. Алтаистика XIX в. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Насилов Д.М. Люди и природа в зеркале алтайских языков // Basileus. М., 2007.

Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // ВЯ, 1963, № 6.

Неразик Е.Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV-VIII вв. // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Неразник Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IX). М., 1976.

Новгородов И.Н. Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. Казань, 2009а.

Новгородов И.Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. Якутск, 2009б.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. М., 1989.

Норманская Ю.В. Географическая локализация пратюрков по данным флористической лексики. I // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э.Р. Тенишева. М., 2005.

Норманская Ю.В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // СИГТЯ. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.

Норманская Ю.В. Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков // Аспекты компаративистики. 3 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности [РГГУ]. Вып. XIX). М., 2008а.

Норманская Ю.В. Сравнительный лингвистический анализ пратюркского и древнетюркского комплекса вооружения // Урал — Алтай: через века в будущее. Материалы III Всероссийской тюркологической конференции. Т. I. Уфа, 2008б.

Образцы — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Перевел Катанов. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. СПб., 1907.

Овчинникова Б.Б. Семантика древнетюркских оградок в Саяно-Алтае // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильника Аймырлыг // Древности Востока. М., 2004.

Окладников А.П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. М., 1962.

Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // А.П. Окладников. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии / Сибирское отделение РАН. Избранные труды. Новосибирск, 2003.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Древние поселения на острове Петрова // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979.

Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. М., 1983.

Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. [Культовое зодчество]. М., 1986.

Орехов А.А. Модели приморской адаптации Берингоморья и Охотоморья (канчаланская и древнекорякская культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Паллас — Петра Симона Палласа, медицины доктора, естественной истории профессора... путешествие по разным местам Российского государства. Перевод Ф. Томанского. Ч. 2, кн. 2. 1870 г. СПб., 1786.

Паллас — Петра Симона Палласа, медицины доктора, естественной истории профессора... путешествие по разным провинциям Российского государства. Перевод В. Зуева. Ч. 3, кн. 1. 1872 и 1773 гг. СПб., 1788.

Пан Т.А. Похоронный обряд у сибинцев // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008.

Панкратов Б.И. Дагурский язык // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. СПб., 1998.

Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.). Абакан, 1958.

Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан, 1982.

Певнов А.М. Чжурчжэньский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.

Певнов А.М. Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // ВЯ, 2008, № 5.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.

Переломов Л.С. Китай в эпоху Лего и Чжаньго // История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.

Пересветов Г.Ю. К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников коргантасского типа // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006.

Платон. Диалоги. М., 1986.

Плетнева Л.М. Генезис традиций в домостроительстве // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. II. Томск, 1994.

Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // АЭАЕ, 2000, № 4.

Пономаренко А.К. Неолит Камчатки: периодизация и основные особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в

древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961.

Потапов Л.П. Хакасы // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М.-Л., 1956а.

Потапов Л.П. Алтайцы // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М.-Л., 1956б.

Потемкина Т.М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005.

Прокофьева Е.Д. Древние жилища на реках Тым и Кеть // СЭ, 1947, № 2.

Пуллиблэнк Э.Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007.

Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста, 2008.

Рассадин В.И. Семантический метод исследования лексики алтайских языков // Российская тюркология, 2010, № 3.

Решетов А.М., Чебоксаровы И.А. и Н.Н., Чеснов Я.В. Жилище неких тайских народов Южного и Юго-Западного Китая // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М. 1979.

Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? (К проблеме родства алтайских языков) // ВЯ, 1974, № 2.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л., 1962.

Рудникова Е.В. «Дотунгусская проблема» в этнолингвистических исследованиях // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008.

Рудов Л.Н. Кидани // Дальний Восток. М., 1961.

Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.

Санжеев Г.Д. В.Л. Котвич — пионер нового направления в алтаистике // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. М., 1975.

Свешникова О.С. Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930-1950-х гг. Омск, 2009.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

Селютина И.Я. Консонантные фонологические системы в тюркских языках Южной Сибири // Алтайская филология. Горно-Алтайск, 2000.

Селютина И.Я. Фонетика тюркских языков Сибири как историко-лингвистический источник // Тюркология. Туркистан, 2004, № 2.

Селютина И.Я. Фонетические процессы в языках народов Сибири как результат языковых взаимодействий // Аспекты алтайского языкознания. М., 2007.

Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае (По материалам Пазырыкских курганов) // СА, т. XXVI, 1956.

Сидоренко Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток, 2007.

Сидоренко Е.В. К вопросу о культурогенезе палеоазиатов (по материалам лидовской культуры) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008.

Симоновская Л.В. Складывание феодальных отношений в III-VI веках // История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.

Смирнова О.В., Турубанова С.А. Изменение видового состава и распространения ключевых видов деревьев (эдификаторов) лесного пояса с конца плейстоцена до позднего голоцена // Восточноевропейские леса. История в голоцене и современность. Кн. 1. М., 2004.

Соколова З.П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // СЭ, 1991, № 4.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири. Опыт типологии. М., 1998.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа, т. X. Л., 1969.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 22. 1981.

Стальсберг А. Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и древней Русью в эпоху викингов. Возможности и ограничения археологического изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001.

Стариков В.С. Тунгусо-маньчжурские народы // Народы Мира. Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965.

Стариков В.С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967.

Стариков В.С. Жилище народов Китая. Жилища народов тунгусо-маньчжурской группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

Стариков В.С. Прозаические и стихотворные тексты малого киданьского письма XI-XII вв. // Забытые системы письма. М., 1982.

Стариков В.С., Надеяев В.М. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма // Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М., 1964.

Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.

Субботин А.В. Новые данные о поселениях Красноярской степи // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998.

Султанбаева К.И. Научное творчество Н.Ф. Катанова как источник развития этнопедагогической мысли // Наследие Н.Ф. Катанова. История и культура тюркских народов Евразии. Доклады и сообщения международного научного семинара. Казань, 2006.

Суник О.П. Тунгусо-маньчжурские языки // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997а.

Суник О.П. Маньчжурский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997б.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979.

Сунь Хун. Мохэ, бохайцы, чжурчжэни // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001.

Сунь Цзиньци. Древние народы Приморья и Приамурья в китайских письменных источниках // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001.

Сухачев Н.Л. Историческая перспектива в индоевропеистике. К проблеме «индоевропейских древностей». СПб., 1994.

Сухачев Н.Л. Возможности комплексного подхода к проблеме общности алтайских языков (предварительная оценка) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Перевод с китайского, комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина, вступительная статья М.В. Крюкова. М., 1972.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. Перевод с китайского, комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М., 1975.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. III. Перевод с китайского, предисловие, комментарий Р.В. Вяткина. М., 1984.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. IV. Перевод с китайского, предисловие, комментарий Р.В. Вяткина. М., 1986.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. V. Перевод с китайского и комментарий Р.В. Вяткина. М., 1987.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI. Перевод с китайского, предисловие, комментарий Р.В. Вяткина. М., 1992.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII. Перевод с китайского, предисловие Р.В. Вяткина, комментарий Р.В. Вяткина и А.Р. Вяткина. М., 1996.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. Перевод с китайского Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, комментарий Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина, А.М. Карапетьянца, вступительная статья Р.В. Вяткина. М., 2002.

Сычев В.Л. Погребальные рельефы Китая I-II вв. н.э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1970.

Сюзюмов А.Л. Некоторые аспекты изучения хантыйского жилища (по этнографическим данным) // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.

Таирова А.Д. Памятники коргантасского типа: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006.

Талько-Гринцевич Ю.Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Русского Географического Общества. Т. I, вып. 2. Иркутск, 1898 (отд. отт., М., 1899).

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973.

Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби // История и культура востока Азии. Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.

Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 1. Сюнну. М., 1989.

Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 2. Цзе. М., 1990.

Тенишев Э.Р. Алтайские языки // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997а.

Тенишев Э.Р. Гуннов язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997б.

Тенишев Э.Р. Воспоминания тюрколога // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева. Вып. III. М., 2008.

Тентиев Ж.Т. Традиционная архитектура номадов в системе понятий *земля — родина — государственность* // Диалог цивилизаций. Вып. III. Бишкек, 2003.

Терехова Н.Н. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае // СА, 1959, № 3.

Тихонов С.Н. Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984.

Тодаева Б.Х. Дагурский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

Токарев С.А., Гурвич И.С. Якуты // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М.-Л., 1956.

Топоров В.Н. Енисейские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Торчинов Е.А. Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005а.

Торчинов Е.А. Проблема «Китай и соседи» в жизнеописаниях Фэн Тана и Янь Аня // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005б.

Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1978.

Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Тугушева Л.Ю. О словосочетании *türk yoçul bodun* в древнетюркских письменных памятниках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986.

- Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М., 1991.
- Туймебаев Ж.К. К ревизии фонетического закона Рамстедта-Пельо // Вопросы тюркской филологии. Вып. VII. М., 2007а.
- Туймебаев Ж.К. Анлаутные губные согласные в алтайских языках // Русский язык в коммуникативном пространстве стран СНГ и Балтии. М., 2007б.
- Туймебаев Ж.К. Теоретические принципы и критерии историко-генетического разграничения тюрко-монгольских лексических параллелей. Автореферат дисс. ...доктора филол. наук. Астана, 2008.
- Тур С.С. Гунны в Средней Азии // 100 лет гуннской археологии. Международная конференция. Тезисы докладов. Ч. I. Улан-Удэ, 1996.
- Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958.
- Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевнический курган XIV века из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Фиельструп Ф. Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии. Т. III, вып. 1. Л., 1926.
- Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
- Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Хорев В.А. О некоторых конструктивных особенностях жилищ Ананьевского городища // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
- Хромова В.В. Западносибирские татары // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М.-Л., 1956.
- Цевээндорж Д. Новые памятники хуннской знати // 100 лет гуннской археологии. Международная конференция. Тезисы докладов. Ч. I. Улан-Удэ, 1996.
- Цинциус В.И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
- Чернопицкий М.П. Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
- Чжунго дабапкэ цюаньшу. Каогусюэ (Энциклопедия Китая. Археология). Пекин-Шанхай. 1986.

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // АЭАЕ, 2000, № 4.

Шавкунов В.Э. Раскопки Ауровского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001.

Шавкунов В.Э., Гельман Е.И. Многослойный памятник Ауровское городище // Актуальные проблемы дальневосточной археологии (Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. XI). Владивосток, 2002.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

Шавкунов Э.В. О слагаемых этноса и культуры Бохая // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки. Этнографические очерки // Труды Томского краевого музея. Т. 4. Томск, 1931.

Шервашидзе И.Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси, 1986.

Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // ВЯ, 1990, № 3.

Шенников А.А. О чувалах и жилых постройках народов Среднего Поволжья // Finno-Ugrica, Казань, 2000, № 1(4).

Шиббаева Ю.А. Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 10. М., 1950.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы Всесоюзной археологической конференции. Ч. II. Кемерово, 1989.

Шульга П.И. Погребальные конструкции скифского времени в долине р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997.

Щербак А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании // ВЯ, 1959, № 6.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Щербак А.М. О ностратических исследованиях с позиции тюрколога // ВЯ, 1984, № 6.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994.

Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. VIII-XIV вв. СПб., 1997.

Щербак А.М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., 2005.

Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М., 2009.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея (Описание Минусинского музея, вып. IV). Минусинск, 1900.

Appelgren-Kivalo H. *Alt-Altäische Kunstdenkmäler*. Helsingfors, 1931.

Blažek V. Koguryo and Altaic // Вопросы филологии. Серия Урало-алтайские исследования. 2009, № 1/УА.

Bunker E.C. Significant changes in iconography and technology among ancient China's north-western pastoral neighbors (IV-I B.C.) // *Bulletin of the Asia Institute*. Vol. 6. Bloomfield Hills. 1993 (1992).

Bunker E.C. *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Stepps*. N.Y., 1997.

Clauson G. Turk, Mongol, Tungus // *Asia Major*. New Series. V. VIII, part 1. London, 1960.

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972.

Clauson G. *Philology and archaeology* // *Antiquity*, 1973, XLII.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva // *Eurasia Antiqua*. Bd. 9. Mainz, 2003.

Davydova A.V. The Ivolga gorodishche // *Acta Archaeologica ASH*. T. 20. Budapest, 1968.

Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // *Central Asiatic Journal*. Vol. XVII, 1973, № 1.

Dybo A., Starostin G. In Defense of the Comparative Method, or the End of the Vovin Controversy // *Аспекты компаративистики. 3 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности [РГГУ]. Вып. XIX)*. М., 2008.

Han Yangling Museum. Beijing, 2006.

Hayashi Toshio. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // *Bulletin of the Ancient Orient Museum*. Tokyo, 1984. Vol. VI.

Hayashi Toshio — Toshio Haeshi. The Role of Sedentary People in the Nomadic States: from the Xiongnu Empire to the Uigur Qaghanate // *Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы*. Алматы, 2004.

Imperial Mausoleums of China. Beijing, 2006.

Lin Meicun. A Survey of the Turkic Cemetery in Little Khonakhai // *Les Sogdiens en Chine*. Paris, 2005.

Martin F.R. *Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur Sibirischer Völker*. Stockholm, 1897.

Pulleyblank E.G. The Chinese name for the Turks // *Journal of the American Oriental Society*, 1965. V. 85, № 2.

Pulleyblank E.G. The name of the Kirghiz // *Central Asiatic Journal*, 1990. V. 34, № 1-2.

Salminen T. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870-1935. Helsinki, 2003.

Sinor D. The establishment and dissolution of the Türk empire // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. N.Y. — Port Chester — Melbourne — Sidney, 1990.

Starostin S., Dybo A., Mudrak O., with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, Boston, 2003.

Tekin T. The Tariat (Terkhin) inscription // *Acta Orientalia ASH*, t. XXXVII, fasc. 1-3, 1983.

Vovin A. The End of the Altaic Controversy // *Central Asiatic Journal*, 2005, 49, fasc. 1.

Wu Yingzhe. A brief discussion on the vowel attachment in the Khidan Small Script // *Вопросы филологии. Серия Урало-алтайские исследования*. 2009, № 1/УА.

Xinjiang Uigurs Autonomous Region Museum. Urumchi, 2006.

Zhao Huachen. The Evolutionary Path from the Shang-Zhou «Centralized Royal Cemetery System» to the Qin-Han «Independent Mausoleum System» // *Chinese Archaeology*. Institute Archaeology of Chinese Academy of Social Sciences Archaeology Publications. V. 7. Beijing, 2007.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск

АО — Археологические открытия

ВДИ — Вестник древней истории

ВМУ — Вестник Московского университета

ВЯ — Вопросы языкознания

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

РА — Российская археология

СА — Советская археология

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков

СЭ — Советская этнография

ТА — Татарская археология. Казань

УЗ ХакНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

ЭО — Этнографическое обозрение

ASH — Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest

ALTAIC STUDIES AND ARCHAEOLOGY (SUMMARY)

The “Altaic language family” is a term used by linguists to refer to three groups of languages of related typology (Turkic, Mongolic and Manchu-Tungus) together with Korean and Japanese while research into these languages is called “Altaic Studies”. There is such comprehensive, diverse and multilayered linguistic evidence of the commonality of these languages that it should be viewed as a proven fact of the validity of the Altaic theory. However, linguists do not agree about the nature of this commonality and the time and location of its origins. Even those like-minded researchers who accept the intrinsic closeness of the languages (the Altaic hypothesis) date the disintegration of the parent language differently — ranging from the beginning of the 2nd century BC to the 1st, 2nd, 3rd or even 10th — 8th millenniums BC or as early as the Paleolithic Age. The undated Altaic period is followed by the “Hunnic” period (starting in the 3rd century BC) which is directly linked to the political history of Central Asia currently in use. We see that Altaic Studies lack their own techniques of both absolute and relative dating of inner processes. Consequently, it is impossible to correlate the reconstructed stages of language development and their links with particular historical events of the pre-literate period with any degree of accuracy or certainty.

Some major linguists have denied the common origins of Altaic languages. They explain their commonalities by their ancient character and the closeness of interaction between peoples. This interaction led to large-scale borrowings of previously uncommon speech elements from one language into another.

Thus, while developing this subject we need to differentiate between the *Altaic theory* and the *Altaic hypothesis*. The need to identify the stages of development over time and space and to explain the current linguistic unity through history gives birth to the *Altaic issue*. As attempts at solving the issue through linguistics led to the formation of two conflicting tendencies it seems relevant to resort to data outside the scope of linguistic theories. When referring to the past this is archaeological evidence above all.

The Altaic hypothesis in Russia has seen some intensive development over recent years. One of the most important objectives is to identify the position of the Turkic and the Proto-Turkic languages taking into consideration the

high degree of their influence on the Mongolic and Manchu-Tungus groups of languages and the fact that their linguistic data from Asian runic inscriptions goes back to earlier times. Comparative historical research published by the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR (presently the Russian Academy of Sciences) since 1984 including a vocabulary study (published in 1997) made it possible to compile a description of the territory and the ancient and primeval culture of the Turkic peoples. However, attempts at finding the ancestral land and tracing the ancient migrations and contacts of the Turkic peoples proved to be totally dependent on theories by historians and linked to political events of the early Middle Ages all the way up to the 10th century. This dependence became obvious in several chapters of the final volume of the series (2006) which limited the options for Proto-Turkic origins to Ordos or the Huns of the Central Asia only. Still no sources for a justified identification of their linguistic affiliation were cited (Chapter 1). Some random vocabulary items preserved in Chinese language writings dating from different periods of time should not be used as a basis for responsible and clear-cut conclusions. The famous saying by the magician Fotu Deng featuring in “Jin shu” does not only date back to a later time (328), which makes it incorrect to use its speech characteristics to refer to the time of the birth of the Hunnic state (the 3rd century BC), but was even originally said in the language of the Jie people who were distinct from the Huns proper in their anthropological type.

Today we are able to correlate the points of the Altaic hypothesis with archaeological evidence. The most ancient remains of definitely Turkic origin have only been found in the Sayan-Altai uplands. Not being indigenous they were brought there in the 2nd — 1st centuries BC and led to the development of new archaeological cultures (the Tashtyk and Shurmak cultures in the middle and upper course of the Yenisei River). In their turn these cultures determined the medieval local development of a number of succeeding cultures: the ancient Khakass culture (ancient Kyrgyz) — the Chaatas; the Tyukhtyaty and Askiz cultures (the 6th — 17th centuries); the Turkic peoples in Tuva — the Chicks (čiks) and the Turks. The Turkic nature of these cultures is proved by their links with the Yenisei runiform writing and by the fact that this medieval cultural basis gave rise to the contemporary Turkic peoples of Southern Siberia.

Apparently the most archaic and stable characteristics of any material culture are evident in the forms of its dwellings. That is why in the search for Proto-Turkic distinctive features close attention was paid to the types of Southern Siberian dwellings (Chapter 2). Three types of stationary above-ground dwellings are known to the ethnography of the indigenous peoples of the Sayan-Altai uplands. They are most fully represented in house construction by the Khakass and go by the names of *tura*, *alachik* and *ib*. Which of these were

familiar to the indigenous cultures of the early Iron Age prior to the advent of the Turkic people and which were introduced by them and were elements of their culture? Our research yielded the following results.

The *tura* dwelling was a square-form timber house with a log frame or pillars with a flat roof and a daub hearth of the fireplace type to the side of the entrance and benches along the walls (Figures 1, 2). The vaulted graves of all archaeological cultures of the early Iron Age in the Sayan-Altai uplands are replicas of such dwellings: the Pazyryk culture in the Altai region (Figures 3–5), the Tagar culture in Khakassia (Figures 6–8), the Uyuk culture in Tuva and north-western Mongolia. Thus, this type of dwelling was characteristic of Pre-Turkic peoples (possibly Samoyeds and Ugriks). With the arrival of the Turkic peoples and the Turkicization of the autochthons the *tura* dwellings were preserved together with other substratum features. Such dwellings existed in Khakassia in the 1st century BC — the 1st century AD as observed in the Tasheba settlement and also in the 1st century BC — 5th century AD as reflected in the Tashtyk vaults (Figures 10–11) and in the Chaatas culture tumuli (the 6th — early 9th century) (Figure 12).

The *alachik* dwelling was a conical pole structure with a hearth in the middle (Figures 13, 14, 16, 17). Traces of such dwellings were unearthed at the sites of settlements dating from the 3rd — the 1st centuries BC. It is probable that the Boyarskaya painting (Khakassia, the 2nd — 1st centuries BC) features an *alachik* (Figure 15). The cult significance of such structures in the wedding rites of the taiga peoples (Figure 18) and a wide ethnographic range of such dwellings in the mountainous areas of Southern Siberia make it possible to consider them Pre-Turkic.

The *ib* dwelling was a square, circular or polygonal construction (Figures 19–21, 23–30, 33, 34, 40). *Ib* dwellings were timber pole (Figure 22, 2) or log cabins (Figures 22, 1, 3, 4) and had bark or birch-tree bark roofing. These dwellings had tall pyramidal roofs of either conical or pyramid shapes. The hearth was in the middle. *Ib* dwellings were familiar to all Turkic peoples of Southern Siberia and to western Buryats (Mongolized Turks) (Figures 31, 32). *Ib* dwellings are depicted on the Boyarskaya paintings (Figures 35–39), were found in the Tashtyk settlement (Figure 41), they were recreated in stone in the tumuli of the Chaatas (Figures 42, 43) the Tyukhtyaty and Askiz cultures (Figure 44). Pillar *ib* dwellings were found in the memorial constructions of the Turks of the 6th — 8th centuries in Tuva (Figures 45, 46). Early medieval Chinese historians wrote about *ib* dwellings in Southern Siberia.

Thus, polygonal structures with pyramidal roofs and a hearth in the middle are the only type of Sayan-Altai dwelling which can be traced to the Turkic newcomers at the start of the Common Era. It was this type of dwelling that served as a prototype for a portable felt yurt (to state the opposite would be errone-

ous). The common forerunner of the stationary (Figures 47, 4, 5) and portable dwellings (Figure 47, 6) was the turluk frame house with faceted or circular wattle walls in one row covered in clay (Figure 47, 2) or in two rows with filling (Figure 47, 3) (their types are familiar to archaeology and ethnography). The turluk forms themselves originated from circular adobe houses (Figure 47, 1). Evidence is found in the etymology of some words in the runic writings: *balyq* — “city”, *balyqdaqy* — “citizen” from *bal* — “sticky clay” (*balyq* referred to clay as late as the 11th century); *toi* or *ton* — “city, residence, camp” from *toi/ton* — “clay”; *toqy-* — “put up, erect (walls)”, initially “to beat, to ram” relates to daub construction. The common root “model out (of clay)” is likely in such verbs as *iap-* — “build, make, create” and *iap-* — “apply, stick”. The word *qurgan* — “regular construction” correlates with the verbs *qur-* — “regulate” and *qur-* — “build, construct”. The same is true for some ancient military words originating from oasis irrigation symbols: *sü bük-* — “gather army” and *sü aq-* — “move army” (the exact meaning of the verb *bük-* is “dam, block” and *aq-* is “flow, run”).

Adobe construction (Figure 47, 1) is typical of treeless areas. The subsequent turluk and pillar stage (Figures 47, 2, 3) is found in forest-steppe zones and the last (pillar and log cabin *stage* — Figures 47, 4, 5) is common in forest-steppe and mountainous taiga. Thus, the evolution of the dwelling types reflects the movement of Turkic peoples through different landscapes from south to north. According to archaeological evidence these migrations had completed by as early as the 3rd — 2nd centuries BC.

The Sayan-Altai tradition of erecting a son’s house to the north of the father’s dwelling is reflected in the layout of the ancient Khakass (Kyrgyz) aristocratic graves of the Chaatas type (Figures 48, 49). However, the same is found in the early Iron Age tumuli in Altai (Figures 50–54), which does not make it possible to consider this characteristic a distinctive feature of ancient Turkic peoples.

Before we come up with a comparison with Proto-Turkic dwellings we need to identify the specifics of the settled culture of the Huns of Central Asia (Chapter 3). Their stationary settlements reflected their land farming and metalworking occupation (Figures 55, 56) and were built according to a regular plan with a dominant southern orientation and were divided into square quarters (Figures 57, 60–63). Doors of both palaces (Figures 58, 59) and ordinary dwellings (Figure 63) all faced the south. The mountainous valleys with Hunnic grave fields (Figures 64, 65) and aristocratic vaults (Figures 66–68) were open to the south. The dominance of the southern orientation was not an influence of China. Cities (Figure 69), imperial (Figure 70) and other graves (Figures 72, 73) and burial grounds (Figure 71) of the Western Han dynasty were orientated from west to east.

The Pre-Turkic house construction culture described in Chapter 2 has no common roots with Hunnic culture as stationary dwellings of the latter were

sunk into the ground (Chapter 4). This type of building is well researched in Buryatia. The Hunnic dwellings were identical in settlements of different character and layout; they were the same in fortified (Figure 63) and non-fortified settlements (the Ivolga and Duryony settlements). The foundation pits of dwellings had the form similar to that of a square (54 foundation pits were excavated in the Ivolga settlement alone) with sides oriented according to the cardinal points. The main element of décor in a dwelling was a Γ -shaped bench — kang running along the northern and western walls of the house (Figures 74–76). There was a heating channel inside every kang. The dwellings were of frame and pillar type with daub or cob brick walls. Archaeology expands on the laconic comments of the Han Dynasty chronicles. According to the Japanese authors, kangs in Hunnic houses were mentioned in “Qian Han shu”. Half-dugouts were common neither to the Chinese nor to the people living in the Sayan-Altai uplands invaded by the Huns.

In the Modern Age it was evident that the kangs were of truly Manchutungus cultural signs as they were typical of the peoples living in the Amur River region and Northern China. However, kangs were also familiar to the later Mongols (the Daurians) and those living in the 13th — 14th centuries. One and the same type of dwelling was used in Mongol cities all across the empire from Transbaikalia to Moldova; these were square frame dwellings without a foundation. Solid clay benches with an inner two-channel heating system ran along the three of the walls (Figure 77). Kangs were used in the Golden Horde houses both in above-ground dwellings and in dugouts. They usually occupied just one or two sides of the Π -shaped benches sometimes with one heating channel inside (Figure 78). The classical Π -shaped kangs existed in Sarai as well. The existence of houses with kangs proves that the Mongols coming to Europe were great in numbers and that there were builders among them. In some Golden Horde cities they preserved the Central Asian form of bricks they built their houses of.

The construction of houses with kangs in the 13th-14th centuries goes back to the settled culture of the Mongol peoples of the ancient times. The issue has not been thoroughly researched by archeologists yet, but even the steppe way of life of the Mongols failed to make them give up the techniques of ancient house construction and the habit of a settled lifestyle. As late as in the 12th century the Mongols constructed wooden benches in the form of kangs in their felt yurtas heated by central open hearths thus preserving the old interior. It is not uncommon to find information on kangs used by the Khitan people in the 10th — 12th centuries. However, we do not have any exact data proving this fact as their settlements and sites have not been unearthed yet. When the Bohai kingdom was conquered some parts of it where kangs were traditionally used were surely integrated into the Khitan empire. It is highly likely that the Bohai people (the Mohe and the Koguryo (Goguryeo)

peoples) came across the kang of the Khitan people and the Northern Chinese. In the search for the Proto-Mongolian kang we need to trace the roots of Π -shaped benches heated through double channels and not just any heated benches. The wide straight kang in round and square houses with conic roofs are still used in Inner Mongolia. It is no coincidence that the under-floor heating of felt yurtas still has a Π -shape and double heating channels.

There is plenty of information on the history of kang used by the Manchu-Tungus peoples of the Amur River region and Primorye. Quadrangular half-dugouts with kang were found in the settlements of the Duchers in the middle course of the Amur River; the Manchurians had Π -shaped kang with 4–5 heating channels while the Chinese had straight kang running along two walls of a house heated by two stoves. Dwellings sunk into the ground were common in the region of the middle course of the Amur River starting from the Neolithic Age until the late Middle Ages. There were no kang in them including the houses of the Mohe people. They were introduced into the culture and they were found in just one of the two types of dwellings of the local groups of the Mohe culture (the indigenous Naifeld culture in the lower course of the Amur River in the 4th — 9th centuries and the introduced Troitskaya culture, the 7th — 12th/13th centuries) as well as in one type of dwelling in the neighboring culture of the Amur Jurchens. The earlier dwellings of the Poltsevskaia culture are also indicative. This culture existed in the middle course of the Amur River in the 8th — 3rd centuries BC and spread to the lower course of the Amur River and Southern Primorye in the 1st — 3rd centuries where it borrowed the idea of Π -shaped kang in the first half of the 1st millennium AD.

The spread of kang in the Amur River region is frequently explained by the Manchurian and Chinese influence. But we should not neglect the difference in the appearance of kang. These were usually of the Π -3-2 type, sometimes Γ -3¹⁴⁶. The kang sometime ran along the fourth wall too in the houses of the Nanais and the Ulichs. The fact that there is common terminology both for kang (*nakan'*, *nakhan'*, *nakan*, *nagan* among the Manchurians and the Negidals, *nakan*, *naka*, *nakha* among the Nanais, the Ulichs and the Orochs) and their parts proves the ancient nature of kang. This also includes the Nivkh *nakh*, *nakh*, the Southern Mongolian *lakha* and the Chinese *kang* — traces of the Manchu-Tungus influence. The words used in Primorye to refer to kang belong to an earlier period of time; they even predate the Manchu-Tungus usage.

The Chinese authors considered the kang of the Jurchens (as the word kang itself) to be truly local and drew attention to their Π -shape. According to the archaeological data, it was the spread of the Jurchen culture that made kang

¹⁴⁶ Further in the text for the sake of brevity the form of the kang is marked by Γ , Π , I and II which reflect their look; the number of kang is given in Arabic numerals.

common in the Far East, including China. By the 12th — 13th centuries the Γ -shaped kang were substituted by the Π -shaped kang with even 5 sections going to the door in two elbows. The two channels were frequently substituted with three and more, the kang become wider; the number of furnaces and channels-smoke ducts became larger (Figure 79). The old single-channel kang were still used. The warm benches in the form of earthen ledges and a sunken floor reveal the initial connection between kang and dugouts.

The half-dugouts and above-ground dwellings were only heated by hearths in the early history of the Bohai kingdom (698 — 926) and kang of three types were used at a later time; they were Π - and Γ -shaped with 1 or 2 heating channels and I- shaped with 3 channels, that is all types of kang used to the east of the Big Khingan Ridge were utilized.

The Γ -1 kang of the Bohai kingdom and the Poltsevskaia culture of the 4th — 7th centuries AD (where the earthen kang were not unfamiliar) goes back to the tradition of the Southern Primorye and the north-east of Korea of the 5th century BC — 2nd century AD (Figure 80). The kang of the Krounovskaya culture dated to the same period of time were more diverse than those of the Huns: the Γ -1-2-3 and Π -types of kang which the Huns lacked. The latter were also common in the Poltsevskaia culture which sometimes succeeded the Krounovskaya culture in the same settlements. In “Han shu” single channel kang of Manchuria were mentioned. The Γ -1 kang were found in the Fenglin settlement of the Gungtuling culture (the Lower Songhua River, the 3rd — 4th centuries). Thus, the origination of the kang is linked with both the Krounovskaya and the Thesonri cultures (Korea) and the Upper Xiajiadian culture (Manchuria) dating from the same historical period. The I- or the Γ -kang were commonly found in the 4th — 7th centuries dwellings in Koguryo discovered during the excavations based on information from “Tang shu”. From the Neolithic Age to the 18th century half-dugout were typical dwellings on the Korean Peninsula. Rudimentary kang were first found there in Neolithic dugouts. No data on this type of heating during the Bronze and early Iron Ages was found. However, it is significant that it was not the under-floor smoke ducts (ondols) indigenous to Korea but the above-floor kang whose origin is traced to semi-recessed dwellings that were used in the northern part of the country in the ancient times and in the early Middle Ages.

In the dwellings of the Yankovskaya culture of Primorye of the early Iron Age there was evidence of benches not kang which were also absent in the Bronze Age sites. However, some heating smoke ducts of the mid 3rd — mid 2nd millenniums BC were discovered in the lower course of the Amur River (Suchu Island); the clay covered wooden structures channeled the heat from the hearth in the circular dugout of the Voznesenskaya culture. The form of the dugout followed the tradition of the 6th millennium BC with earthen beds along the

walls. Still such early structures should not be taken for kangas as they were not heated beds and most of the heating was produced by the hearth in the center of the dwelling. But it seems the idea of the heating channels was local.

Various systems of under-floor heating should not be confused with kangas (for example, the heating channels in Kazakhstan which lead from tandyr stoves to corner pipes similar to fireplaces — Figures 81, 82).

While looking for distinctive founding features of the interior of dwellings where kangas were traditionally used it should not be forgotten that square form dugouts with rounded corners in the lower course of the Amur River and Primorye take their roots in ancient Paleoasiatic houses preserved by the Nivkhs. They typically featured the Π -shaped benches as well. When these houses were supplanted by fanzas with kangas during the Modern Age it did not affect the interior design. There is evidence from Far Eastern artifacts that beds which first originated in dugouts in the form of earthen ledges turned into benches in above-ground dwellings. The evolution of the heating system took place within the established design.

So the available data suggest that kangas were introduced over a vast but quite distinct cultural zone stretching from the Korean Peninsula and Eastern Manchuria to the lower course of the Amur River. It is likely that kangas were not indigenous to the Manchu-Tungus and Mongol dwellings. They might have arrived in Primorye and the Amur River region in their Γ -1 form during the Hunnic period from the Paleoasiatic South-East. The historical credit given to the Manchu-Tungus and Mongol peoples is that they promoted kangas across Eastern, Central and Middle Asia of the medieval times.

One way or another *the archaeological evidence separates the Huns from the cultures of Turkic peoples* making them closer to Manchu-Tungus-Mongol and Paleoasiatic worlds in terms of a significant cultural indicator — the look of their dwellings and the way they were heated. Some significant characteristics of Hunnic economy supported by archaeological evidence also belong to the Far Eastern circle of cultures, namely, pig breeding and breeding dogs for meat, the use of cast iron and bronze alloys of tin and lead. Apparently it is not in Ordos but to the east or south-east of the Big Khingan Ridge that the ancestral homeland of the Huns should be looked for.

A more significant conclusion should be made: *the available archaeological evidence mostly disproves the idea of the initial unity of the Turkic peoples with the Mongols and the Manchu-Tungus*. Archaeology here takes the side of those linguists who see the commonality of the Altaic languages as a result of interaction but not their historical common origins.

The Ural-Altaic linguistic community used to be subdivided by researchers into two independent groups, the Uralic and the Altaic. Now we see signs of potential division of the roots of the Altaic language family into two indepen-

dent parts. The initial isolation of the Turkic group from the Mongol-Tungus group is proved by both historical and linguistic data and archaeological evidence. This approach leads to a different view of the initial stages of the history of the Turkic peoples, the location of their ancestral homeland and its ethno-cultural environment. The Turkic languages and cultures whose long history of development may now be freed from the hypothesis of their Altaic ancestry deserve to be studied on their own and compared with other language families thus acquiring the right to be seen as distinct from the Mongol-Tungus-Manchu correlations.

It is obvious that the issue of the Turkic ancestral land is not directly linked to either the Altaic hypothesis or the Altaic theory. It should be treated on its own in the future.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Алтайская проблема в языкознании	4
ГЛАВА 1. Гуннская тема в пратюркских поисках отечественных лингвистов	8
1. Трудности размещения прародины в Ордосе	10
2. Сложность определения языка гуннов	16
ГЛАВА 2. Пратюркские жилища	32
1. Этимологические ориентиры в рунических надписях.	33
2. Древнетюркское в истории и археологии	36
3. Особенности археологического изучения домостроительства	38
4. Дотюркское домостроительство Саяно-Алтая (бревенчатые прямоугольные жилища-тура)	41
4.1. Материалы пазырыкской культуры Алтая	47
4.2. Материалы уюкской культуры Тувы и Северо-Западной Монголии.	52
4.3. Культовое домостроительство и проблема происхождения пазырыкской и уюкской культур.	54
4.4. Материалы тагарской культуры и переходного этапа на Среднем Енисее.	61
4.5. Существование срубов-тура в раннем средневековье	66
5. Древность жилища-алачик	71
6. Домостроительство, соотносимое с древнетюркским (шатрово-купольные иб).	77
6.1. Материалы раннего железного века Алтая.	89
6.2. Материалы раннего железного века Хакасии.	91
6.3. Материалы средневековья Саяно-Алтая.	98

7. Устройство поминальных комплексов и образы мироздания	105
8. Реконструкция формы и эволюции праторюкских обиталищ	109
9. План могильников и план поселений	116
10. Планировочные и семантические различия города и деревни в древности и средневековье	130
ГЛАВА 3. К уяснению самобытности гуинского общества: исторические и археологические особенности	134
1. Особенности государственного развития	135
2. Особенности пространственной ориентации	147
ГЛАВА 4. Жилища центральноазиатских гуннов и близкие им традиции	165
1. Жилища центральноазиатских гуннов	165
2. Жилища с канами у монголоязычных народов	171
3. Жилища с канами в Приамурье	178
4. Жилища с канами на Нижнем Амуре, в Приморье, в прилегающей Корее и Маньчжурии	186
5. Отопительные дымоходы, не относящиеся к канами	195
6. Ранняя история жилищ с канами	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Новый вид алтайской проблемы	205
Литература	210
Список сокращений	241
Altaic Studies and Archaeology (summary)	242

Научное издание

Кызласов
Игорь Леонидович

АЛТАИСТИКА
И
АРХЕОЛОГИЯ

Редактор	<i>Коркмазов Б.Д.</i>
Верстальщик	<i>Рапоцевич М.В.</i>
Корректор	<i>Семенова С.Э.</i>

Издательство «Институт тюркологии»
105318, Москва, Семеновская пл. 7, корп. 16,
тел/факс: +74953664398

Подписано в печать
Формат 60x90/16. Печ. л. 16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 48.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru

